

С (ГРУЗ)
Г 90

ГРУЗИНСКИЕ народные сказки

грузинские народные сказки

2

**Сказки
и
мифы
народов
востока**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГРУЗИНСКИЕ народные сказки

С(Груз)
Г 90

книга 2

39/662

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1988

ББК 82.3(2)
Г90

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Г. А. ЗОГРАФ,
Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ, С. Ю. НЕКЛУДОВ (секретарь),
Е. С. ПОВИК, Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Б. Л. РИФТИН, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, вступительная статья, примечания
и типологический анализ сюжетов
Т. Д. КУРДОВАНИДЗЕ

Ответственный редактор
А. И. АЛИЕВА

Г 90 **Грузинские народные сказки.** Сост., вступит. статья, примеч. и типолог. анализ сюжетов Т. Д. Курдованидзе. Кн. 2. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

333 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Полная и широкая публикация грузинских народных сказок. Большая часть сказок впервые публикуется на русском языке. Издание сопровождается обширным научным аппаратом. Выпускается в двух книгах.

Г $\frac{4702170000-105}{013(02)-88}$ Без объявления

ББК 82.3(2)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Как мы уже указывали в предисловии к первой книге настоящего сборника «Грузинские народные сказки», этот том серии «Сказки и мифы народов Востока» выходит в свет в двух книгах, что вызвано техническими причинами. Данная, вторая книга состоит из второй половины раздела «Волшебные сказки» и раздела «Новеллистические сказки и народные анекдоты» со всем относящимся к этим текстам научным аппаратом. Пояснительный словарь, списки сокращений и источников, которые относятся ко всем сказкам сборника, включены в обе книги. Завершает книгу сводный указатель сюжетов.

Таким образом, сборник грузинских сказок является одним изданием в двух книгах, с общей, сквозной нумерацией сказок и общим научным аппаратом.

**волшебные
сказки**

73. Охотник и его скакун

Было то или не было — жил пятнадцатилетний паренёк. Собрался он однажды и пошел. Шел, шел, перенел за девять гор и пришел в другую страну.

Проходя через деревню, взглянул к какой-то старушке и говорит ей:

— Прими меня за сына, мать, буду тебе кормильцем.

Обрадовалась старушка:

— Входи, входи, сынок, я бездетная, будешь мне за сына.

У царя той страны были свои охотники. Ходили они на охоту, били дичь, и царь награждал их за это.

Говорит однажды паренёк:

— А что, мать, если и я пойду на охоту?! Неважный я охотник, но все-таки попробую.

— Иди, сынок, — говорит старушка, — но только знай: когда царь откроет оружейную палату, ты увидишь там много сверкающих блеском ружей, но ты на них и не гляди вовсе, а возьми грузинское ружье, что валяется отдельно в углу, — оно тебе лучше послужит.

Пришел паренёк.

И правда, открыл перед ним царь дверь оружейной палаты, а там видимо-невидимо всякого сверкающего блеском оружия. Но даже и не глянул на него паренёк, а взял себе старинное кремневое ружье, саблю и вышел.

Отправились охотники на охоту, и паренёк с ними.

К вечеру собрались охотники вместе, и оказалось, что каждый из них настрелял дичи: кто убил тигра, кто льва, кто косулю или еще там кого, один только паренёк возвратился с пустыми руками.

Подшел он к роднику, напился водицы, перевел дух, взглянул по сторонам и видит — сидит на дереве какая-то птица.

Эта птица крикнула парню сверху:

— Убьешь меня — пожалеешь, не убьешь — все равно пожалеешь.

И вдруг ружье заговорило.

— Стреляй! — велело оно парню.

Выстрелил парень из ружья, птица вспорхнула и обронила одно перышко.

Взял парень то перышко, спрятал в карман и пошел.

Встретился он в пути с другими охотниками, а они над ним подсмеиваются:

— Как же это ты так оплошал?

Пошли они к царю, отдали ему свою добычу.

Спрашивает царь парня:

— Ну, а ты что настрелял?

— Я — ничего, — отвечает парень. — Стрелял в одну птицу, да не убил. Только перышко она обронила.

Велел царь принести ему это перышко. И оказалось оно чудодейственным — могло воскресить мертвеца.

Царь осыпал парня милостями, дал ему много золота.

На другой день опять отправились на охоту. Все поохотились удачно, а парень и на этот раз никого не убил. Другие же охотники столько настреляли дичи, что с трудом волокли свою добычу домой.

Подошел парень к роднику, выпил водицы, перевел дух, глянул по сторонам и видит — сидит на дереве какая-то птица.

И крикнула ему птица сверху:

— Убьешь меня — пожалеешь, не убьешь — все равно пожалеешь.

А ружье велит:

— Стреляй в нее!

Грянул выстрел. Птица взлетела и потеряла яичко.

Явились охотники к царю со своей добычей, и он одарил их подарками.

— А кого же ты убил? — спрашивает царь парня.

— Я, — говорит парень, — стрелял в одну птицу, но она вспорхнула и улетела, только обронила яичко.

С огромной радостью взял у него царь это яичко и спрятал. А парня щедро наградил.

Развеселый, пришел парень домой. И старушка очень обрадовалась, узнав, как щедро одарил его царь.

Позавидовали парню друзья-товарищи и порешили его известить. Но сами убить побоялись, а надумали пойти к царю и сказать ему, чтоб он повелел парню изловить скакуна, который-де в таком-то месте спускается с неба.

И вправду, пошли эти охотники к царю и говорят:

— Всеми достоинствами и богатствами одарил тебя господь, наш повелитель, тебе бы только занять того скакуна, что спускается с неба, и не было бы на всей земле равного тебе царя.

— А кто же мне его приведет? — спрашивает царь.

— Да тот самый парень, — отвечают охотники.

Призвал царь к себе парня и говорит ему:

— Ты должен изловить мне того скакуна, который спускается с неба на таком-то и таком-то поле.

Грустный, вернулся парень домой и поведал своему ружью, какую царь задал ему задачу.

— Ты не робей, — говорит ему ружье. — Скажи, чтоб дали тебе девять килограммов соли, девятипудовый молот, девятикилограммовые удила, тридцать гвоздей, по полтора метра каждый, и девять буйволиных шкур. Пусть все это выполнят, а там дело ностраинное.

Парень пошел и доложил государю, что надобно ему то-то и то-то.

Все так и было выполнено.

Сел парень на коня, повесил на плечо ружье и поехал к тому полю.

Много ли, мало ли он ехал, только подъехал наконец к роднику, возле которого спускался с неба скакун.

Тут парень и прыгнул с коня.

А родник это был такой, что уходил в землю там же, где бил из-под земли.

Перекрыл парень сверху родник девятью буйволиными шкурами и прибил их тридцатью полутораметровыми гвоздями, насыпал на буйволиные шкуры девять килограммов соли и чуточку обрызгал соль водой, а сам отошел в сторону и притаился за кустом.

В полдень, словно камень, пущенный из рогатки, грянул с неба скакун и стал у родника. Увидел он, что родник покрыт сверху шкурами, и начал нетерпеливо бить копытом. Но воды нет как нет. С досады стал он лизать соль, а соль только усилила жажду.

И крикнул тогда скакун:

— Эй, кто ты там, живая душа, только явись сюда и дай мне вдоволь напиться, и я пойду за тобой, куда прикажешь.

Вышел парень из своего укрытия и говорит:

— Дай мне взнуздать тебя.

Взнуздая скакуна, снял с родника буйволиные шкуры и дал животному напиться.

Не успел скакун папиться, как стрелой прынул в небо, но парень-то уже сидел у него на спине.

Как взлетели они вверх, скакун все порывил ударить парня о небо, но парень стукнул его по голове девятипудовым молотом, и тот подался вниз и теперь все порывил ударить парня о землю. Но парень, не будь дурак, стукнул скакуна под брюхо молотом, и тот опять прынул вверх.

После этого стал скакун тянуть вбок, чтобы ударить своего седока об утес, но парень стукнул его молотом в бок и отбросил в другую сторону.

И говорит скакун парню:

— Ничего не поделасшь, подчинил ты меня, теперь я в твоей воле. Я знаю, ты должен отвести меня к царю. У меня девять ангелоподобных жеребят, отдай ты царю лучше их, а я буду твоим. Когда царь спросит, чем одарить тебя, ты скажи ему: «Дай мне этого скакуна». Скажи так, и он отдаст меня тебе.

— Ладно,— ответил парень.

И отправились они домой.

Скакун и впрямь созвал своих жеребят, объявил им, что они отныне принадлежат царю, и все вместе они отправились во дворец.

Привел парень к царю тех девять жеребят и самого скакуна.

— Чем наградить тебя? — спросил парня царь.

А парень в ответ:

— Если вам угодно одарить меня чем-нибудь, то отдайте мне этого скакуна, а дальше мое дело.

— Будь по-твоему,— согласился царь.

Увел парень скакуна к себе домой, а охотники теперь еще больше на него злятся.

Пошли они на другой день к царю и говорят:

— Теперь ты во всем процветаешь. Завладеть бы тебе еще девицей не вданной под солнцем красоты, что живет там-то и там-то, и не сравниться бы с тобой ни одному царю.

— А кто же добудет мне эту красавицу?

— Да тот же наш охотник! — ответили ему.

Призвал к себе царь парня и наказал ему привести ту самую красавицу.

Грустный, вернулся парень домой и говорит своему скакуну: вот такую-то, мол, задал мне царь задачу, что нам теперь делать?

— Ты не тужи,— сказал ему скакун,— а пойди луч-

ше к царю и скажи ему, чтоб он построил такой красивый корабль, какого и свет не видывал.

Пошел парень и говорит царю:

— Надо тебе соорудить такой корабль, чтоб, как взойдет день на него, и сходить обратно на берег не захотелось.

Царь и вправду построил такой корабль.

Взял парень с собой своего скакуна, сели они на корабль и поплыли, а плыть до того острова надо было полтора года. Много ли, мало ли они плыли, доплыли до острова и остались здесь на три месяца.

На этой земле жили негры¹. Там не было красивых растений, и люди приходили полюбоваться на них на корабль.

Вот и говорит однажды не виданная под солнцем красавица своей матери:

— Пойдем и мы посмотрим на то чудо.

Пришли они к кораблю.

Раньше пошла мать, осмотрела корабль и спустилась на берег. Потом поднялась и сама красавица. А парень возьми да и закрой дверь. И тут же подал знак трогаться.

Вышел в море корабль, погнались было за ним негры, да ничего из этого не вышло: не было у них ни корабля, ни лодки.

В дороге парень говорит девушке:

— Я похитил тебя для нашего царя, а не для себя.

А она в ответ:

— Ты увез меня, и, кроме тебя, я ни за кого не хочу замуж.

— Я выполнил свое слово,— говорит ей парень,— а дальше не знаю, мне ли ты будешь принадлежать или царю.

Минуло три года, а они все еще в пути. Царь ждет-пождет, все подданные толпятся на берегу и всматриваются вдаль. Ученые смотрят в бинокли².

Первыми заметили на горизонте корабль ученые и закричали радостно:

— Корабль, корабль приближается!

Но больше всех обрадовался царь.

Подожел корабль к берегу, спустился парень на землю и вручил красавицу царю.

В тот же день пригласил царь видимо-невидимо сельчан и задал свадебный пир.

Увел парень своего скакуна в подвал, привязал там, а сам прилег отдохнуть.

Во дворце свадьба в разгаре, едят, пьют, веселятся, произносят тосты.

Поднялась с места красавица и говорит:

— Разрешите и мне сказать тост³.

— Хоть десять, — отвечает ей царь.

— Почему здесь нет того, кто меня сюда привез? — начала она. — Прежде всего я принадлежу ему, потому что он испытал много мучений. Почему же его здесь нет?

Огляделся царь по сторонам, а парня и вправду не видно. Погнали срочно гонцов, и привели они парня.

Как вошел он, ему сразу уступили место за столом.

Увидев парня, девушка произнесла новый тост:

— Люди добрые, рассудите сами, кому я должна принадлежать по справедливости — царю или этому человеку?

Никто не осмелился проронить слова.

Сам царь ответил красавице. Начал он так:

— Я задам этому парню одну задачу; если он ее выполнит, ты будешь принадлежать ему. Когда на огне закипит большой котел с водой, я перекину через него доску, и вуть он на ней потанцует.

И впрямь, поставили на огонь огромный котел, и, только закипела в нем вода, царь приказал парню: «Танцуй!»

Поднялся парень на доску и стал танцевать.

Царь тихо подкрался, сбил доску, и парень упал в кипяток, да и сварился в нем. А когда в котле остались одни косточки, повелел царь своей челяди выплеснуть из котла воду.

Так слуги и поступили — кости и те не удосужились предать земле.

И снова свадьба пошла своим чередом.

Почуял вещий скакун, что убили его хозяина, заметался в подвале, забил о землю копытами, стал рваться с привязи и ценстоно ржать.

Старушка уже в ту пору подремывала, но шум, поднятый скакуном, разбудил ее. Спустилась она в подвал и спрашивает:

— С чего ты так расходишься, что все крушишь?

И ответил ей скакун:

— Нет больше твоего сына. Возьми мешок, иди на царев огород, туда выбросили его косточки. Если кто тебя спросит: «Что ты тут делаешь?», отвечай: «Я должна собрать кости моего сына, не то опогапят их собаки и свиньи».

Пошла старушка с мешком и начала собирать кости. Собрала все до единой, принесла домой и отдала скакуну.

Скакун приладил косточку к косточке и поводил по ним тем птичьим перышком, что перепало царю на охоте.

Вскочил парень на поги, а скакун ему говорит:

— Иди теперь к царю и скажи: «Я уже потанцевался на котле, а теперь изволь потанцевать ты». Поднимется царь, начнет танцевать. И если давеча он подкрался исподтишка и столкнул доску, чтобы ты упал в кипящую воду, то ты теперь сделай то же самое у всех на виду.

Парень отправился во дворец и вошел прямо в зал, где все еще продолжался свадебный пир.

Увидели его люди и чуть не попадали от удивления: только что, мол, сварился в кипятке — и вои он тут как тут.

Подошел парень к царю и говорит:

— Я уже потанцевал на котле, а теперь изволь потанцевать ты.

Вскипятили котел, поднялся царь на доску и начал танцевать.

Парень подошел к котлу, сбил с него доску, и царь упал в кипяток.

Велел парень предать земле царевы кости. Визиря похоронили царя.

И снова пошла свадьба.

Примчался в это время скакун, запер во дворец все двери, а возле одной стал сам и приказал:

— Выходите!

Так выпустил он по одному всех, оставил только охотников, подошел к ним и говорит:

— Чем вам помешал мой хозяин, почему вы посылали его на верную смерть? — взял да и перебил всех охотников.

После этого парень тот стал царем, и зажили они счастливо.

74. Незнайка

Жил на свете царь, и было у него три сына. У того царя был сад, и росли там какие хотите фруктовые деревья. Стояла в том саду одна яблоня, по плодов ее еще никто не пробовал. Не успевали яблоки поспеть, как кто-

то обирал дерево втихомолку, да так, что садовник и глазом не успевал моргнуть.

И решил царь послать караулить яблоню старшего сына с войском: может, и застукают воришку.

Но дерево и на этот раз обобрали до яблочка.

На другой год послал царь среднего сына, а с ним и все свое войско. Но яблоки все равно разворовали, и никто не заметил, когда и кто это сделал.

На третий год послал царь меньшого сына. Тот не захотел брать с собой войско и отправился в одипочку.

Уселся он на ветку и не смыкает глаз ни днем ни ночью, все туда-сюда поглядывает.

В одну из ночей прилетела неведомая птица. Сорвала одно яблоко, зажала его в лапке, сорвала второе — зажала во второй, а третье сунула в рот.

Потянулся юноша и схватил птицу. Долго бились они друг с другом, но юноша взял верх и полонил ту птицу.

А птица ему и говорит:

— Отпусти меня, царевич, на волю, не дай мне попасть в руки твоего отца. Отец твой захочет казнить тебя, но ты не робей, народ этого не разрешит, а осудят тебя на изгнание. Тогда ступай воп в тот лес и увидишь там мой след, будет тот след похож на плужную борозду. Ступай по этому следу и придешь прямехонько ко мне. А дальше мое дело, как я тебя встречу-привечу, положишь в том на слово мужщины.

Услышав такие речи, юноша отпустил птицу, но только яблоки оставил себе.

Настало утро. Пошел царев сын домой и докладывает отцу:

— Вора я поймал, долго с ним бился, но он вырвался и улетел, а яблоки я у него отобрал.

И говорит ему царь-отец:

— Коли б ты послушался меня и погнал туда наше войско, вору бы не убежать, а теперь ты у меня попляшешь.

И пазначил он суд над своим сыном.

Царь требовал от судей казнить сына, но народ воспротивился. Грех, мол, и позор нам, если мы казним сына своего царя, лучше изгнать его воп, и больше чтоб он не появлялся в нашем царстве.

Так и сделали — присудили ему уйти в другую страну.

Собрался царевич в путь, а народ тем часом приступил к дарю: дай-де ему, государь, с собой хоть денег.

Ведь один срам на нашу голову, если люди спросят его в пути, кто он и откуда, а он, голодный да с пустым карманом, ответит, что он сын такого-то и такого-то царя.

Дал царь сыну денег, и тот пустился в дорогу.

Шел он, шел, дошел до того леса и отыскал приметную тропку, как научила его птица.

Стоял ясный день, но пробирался он с великим трудом — лес был такой густой, что туда и капельки света не попадало.

Наконец вышел юноша на лужок и видит — стоит башня. Он прямехонько к этой башне, а навстречу ему та птица. Кинулись они друг к другу и ну целоваться-обниматься.

Завела его птица в дом и, глядя, обернулась человеком. Давай они шировать на радостях.

Прошло несколько дней, и говорит тот человек юноше: «Пора в дорогу. Помню я твое добро и должен сыскать для тебя такую красавицу, чтоб второй подобной на всем белом свете не нашлось».

Вручил он юноше ключи от всех комнат, но в одну приказал строго-настрого не заходить. Сказав это, обернулся снова птицей, покрылся перьями. Взмахнула птица крыльями и улетела.

Улетела птица, а парень и подумал: «Дай-ка отпущу я эту комнату и гляну хоть одним глазком, что там у него такого, что он не велел мне туда заходить».

Сказано — сделано. Отпер он дверь в ту комнату и что же видит? У одной стены цепями прикованы женщины, и перед ними навалено сено, а у другой стены прикован добрый скакун, и перед ним лежит мясо. Женщины не притрагиваются к сену, а копь — к мясу.

Когда юноша только еще подходил к двери, птица была уже за девятью горами, но только он переступил порог, она почувяла, что дверь отворилась, мигом повернула обратно, и глядь — уже тут как тут.

— На первый раз, — сказала она юноше, — я тебя прощаю, потому что ты подарил мне жизнь, не дал попасть в руки государя. Но не смей повторить того же, не то я тебя убью.

Сказала она эти слова и вновь улетела за красой-девицей для юноши.

Не удержался юноша и снова вошел в ту комнату, мясо положил перед женщинами, а сено отдал коню.

И снова почувяла это птица и живо воротилась назад.

— И на сей раз прощаю тебя, — сказала она юноше, —

ты доверился мне давеча и заслужил этим прощение. Но коли ты опять возьмешься за свое, то пеняй на себя — тут уж тебе не сносить головы.

Сказала и снова улетела искать для юпоши красу-девицу.

И опять не утерпел юноша и в третий раз пошел в ту комнату.

И вдруг конь говорит ему человеческим голосом:

— Если он теперь застанет тебя здесь, то уж не будет тебе никакого спасения. Освободи поскорее этих женщин и меня, надо нам всем скрыться.

Освободил юноша женщин, те мигом кто куда — и пропали из виду. Затем вывел во двор коня, а конь ему и говорит:

— Ступай вон в ту комнату, там увидишь золотое седло, вынеси его и оседлай меня.

Подшел юноша к золотому седлу, взялся за него, но не только поднять его не может, но даже сдвинуть ни на волос. Вернулся к коню:

— Не поднять мне, — говорит, — седла.

А конь в ответ:

— Видишь, падает сверху мутный поток, стань под него, и придет у тебя силы.

Пошел юноша, быстро обмылся, потом забежал в ту комнату, вынес седло и вскочил на коня.

А конь ему:

— Ступай теперь вон в ту комнату, там лежат доспехи этого проклятого, облачись в них побыстрее.

Послушался его юноша, пошел в ту комнату, а доспехи-то ему и с места не сдвинуть.

Тут конь ему говорит:

— Ступай туда, где падает со скалы синяя вода, искупайся в ней, и придет у тебя силы.

Пошел юноша, искупался в той воде, и сил у него изрядно прибыло, а на голове выросли золотые волосы. Вышел он в ту комнату, вооружился и вернулся во двор.

А на этот раз конь сказал ему:

— Видишь ту избу? Там живет мать этого проклятого, если мы не уьем ее, окаянную, она скажет своему сыну, каким путем мы пошли, он нагонит нас и убьет.

Подшел юноша к избе, идул ее погой, она тут же развалилась, а на старухи и дух вон. Вскочил он на коня и пустился в путь.

А птица вскоре возвратилась. И что же она видит? Ни женщины, ни коня, ни седла. Бросилась к своему боевому

оружию, и его тоже нет на месте. Кинулась птица к своей матушке порасспросить ее, куда все разбежались, и видит — изба разрушена, а мать мертвая лежит. Что делать птице, куда податься? Ничего уж тут не поделаешь.

Едет юноша, едет и видит — в одном месте возводят люди крепостную стену. Сложат до половины, задрожит, затрясется земля, и все рассыплется. Никак не могут они возвести стену.

И говорит копь юноше:

— Там, под землей, где строят эту твердыню, привязан мой брат. Как заржет он, земля заходит ходуном, стена и рушится. Ступай и скажи им: «Эту стену я поведу, но пусть будет моим то, что попадется мне под лопату». Если они согласятся, начинай рыть.

Подопел парень к землекопам и говорит:

— Я поведу эту стену, только пусть будет моим то, что попадется мне под лопату.

Землекопы согласились, и юноша начал рыть землю под фундамент. Как дошел до половины глубины, попался ему в земле перстень, он взял его и надел на палец. А когда еще чуть копнул, выскочил из земли копь и метнулся к своему брату.

Наконец кончил юноша копать и говорит землекопам:

— Теперь начинайте строить.

Начали они возводить стену и так довели до конца, что и не рухнуло ничего, и не развалилось.

Сел юноша на копя, а второго копя повел на поводу.

Встретили они в пути стадо и видят среди животных одного толстобрюхого вола.

Говорит копь юноше:

— Купи этого вола, дай им в десять раз большую цену, чем они спросят.

Юноша так и поступил.

Сторговался, купил вола, зарезал его, достал желудок, отмыл хорошенько и нахлобучил на голову, а мясо отдал пастухам.

Двинулись они дальше. Прибыли в одну страну.

Властитель той страны задумал развести фруктовый сад. Сажают, сажают деревья, а они никак не принимаются.

Копь и говорит юноше:

— Иди начинай работать, а если кто с тобой заговорит, ничего не отвечай, только отмахивайся: ничего, мол, не знаю. Как выкопаешь ямы, засыпь их перво-наперво навозом, а там сажай себе любое дерево.

Юноша все так и сделал.

Насадил он целый сад, и все посаженные им деревья зацвели и дали плоды.

Подходят к нему люди и спрашивают:

— Откуда ты?

— Не знаю, — отвечает.

— Как тебя зовут?

— Не знаю.

— Зачем ты пришел сюда?

— Не знаю.

Так все время и отвечал: «Не знаю, не знаю, не знаю».

Доложили царю о причудах Незнайки и о том, какой отменный фруктовый сад он вырастил.

А Незнайка тем временем построил себе в саду лачугу и в ней поселился.

У того царя было три дочери. В один прекрасный день вышли они в сад. Незнайка в ту пору сладко спал, и выбился у него из-под воловьего желудка золотой волосок. Старшие сестры прошли себе вперед, а младшая заметила этот волосок, подошла к Незнайке, сняла с его головы втихомолку воловий желудок и видит — перед ней чудо-молодец, второго такого и не сыскать по всей стране.

Встрепенулся Незнайка, метнул на девушку орлиный взор и сказал ей грозно:

— Смотри, нигде не проговорись об этом, не то убью.

Нагнала девушка своих сестер, погуляли-походили они по саду и отправились домой.

Вскоре один дэв передал повеление тому царю:

— Пришли свою старшую дочь в такое-то место — я должен ее съесть.

Что мог поделаться царь? Послал он свою старшую дочь.

Как узнал про это Незнайка, приволок в свою лачугу бревно, нахлобучил на него, как шапку, воловий желудок, а сам вышел в чистое поле. Только помянул в душе своего коня, тот тут же перед ним вырос. Вскочил юноша на коня и подъехал к месту, куда дэв велел привести царскую дочь. А там был мост.

И говорит конь своему седоку:

— Ты спрячься под мостом, я сам с дэвом справлюсь.

Тут появился дэв, схватились они с конем, и конь убил дэва. А девушка отправилась себе подобра-поздорову восвояси.

Пришла она домой и рассказала царю-отцу об отважном юноше.

А Незнайка прискакал домой, отпустил своего верного коня, а сам снова цахлобучил на голову половий желудок.

Тут второй дэв приказывает царю:

— Пришли мне свою среднюю дочь — я должен ее съесть.

Пригорюнился царь, но что ему было делать? Послал он к дэву среднюю дочь.

Прознал об этом Незнайка, вскочил на своего коня и пустился в путь, а за сторожа в саду оставил то же бревно с напаянным на него воловым желудком.

Вскоре они были возле моста, и конь вступил в борьбу с дэвом. Убил копь и этого дэва.

Царева дочка воротилась к себе домой, а Незнайка поехал своей дорогой. В саду он снова напаял на голову воловий желудок и принялся ждать.

На следующий день третий дэв передал повеление царю:

— Пришли мне свою меньшую дочь, я должен ее съесть.

И царь послал свою меньшую дочь.

Как прослышал об этом Незнайка, в тот же час поспешил на помощь. Да и как он мог не помочь ей! Вышел в поле, кликнул своего коня, и тот тут как тут.

— Теперь, — говорит ему конь, — явится та проклятая птица, а я свяжу ее колдовскими чарами и не смогу с ней тягаться. Бери с собой вместо меня моего братца. Не бойся, ты возьмешь верх, только смотри, когда отрубленная тобой голова заговорит: «Что ты делаешь, человек добрый, или забыл мою давешнюю хлеб-соль?», ты ей ничего не отвечай, а взмахни саблей и разруби голову на четыре части.

Сел юноша на другого коня и пустился в путь. Ступил он на мост, а мост так и трясется, так и ходит из стороны в сторону. Миповали они мост, и копь сразу вступил в бой с птицей. Но птица одомела коня. Тогда рванулся вперед сам юноша, выхватил саблю и отрубил птице голову.

— Что же это ты, человек, старую хлеб-соль не помнишь?! — вскричала голова.

А юноша вместо ответа взмахнул раз-другой саблей, расколел голову на четыре части, а потом говорит царевне:

— Ступай теперь домой, только никому ни слова о моей удали, не то все царство истреблю.

И пошла царица домой. Теперь и вовсе пленил ее сердце Незнайка.

А юноша опять пошел сторожить сад и снова нахлобучил на голову воловий желудок.

В один прекрасный день младшая сестра говорит старшим:

— Не вековать же нам век в девушках, пора и замуж идти.

А старшая ей в ответ:

— Мы не решимся заговорить об этом с отцом, коли хочешь, скажи сама и за себя, и за нас.

Послала меньшая сестра к Незнайке визиря.

— Скажи, — говорит, — садовнику, чтоб сорвал три огурца: один большой, второй поменьше и третий совсем маленький — и чтоб сам их сюда принес.

Пошел визирь в сад и передал все садовнику, как было велено.

— Не знаю, — молвил садовник и сорвал три огурца. Отнес он эти огурцы царевой дочке, а сам сразу же обратно.

Мелыная царица положила эти огурцы на тарелку, воткнула в каждый пож одной из сестер и так подала их отцу.

Тут и слов не надо было — понял отец, что дочери хотят замуж.

Созвал царь мужичи со всего своего царства и говорит дочерям:

— Пусть каждая из вас сядет на колени тому, за кого хочет пойти.

Старшая дочь прошлась взад-вперед и села на колени одному именитому воину. На это народ сказал: «Она не ошиблась».

Средняя сестра проплась взад-вперед и села на колени другому именитому воину. Народ сказал: «И эта царица также не ошиблась».

Младшая дочь прошлась взад-вперед, осмотрелась кругом — не видит своего желанного.

— Дочь моя, — говорит ей отец, — трудно мне поверить, чтобы среди стольких людей никто тебе не приглянулся.

— Того, кто мне люб, здесь нет, не садиться же мне на колени кому попало, — отвечала ему девушка.

Тогда царь отдал приказ, чтобы явились все, кого здесь недоставало. Выяснилось, что не было только Незнайки.

Объявили садовнику повеление царя, и он тоже отправился во дворец, но по дороге поймал зайца и супул его к себе за пазуху. Пришел и сел где-то сзади.

Царевна прошлась взад-вперед, увидела, что он явился, но заметила у него за пазухой зайца, а зайцев она до смерти боялась и потому не решилась сесть к нему на колени.

— Дочь моя,— спрашивает ее царь-отец,— ведь теперь все уже в сборе, что же ты тянешь, люди ведь работу побросали.

А дочь ему:

— Тот, кто мне люб, здесь, но у него за пазухой есть что-то, чего я очель боюсь!

Отец и говорит тогда:

— Закрой, дочь моя, глаза и так сядь к нему на колени.

Царевна и вправду закрыла глаза и села Незнайке на колени.

А тот как раскритится:

— Но знаю, не знаю, не знаю!

Досадно стало людям, зашумели они, заголосили:

— Может, она перепутала, потому что глаза у нее были закрыты.

Но девушка как воды в рот набрала, а в душе-то рада-радешенька.

Царь-отец чуть не поменялся с досады.

— Что это она натворила, как меня опозорила! Мне,— говорит,— теперь совестно в глаза людям взглянуть.

Даже занемог он с горя.

Двум первым зятям отвели пышные покои, прислугу к ним приставили. А младшую дочь царь велел поселить в гусятнике. Да и как же могло быть иначе — она ведь его так осрамила.

Занедуживший царь пожелал воды бессмертия.

И отправились на поиски старшие зятья.

А Незнайка говорит своей жене:

— Попроси-ка ты отца, пусть он и мне даст копя, я тоже поеду за водой бессмертия.

Пошла дочь к отцу, попросила, и дал он для Незнайки самую что ни есть ликудышную ключонку.

Подоспел было Незнайка за свояками, но те огрели его на ходу кнутами и припустили вскачь.

А царь как раз тем часом думал: бог милостив, может, он и не возвратится живым.

Незнайка же чуть отъехал, прыгнул с клячи, вскочил на своего доброго скакуна, нагнал свояков и как следует вытянул обоих кнутом. Вскоре он подъехал к источнику бессмертия, наполнил бутылки и сам выпил целебной воды.

А тут и свояки подъехали. Спрыгнули они с коней, пали перед Незнайкой на колени и давай канючить:

— Уступи нам, будь милостив, одну бутылочку, мы тебе заплатим сколько спросишь.

А юпопа и говорит им:

— Я водой не торгую. А коли хотите, пусть один из нас отрежет свой мизинец и даст мне.

Тогда один из зятьев отрезал мизинец и подал ему.

Незнайка завернул мизинец в носовой платок и спрятал, а взамен дал им бутылку воды, и они отправились в путь.

Незнайка тоже сел на своего коня и двинулся обратно. Вблизи дома он отпустил своего доброго коня и привез тестю воду на той никудышной лошаденке.

Но свояки прогнали его, да еще тумачков падалили:

— Таким ли, как ты, раздобывать воду бессмертия, ты небось эту воду в луже набрал.

Видит царь, что Незнайка воротился живым-невредимым, и еще пуще напустил на себя хворь. Потребовал он, чтобы ему доставили печень морской свиньи.

— А ну, погляжу я, кто для меня расстарается,— сказал государь.

А народ ему в ответ:

— Как кто? Да твои же зятья!

Оседлали зятья своих коней и поехали.

Незнайка тоже оседлал свою клячу и затрусил следом.

— А ты чего за нами увязался, позору с тобой не оберешься! — говорят ему свояки и подхлестывают своих коней.

Незнайка отпустил в поле клячу, сел на своего доброго коня, и оказались они вскоре у самого моря.

Здесь конь и говорит:

— Теперь я сижу в море биться с той свиньей. Коли увидишь, что море выбрасывает кровь, это значит, я рашил ее, а коли ударит фонтаном пена, поспеши мне на выручку.— Сказал так конь и вошел в море.

Прошло время, и со дна моря начала подыматься кровь. Вытащили они из воды убитую морскую свинью, выпотрошили ее, разделали, разложили на куски.

К этому времени как раз и свояки подоспели и давай еще издали молить, упав на колени:

— Дай нам немного печени и получай, сколько твоей душе угодно.

А Незнайка в ответ:

— Не хочу я ваших денег. Пусть мой конь лягнет одного из вас, а посло мы дадим вам печень.

Снял один из свояков порты, и конь Незнайки дал ему такого пинка копытом, что тот отлетел на три плужные упряжки.

Незнайка отрезал им кус от печени, с тем они и отравились.

Собрал Незнайка остальное мясо и тоже поехал во свояси. Неподалеку от дома отпустил он своего коня и верхом на кляче привез царю печень.

Налетели на него свояки, колотят чем понало.

— Будь ты трижды пеладец,— говорят,— небось поймав в поле борова и заколол.

Прошло немного времени, и другой царь втянул в войну этого царя. Завязалась рукопашная, и истребил враг все войско нашего царя. Пришел черед вступить в бой самим царям и их своякам. И пошли они на войну.

Незнайка — он все по-прежнему сторожил сад,— прослышав об этом, облачился в боевые доспехи, вскочил на своего коня, въехал на высокую гору и стал наблюдать оттуда за битвой. Видит — кипят бой всюю и тот царь вот-вот снесет голову этому царю.

Тут Незнайка бросился на своем коне в самую гущу и до последнего воина истребил неприятеля, а потом нарочно сам поранил себе саблей руку.

Подлетел к нему тесть, достал свой диковинно разрисованный шелковый платок и перевязал ему руку.

Юноша снова вскочил на коня и поехал домой, а там слег и сказался больным.

Царь и его советники только диву давались:

— И откуда взялся такой герой, что один истребил целое войско! Иисус Христос или сам бог послал нам его на подмогу!

А как прибыли они домой, жена говорит царю:

— Наш младший зять запердужил. Пойдем, хоть со двора скажи ему одно-другое слово. Коли его не жалешь, то хоть дочь свою пожалей.

Подопли царь с царицей к порогу и окликнули зятя:

— Ну как ты там?

А Незнайка выпростал руку из-под одеяла и говорит:
— Худо мне, у меня, вышь, рука ранена.

Увидел тут царь свой носовой платок и спрашивает:

— А кто же это дал тебе мой платок?

— Да ведь вы же сами перевязали мне руку,— отвечает Незнайка.

Царь было не поверил.

Тогда Незнайка сорвал с головы воловий желудок да еще показал царю своего коня. Тут уж все стало ясно. И очень Незнайка пришлось по душе своему тестю.

А Незнайка вдобавок говорит:

— И ту воду бессмертия я добыл из скалы и дал своим кам, а коли не веришь, взгляди, есть ли мизинец на правой руке у твоего старшего зятя.

Посмотрели и видят — и впрямь нет у того правого мизинца.

А Незнайка развернул свой носовой платок и показал завернутый в него мизинец зятя.

— И ту морскую свинью,— добавил он под конец,— тоже я убил и дал им потроха. У среднего свинка осталось клеймо от моего копы, сами можете посмотреть, если не верите...

Сняли с того порты, сравнили отпечаток с конским копытом и убедились, что и это тоже правда.

Тогда царь согнал своих старших зятьев в нижний этаж, а Незнайку поселил в верхних покоях и отдал ему свой трон и царство. И зажили они счастливо.

75. Лиса и мельник Чабуканвили

Жил-был очень бедный мельник. Была у него одна-единственная мельница-развалюшка, да и та немалымалы за день всего два-три коды пшеницы. Вырос среди зарослей у мельницы одинокий побег лозы, а мельник приглубил его и завил на колышек. В первый год выбросила лоза три виноградные грозди. Поспели они, мельник хватился — одной грозди нет. Огорчился мельник и рассердился на подручных — чего, мол, сорвали незрелую гроздь. Подручные клянутся, что не срывали.

На другое утро хватать — нет второй грозди. Расстроился мельник еще сильнее и опять к подручным: кто ж бы ее сорвал, если не вы?

На третью ночь мельник притаился в укрытии, ждет, кто появится за третьей гроздью. Видит — подкралась ли-

са и тянется к грозди. Потянулся и мельник и ухватил плутовку за хвост. Испугалась лиса и взмолилась:

— Только не убивай меня и дай отведать ягод, осчастливию тебя на всю жизнь.

«Выпущу-ка я се»,— прикинул в уме мельник и отдал плутовке и последнюю гроздь.

Ушла лиса и подошла ко двору царя.

Визири не пускают ее:

— Ты куда?

— По делу к царю,— отвечает лиса.

Визири пошли к царю и доложили, что к нему явилась с делом лисица. Царь велел: впусстите, мол; и плутовку ввели в царские покои.

— Государь,— начала она,— тут неподалеку живет состоятельный человек. Отдайте за него свою дочь.

— Ну, так приведи его,— отвечал царь,— поглядим, что за жених.

Понеслась лиса к мельнику и говорит ему:

— Скорей идем к царю жениться на его дочке.

— Ты что?— удивился мельник.— Разве царь отдаст за меня дочь?

— Пойдем, а там поглядим,— настаивает лиса.

Подвела она мельника к реке и говорит ему:

— Подожди меня здесь, а я сбегаяю к государю.

Царю же рассказывает:

— Жених вашей дочки упал в реку у самого водоворота. Вода унесла его одежду и деньги, и теперь он боится сюда показаться.

Царь велел принести золото и дорогие наряды:

— Ступай скорей веди его во дворец.

Лиса прихватила одежду и золото, примчалась к мельнику и торопит его:

— Скинь-ка старье да окупись разок в воду!

Окунулся мельник в реку, облачился в одежды царя, сходил с лисой к цирюльнику и побрился. Красавец-юноша, да и только! И царю поправился, и его дочке. Сговорились о свадьбе.

— Мы пойдем с невестой вперед, а вы,— наставляет лиса царя,— ступайте с войском за нами, да постреливайте из ружей и пицалей. Такой у нас обычай.

Мельник же переполошился, узнав, что к нему идет целое войско.

А лисица увидела дорогой овечью отару, подскочила к овчарам и просит их:

— Вон идет-постреливает царское войско. Если спро-

сят у вас, чья это отара, отвечайте: Самтевана Чабукашвили. Не то и вас перебьют, и овец уведут.

Царь и в самом деле спросил овчаров:

— Чьи это, братцы, овцы?

— Самтевана Чабукашвили, — отвечали они.

Потом встретилось лисе большое стадо коров, и подговорила она пастухов говорить то же, что говорили и овчары.

Бежит лиса дальше, видит — расстилается широкое поле, а на гумнах молотят пшеницу.

— Вот идет царское войско, — говорят лиса молотильщикам. — Спросят у вас, чей хлеб обмолачиваете, отвечайте: Самтевана Чабукашвили. Не то отрубят вам головы и унесут все зерно.

— Чьи, братцы, гумна? — спросил царь, подъехав.

— Самтевана Чабукашвили.

Царь и его войско знай только дивятся богатству жещиха — чуть не целой страпой владеет!

В одном краю праздновали свадьбу дэвы.

Лиса подошла к ним и говорит:

— Глядите, дэвы, какая опасность на вас надвигается. Вон идет войско, постреливает, хочет с вами расправиться.

Дэвы перепугались и просят у лисы совета: что делать?

Лиса говорит им:

— Укройтесь вон в том стоге сена.

Дэвы повскакали да попрятались в стоге. А лиса подождгла стог и пустилась науток назад к войску.

— Далесо еще? — спрашивают у нее царь и воины.

— Недалесо, — отвечает лиса, — вон видите, пылают свечильники, — и показывает на стог.

Подошли царь с войском будто бы ко дворцу Самтевана Чабукашвили. Дивятся приготовлениям к пиршеству и огромным залам. Перешептываются: ну и богача, какие стога жгут как свечильники!

Лиса рассказывает гостей, потчует. А мельник знай себе озирается да удивляется.

Лиса боится, как бы царь с войском не догадались и не узнали про все, и говорит громко мельнику:

— Чего ты, Самтеван Чабукашвили, озираешься? Все твои изумруды да яхонты целы. Один только укатился, да и тот — вот он.

Царь дивится, как это зять его углядел среди множества всякого добра пропажу этаккой малости.

Долго шел свадебный шир. И все гости разошлись до-вольные и хмельные.

Мельник одарил лису за услугу и стал сладко жить-поживать.

76. Последыш

Было то или не было — жил царь. И было у него три сына. Перед царским дворцом рос большой сад, а в нем стояло яблоневое дерево. Давала эта яблоня в год по три яблока.

Но ни разу царь не попробовал вкуса этих яблок, не видел, чтобы яблоки валялись на земле, не видел и того, куда они исчезали. Да и никто вокруг этого не видел. Сказал как-то царь своим сыновьям:

— Нужно подкараулить и узнать, куда эти яблоки пропадают.

Старшему сыну он сказал:

— Сначала ты попробуй, покарауль.

Пошел старший сын сторожить, да не выдержал, струсил, ночью в траве спрятался. Рассвело. Выглянул царевич, видит — на яблоне два яблока вместо трех. На вторую ночь сказал царь среднему сыну:

— Теперь ты покарауль.

Пошел средний сын и тоже струсил, тоже в траве укрылся. Рассвело. Глядит царский сын — на дереве одно яблоко висит.

Наконец послал царь своего последыша:

— Твоя очередь, сынок, теперь ты покарауль.

Пошел последыш в сад, уселся на ветку, где висело то одно яблоко, и стал ждать. В полночь прилетела туда золотая птичка. Осветила своим светом весь сад. Подлетела к яблоку и хотела его схватить. Погнался за ней царевич. Упорхнула птичка, но яблоко ему оставила, осталось у него в руках и ее золотое перо. Наутро принес сын отцу перо и яблоко. Перо так светилось, что все вокруг освещало.

Сказал тогда царь сыновьям:

— Если вы мне эту птицу не достанете, не пужны вы мне. Кто эту птицу мне принесет, тому и трон, и государство мое откажу.

Прощались сыновья с отцом. Все трое вооружились. Взяли денег столько, сколько им было нужно, сели на коней и пустились в путь. Шли они, шли и пришли к пере-

крестку трех дорог. Неподалеку там столб стоял, на нем дощечка с тремя надписями: кто в ту сторону пойдет — назад придет; кто другой дорогой пойдет — и тот возвратится, а кто третьей дорогой пойдет — тот назад не вернется.

Сказал тогда младший царевич братьям:

— Я плохой дорогой пойду, а вы хорошими идите.

Стоял там неподалеку большой камень. Сказали друг другу братья:

— Кто из нас вернется раньше, пускай тут подождет. — И в знак их договоренности положили они под камень кольцо.

Ушел младший царевич и скачет на своем коне. По дороге напал на него волк, съел у него коня. Попел тогда юноша пешком. Как прошел он немного, увязался за ним этот волк и говорит ему:

— Иди сядь ко мне на спину. Знаю, куда ты путь держишь, приведу тебя туда.

Уселся юноша на спину волка, едут они вдвоем. Приехали туда, где эта птица была. Волк встал поодаль и говорит юноше:

— Вот та птица в клетке сидит, спустись и выведи ее, да так, чтобы не коснуться рукой клетки. Если дотронешься до клетки, зазвенят на ней колокольчики, узнает об этом хозяин и не позволит тебе взять птицу.

Сошел юноша, вывел птицу и говорит:

— На что мне птица без клетки, я должен ее вместе с клеткой унести.

Как дотронулся до клетки, зазвенели колокольчики. Выскочил хозяин.

— Чего тебе нужно? — спрашивает.

— Должен эту птицу домой увезти.

— Отдам я тебе эту птицу, если приведешь мне коня раши, он стоит у такого-то царя.

Попел юноша и рассказал волку: так, мол, и так, а волк ему говорит:

— Я ведь тебя предупреждал — не касайся рукой клетки. Ну, ничего не поделаешь, ладно уж, свозу тебя туда.

Приехали они к хозяину, у которого тот раши в стойле привязан. Сказал волк юноше:

— Раши там, в стойле стоит. Только ты смотри не седлай его, не то узнает хозяин и ты не сможешь его увести.

Но юноша ответил ему:

— Зачем мне раши без уздечки?

Но не успел царевич дотронуться до уздечки, как зазвенели колокольчики и вышел хозяин.

— Чего тебе, зачем пришел?

— Хочу этого раши забрать.

— Отдам тебе раши, если приведешь мне дочь такого-то царя.

Вышел юноша и говорит волку: так, мол, и так наше с тобой дело, хозяин требует царскую дочь.

— Говорил я тебе, не касайся узды. Теперь ничего не поделаешь.

Посадил волк юношу на спину и повез. Приехали они к дверям этого царя. Волк и говорит юноше:

— Ты меня тут жди, а я пойду.

Только занялось утро, царская дочь вышла во двор. А волк за дверями присел на обе лапы. Как девушка вышла, закричал он и напугал ее. Упала девушка и от страха занемогла. Тут и врачи и профессора¹, но не поправляется царская дочь. Тогда волк оборотился человеком и предстал перед царем. Знаю, мол, я такого врача, который вылечит больную. А царь обещал, что тот, кто вылечит девушку, получит ее в жены. Вернулся волк к юноше и говорит:

— Я тебя приведу и скажу, что ты врач, вот тебе бутылка заговоренной воды, заставь больную выпить, девушка тотчас же выздоровеет.

Пошел юноша, сделал все так, как научил его волк, дал девушке попить, и она тут же выздоровела. Отдал царь девушку в жены этому юноше. Взял ее юноша, сели они оба на волка и поехали. Приехали к хозяину раши. Сказал юноша волку:

— Веди туда девушку.

— Ты меня тут подожди, — отвечает ему волк. Оборотился волк девушкой, юноша привел этого волка, превратившегося в девушку, к хозяину раши. Хозяин оседлал раши и отдал его юноше. Как забрал юноша раши, повел волк хозяина коня в отдельную комнату. Оказывается, тот человек давно горел желанием заполучить эту девушку. Когда уединились они в комнате, девушка превратилась в волка. Слонял волк этого человека, выскочил из комнаты и был таков. Пришел он к той девушке и юноше, и пошли они к хозяину птицы.

Сказал тогда юноша волку:

— Теперь надо отдать этого раши.

Волк обратился к девушке:

— Подержи-ка раши и подожди меня тут.— Сам обернулся раши и говорит юноше:

— Веди меня к хозяину птицы.

Привел юноша этого раши к хозяину птицы и сказал:

— Вот я привел тебя раши.

Посадил хозяин птицу в золотую клетку и отдал юноше. Вышел тот с птицей во двор, а обернувшегося конем волка оставил у хозяина птицы. Этот человек давно мечтал погарцевать на раши. Вскочил он на коня, решил поджигитовать, да не тут-то было: хочет в одну сторону поскákatь, а раши ведет его в другую. Вот так-то в этой борьбе и превратился раши в волка и сожрал этого человека. Шел он, шел и пришел к тому юноше. Пошли они все вместе, идут, разговаривают: волк, юноша, девушка, раши и птица.

Говорит волк юноше:

— Правда, я у тебя коня съел, но зато взамен достал тебе и птицу, и раши, и девушку.— Попрощался волк с юношей и дал ему свою шерстинку:

— Спрячь ее, если придется тебе трудно, потри ее, тут же я к тебе явлюсь.

Пришел юноша к перекрестку трех дорог, где расстался с братьями, и увидел, что кольцо все еще лежит под камнем. Понял он, что братья еще не вернулись. Сказал он тогда жене: «Ты тут подожди, а я пойду разыщу братьев». Прошел юноша немного и увидел: стоит его средний брат в поле и пасет гусей.

— Здравствуй!

— Здравствуй.

— Что ты тут делаешь, парень, отчего вдруг сделался гусятником? — спрашивает у среднего брата последний.

— Как мы расстались, встретился мне один человек, стал я с ним играть и все деньги проиграл, и коня, и себя и вот теперь ему служу.

— А старший брат где?

— Старший брат? Он тут неподалеку в овчарах.

Освободил последний среднего брата и пошел дальше. Увидел, что старший пасет овец.

— Здравствуй! — приветствовал юноша старшего брата.

— Здравствуй!

— Что с тобой приключилось?

— Возвращаясь, истретил я одного человека, сыграли мы с ним на деньги, проиграл я все и себя. И вот теперь служу ему.

Освободил последыш и старшего брата. Взял юноша обоих братьев, и пришли они к тому перекрестку, где он оставил жену, рапи и птицу.

Позавидовали ему братья.

— Давайте поедим,— позвал юноша братьев.

Сели, поели они, и захотелось им пить.

Неподалеку там был колодец. Сказал тогда последыш старшему брату:

— Обвяжись веревкой и спустишь в колодец.

Обвязался тот, и опустили его в колодец. Стал вдруг старший брат кричать:

— Горю!

Подняли его наверх. Сказал тогда последыш среднему брату:

— Обвяжись теперь ты веревкой и зачорни воды.

Обвязали его и опустили в колодец. Стал он тоже что есть мочи кричать:

— Горю, горю!

Подняли и его наверх ни с чем. Обвязался тогда веревкой последыш и говорит братьям:

— Сколько бы я ни кричал: «Горю!» — опускайте меня все ниже.

Опустили его братья, перерезали веревки и бросили в колодец.

Жена последыша крикнула ему:

— Пройдут там три козы — сняя, красная и черная. Ни за что до сней не дотрагивайся и до черной тоже, схватись за красную, она и поднимет тебя наверх.

Прошли три козы. Сняя и черная так и пороят об него потереться, а красная вдалеке, близко не подходит. Как увидела это черная коза, решила сама подойти, коснулся ее юшоша, раскачалась коза и выкинула последыша в преисподнюю. Попал юноша в преисподнюю, бродил, бродил, и пришел он в одно село. Попал в гости к какой-то старухе. «Этот юноша, наверное, голоден», — подумала старуха, взяла сито, просеяла муку и стала замешивать ее на собственной моче. Юшоша у нее спрашивает:

— Что ты делаешь бабушка, воды у вас, что ли, нет?

— Нет, сынок! Нашу воду гвелешани держит. Если ему не приприсит каждый день по жертве, он воды не даст.

— Не найдется ли у тебя, бабушка, какой-нибудь посуды? — спрашивает юноша старуху.

Дала ему старуха небольшой кувшин.

— Зачем мне это, дай что-нибудь побольше!

Подала ему старуха два больших кеври. Побежал юноша к воде. Видит — сидит тут девушка не издавшой под солнцем красоты и плачет.

— Чего ты плачешь? — спрашивает юноша.

— Как же мне не плакать? Я дочь царя, отдали меня в жертву, с минуты на минуту появится гвелешани и съест меня.

Говорит ей юноша:

— Дай я усну на твоих коленях. А как появится гвелешани, ты меня разбуди.

Лег юноша и уснул. Увидела девушка, что гвелешани приближается. Пожалела она юношу и не стала его будить. Слова принялась плакать. Упала на щеку юноши одна слезинка, и он проснулся. Вскочил и спрашивает:

— Что случилось?

— Воп идет гвелешани.

Натянул юноша лук, пустил стрелу и убил гвелешани. Разрезал его на куски и разбросал их. Взял он кеври, пошел к воде и намолил их. Собрался было домой уходить. А девушка подумала: «Уйдет он, кто же узнает, что произошло?»

Окунула руку в кровь гвелешани и ударила рукой по плечу юноши. Когда пришла девушка домой, рассердился на нее отец:

— Почему пришла, не даст нам теперь гвелешани воды!

— Этого гвелешани один юноша убил.

— Зови сюда этого человека! — приказал царь. — Знаешь его?

— Знаю, — ответила девушка.

Издав тотчас же царь приказ: приведите всех, кто сейчас есть в моем государстве. Собрал он весь народ. И спрашивает у дочери:

— Здесь он?

— Нет, нет его тут!

— Всех привели или остался еще кто? — спрашивает царь у своих придворных.

— Всех, кроме гостя одной старухи.

— Пойдите и приведите его.

Как только юношу привели: «Он и есть!» — воскликнула царская дочь.

— Чем тебя одарить? — спросил его царь. — И государство тебе пожалую, и дочку свою.

— Ничего мне твоего не надо. Если можешь, подними меня в поднебесье, ввысь.

— Я этого сделать не могу. Там-то и там-то есть гнездо одной пашкунджи¹. Она ежегодно выводит птенцов, но приходит гвелешани и поедает их. Если убьешь ты этого гвелешани, пашкунджи непременно поднимет тебя в поднебесье.

Юноша пошел, пошел гнездо пашкунджи и лег под деревом. Уснул он. Пришел через некоторое время гвелешани и собрался птенцов съесть. А они подняли такой шум, что юноша проснулся. Увидел он гвелешани, натянул тетиву лука, всадил стрелу прямо ему в брюхо. И растерзал гвелешани на части. Усталый, снова лег под тем деревом. А тут пашкунджи прилетела, разбежалась она, хотела съесть этого юношу. Прилетели птенцы и укрыли юношу: это он нашего врага убил. Разбудила тогда пашкунджи юношу:

— Проси чего хочешь.

— Твоего ничего не хочу, только подними меня в поднебесье.

— Поднять подниму, только много мне в дорогу всякой еды понадобится, сможешь ли добыть?

— А сколько всего тебе нужно? — спросил юноша.

— Столько, сколько можно иснечь в двенадцати тонах. И еще дай двенадцать буйволов и двенадцать кувшинов вина.

Пошел юноша к царю. Дал ему царь все это, и принес юноша все запасы к дереву. Раскрыла пашкунджи крылья. Уложил юноша все припасы и сам уселся. Взмахнула пашкунджи крыльями и понеслась. Как качает она крылом, подносит ей юноша хлеб из одной тона, одного буйвола и один кувшин вина. Летели они, летели. Вот-вот уже на исходе вся еда. Отрезал тогда юноша у себя кусок мягкого мяса и кинул его прямо в клюв пашкунджи. Показалось мясо пашкунджи таким вкусным, что не съела она его, а спрятала под язык. Наконец опустылись па землю. Встал юноша на ноги, пошел и захромал.

— Ты чего хромаешь? — спрашивает его пашкунджи.

— Не хватило тебе уже под конец еды, и я отрезал у себя маленький кусок, оттого и хромаю.

— Знала бы я, что твое мясо такое вкусное, съела бы тебя в дороге. Но ты оказал мне такое уважение, что иди себе с миром.

Вытащила пашкунджи припрятанный кусок мяса, приложила туда, откуда он был вырезан, и провела своим пером и исцелила юношу.

— Прижмись покрепче к дереву, — сказала юноше

пашкунджи.— Не то, когда взлочу, ветер тебя обратно унесет.

Взлетела пашкунджи и исчезла. А юноша-то дороги не знает. Вытащил он перстник, которую ему волк оставил, потерял ее, и в ту же минуту появился волк. Посадил он юношу на спину и привез его к тому перекрестку, где он оставил братьев. Распроцался юноша с волком и видит, что братья его не подождали. Взяли девушку, птицу и раши. Но не довели, отняли у них все девять дэвов, что жили тут неподалеку. Пришлось братьям отправляться домой ни с чем.

— Куда вы дели третьего брата? — спросил их отец.

— В пути мы с ним расстались. Так потом и не видели и птицы не нашли.

Царь погоревал, погоревал о последыше, а потом справил двум своим сыновьям свадьбу. А последыш тем временем пришел к тому месту, где эти девять дэвов жили. Увидел свою птицу и раши. Подумал, что и девушка тоже там должна быть. Как увидели его птица и раши, птица начала петь, а раши ржать. Вскочила тогда девушка и говорит:

— Это, павершое, мой муж пришел: с тех пор как он пропал, птица не пела, а раши не ржал.

Подошел парень к порогу. Девушка увидела его и сказала:

— Забирай поскорее птицу и раши, и уйдем, не то вот-вот появятся огнедыщащие дэвы и убьют тебя.

— Нет, не уйду, пока не погляжу, что это за дэвы.

Стал юноша в дверях и видит — идут все девять дэвов. Увидели они юношу и сказали:

— Какой лакомый кусочек к нам пожаловал!

— Подойдите поближе, покажу я вам, какой я лакомый кусочек!

Как подошли они ближе, пустил юноша стрелу и всех девятерых убил.

Посадил он девушку и птицу на раши и отправился домой.

А дома у обоих сыновей царя свадьба. Обрадовался царь, увидев своего последыша. Глядит юноша — пышную свадьбу царь затеял (разве могла быть у царя простая свадьба?!). Усадили юношу на почетное место, ведь и он привез себе невесту, так что стал он третьим женихом.

Взял тут юноша слово, рассказал обо всех своих приключениях: о том, как изменили ему братья, как попал он в преисподнюю, как подняла его пашкунджи, как убил

он гвелешапи,— обо всем рассказал. Узнал об этом царь, разгневался и сказал своим старшим сыновьям:

— Раз вы брату изменили, чтоб я вас у себя в стране больше не видел! — прогнал обоих, их невест за других выдал, устроил им хорошую свадьбу. А трон свой и государство оставил последышу.

Арели, барели,
Гори и Карели!

77. Волшебное дерево

В одной приморской стране жил покойный царь, и было у него трое сыновей. Однажды явился к царю во сне седой старец и сказал ему:

— Великий царь, всем обильны твои дворец и сад, но не было бы тебе равных на свете, кабы росло здесь и волшебное дерево. Это чудесное растение, которое пляшет и веселится, а листья рукоплещут ему.

Проснулся царь, призвал к себе визирей и приказал им:

— Ступайте во все четыре стороны и во что бы то ни стало разбудьте мне знаменитое волшебное дерево.

— Где же растет это дерево, в каком царстве? — спросили удивленные визири.

— А вот царство это и дерево вам и позволеваю разыскать.

Опечаленные, вышли из царских покоев визири. Идут, а во дворе им повстречались молодые царевичи.

— Что это вас так огорчило? — спросили братья визирей.

Поведали им визири о своей беде.

— Только-то и всего? — подивились юноши.— По тужите, мы спросим у отца разрешение поручить это дело нам.

Братья вошли к отцу и обратились к нему со следующими словами:

— Отец, есть у нас к тебе одна просьба, и надеемся, ты не откажешься исполнить ее.

— Дети мои, неужто есть на свете что-либо, чего бы я для вас не сделал? — спросил их царь.

— Слышали мы, будто ты повелел нашим визирям найти волшебное дерево. Дозволь же нам самим доставить его во дворец.

— Но вы еще слишком неопытны, дети мои. Не добудете вы дерево и сами в беду попадете, — ответил им царь.

— Оттого и хотим мы отправиться в это страстное, чтобы себя испытать и твое желание исполнить. Весь свет переверошим, пусть в живых останется лишь один из троих, но без волшебного дерева не вернемся!

— Ну что же, ступайте с богом. Даю вам три года срока, — молвил царь.

Попрошались братья с отцом, снарядились и пустились в путь-дорожку. Долго шли, прошли тридевять земель, столкнулись со множеством препятствий и наконец подошли к одному перекрестку. Дорога оттуда расходилась в трех направлениях. В начале каждого пути лежал большой камень с надписью. Первый камень гласил: «Сколько ушедших, столько же пришедших», ибо то была дорога без препятствий. Второй камень возвещал: «Больше ушедших, нежели пришедших». А третий предупреждал: «Ушедших много, пришедших — ни одного!» Это был путь, полный опасностей.

Приуныли братья, не могли решить, кому какой путь выбрать. Наконец младший из братьев сказал:

— Я выбираю самый опасный путь. А теперь давайте обменяемся перстнями, ибо, как я слышал от отца, если с одним из нас стрясется беда, его перстень сожмется на пальце брата и тем самым подаст знак об угрожающей ему опасности.

Братья обменялись перстнями и пожелали друг другу счастливого возвращения.

Первым ушел младший брат. Старшие же сговорились между собой и, решив напрасно не рисковать, пошли самой безопасной дорогой.

Что же касается нас, то мы последуем за младшим братом.

Долго ли, коротко ли шел по дороге юноша, дошел он до одной мельницы. Странная была эта мельница, не похожая ни на водяную, ни на ветряную. Подивился царевич, невдомек ему, как же она вертится. Поначалу не смел даже близко к ней подступиться. Но под конец пересилил свой страх и вошел.

— Не примешь ли гостя, дедушка? — спросил он мельника.

— Отчего же, сынок, не принять? Гость ведь от бога! Входи и располагайся. Чем богат, тем и рад, — ответил мельник, затем встал, принес одно мчуди и добавил:

— Ты с дороги, наверное, проголодался, сперва мы с тобой поужинаем, а потом поговорим.

Поужинали они. Одним мчади насытились и царевич, и мельник, и даже конь. Глядит юноша и видит, что от мчади осталась еще добрая половина. Удивился он: что это за мчади, которого хватает на двоих мужчины, лошадь, да еще и про запас остается?! Тут вспомнил он о чудесной мельнице, не удержался и спросил:

— Признайся мне, дед, что движет этой мельницей? Устроена она необычно или вертит ее нечистая сила?

И ответил мельник:

— Сып мой, не спрашивай меня об этом, а скажи-ка лучше, что заставило тебя идти по этой злосчастной дороге?

— Должен я во что бы то ни стало отыскать волшебное дерево, — ответил ему юноша.

— Много я здесь перевидал охотников за этим деревом, сынок, но, поверь, ни один живым не вернулся. Молод ты еще, погубишь себя, возвращайся-ка подобиру-здорову назад.

— Как реке никогда не повернуть вспять свои воды, так и я не вернусь домой с пустыми руками. А коли ты бодеешь за меня душой, то расскажи, какие опасности поджидают меня на этом пути?

— Ну что ж, скажу тебе: пока ты здесь, тебе ничто не угрожает, но стоит тебе отойти от моей мельницы, как ты повстречаешься с коварнейшими коротышками. Это злые духи. Завидев тебя, они своими колдовскими штучками постараются повернуть тебя лицом к ним. И как только ты обернешься на их зов, тотчас же будешь обращен в каменную глыбу.

— А если мне каким-то чудом удастся спастись от их колдовства, чем еще грозит мне этот путь?

— Коли спасешься ты от коротышек, то пройдешь очень долгий путь и набредешь на узенькую непроходимую дорогу, которую стерегут два льва. Не думаю, чтобы тебе удалось уйти от них живым.

— Но, скажем, я и от львов спасся, что же дальше?

— Ну, если ты преодолеешь и это препятствие, то пройдешь еще немалый путь и наконец попадешь в царство крошечной тьмы, где ни зги не видать. Поднеси тебе кто-нибудь палец к самому носу — и тот не различишь. Если же все сойдет благополучно, то пройти это царство можно дня за три. Предположим, сам ты проберешься на ощупь вперёд, а как же конь-то?!

— Скажем, ододел я и это приятетвие, что еще ожидает меня впереди?

— Если пройдешь с миром и этот кусок пути, то как раз и вступишь в страну, где растет то волшебное дерево. Деревьев там всего двенадцать, и охраняет их столько же дэвов. Может случиться так, что сами дэвы не услышат твоего приближения, тогда волшебное дерево известит их о приходе чужака. Эти двенадцать дэвов похитили пекую мзетупахави и днем и ночью не спускают с нее глаз. Если каким-то чудом ты и их минуешь, то от их матери никуда не скроешься. Своим колдовством она пропюхает о твоем приближении и тут же обратит тебя в камень. Спасти тебя может лишь их глубокая спячка. Ну вот, сынок, я поведал тебе все, что знал. Теперь решай сам — идти тебе туда или вернуться с богом домой.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать! — решил юноша.

Ночь царевич провел на мельнице, а паутро попрощался с добрым стариком и вступил на опасный путь. Шел он долго и наконец дошел до страны коротышек. Увидели коротышки всадника и скопом погнались за ним. Зовут его, кричат, хотят, чтобы он во что бы то ни стало повернулся к ним лицом. Но царевич нарочно прикинулся глухим, будто и не слышит ничего. Так прошел он страну злых духов и пустился в дальнейший путь. Шел он, шел и подошел к той узенькой непроходимой дороге, которую стерегли два громадных льва. И перед ними не дрогнул смелый юноша, убил обоих и двинулся дальше. Вот дошел он до царства тьмы, трехдневный путь проделал за три часа и наконец подошел к обиталищу двенадцати дэвов. Только вступил во двор, как волшебное дерево забило листьями тревогу, возвещая о появлении незнакомца. Царевич не обратил на это внимания, ловко спрыгнул с коня, стремительно вырвал из земли одно дерево и уже приготовился повернуть назад, как вдруг взгляд его упал на мраморный дворец, и ему очень захотелось увидеть мзетупахави.

Он вошел во дворец, смело поднялся по лестнице, открыл первую дверь и очутился в просторной комнате. На огромной кровати лежал дэв и храпел, да так, что окна звенели. Рядом в комнате стол ломился от всевозможных яств, чего только не было на нем!

Вошел царевич в следующую комнату, смотрит — и тут дэв на кровати спит, а возле него — опять накрытый стол. Так обошел он двенадцать покоев, и везде спали

непробудным сном дэвы. Оказывается, они уже около года пребывали в сначке. Юноша вошел в тринадцатую комнату, где, приставив стул к столу и положив на него голову, спала коварная мать дэвов — старая ведьма. А в четырнадцатой комнате на золотом ложе возлежала спиная мзетунахави. У ее изголовья и в ногах горело по свече, а сбоку, на стене, висело зеркало. Глянул юноша на мзетунахави, понравилась она ему, и подумал он так: «Раз и хочу быть героем, то должен похитить мзетунахави!» Подошел он к золотому ложу, поцеловал девицу в левую щеку и спрятался под пологом кровати. Проснулась красавица, оглянулась вокруг и, не увидев никого, посмотрелась в зеркало. Долго вглядывалась она в горевшее от поделуя лицо и все недоумевала: неужто ей только сон такой привиделся?! Наконец улеглась и снова заснула.

Опять вылез из своего укрытия царевич, поцеловал девушку в правую щеку и снова спрятался. Проснулась девица, глянула в зеркало и, обнаружив следы поделуя и на другой щеке, не на шутку забеспокоилась и воскликнула:

— Только покажись, и ты — отец, а я — твоя дочь!

Царевич и с места не двинулся. Девушка позвала по второй раз:

— Только явись мне, и ты — брат, а я — твоя сестра!

Юноша и тут не вышел из своего укрытия. Тогда девица позвала в третий раз:

— Только покажись, и ты — муж, а я — твоя жена!

Тут-то и объявился царевич. Увидела мзетунахави чужого человека, удивилась и спрашивает:

— Как же ты осмелился прийти сюда?! Из страха перед дэвами в небе птиц не видать, а на земле — муравьев. Если не побоялся ты сыповей, то подумал бы хоть об их матери!

— Да разве очутился бы я здесь, если бы боялся двенадцати дэвов или их матери-ведьмы? Ты бы лучше исполнила свое обещание. Так пойдешь за меня или нет? — спросил царевич девицу.

— Ты настоящий герой, тебя не устранили никакие преграды. Так знай же, что я стану твоей женой, хочешь ты этого или нет, и я с радостью последую за тобой всюду, куда бы ты меня ни позвал. Подожди меня тут, есть у меня двенадцать мешков золота, возьмем и их с собой.

Девушка вышла в другую комнату и вытащила оттуда мешки. Из одного мешка выпало три золотых. Юноша поднял их и спрятал на всякий случай в карман. Затем царевич взвалил мешки на своего коня, усадил на них

мзетунахави, сам взял в охапку драгоценное дерево, и пустились они в путь-дорогу.

По дороге юнона предупредил красавицу:

— Не бойся ничего, мы должны пройти царство тьмы и страну коротышек, которые будут пытаться повернуть тебя лицом к шпм. Ни в коем случае не оборачивайся на их зов, сделай вид, что ты ничего не слышишь.

Несмотря на опасности, поджидавшие их на каждом шагу, они благополучно добрались до той самой мельницы. Когда мельник увидал вернувшегося с победой юношу, он искренне удивился:

— Вот так чудо! — воскликнул старик. — Много я перевидал на своем веку смельчаков, отправившихся в ту сторону, но вернувшихся — ни одного! Полюбуйтесь-ка на него: в руках у него волшебное дерево, а на коне — мзетунахави!

Приветливо поздоровавшись с молодыми, мельник пригласил их к себе, на мельницу.

— Этот добрый человек приютил меня здесь и научил, как добраться до страны дэвов, — сказала своей цевесте царевич.

— Раз он оказал тебе такую услугу, мы должны хоть чем-то отблагодарить его, — молвила девица, отломив одну из веток чудесного дерева, закопала ее в землю и обратилась к мельнику:

— С этой веткой вы никогда не соскучитесь. А ну-ка, повесели нас, мое деревцо! — приказала мзетунахави ветви.

И листья ветки тотчас же захлопали, отбивая такт, ствол зашел и заплясал. Пораженный мельник смотрел на то диво, не веря своим глазам и ушам.

Ночь молодые провели на мельнице, а утром попрощались с гостеприимным хозяином и отправились в путь.

В дороге царевич почувствовал, как на его пальцах сжались кольца обонх братьев.

— Что-то мне стали жать кольца, — взволновался царевич, — видно, братья мои в беде. Что ты мне посоветуешь: идти сначала к отцу или помочь братьям?

— Раз братья твои попали в беду, ты первым делом должен помочь им, — посоветовала жена.

Они свернули на самую безопасную дорогу. Долго шли или мало и наконец пришли в один большой город. Идут царевич с мзетунахави по улицам и слышат, как жители переговариваются друг с другом, поглядывая в их сторону:

— Глядите-ка, только недавно здесь проходили два брата, а уже один из них подыскал себе взлетунахави. Любопытно, какова же будет избранница второго?

А надо сказать, что все три брата до того были похожи друг на друга, что нередко сам отец с трудом их различал. Вот горожане и решили, что это один из тех двух братьев.

Услыхав этот разговор, царевич догадался, что его братья шли этой дорогой. Порасспросив людей, он узнал, что они попали в плен к владычице страны, царевне Звездошкой.

Только царевич со своей невестой вошел в столичный город, как стражники тут же схватили их и поволокли к Звездошкой царевне.

— Неужто вам неизвестен мой приказ? — спросила у них царевна.

— Мы ничего о нем не знаем, — ответил царевич.

— Каждый попадающий в мою страну юноша обязан состязаться со мной в стрельбе. Пронгравший навсегда остается моим пленником. Зато победитель может требовать от меня все, что пожелает, и я непременно исполню его желание.

— Состязание в стрельбе с женщиной — занятие, не достойное мужчины, но, поскольку таковы здешние законы, я принимаю ваш вызов.

Звездошкая царевна велела принести два ружья и клетку с ласточками.

— Выбери по своему желанию любое из ружей, — обратилась она к царевичу. — В клетке девять ласточек, которых будут выпускать по одной. Тот, кто девятью выстрелами собьет больше ласточек, и будет победителем.

Выбрал себе царевич ружье, взял девять пуль и приготовился к состязанию.

Одна за другой взметнулись ласточки в небо, и от выстрелов царевича все девять попадали вниз. Теперь очередь была за Звездошкой царевной. Восемь выпущенных из ее клетки ласточек были пронзены пулями, девятая потеряла лишь перышко и взвилась ввысь.

— Ну что ж, теперь приказывай, чем мне тебе услужить? — сказала побежденная царевна.

— О всеильная! Мне стало известно, что мои братья находятся в твоём плену, и я пришел, чтобы выводить их. Моё самое большое желание — увидеть их на воле, — ответил благородный юноша.

Царевна Звездошкая отдала приказ визирям, чтобы

то привели к ней пленников. Затем она вновь обратилась к царевичу:

— Чего бы ты пожелал еще? Подумай, ведь я могу исполнить любое твоё желание.

— Больше всего на свете мне бы хотелось быть твоим преданнейшим братом, а ты была бы моей сестрой,— молвил юноша.

Обрадовалась Звездолика, и скрепили они клятву крепким рукопожатием.

Когда привели пленников, братья бросились друг к другу в объятия, радость их была безграничной.

Младший познакомил их со своей невестой-мзетунахави и с названой сестрой — царевной Звездоликой, а потом показал пляшущее дерево. Он рассказал о всех своих злоключениях и успехах. Однако победы младшего брата не доставили радости старшим царевичам. Их сердца переполнились лютой завистью.

— Собирайтесь, братья, в дорогу! Порадуем отца своим возвращением. Ведь мы и желание его исполнили, и гостью дорогую приведем,— стал их торопить младший брат.

Подали им коней, оседлали их братья и двинулись в обратный путь.

Путники ехали до тех пор, пока старший из братьев не заметил на дороге большую яму. Задумав недоброе, он спрыгнул с коня и, сделав вид, что забеспокоился, заговорил с братьями:

— До меня донесся какой-то стои, вдруг в яму упал путник?!

Но как только братья подошли к яме, два старших толкнули младшего брата в яму, и он упал на дно. Схватили они женщину вместе с волшебным деревом и помчались домой.

Долго они ехали и наконец повстречали жителей своей страны. Царевичи послали их вперед глашатаями, чтобы они сообщили царю добрую весть.

Возрадовался царь и послал навстречу сыновьям своих назигов и визиров. Когда вся свита вступила в царские владения, отец обнял и расцеловал своих сыновей, поздравил их со счастливым возвращением и почтительно приветствовал мзетунахави.

— Все это прекрасно, но где же мой младший сын? — спросил царь после всех приветствий.

— Пирует с какими-то женщинами в чужом городе,— ответили ему сыновья.

Помрачнел царь, обиделся: его любимец предпочел развлекаться, а не выполнять отцовское желание!

Девушку провели в дворцовые покои, но она потребовала отдельную комнату.

— Зачем тебе отдельная комната? — удивился царь. — Ты должна быть рядом с тем, кто привез тебя сюда.

— Нет, — ответила та, — я буду жить в затворничестве до тех пор, пока не найду то, что потеряла.

Тогда царь выделил ей отдельные покои и приставил служанку. А для волшебного дерева заказал огромный горшок, посадил в него дерево и поставил перед дворцом. Но пляшущее дерево опустило кипау ветви и начало увядать.

Теперь вернемся к младшему брату. Два дня и две ночи пробыл он в темной яме, но мучила его не столько боль по всем теле, сколько подлая измена братьев. И бог помог ему: на третий день какой-то пастух пригнал к тому месту стадо овец. Его собака учуяла посторонний дух, подбежала к яме и залилась лаем. Пастух решил, что в яму ненароком могла угодить одна из его овец, подошел изглянуть и видит — там не овца, а человек!

— Эй, кто ты? Что за человек? — крикнул пастух.

— Ты только помоги мне выбраться отсюда, а я вовек не забуду твое добро! — допелось из ямы.

Пожалел царевича пастух и вытащил его из ямы. Спасенный царевич поблагодарил пастуха и обратился к нему с просьбой:

— Если можешь, окажи мне еще одну услугу — обменяйся со мной одеждой.

Выполнил пастух и эту его просьбу, и царевич облачился в пастуший кожух, на ноги натянул каламаны, на голову — шапку, попрощался и пошел своей дорогой.

Много ли, мало ли шел он, наконец добрался до родного города. Поравнявшись с дворцом, он прошелся перед отцовскими палатами. И тут, увидев юношу, захолопало, зашуршало волшебное дерево! Но стоило царевичу спрятаться за стелу, как дерево сразу поникло. Он показался снова, и пляшущее дерево вновь повеселело, по всему городу разнесся его звон. Ко дворцу отовсюду бежалась толпа, все взоры были устремлены на это чудо.

Служила у царя одна женщина, которая пекла ему хлеб. Проходя по двору, она обратила внимание на то, что дерево оживает, когда появляется откуда-то взявшийся пастух, когда же он скрывается за стеной, оно тут же смолкает. Женщина тотчас пошла к царю и доложила:

— Великий царь, позови воп того пастуха и поставь его перед дворцом — и ты сразу убедишься, что дерево твое запляшет и развеселится.

Царь велел немедленно привести к нему пастуха и поставить перед дворцом. И волшебное дерево не заставило себя ждать, а тут же склонило свою крону к юноше и завело веселую песню.

Позвал удивленный царь к себе пастуха. Подойдя к повелителю страны, пастух отвесил ему глубокий поклон. Не узнал отец своего любимца.

— Кто ты? Что за человек? — спросил он юношу.

— Пастух я, — ответил царевич.

— И много у тебя овец?

— Вдвое больше, нежели на голове волос!

— Остайся у меня навсегда и требуй, чего только ни захочешь, — сказал царь.

— Я останусь лишь в том случае, если вы приведете сперва вашу невестку и спросите ее: кто добыл это дерево, кто она сама и кто ее привез сюда?

Царь тут же велел вывести мзетунахави, а юноша нарочно обернулся лицом к дереву, спиной — к женщине.

— Скажи мне правду: кто добыл это дерево, кто ты сама и как очутилась здесь? — спросил царь у мзетунахави.

— Призовите своих сыновей, и пусть они ответят вам на эти вопросы, — молвила затворница.

Позвал царь своих старших сыновей и говорит им:

— Дети мои, мзетунахави отказывается отвечать, кто добыл волшебное дерево, кто она сама и откуда вы ее принесли.

Братья молча склонили головы, не отвечают отцу. Тогда мзетунахави рассказала все, как было. А юноша сорвал с себя папаху и, обернувшись к царю, воскликнул:

— Неужто ты не узнаешь меня, отец? Я — твой пропавший сын!

Радости царя и всех присутствовавших не было границ. Все наперебой обнимали и целовали юношу. Веселилось и волшебное дерево. Листья его радостно шелестели, а само дерево село и плясало. Теперь уже царевич поведал отцу о своих приключениях. И царь в тот же день изгнал старших сыновей из своей страны.

Мор — там, пир — здесь,

Отсев — там, мука — здесь.

78. Сын царя

Быль то или небылица — жил на свете царь, и было у него три сына. Пришла к царю старость, и решил он испытать своих сыновей. Позвал он к себе старшего сына:

— Сын мой, стар я стал, свет меркнет в моих глазах. Должен испытать я тебя как наследника престола — сумеешь ли ты править государством: ступай и принеси мне воду бессмертия.

Сын ответил:

— Дай мне три корабля, по сто воинов на каждом, и я пойду!

И правда, на второй же день отправился он за водою бессмертия.

Прибыли они в царство каджей¹, а там ни живой души. Разбили лагерь на берегу моря, пошли в лес, настреляли дичи, развели костер, изжарили шашлыки. В это время подошел к ним старик, взял в руки горящую головню, помахал ею туда-сюда, и все их войско окаменело.

Видят — старший брат не возвращается, и на поиски воды бессмертия отправился средний брат с двумястами воинами на двух кораблях. Но с ним приключилось то же, что и со старшим братом.

И тогда младший сын попросил отца отпустить его.

— Да куда тебе! — прикрикнул на него отец.

Он снова попросил отца благословить его в путь и дать ему корабль и пятьдесят воинов.

— Раз ты так упорствуешь, — сказал отец, — будь потвоему. Готовься на завтра и дорогу.

И правда, на следующий день они вышли в море, а когда достигли того берега — царства каджей, — сын царя повелел не стрелять ни зверя, ни птицы. Потом он взял с собой двух друзей-товарищей и пошел. Шли они, шли и наконец увидели дом, где жил бобылем один старый человек.

— Прошу тебя, как сын отца, — говорит ему царевич, — пусти нас в дом, если можно.

— А как же, сынок, гость от бога, входите, пожалуйста.

Юноша вошел в дом, почтительно поблагодарил старика и поведал ему о своем деле.

Старик научил парева сына, как ему быть, когда будет он возвращаться обратно с водою бессмертия и тремя яблоками. И еще добавил, что, мол, этой водой ты должен

попотчевать и меня. А затем подсказал царевичу, как ему найти дом другого старика, его брата.

Пошел царевич и нашел дом среднего из братьев-стариков, а тот послал его к самому старшему брату. Тот велел царевичу накормить своего скакуна листьями, а потом говорит:

— Как придешь туда, где вода бессмертия, разыграется там лютая буря, начнется ливень, повалит снег, но ты не робей. Дверь в том доме ходит ходуном: то приоткрывается, то захлопнется. Ты прихвати с собой железный лом и, как только дверь приоткроется, подложь лом под дверь, хлосни скакуна и влетай внутрь.

Царевич все так и сделал, как научил его старик.

Только он влетел в дом, как дверь захлопулась и оторвала у скакуна хвост.

Поднялась ужасная буря, но царского сына это не остановило. Вошел он, видит — спит женщина. В изголовье у нее — бутылка с водой бессмертия, а рядом лежат три яблока и книга. Сел юноша, почттал книгу, потом сделал дело с этой женщиной, написал ей письмо и бросил под тахту. Затем взял воду бессмертия, три яблока и вышел вон: железные двери оказались открыты.

Заехал он к старшему из братьев и дал ему попить воды бессмертия.

Старик отпил воды, а бутылка вновь наполнилась. То же самое было со средним стариком. Но когда царевич пришел к младшему из братьев, то сказал ему:

— Я дам тебе испить воду, если только ты оживишь моих окаменевших братьев и все войско.

Воскресил старик всех, сели они на корабль и поплыли в свою страну.

А по дороге старший и средний сыновья царя порешили между собой: усыпим его, возьмем тайком воду бессмертия и доставим из его кармана яблоки, а потом заменим воду и положим ему в карман другие яблоки.

Явились старший и средний братья во дворец и преподнесли отцу воду бессмертия.

Младший брат проснулся и тоже принес отцу воду.

Рассердился царь, узнав, что это не вода бессмертия, и повелел убить младшего сына и принести ему какое-нибудь доказательство.

Повели слуги царевича, а он им и говорит:

— Отпустите меня живым, а я уйду на этой strapsе, а моему отцу отдайте мой мизинец. Я сам его себе отеску. А убейте и похороните вместо меня какую-нибудь собаку.

Слуги выполнили просьбу юноши.

В это время проснулась та женщина. Она нашла и прочитала письмо. Там был адрес, и она передала царю: пришли ко мне того юношу, который взял воду бессмертия, не то я разгромлю твоё царство.

Царь перенугался и послал к ней старшего сына. Пришел он к той женщине, а она его спрашивает:

— Как ты взял воду бессмертия и яблоки?

А тот в ответ:

— Я вошел, взял бутылку и унес с собой.

— Значит, это был не ты.

Бросила она его в темницу и приказала давать ему в день хлебную лепешку и бутылку воды.

Потом заставила она царя прислать среднего сына и его заточила в темницу и обрекла на такие же муки, как и старшего.

Вновь потребовала женщина от царя:

— Немедля пришли ко мне того юношу, который взял воду бессмертия, или же доставь его кости либо какое-нибудь другое доказательство его гибели, а нет, так я пойду на тебя войной.

По приказу царя раскопали могилу, где был похоронен его сын, но вместо костей царь увидел там только собачью шерсть.

Тогда он известил всех соседних царей, что ищет юношу с отсеченным на левой руке мизинцем, и, если такого найдут, пусть немедленно присылают к нему.

Юношу нашли и доставили к царю-отцу, он послал сына к той женщине, а она его спросила:

— Как ты сюда вошел?

— Когда я в первый раз подошел к порогу вашего дома, — отвечает он, — железные двери то открывались, то сразу захлопывались, и подсунул под них железный лом и влетел на скакуне внутрь, только дверью оторвало у моего скакуна хвост. В ту пору поднялась ужасная буря, пошел дождь, снег, град, но, когда я вошел в дом, все стихло. Вошел я, а вы спали, и у вашего изголовья лежали три яблока, стояла бутылка с водой бессмертия и еще лежала книга. Я прочитал книгу, сделал свое дело с вами, затем написал письмо и бросил его под вашу тахту.

Женщина обняла его, поцеловала и говорит:

— Выходит, сына я родила от тебя, ты мой муж.

И тут же сыграли они пышную свадьбу.

Женщина хотела убить братьев своего мужа, но царевич их пожалел. Выпустил он их из темницы, приказал

обрить отросшие бороды и назначил начальниками над своими войсками.

Женщина осталась царицей царства каджей, а юноша получил трон своего отца, и они объединили оба царства. И поныне их страна считается самой могущественной.

79. Сказка о Полсвой деве

Было, да и не было ничего —

Дрозд веселый распевает,
Нам он радость посылает.

Жил богатый человек, было у него три дочери и только один сын. Пришло время старику умирать, позвал он сына и сказал:

— Сын мой, бог и судьба помогли мне нажить это богатство. И сам я трудился, и людей теснил, так и вас вырастил. Кончилась моя жизнь на этом свете, умираю я и прошу тебя выдать замуж трех твоих сестер — дочерей греха. Женихов не ищи — кто первый объявится, тому и отдавай.

— Не заботься, отец, — ответил сын, — ты живи, а сестер я сумею пристроить.

Умер этот человек, и похоронил его сын, как велит закон и обычай. Прошло время. Сидит как-то сын у порога и видит — далеко-далеко кто-то идет. Шел, шел, пришел и, не переведя дух, говорит:

— Отдай за меня старшую сестру.

Вспомнил сын, что завещал отец, и говорит:

— Хорошо, человек, отдам, но скажи хоть, кто ты и откуда, что за ремесло у тебя? Ведь должен я прийти к тебе — или недругом потревоженный, или просто по дружбе. Может, ты вор или разбойник. Я отдам тебе сестру, а ты уведешь ее, да и продашь в рабство.

— Я к тебе не разговаривать пришел, — говорит гость. — ни имени, ни фамилии тебе не скажу¹. Хочешь — отдавай сестру, нет, так будь здоров! — и уходит уже.

Подумал сын: «Что же, не мой грех, такова воля отца» — вывел старшую сестру и отдал.

Прошло время. Приходит другой человек и говорит:

— Отдай за меня среднюю сестру.

Сын и его спрашивает:

— Кто ты, откуда ты родом, куда путь держишь, как имя твое, чем занимаешься? Ты верующий или нет в тебе

веры? Хочешь ли ты, чтобы в гости к тебе я пришел — или от прага защиты у тебя искать, или оставшись без пищи в пути, или в нужде помощь твою испросить? Сестра ведь она моя, плоть от плоти моей. Кто же захочет сестру или брата своих навек позабыть?

— Ни имени я тебе не скажу, ни о роде-племени рассказывать не буду. Хочешь — отдавай сестру, нет — я пойду, ты оставайся, — говорит гость.

Что делать брату? Отдал он ему среднюю сестру, только тем и утешился, что волю отца выполнил.

Прошло еще время, явился третий человек и также попросил младшую сестру в жены. Брат и ему то же говорил и его расспрашивал, как первых двух, и этот отвечал, как и те.

Что делать брату? Отдал он и младшую сестру и остался один.

Загрустил юноша: «И отца я потерял, и сестер не знаю куда пораскидал» — вошел в темницу, заперся и сидит: ни дня не видит, ни ночи. Сидит и сидит там один.

Узнал про это царь. Призвал советников и приказал:

— Найдите такого человека, чтобы того юношу из тьмы на свет вывел, столько-то дам в награду.

Нашли одну старушку.

— Я выведу его на свет, дайте только мне десятка два детей.

— Да хоть сто! — сказали старушке, дали ей детей и отправили. Ждут. А старушка забрала детей, дала им мяч в руки, привела их на кровлю той темницы и велела играть до ночи. Затеяли дети игру, посятся взад и вперед, шумят, топают. Терпел, терпел юноша, но вытерпел, выбежал наверх и бросился ловить детей. Увидели царские стражи юношу, схватили и повели к царю. Увидал царь юношу и спрашивает:

— Из-за чего ты в темнице заперся?

— Был у меня отец, я его похоронил, — говорит юноша. — Были три сестры, и их я потерял — таким людям отдал, что ни роду, ни племени их не узнал и не знаю, где они живут и что делают.

— А по чьей воле ты так поступил? — спросил царь.

— По воле отца. Он приказал: кто первый придет и попросит — тут же отдавать сестер.

— Так если на то воля отца, напрасно ты заботишься. Не будь у твоего отца ума-разума, не нажил бы он столько добра. Не плачь, придет время — и сестер увидишь, и зятьев, укрепи сердце, не горюй!

Поставил его царь старшим над своим войском и посадил рядом с собой. Вышло раз войско на охоту. Вдруг все видят — порхает в поле девушка с травинки на травинку, то на один цветок приседет, то на другой. Так она красива, так легка, так прекрасна — такую красавицу ни в жизни не найти, ни в мечте не увидеть. Окружили ее все, довят, а она взлетит, перелетит через головы всех, пролетит подальше, сядет и опять с цветами играет.

Гонится за ней все войско, и старший вместе с ними, но где им догнать ее? Вспорхнет она, унесется, сядет подальше и смеется.

Замаялись, попадали у всех кони, только у старшего еще держится. Несется юноша за девушкой, гонит коня, пал и его конь. Пронеслась девушка и скрылась. Оглянулся юноша — ни девушки, ни войска, ни знакомых мест, ни деревеньки, ни дома, ни человека. Сел тогда юноша и заплакал.

Приблизилась к нему Полевая дева, присела на цветок и говорит:

— Не стыдно тебе — сидишь и плачешь, мужчина ты или нет? Встань, оглянись, мир велик, что же ты сел сложа руки и плачешь, как женщина!

Встал юноша, вытер слезы, огляделся и видит — далеко-далеко белый домик виднеется. Пошел к тому домику. Шел, шел и дошел. Смотрит — стоит дом, что царский дворец. Впереди ручеек течет, от ручейка по серебряному желобку вода бежит. Присел юноша на берегу ручейка отдохнуть. Сидит усталый, голодный. Вышла из дому служанка, подошла к ручейку, в руках — кувшин. Попросил юноша дать ему кувшин — воды напиться. Служанка дала ему кувшин. Понил юноша воды и уронил в кувшин кольцо. Взяла служанка кувшин, набрала воды и понесла госпоже. Вынула та воду, и выпало из кувшина колечко. Увидела женщина колечко, вскрикнула:

— Кто дал тебе кольцо?

— Мне никто не давал, там у ручья спит юноша, попросил воды напиться — может, оп туда и бросил, а больше некому, — говорит служанка.

Тотчас послали за юношей. Пришел он и видит старшую сестру. Обнялись они и расцеловались.

Спрашивает сестра, как он попал к ней.

Рассказал брат, как увидел он в поле девушку:

— Сожгла меня ее красота, погнался за ней, а она на длину целой плужной упряжки² прыгает, гнался я, гнался, коня загнал, но не догнал ее. Остался в поле один и

вот с трудом нашел твой дом, а то быть бы мне нищей для воровья.

— Горе мне, братец, — говорит сестра, — нелегкое это дело — поймать Полевую деву. Кабы легко это было, зачем бы я твоему зятю, ее бы он взял в жены, а не меня. У нее такая судьба: как ее кто поймают, так она и умрет.

Спрятала сестра брата. Боятся, как бы ее муж, Орел, не повредил ему. Вечером появился Орел. Сказала жена мужу:

— К нам в гости пришел мой брат, не обидишь его?

— Да неужели обижу? Еще такого гостя дождался. Зови его скорей.

Вышел брат, обнялись они, расцеловались. Разговорились друг с другом, спросил Орел:

— Что привело тебя к нам?

Рассказал тот все подробно.

— Не сердись на меня, братец, — говорит зять, — а только, если бы можно было поймать Полевую деву, зачем бы мне твой сестра? Да нелегко это сделать. А ты даже с мое не можешь, где же тебе ее догнать? Лучше оставь ее, не горюй, сыщем тебе другую жену, а ее забудь.

— Нет, — говорит брат, — умру, ее не оставлю! А тебя, мой зять, попрошу, не пожалей, дай мне коня, скажу спасибо.

— О коне не заботься, — говорит зять, — моих табунов на полях полно, бери любого коня, но послушай все же меня — брось эту затею.

— Не брошу — лучше умру в погоне за ней! — говорит брат.

— Так я такого коня тебе найду, что сразу на длину плужной упряжки скачет.

Вспомнил брат, что и Полевая дева прыгает на длину плужной упряжки, и обрадовался. Взял коня, вскочил на него, расироцался с хозяевами и понесся вдогонку за Полевой девой.

Вскоре увидел он ее. Полетела от ювоши дева, полетел за нею и он. Его конь на длину одной плужной упряжки скачет, а девушка — на две длины. Отстал ювоша.

Только приглянулся, видно, он Полевой деве: как отлетит от него она, присядет на траву, сок из цветов, словно воду, пьет и пыльцу вместо хлеба ест, сама ждет его, а как приблизится ювоша, вспорхнет и опять унесется. Погощает он коня, мчится за Полевой девой. Пал конь, и остался ювоша один в поле, сел и заплакал с досады. Подошла девушка, присела возле и говорит:

— Ты мужчина или нет? Что же ты плачешь? Не стыдно тебе? Ты, верно, женщина — только и умеешь, что плакать. Встань, оглядись по сторонам, походи посмотри — мир велик, может, найдешь себе помощь.

Встал юноша, перестал плакать, огляделся и вправду увидел вдалеке дом. Пошел к дому. Там жила сестра его, что замужем за Пашкунджи³. Пришел брат, рассказал все сестре. Сказала она:

— Не твое это дело! И твой зять молодец что надо, и он долго голил за ней, да только простой смертный ее не догонит!

Вечером пришел домой Пашкунджи. Рассказал юноша в пашкунджи про свои дела. Не похвалил его зять:

— Если бы ее легко было поймать, зачем бы мне твою сестра? — сказал он. — Оставь ее, не губи себя напрасно.

— Ты лучше дай мне коня, — просит гость.

Дал ему Пашкунджи такого коня, что сразу на две плужные упряжки скачет. попрощался юноша с сестрой и зятем, сел на коня и умчался.

Летит девушка, переседит на три плужные упряжки, а у юноши конь может только на две. Отстал юноша, ил и этот конь, и остался юноша один в открытом поле — ни человека, ни жилища кругом.

Загрустил, сел и заплакал. Много ли, мало ли он плакал, а только подошла к нему Полевая дева, села на травку, заложила ногу за ногу и смеется. Потом рассердилась на него:

— Встань на ноги, если ты мужчина, а нет, так и жить ты недостойн!

Встал юноша, перестал плакать, огляделся кругом, видит — вдалеке дом. Пошел к дому. Подошел, а у дома ручей; сел у ручья, ждет, не принесет ли кто кувшин — воды напиться. Пришла девушка, принесла кувшин и поставила к золотому желобку набрать воды. Попросил юноша напиться. Дала ему девушка кувшин, выпил он воды и уронил в кувшин кольцо. Понесла девушка воду. Выпила женщина воды, и выкатилось из кувшина кольцо. Спросила женщина:

— Где ты взяла это кольцо?

— Я нигде не брала, а только юноша у ручья попросил кувшин — воды напиться, может, он и обронил.

— Поги и сейчас же приведи его сюда, — сказала женщина.

Пришел юноша, обнялись они и поцеловались. Это была его младшая сестра.

Спрашивает сестра, что привело его сюда. Рассказал юноша ей все, как было.

— Горе твоей сестре, — сказала она. — Кабы ее так легко было поймать, на что бы я твоему зятю? Ее бы привел он в жены, а не меня. Ее никто не поймает, не то ее жизнь кончится.

Спрятала сестра брата.

Пришел вечером гвелешани, спрашивает:

— Сюда никто не приходил?

Жена сказала:

— Никто не приходил.

Потом добавила:

— Если бы сюда пришел брат твоей жены, что бы ты сделал?

— Ничего бы не сделал, обнял бы да поцеловал его.

Вывела тогда сестра брата, расцеловался с ним зять.

— Что привело тебя сюда? — спрашивает зять. — Какой ветер тебя занес?

Поведал брат свои дела, свое горе и заботу.

— Зачем ты взялся за это дело? Кабы можно было ту женщину так легко поймать, не женился бы я на твоей сестре. Лучше оставь ее и вернись домой.

— Нет, — отвечает брат, — теперь поздно говорить — оставь ее. Не оставляю я ее, хоть бы и знал, что умру, как выйду отсюда. А хочешь мне добра, зять, так дай мне коня, чтоб тотчас за ней вдогонку пуститься.

— Коня дать что за труд, хоть двадцать, хоть трижды по двадцать коней бери, — говорит зять, — но еще раз тебе говорю — даром проездишь.

Нет и нет. Взял брат такого коня, что на три плужные упряжки скачет, попрощался с зятем, с сестрой и пустился вдогонку за своей девой. Много ли, мало ли ездил, въехал в чужие, незнакомые края. Скачет копь на три упряжки, а дева — на четыре. Пал и третий копь. Сел юноша и стал плакать. Ни человека кругом, ни жилья. И зятя — не найти их. Никого уже нет, не к кому идти, и надежды никакой. Сидит и плачет. Подошла Полевая дева, села возле юноши, заложила ногу за ногу и сказала:

— Опять ты плачешь, даже меня не стыдишься! Да мужичина ли ты? Где же твоё мужество! Встань, оглядись по сторонам, зло ли увидишь, добро ли — все в пользу обрати!

Устыдился юноша, встал и пошел. Видит — дерутся три черта, дерутся, убивают друг друга, а никто их не разнимает, ни души вокруг. Подошел юноша, сиротил:

— Что дерется, черти, чего не поделили?

— А у нас,— сказал старший черт,— есть один ковер; если сесть на тот ковер и сказать ему: «Эй, ковер!», перенесет куда захочешь. Есть еще у нас гребенка. Какая бы ни была крутая скала, скажи той гребенке: «Эй, гребенка!» — тотчас на скалу как лестница взберется, да такая — по ней ходить, что по полю гулять. Есть еще у нас точило. Окунь его в море и скажи: «Эй, точило!» — какое бы море ни было, все до дна выпьет и высунит. Вот это ковер, гребенку да точило мы и делим, никак не поделим, оттого и деремся. Не рассудишь ли нас?

— Очень хорошо,— говорит юноша,— я поделю вещи между вами. Вот пуцу три стрелы: кто первый принесет стрелу, тому — ковер, кто второй — тому гребенку, а кто третий — тому точило.

Обрадовались черти: вот это праведный суд.

Запустил юноша стрелы за девять гор. Побежали черти, скрылись за горой. Сел тогда юноша на ковер, взял гребенку, взял точило, крикнул: «Эй, ковер!» — и полетел быстрее ветра. Поисся он догонять свою Полевую деву. Мчится она, торопится, только догоняет ее ковер. Пролетели они так все поля и дуга и долетели до высоких скал.

Прыгнула Полевая дева и перелетела через скалу.

«Эй, гребенка!» — сказал юноша гребенке, и повисла на скале лестница, что твое поле. Пронесся ковер по лестнице, опять догоняет юноша деву. Домчались так до большого моря, бросилась девушка в море и поиссяла вперед. «Эй, точило!» — сказал юноша и окунул в море свое точило. Тотчас высохло море. Пронесся по сухому морскому дну юноша и совсем было догнал деву, уж за покрывало ее схватил, да увернулась она и влетела в отчий дом: только покрывало и осталось в руках юноши.

— Что с тобой, дочь моя, от кого ты бежишь? — спросил отец.

Вошла в дом Полевая дева, бросилась к отцу.

Рассказала она все:

— Так и так, погнался за мной юноша, до самого порога гнался, поймать не поймал, а покрывало сорвал!

Вышел отец, обнял юношу и расцеловал его.

— Какого зятя ждал, такого и нашел!

Пригласили юношу в дом и приняли его с честью.

А судьба той девы была такова: если кто ее поймает — это ее убьет, а если кто таким молодцем окажется, что до дому за ней угонится, тот ей мужем станет. Женился юноша на Полевой деве, привел ее в свою страну. Полевая

дева и тот юноша и теперь живы, и не раз видели люди, как порхает она с цветка на цветок.

Мор — там, мир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.
Эласа-меласа,
Всесел кувшин на мне,
Сказителю и слушателю
Счастье — вам и мне.

80. Сын рыбака

Было то или не было, что могло быть на свете лучше бога. Жил-был у реки старик-рыбак. И был у него единственный сын. Ловили они певодом рыбу и продавали улов на базаре.

Наловили они раз видимо-невидимо рыбы и свалили на берегу. Рыбак поставил сына стеречь рыбу и пошел домой за арбой. А мальчонка возьми да перебей всю рыбу, только одна красная рыбина и осталась в живых. Взял он ее и пустил обратно в воду.

Рыба обернулась к нему и говорит:

— Раз ты меня не убил, дам я тебе мою косточку, и, где бы я тебе ни понадобилась, только кликни меня, и я тут же перед тобой явлюсь.

С этими словами выпула она у себя косточку и дала парню.

Вскоре пришел отец и спрашивает сына: куда, мол, девалась рыба?

А тот в ответ:

— Я перебил всю рыбу, только одна красная оставалась в живых, и я отпустил ее обратно в воду.

Отец избил сына и прогнал с глаз долой.

Пришел паренек к матери и просит:

— Собери мне, мать, что-нибудь на дорогу, надо мне уходить певесть куда.

Мать завернула ему в дорогу несколько хлебных лепешек и говорит:

— Надо бы тебе завести товарища. Если подойдет к тебе в пути какой-нибудь человек, когда ты будешь есть, предложи и ему поесть вместе с тобой. Отломит он небольшой краешек хлеба — бери его в побратимы, а отхватит краюху — отпусти с миром, пусть себе идет, куда ему надобно.

С тем сын и ушел.

Много ли, мало ли он шел, притомился и решил отдохнуть. Сел, достал хлеб и принялся есть.

В это время подходит к нему какой-то парень.

Сын рыбака и говорит ему:

— Садись, перекуси со мной.

Только отломил прохожий кусочек хлеба, как сын рыбака решил с ним побрататься. Дали они друг другу клятву верности и ушли оттуда.

Шли они, шли и пришли в одну страну. Видят — разложили купцы мешки у дороги и играют на деньги.

Подошел к одному купцу товарищ сына рыбака и говорит:

— Денег у нас нет, но, если хотите, сыграем вот на этого малого.

Начал играть с ним купец, и выиграл парень у него все деньги.

Сообщили царю:

— Обыграли твоего купца два каких-то парня из чужой страны.

Царь велел побратимам явиться пред его очи.

— Откуда, — говорит, — вы такие взялись, что обыграли моего купца?

— Мы крестьяне, — ответили они.

Тогда государь говорит им:

— Моя пятнадцатилетняя дочь не произнесла еще в жизни ни одного слова. Если кто из вас заставит ее заговорить, она станет ему женой, а нет — голову сниму.

Сын рыбака ответил:

— Дай мне сроку три дня, и я сделаю так, что она заговорит.

Взялся он за дело и так наладил патефон, чтоб тот говорил все то, что и когда ему надобно. Принес он на третий вечер патефон, поставил его на стол и говорит:

— Ну-ка, скажи что-нибудь, мой патефон.

— Однажды три путника, — начал патефон, — остановились на ночлег в полуразрушенной церкви. Один из них был столяром, второй — священником, третий — портным. Священник и портной легли спать, а столяра поставили караулить. Полуночи стал одолевать столяра сон. Смастерил он деревянного человека, поставил его у дверей, а сам лег и уснул.

Перед рассветом первым проснулся портной. Увидел он деревянного человека, снял ему одежду, нарядил в нее. Тут его потянуло ко сну, разбудил он священника, а сам снова лег спать.

Священник стал молиться о деревянном человеке, и бог вселил в него душу. Когда все проснулись, между ними вышла ссора. Каждый утверждал, что этот человек принадлежит ему.

Послушал царь эту историю и говорит:

— Тот человек принадлежит мне.

И вдруг заговорила царева дочь:

— Нет, батюшка, это неверно. Портному полагается своя плата, священнику — своя, а сам человек принадлежит тому, кто его сделал!

— Ты слышишь, твоя дочь заговорила? — спросил папья царя.

— Слышу, — ответил царь.

Весь тот день они пировали, а как настала ночь, снова завели патефон.

И опять сказал сын рыбака:

— А ну, мой патефон, расскажи еще что-нибудь.

И патефон начал:

— Шли три человека. Один из них был ученый, другой — лекарь, а третий — скороход. Приняли они в одно место и сели перекусить.

Ученый сказал: «Единственный сын нашего славного царя занедужил, а я не знаю, чем ему помочь». — «Если дать ему мое лекарство, — сказал лекарь, — он мигом поправится».

Взял у него скороход лекарство и доставил во дворец.

Напоил царь своего сына лекарством, и тот сразу выздоровел.

Между тремя попутчиками разгорелась ссора: каждый из них твердил, что это он спас сына царя и тот теперь принадлежит ему.

Царь, послушав, сказал:

— Теперь он принадлежит лекарю.

А дочь ему наперекор:

— Нет, батюшка, ты не прав, лекарь должен получить деньги за лекарство, ученый — за то, что распознал болезнь, а спас юношу скороход. Не подоспей он вовремя принести лекарство, царев сын бы умер. Значит, скороходу и принадлежит его жизнь.

— Слышишь, твоя дочь разговаривает! — обратился сын рыбака к царю.

— Слышу, как же не слышать, — ответил царь.

Отдал он свою дочь этим юношам и говорит:

— Я вручаю вам свою дочь, а вместе с ней и судьбу моего государства — вам отныне им править.

Отдал он им свою дочь, да в придачу много денег, и с большим почетом отпустил восвояси¹.

Ушли парни оттуда, идут.

Встретился им по дороге мост. Не успели они ступить на этот мост, как видит сын рыбака — плещется в воде красная рыба. Глянул по сторонам, а товарища нигде не видно.

Оказалось, что красная рыба и была тем самым товарищем, который женил его на дочери царя.

А рыба тут снова выпрыгнула и говорит ему:

— Пусть эта девушка будет твоей! — и ушла обратно в воду.

81. Благодарный покойник

Жил на свете очень богатый купец, и было у него три сына. Отправил он старшего сына торговать и дал ему много денег — золота и серебра.

— Поступай, как тебе будет угодно, — наказал он сыну. — Не бойся даже урон понести, только прояви ум и споровку.

Распрощался купец с сыном, расцеловал его и отпустил.

Отправился юноша в заморские страны, обошел много царств и городов, но ничего продать так и не решился: а вдруг, дескать, внакладе останусь! Ел только хлеб да лук. Одним словом, потратил он ровно столько, сколько упло у него на хлеб с луком да на мчади с прасой. Все остальное золото и серебро он привез обратно домой и сказал отцу:

— Из страха перед убытком я так и не решился заняться делом. Все деньги твои возвращаю назад, кроме тех, которые на хлеб да лук ушли.

Тогда схватился за голову купец и сказал:

— Из тебя, сынок, толку не выйдет, деньги в твоих руках станут мертвым грузом, будут лежать без движения. Не нужен мне такой сын, ступай отсюда, чтоб глаза мои тебя не видали!

Со вторым сыном то же самое приключилось.

Тогда отправил купец младшего сына, нагрузив верблюдов золотом и серебром.

— На тебя вся моя надежда, — сказал он, — делай все, что ни пожелаешь. Убытка не бойся, пока я жив: если этого не хватит, еще добавлю.

Простился он с сыном, расцеловал его и отпустил. Отправился юноша в заморские края, остановился в одном городе, начал бродить в поисках какого-нибудь дела. Очутился он на окраине города и вдруг видит: один человек волочит по земле мертвеца с отрезанным ухом, а другой лупит мертвеца хворостиной и при этом еще приговаривает:

— Не вернешь мне долга? Так я и в преисподней тебя достану!

Не вытерпел юноша, схватил за руку человека с хворостиной, остановил его и сказал:

— Неужто недостаточно того, что вы волочите этого несчастного одноухого мертвеца по камням и колдобинам, так ты его еще и избиваешь? Отчего вы с ним так обращаетесь? Отдай мне хворостину и перестань его бить. Он ведь и так мертв, чего еще вы от него хотите?

— Как это — чего хотим! Он мне задолжал восемь туманов, я в землю за ним сойду, но деньги свои получу!

— Да что же это за страха, в которой с покойников долги спрашивают!

— А вот увидишь, он мне все равно заплатит!

И снова стали они одноухого мертвеца по земле волочить да хворостиной стегать.

— погоди же, остановись! Что за безжалостное, каменное сердце у тебя, — вскричал юноша, достал из кармана восемь туманов, отдал деньги и забрал хворостину. — Нет в тебе ничего человеческого.

— Будь я таким чувствительным, как ты, не видать мне моих денег. А так видишь — покойник выплатил свой долг.

Сломал юноша хворостину, выбросил ее и обернулся ко второму человеку, который волочил мертвеца по земле, сделал петлю из гибкой лозы. Выхватил он лозу у него из рук и закинул подальше.

Освободил он покойника из рук мучителей, прогнал их, а сам сел на пустыре передохнуть и стал думать: «Что это за жизнь? Пока человек жив, эти кровопийцы сосут его кровь, как умрет — так они и в могилу к нему лезут: верши, дескать, долг! Бедный одноухий раб! И живой он не знает покоя, и над мертвым издеваться продолжают. Нет, бедолага! Я тебя в обиду не дам. Похороню тебя, как подобает. Думаю, отец мой меня одобрит».

Нанял юноша слуг, поселился в хорошем доме и заявил:

— Этого безродного одноухого раба я велю похоронить

с такими почестями, что сам царь позавидует несчастному!

Сказано — сделано: такие похороны устроил юноша, что все только об одноухом покойнике и говорили:

— Послушайте, люди добрые! Откуда у этого бродяги появился такой покровитель, который по-царски его похоронил? Интересно, кто он такой? Дурачок или умник? Столько денег на раба одноухого истратил!

Слыша про пышные похороны, царь только головой качал и говорил:

— Мир нестр и разнообразен, кто знает, какие мысли в голове у того, кто хоронил безродного раба, и какая печаль его сердце гложет. Одно я знаю: добро никогда не пропадало втуне и не пропадет вовек.

Визирь доложил царю:

— У этого юноши, оказывается, очень богатый отец. Он послал к отцу человека и попросил срочно прислать ему денег для одного важного дела. Как только он получает деньги, поставит одноухому рабу памятник, ибо, как он сам говорит: если делаешь доброе дело, так щедро посыпь его солью, не скупись!

Не напрасно ждал и надеялся юноша: отец немедленно прислал ему девять верблюдов, груженных золотом и серебром.

Юноша завершил начатое: такой памятник воздвиг на могиле обойденного счастьем одноухого раба, что все люди только о том и говорили.

Сам царь изволил пешком на кладбище пожаловать в сопровождении своего визиря, не удержался и воскликнул:

— Кто же мне такой памятник поставит!

Заключив это великое дело, юноша вернулся домой с пустым караваном и рассказал обо всем отцу.

— Только на тебя и надеюсь, сынок! Ты такое доброе дело совершил, что за него не может не воздаться сторицей. Отдохни дома четыре-пять дней. Я нагружу дюжину верблюдов отборными жемчугами и самоцветами, ты отвезешь их в заморские страны, продашь и используешь выручку, как подскажет тебе твой ум. Я дам тебе только один наказ, помни о нем всегда. Без помощника трудно тебе придется, возьми такого человека, который тебе хлебный мякиш отдаст, а себе сухую корку оставит. Такому человеку можешь довериться, он никогда тебя не подведет. Тому же, кто себе мякиш выберет, а тебе горбушку оставит, не доверяй, он предаст тебя и погубит.

Вот об этом помни. Теперь же отдохни с дороги, а потом ступай, куда пожелаешь, со своим имуществом.

Через три-четыре дня простился купец с сыном, расцеловал его и отправил в путь.

Долго ли, коротко ли шел караван, прибыл в некую местность и расположился на ночлег. Разнесся слух, будто предводитель каравана ищет себе помощника. Пришел один человек и говорит сыну купца:

— Я работу ищу, возьми меня.

— Для начала возьми этот хлеб и раздели между нами, а я вина налью из бурдюка. Сначала поедим, а потом о деле потолкуем.

— Ладно, — согласился работник и принялся делить хлеб. Себе мякиш взял, а купеческому сыну сухие корки оставил. Поели они, и тогда спросил тот человек:

— Ну, что скажешь, хозяин, подхожу я тебе или нет?

Отвечает ему юноша:

— Да нет, не возьму я тебя.

— Отчего же? Тебе же нужен помощник?

— Нужен, да... Я сам знаю, как мне быть.

Расстался он с работником, а сам на рассвете со своим караваном дальше в путь пустился.

Вечером караван снова остановился на ночлег. Явился к купеческому сыну другой человек:

— Я ищу работу, возьми меня в помощники.

— Сначала давай поедим, — сказал ему юноша, — разрежь хлеб, а потом о деле поговорим.

Отдал он хлеб, а сам стал вино из бурдюка наливать. Гость взял себе весь мякиш, а хозяину сухие корки оставил. После ужина и говорит ему сын купца:

— Не возьму я тебя.

— А говорил, что тебе помощник нужен...

— Нужен-то нужен, да ты мне не подходишь. То, что мне не подходит, я удерживать не стану.

— Чем же это я не подхожу? Ты бы сначала испытал меня, а потом отправлял воякою.

— Да я уже испытал тебя, а как — это мое дело, и мне виднее, что делать.

С трудом отделался он от назойливого просителя и на следующий день пустился со своим караваном дальше в путь. К вечеру остановились они под раскидистым деревом и стали снимать с верблюдов поклажу. Расположившись на ночлег, разожгли костер, изжарили мясо, и только-только собрался ужинать купеческий сын, как появился некий одноухий араб и сказал ему:

— Слышал я, что вы ищите помощника. Не зря говорят, что за местным зайцем с местной гончей охотиться сподручней! Я как раз местный и буду тебе полезен. Возьми меня на работу.

Юноша отвечал:

— О деле поговорим после, а пока нарежь этот хлеб, вот тебе нож, все приготовь, а я выпю из бурдюка разолью.

Одноухий араб отдал весь мякиш купеческому сыну, а себе взял подгоревшие и сухие корки. Когда насытился оба, юноша спросил:

— На каких условиях ты хочешь наняться ко мне?

— Всю выручку, равную своему золоту и серебру, ты оставишь себе сполна, а прибыль разделим поровну — половину тебе, половину мне.

— Очень хорошо, я согласен, давай по рукам! — ответил юноша.

— Погоди, у меня есть еще одно условие: ты должен будешь трижды подчиниться мне беспрекословно, довериться моему опыту.

— Я доверяю тебе и обещаю слушаться. А почему — это я сам знаю.

— Так?

— Так! — Ударили по рукам.

Стал араб ближайшим помощником юноши. На следующее утро ни свет ни заря оседлали они коней и отправились с караваном в путь. Подошли к дремучему лесу, дорога вела через него. Тогда одноухий араб обратился к купеческому сыну:

— Я пойду впереди каравана, а ты за мной. Это первое мое условие, и ты обязан мне подчиниться.

— Будь по-твоему, — согласился юноша. Караван потянулся медленно в гору, извиваясь по крутой дороге. А лес тот считался непроходимым и кишел хищниками.

Едет впереди одноухий араб и обнаженной саблей косит диких зверей, которые нападают на него со всех сторон. Следом по расчищенной тропе бредет караван, а купеческий сын дивиться не успевает — какие чудеса творит этот встречный незнакомец. Тут поверженный лев валяется на обочине, там — пантера, а на другой стороне — бездыханный тигр... Если бы не араб, хищники истребили бы весь караван, сожрали бы и верблюдов и гонщиков и сам хозяин стал бы их жертвой вместе со своим богатством. Теперь догадался юноша, что имел в виду отец, давая ему столь мудрый наказ!

Араб вывел караван из леса целым и невредимым.

Взошли они на голую вершину, араб подозвал к себе юношу и сказал, показывая на местность, раскинувшуюся у подножия горы:

— Ты видишь эту долину? Видишь в тумане степы, башни и дома?

— Вижу,— отвечал юноша.

— Эта крепость принадлежит здешнему царю. Пришлорь своего коня и скачи к башне. Сегодня у царя большой праздник: у него гостят одиннадцать государей. Смело входи в башню, тебя пропустят, если ты скажешь привратникам, что ты чужестранец и желаешь видеть царя. Как предстанешь перед царем, скажи ему: я чужеземец и прошу отвести мне покои в вашем городе. Если он скажет, что у него нет сейчас свободных покоев, ты попроси, чтобы он поместил тебя в лачуге, что в царском дворе. Царь — добрый человек, он тебе не откажет, а мы расположимся там всем караваном, а поклажу в лачугу снесем. Это второе мое условие, и ты должен мне подчиниться.

Юноша так и поступил, согласно своему обещанию. Царь разрешил ему расположиться с караваном во дворе.

Разместились они в той лачуге со своей поклажей и верблюдов вокруг лачуги устроили на почет.

Наутро араб говорит юноше:

— Ты оставайся здесь со своими сокровищами, посети взаперти и даже в окно не выглядывай. Это третье мое условие, и ты должен подчиниться беспрекословно.

— Ладно,— согласился юноша.

— Я возьму с собой драгоценные камни и пойду на площадь, где собираются купцы. Продам камни, а золото и серебро принесу тебе. Запомни хорошенько — из лачуги не только не выходи, но даже в окно не выглядывай.

— Хорошо,— согласился купеческий сын.

Араб наполнил карманы самоцветами и пошел на площадь. Смотрит — все торговцы столпились возле одного человека и вырывают у него из рук птичку, говорящую человеческим языком.

— Я дам тебе десять самоцветов, если птичка согласится, чтобы я ее купил.

— Если ты будешь хорошо ухаживать за мной — и кормить, и поить, и чистить,— покупай, я пойду с тобой,— сказала птичка.

Как услышал хозяин птички, что за нее дают десять самоцветов, сразу отдал говорящую птичку арабу. Тот ни с чем оставил всех купцов, и они с завистью глядели

на докча. Араб распродал драгоценные камни и пошел выручку хозяину.

Пришел — и что же видит?

Окна и двери выбиты, а сын купца без чувств валяется на пороге. Оказывается, когда араб ушел, юноша выглянул в окно, увидел вышедшую на балкон башни красавицу-царевну, и так одурманила его красота девушки, что он сам не помнил, что творил.

Захлопотал араб, принес холодной воды, привел юношу в чувство и упрекнул его за то, что он не выполнил наказа и выглянул в окно. Но что было, то было — привидись они вновь за дело. Вырученное золото и серебро араб отдал сыну купца. На следующий день снова оставил его дома, а сам отправился на площадь. Распродал драгоценные камни, купил для себя парадную одежду, облачился в нее и пошел домой. Отдал юноше выручку, взял проголодавшуюся птичку, посадил ее в карман и отправился к царю.

— Чего тебе надобно? — спросил царь.

— Я пришел поговорить с вашей красавицей-дочкой.

— А если она не станет с тобой разговаривать, ты ведь знаешь, что тебя ждет. — И царь показал на головы, торчавшие на кольях ограды, окружавшей сад.

— Знаю, что меня ждет, если не заговорит со мной царевна, но знаю также и то, что она обязательно со мной заговорит, за этим я сюда и пришел, а вовсе не для того, чтобы моя голова на вашей ограде красовалась.

— Тогда ладно, будь по-твоему! Раз не слушаешь меня, отправляйся к праотцам!

Вошел араб в ту дверь, на которую ему указал царь. Как вошел, увидел красивый глиняный горшок, посадил туда птичку, а сам сел в кресло и ждет. Раскрылась другая дверь, вышла красавица-царевна в сопровождении царского визиря.

Сели они, визирь и говорит арабу:

— Чего ждешь? Если можешь, заставь красавицу заговорить.

— Я могу и нежную вещь заставить заговорить, а не то что красавицу! Вот хотя бы этот горшок!

— А ну попробуй! — сказал визирь.

— Ну, говори, что с тобой? — обратился араб к глиняному горшку.

— Как это что со мной? Никто за мной не ухаживает, не моет, не чистят...

— Как это не чистит? — не стерпела царевна. — Толь-

ко вчера мои слуги его трижды начищали, а то и больше, врет он все!

Царевна и визирь ренили, что горшок заговорил, ибо откуда им было знать, что там сидит говорящая птичка, а царевне стало досадно, что вещь ее будто бы не мыта и не чищена.

На сей раз араб победил. Растерялся визирь, пошла царевна свою ошибку, вскочила с кресла и выбежала воп из комнаты. Визирь вышел в другую дверь и доложил царю:

— Ваша дочь заговорила с арабом.

Поднялась суматоха. Царь от гнева чуть рассудка не лишился:

— Ах ты предатель! — закричал он на визиря. — Тебя этот араб жемчугами подкупил, думаешь, я не знаю!

Выхватил он саблю и снес визирю голову с плеч. Тем временем достал араб птичку из горшка, спрятал за пазуху и явился к царю.

— Что теперь прикажешь, государь? — спросил араб.

— Мне сейчас не до тебя, — закричал царь. — Не видишь, что ли? Во всем твои драгоценные камни виноваты! Убирайся с глаз моих долой, приходи завтра!

Араб ушел.

На следующий день в назначенный час он снова предстал перед царем. Тот показал ему, в какую дверь входить.

Вошел араб, смотрит — комната совсем пустая, один занавес висит... Спрятал он птичку в складках занавеса, а тут и царевна появилась в сопровождении второго визиря.

— По твоей милости, — сказал визирь, — царь вчера собственной рукой обезглавил своего верного слугу, по предупреждаю, меня ты не сможешь подкупить. Попробуй-ка, заставь заговорить красавицу!

— Я и вчера сказал, и сегодня повторю, что даже неживые, бездушные вещи заставлю заговорить. Так неужели царевна не заговорит! Вот сейчас этот занавес у меня будет говорить.

— А ну, попробуй, посмотрим, как ты заставишь его говорить!

— Ну, как с тобой обошлись? — обратился араб к занавесу. — Почистили, помыли, ухаживают ли за тобой?

— Какой там! — послышалось в ответ. — Повесили меня вверх ногами, невыттый я да начищенный...

Царевна вскричала, как громом пораженная:

— Лжет он! Не могли мои слуги вверх погами занавес повесить!

— А вот и не лгу, вишу вверх погами! — отвечала птичка.

— Врет! Это ложь! — закричала царевна. — Все же видят, что занавес висит как надо.

Она думала, что и впрямь занавес заговорил: из себя выходит, кричит на араба.

Визирь опешил. Красавица поняла, что дала маху — араб снова выгудил ее заговорить. В мгновение ока сорвалась она с места и выскочила из комнаты. Визирь, пошатываясь, пошел к дарю и доложил:

— Заговорила.

— Да что же это такое! — вскричал царь. — И тебя тоже подкупили, и ты меня предал!

Выхватил он в ярости саблю и, словно тыкву, снес второму визирю голову с плеч.

Тем временем араб высвободил запутавшуюся в складках занавеса птичку, спрятал ее за пазуху, предстал перед царем и спрашивает:

— Что еще велишь, государь?

— Чтоб ты провалился да сгниул с глаз моих! Двух визирей моих с пути сбил и сгубил моими же руками. Приходи завтра!

Ушел араб.

На третий день снова явился он к царю. Тот показал ему дверь. Вошел араб в комнату, быстро спрятал птичку под сиденье трона, который предназначался царевне. Сам сел на свое место и стал ждать.

Открылась дверь, и пожаловал сам царь, за ним по пятам следовала царевна. Сели они.

— А пу-ка, араб! Уж меня-то ты не проведешь! Поглядим, как ты подкупишь меня теми самоцветами, которыми ваши верблюды нагружены. Попытайся теперь заставить заговорить царевну!

— Я уже в третий раз повторяю, что даже неодушевленные предметы могу заставить говорить, хоть вот этот трон, где красавица сидеть изволит. Так что же удивительного, если и царевна у меня заговорит? — отвечал араб.

— Тогда покажи нам свое волшебство!

Поднялся араб и обратился к трону, на котором восседала царевна, с такими словами:

— Как ухаживают за тобой? Чистят ли, моют ли?

А птичка в ответ:

— Никто за мной не ухаживает, не чистит и не моет, а самая большая беда, что наваливаются на меня горой, вот я и задыхаюсь, дышать не могу.

Царь с царевной ведь ничего не знают о говорящей птичке, им и кажется, что троп человеческим голосом разговаривает.

Как услышала царевна, что кресло жалуется, будто она навалилась на него горой, вскочила, не выдержало ее уязвленное сердце, и обратилась она к арабу с горьким упреком:

— Да разве это правда? Неужели я вешу с целую гору? И потом, кто, кроме этого негодного трона, посмеет утверждать, что за ним не ухаживают, когда слуги мои десять раз на дно моют его и чистят.

— Ложь! — кричит птичка. — Никто за мной не смотрит, не моет и не чистит... И горой на меня наваливаются, задыхаюсь я!

— Вот и задохнись! Да легче меня нет девушки на всем свете. Я легка, словно тень или призрак, при чем тут гора!

— Для меня ты гора тяжеленная, — твердит свое птичка.

Поднялся переполох. Царевна в слезах кинулась вон. Царь, ошеломленный, побрел к себе.

Араб освободил говорящую птичку, спрятал за пазуху и предстал перед царем:

— Что теперь прикажешь, государь?

Царь, погруженный в невеселые мысли, очнулся и сказал:

— Чем я господа прогневил?! Двух лучших людей и моем царстве, самых преданных слуг зря погубил. Ты все равно заставил царевну говорить. Скажи мне только одно: ты себе ее в жены хочешь или кому-то другому? Ведь ты уже в годах, и тебе поздно семьей обзаводиться и красавицу в жены брать.

— Ты прав, — ствечал араб, — тот юноша, который явился сюда, когда вы шировали с одиннадцатью государями, без памяти влюблен в твою дочь. Ему принадлежат все сокровища, которые мы привезли на двенадцати верблюдах. Отец его — самый богатый купец на свете. Сам юноша несравненно хорош собой — и станом вышел, и ликом, и, кроме того, прекрасен душой.

— Раз так, — говорит царь, — веди его сюда!

Араб не мешкая привел купеческого сына, наряженного в лучшие одежды.

Поправился царю безбородый и стройный юноша. Поистине царскими были и внешность его, и нрав.

Царь вызвал к себе не успевшую осушить слезы дочь. Как узнала она, в чем дело, сначала нахмурилась, но, украдкой взглянув на юношу, у которого только-только пушок над губой пробивался, застыдилась, покраснела до ушей. Сама своему смущению удивилась и цевольно улыбнулась. Эта улыбка, словно краса первого утреннего луча, тронула юношу до глубины души. Вот тогда-то и был скреплен их союз. Сердце сердцу подало весть. Тогда же назначили и день свадьбы. Араб вызвал юношу в отдельную комнату и сказал ему:

— Ты пока еще ничего как будто не проиграл благодаря моим советам?

— Это верно, — подтвердил купеческий сын.

— Тогда и теперь послушайся меня, иначе прощайся.

— Я тебе во всем доверяю и последую твоему совету.

— Тогда скажи царю, что здесь ты отпразднуешь только обручение, а свадьбу справишь у тебя на родине. И запомни мои слова: до возвращения домой к родителям к суженой своей не приближайся. Смотри не забудь об этом!

— Буду помнить об этом всегда и везде.

Когда царю доложили, что здесь состоится только обручение, он удивился, и араб объяснил ему:

— Надо продать еще много жемчугов и драгоценных камней — для этого нужно потрудиться и иметь свободное время; кроме того, и родители вправе порадоваться счастью сына: они доверили ему столько золота и серебра, а он распорядился этим богатством так, как подсказали ему чувства и разум.

Царь удовлетворился таким разъяснением, но сказал:

— Через месяц пусть молодожены вернутся сюда вместе с родными моего зятя, чтобы я мог передать ему корону и царство.

После этого состоялось пышное обручение, самое роскошное из всех происходивших на свете.

Когда были проданы все драгоценности, купеческий сын распрощался с царем и вместе со своей нареченной и с арабом, который охранял караван верблюдов, груженных вырученным золотом и серебром, двинулся к себе на родину.

По пути попалось им то дерево, где познакомились юноша и араб.

Расположились на ночлег, разожгли огонь. Только собирались садиться за ужин, как араб обратился к купеческому сыну с такими словами:

— Мы с тобой здесь стали друзьями.

— Да, именно на этом месте мы подружились.

— Здесь же и надлежит нам рассчитаться. Думаю, время уже наступило.

— Ты верно говоришь, пусть будет по-твоему.

— Золото и серебро, вырученные от продажи самоцветов, остаются тебе.

— Истину молвишь.

— Одежда моя на твои деньги куплена и принадлежит тебе. Зачем она мне была нужна, ты знаешь.

— Чистая правда.

— Значит, наша прибыль — говорящая птичка да красавица-царевна. — С этими словами араб взял птичку и в мгновение ока разорвал ее пополам, половину протянул юноше: — Вот твоя доля!

— Ох, лучше бы ты этого не делал! — вскричал купеческий сын, — лучше бы меня убил, а птичку не трогал.

— Нет, того требовали справедливость и наш уговор.

— Лучше бы ты меня убил! — воскликнул юноша. — Или взял бы ее себе насовсем, только бы не убивал!

— Следует помнить уговор! А сейчас мы царевну пополам разделим. — С этими словами араб взял красавицу за руку, привязал ее за одну ногу к дереву, а другую ногу сам схватил, висит она вниз головой, а араб занес саблю, чтобы рассечь ее пополам. Подскочил к нему юноша, взмолился:

— Пусть она будет твоей, только не убивай ее! Возьми весь мой караван с золотом и серебром, только девушку не убивай!

Но араб стоял на своем: уговор есть уговор. Сильной рукой отстранил он юношу и так замахнулся саблей, что она засвистела в воздухе. Из рта перепуганной царевны выползла огромная змея. (Все это араб устроил лишь для острастки.)¹ Опустил он саблю, отвязал царевну и сказал юноше:

— Если бы я птичку не убил, красавица бы не поверила, что я ее собираюсь рассечь пополам, и не изрыгнула бы змею. Теперь же царевна цевкиша, словно овечка, и я благословляю вас. Будьте счастливы, живите мирно до глубокой старости. Оставь себе свое золото и серебро, мне от тебя ничего не надо. Если не пожалеешь, отдай мне только эту одежду, которую я на твои деньги купил, я

возьму ее на память... Однако это еще не все. Приглядись-ка ко мне повнимательней — неужели ты меня не узнаешь? Разумеется, не узнаешь, хотя и видел меня... Но видел ты меня... мертвым... Ты видишь, у меня нет одного уха. И теперь не узнаешь?

Растерянно глядя на сына купца в лицо благодетеля и никак не мог вспомнить: где же он его видел?

— Я тот самый безродный раб, кому ты памятник на могиле поставил! Вот и ухо одно у меня отрезано, вспомни, у того покойника, которого ты от мучителей спас, тоже не было одного уха! Я и есть тот несчастный. За восемь туманов купили меня изверги рода человеческого и после смерти моей хотели с меня те деньги получить, считали меня должником. Ты спас меня от рабства, от которого даже смерть не спасла. Теперь я в расчете с тобой, ибо ты счастлив! Прощай! — Обнялись они и расцеловались по-братски.

Юноша приглашал араба к себе, но тот не соглашался.

— Я, — говорит, — большие ничего тебе не должен, да и пычке мне недосуг...

И расстались они навсегда.

Юноша явился к отцу с караваном и с красавицей-пестрой. Купец, как увидел сына с парочкой, чуть с ума не сошел от радости. А когда тот рассказал ему, что с ним приключилось, сказал:

— Вот, сын мой, добро от чистого сердца и от щедрой души даже за мертвым не пропадет! Я доверился тебе, и ты мое доверие оправдал. Теперь ты получишь и красавицу, и престол, и счастье, и почести. Мы с матушкой здесь справим тебе свадьбу, а там отметим посшествие твое на престол.

Через месяц вся семья в сопровождении тяжело груженных караванов отправилась к царю.

Царь вышел им навстречу, одарил их щедро и сам бесценные дары получил. Нескончаемо длилось пиршество и честь водарения купеческого сына.

А потом у сына купца, ставшего царем, родился златоволосый сын. Женщины, старый царь и купец ласкали младенца, лепетали с ним на его языке, и не было предела их счастью. Вот тогда-то и пожелал узнать старый царь, что сделал одноухий араб для его зятя. Рассказали царю обо всем, и премного доволен был старый государь и хвалил зятя своего за добрые дела.

Оказывается, за добро добром даже мертвый отплатит!

82. Царевич и царица женщин

Было то или не было, жил да был один государь, а у него был единственный сын, да только непутевый какой-то: за что, бывало, ни возьмется, никакого проку нет. Однажды его мать говорит государю:

— Дай ему денег, да посмотрим, что он с ними сделает.

— Оставь, — молвит муж, — видишь ведь сама: ни к чему он не способен.

Все же дал ему отец пять туманов. Взял их мальчик и пошел погулять. Ходил, ходил, и повстречалась ему женщина с кувшином. А в тот кувшин мышка попала, и женщина хотела ее утопить. Как увидел это царевич, кричит:

— Пстой, заклинаю тебя всем самым святым, не дай мне увидеть страданий этой мышки!

Отдал ей все деньги, какие у него были, сказав:

— Ведь ущерб, причиненный ею тебе, столько не стоит! — И, взяв кувшин, выпустил из него мышку.

Убегая, мышка повернулась к нему и говорит:

— Когда будет с тобой беда, вспомни меня.

Вернулся царевич домой, а там мать его ждет не дожидается:

— Ну, что ты сделал с деньгами? — спрашивает.

— Знаешь, матушка, увидел я, как одна женщина собиралась утопить мышку, понавшую к ней в кувшин. Жаль мне стало мышку, и отдал я той женщине все деньги, чтобы отпустить бедняжку на волю.

Что мать могла сказать на это? Только руками развела...

— Говорил же я тебе, что растет из него глупый и ничемный человек! — сказал отец жене.

А мать снова пристала к мужу.

— Дай, — говорит, — ему снова денег — шесть туманов — и пусти его опять.

Получил царевич у отца еще шесть туманов и опять пошел куда глаза глядят. Смотрит — а у реки женщина собирается утопить кошку и щенка.

— Отпусти, — говорит, — их на волю, а я вот тебе шесть туманов дам.

Отпустила их женщина и взяла деньги. Повернулись тогда кошка и щенок к царевичу и говорят:

— Коли случится с тобой беда, мы сразу возле тебя окажемся, так и знай!

Вернулся царевич домой.

— Ну, что ты сделал с деньгами? — спрашивает мать.

— Да вот, матушка, собиралась одна женщина утопить в речке кошку и щенка. Пожалел я их, выкупил у той женщины и выпустил на волю.

— Нет, — говорит отец матери, — ничемный он у нас. Вырастет, боюсь, все наше царство по ветру пустит.

А жена давай опять с ним спорить:

— Это все потому, что ты мало ему денег даешь. Дай побольше — и увидишь...

Дал тогда государь сыну десять туманов. Взял царевич деньги и отправился в путь-дорогу. Шел он, шел и вдруг видит: неподалеку, на горке, разбойники хотят убить царевича, а у матери он был единственный сын. Подбежал к ним юноша и говорит:

— Ну зачем вам его убивать, какая в том выгода? Вот, возьмите эти десять туманов, только отпустите его.

Послушались разбойники, взяли деньги и отпустили юношу. Ушли царевичи вместе.

Когда дошли до того места, где дорога разделилась, наш царевич говорит спасенному им другу:

— Ну что ж, давай прощаться: тебе — в свое царство идти надо, вот по этой дороге, а мне — в свое, воп по той...

— Да ты что? — возмутился тот. — Куда ты пойдешь? Ты меня от смерти спас — и хочешь уйти без всякой благодарности? Нет уж, такому не бывать. Вот пойдем к моему отцу — он сумеет тебя достойно отблагодарить.

Так и не позволил он своему спасителю уйти и повел его в свое царство.

— Отец мой, — говорил он ему по дороге, — скажет тебе: проси, дескать, чего хочешь, а ты ему так ответь: мне, мол, ничего не надо, кроме того драгоценного камня, что хранится у нас на чердаке. Дадут тебе камень, и, уж ты мне поверь, ничего другого тебе и впрямь не понадобится: камень тот — непростой...

Пришли они в то царство, а там всеобщее горе: оплакивают царевича, которого похитили разбойники. Как увидел народ, что идет он, целый и невредимый, побежали сообщать царю и царице. Те от радости плачут, бегут на встречу своему сыну, обнимают и целуют его.

— Вот, если бы не этот юноша, — говорит царевич родителям, — не увидели бы вам меня уже никогда. Он меня от верной смерти спас, и должны вы его вознаградить как подобает.

— Чем же тебя отблагодарить? — спрашивает отец у

нашего царевича.— Проси все, что пожелаешь: мне для тебя ничего не жалко.

— А мне ничего и не надо,— говорит царевич,— кроме того драгоценного камня, что на чердаке у вас хранится: от него я не откажусь.

Огорчились родители, услышав такую просьбу, ну да ничего не поделаешь: ведь от своего царского слова не отступиться. Пришлось им скрепя сердце вынести камень и подарить царевичу: сын-то все-таки дорожке...

Взял царевич камень и ушел. Пришел домой, а мать его ждет не дождется.

— Ну как, сынок? — спрашивает, — что ты сделал с деньгами?

— Знаешь, матушка, шел я по дороге и увидел — неподалеку, на пригорке, разбойники собрались убить юношу. Отдал я им все деньги, чтобы только они его отпустили. Они согласились и отдали мне юношу. А тот оказался царевичем, единственным сыном у своей матери. Повел он меня в свое царство, а там его родители подарили мне драгоценный камень.

Взяла мать камень и отнесла отцу. Как увидел государь, что принес его сын, обрадовался.

— Значит,— говорит,— сын мой не такой уж непутевый человек. Ведь камень этот — волшебный талисман, исполняющий любое желание, ему цены нет.

Прошло время, и скончались родители нашего царевича. Похоронил он их, оплакал и стал править своим государством.

Однажды пришел к государю нищий и стал просить у него подаяния.

— Все,— говорит,— желания твои исполнятся, если окажешь мне милость.

— Как бы не так,— сказал молодой государь,— уж конечно, именно ты исполнишь мои желания, так я тебе и поверил!

— А ты мне скажи, чего желаешь,— не удимался нищий.

— Ладно, скажу: хочу я взять в жены царю женщину.

— Ну, это дело простое,— говорит нищий,— для этого немного нужно: достань козу, два шила, таган и пойдем со мной.

Велел молодой государь принести все это, и собрались они в путь, поминая бога. Шли, шли и наконец пришли к тому месту, где стоит крепость царю женщины. Придя туда, уселись на площади, поставили козу между собой и

давай колоть ее шилом: государь — с одной стороны, а нищий — с другой. Коза рвется у них из рук и блеет так жалобно, что в окно выглянула кормилица царицы, увидела все это и побежала к своей госпоже.

Огорчились они обе. И козу жалко, а еще более — таких неумелых людей, что даже козу толком заколоть не умеют, а только мучают зря.

— Ступай к ним, — велит царица, — да научи их, как заколоть козу.

Вышла кормилица на площадь.

— Как же это, — говорит, — вы до сих пор не научились животных резать? И не стыдно? Вот как надо это делать!

Показала им, в закололи они наконец козу. Тогда снова поднялась кормилица к своей госпоже, и долго смеялись они над двумя несчастными.

Теперь юноша и нищий делали вид, что они и мясо варить не умеют: то один возьмет мясо и стукнет им по тагану, то другой начинает колотить мясом о таган.

Увидела это кормилица из окна, побежала опять к своей госпоже.

— Боже мой, — говорит, а сама от смеха давится, — эти несчастные, оказывается, и мясо варить не умеют.

— Пойди научи их, — велела царица.

Сошла опять кормилица на площадь, подошла к юноше и нищему.

— Да что это вы в самом деле, — говорит, — неужто и мясо не умеете варить?

Нарезала она мясо, побросала в котел и сварила.

Через некоторое время выглянула снова и видит: те двое и есть не умеют. Берут из котла мясо и, вместо того чтобы есть, шлепают им по тагану. Опять побежала кормилица к госпоже и докладывает:

— Ну что это такое? Недотепы-то наши и есть не умеют.

— Раз так, — говорит царица, — приведи их сюда. Сделаем доброе дело, научим их этому.

Усадила государыня молодого царя подле себя, а кормилица села рядом с нищим. Показали им, как нужно есть, и поужинали вместе с ними.

После ужина постелили им постель в отдельной комнате. Через некоторое время заглянула кормилица в щелку и видит: то царевич сидит на постель, то нищий. Так они по очереди садятся и встают. Бежит кормилица к государыне, а сама опять от смеха давится.

— Олл,— говорит,— оказывается, и в постель ложиться не обучены!

— Ступай,— велела государыня,— приведи ко мне этого царевича; я научу его лежать в постели, а ты возьми к себе того слугу и научи его.

Пришел царевич и лег рядом с царицей женщи. Теперь, когда самое заветное его желание исполнилось, он признался государыне.

— Ты,— говорит,— не подумай, что я и вправду ничего не умею. Просто желал я тебя очень сильно.— И рассказал ей все, как было.

Призвала тогда царица священника и обвенчалась с этим юношей.

— А где у тебя,— спросила она потом,— тот волшебный камень?

Юноша возьми да и покажи ей талисман. Ночью, как он заснул, царица потихоньку вытащила у него волшебный камень, а затем сказала:

— Слышь, талисман, исполни теперь мое желание: возьми этого царевича, мужа моего, и положи его на площади — там, где они козу мучили, а мою крепость и весь город перенеси на Черное море¹ и там поставь на скале.

В тот же миг камень исполнил ее желание: уложил спящего царевича на площади, а крепость и весь город перенес на Черное море и там поставил на скале.

Проснулся утром юноша — и дай бог врагу твоему так огорчиться, как он был огорчен! Сидит он, горюет и печалится, да ведь слезами горю не поможешь...

Тут, откуда не возьмись, прибежали к нему те самые мышка, кошка и собака, которым он в беде помог, и говорят:

— Ну, полно тебе печалиться, мы тебе тот камень раздобудем.

Попли они на берег Черного моря. Тут кошка с мышкой уселись на спину собаке, и уплыла она в море. Долго долго плыла, и приплыла она наконец к царицыной крепости.

Царица, увидев кошку, обрадовалась.

— Смотри-ка,— позвала она кормилицу,— паша киска пришла.

Сидит, ласкает кошку, не нарадуется на нее. А рядом там же стоял кувшин с уксусом. Кошка его хвостом задела и опрокинула, а когда брызги уксуса в нос ей попали, зафыркала и выбежала ларужу. В этой суматохе мышка подкралась к талисману, схватила — и давай бог ноги...

Встретились трое друзей на морском берегу.

— Талисман давайте мне,— говорит собака,— а не то и вас обоих брошу в воду.

— Как переплывем через море — отдадим,— отвечают кошка с мышкой.

Не согласилась собака, и пришлось им отдать ей камень. Положила собака талисман в рот, и они поплыли. Приблизились к берегу и видят — плывет им навстречу огромный сом. Собака залаяла на него, и камень у нее изо рта выпал прямо в воду. Вылезли они на берег, смотрят и не знают, как им быть.

В это время мимо проходил человек знатного рода. Увидел он собаку, кошку и мышку и говорит:

— Интересно, куда это они смотрят? Что там такое?

Поглядел и видит — возле самого берега плавает великокопная рыба. Вошел он в воду, выхватил кишжал, зарезал сома и вытащил на берег.

— С них будет довольно, если я им внутренности оставлю! — сказал он. Выпотрошил сома, побросал кишки на землю, а рыбу унес с собой.

Набросились кошка, собака и мышка на внутренности сома, разодрали их и нашли камень. Побежали прямо к царевичу и отнесли ему талисман. Тот от радости чуть с ума не сошел. Схватил камень и говорит:

— Талисман ты мой волшебный, сейчас же перепеси сюда, в мое царство, царицу женщины с ее крепостью и городом.

В мгновение ока желание его оказалось исполненным. Вошел он к своей жене.

— Что же это,— спрашивает,— ты со мной сделала? В чем я провинился?

— А это потому,— отвечала она,— что ты меня хитростью покоришь, вот и получил за это.

Помирились они, снова справили свадьбу и зажили в радости и веселье.

Мор — туда, пир — сюда,

Отсев — туда, муку — сюда.

83. Лампада

Было то или не было, жил в одной стране известный купец. Был у него единственный сын, и больше ничего не было. Непутевый был парень. Отдал его отец в школу, а он туда ходить не стал. Отдал тогда его ремеслу учиться,

а он и этого не захотел делать. Только со всякими бродягами имел дело. Купец горевал, горевал и от горя помер. Мать решила определить сына на отцовское место, сделать главой кушечества. Занял парень отцовское место. Всех своих дружок стал к себе приглашать. Начали они кутить, отцовские деньги проедать.

— Эге,— сказала мать,— так дальше дело не пойдет. Эдак он быстро все отцовские деньги промотает.

Продала она все, что у них было, и имущество и духапы — все в деньги превратила.

А сын взял да проел все деньги с друзьями. Обеднели они так, что бедней их никого не было. Мать то хлеб кому-нибудь исечет, то поски свяжет — тем и живут.

Узнал волшебник, что в государстве, где жил этот парень, под землей есть золотой сад. Пришел волшебник в ту страну и стал искать упрямого и смелого человека, кто бы не побоялся спуститься под землю.

Много ли он бродил или мало, пришел он в ту деревню, где этот упрямый парень жил. А парень в это время с товарищами развлекался. Поглядел волшебник на этих ребят и понял, что упрямер всех тот парень, позвал он его:

— Поди ко мне и скажи, чей ты сын?

— Я сын такого-то.

— А отец твой еще жив?

— Нет, умер.

Начал этот волшебник причитать да плакать:

— Ой братец, вай братец!

— Отчего это ты плачешь, дяденька? — спрашивает его парень.

— Как же мне не плакать, если это брат мой родной... Давно уже, как я отсюда уехал, много лет его не видел, не дождался он меня, бедняга! Поди скажи матери: дяди мой приехал.

Побежал парень к матери: так, мол, и так, брат моего отца, тот, что давно отсюда переселился, приехал.

— А ну, позови его сюда,— сказала мать.

Побежал парень и привел дядю к себе в дом. Пришел этот волшебник, увидел женщину, расплакался, выразил вдове соболезнование, спросил:

— Как живете?

Заплакала вдова:

— Сын у меня непутевый, упрямец, пз-за него и муж мой до срока помер.

— Парня я заберу с собой, воспитаю как положено.

Повел волшебник парня в город, купил ему новую одежду, матери деньги оставил, распрощались они и уехали. Много ли ходили, мало ли, пришли в дремучий лес. Стемнело. Спросил у парня волшебник:

— Не боишься?

— Не знаю я, что такое страх, да и чего мне бояться, — отвечает упрямец.

— Ну, если не боишься, собери немножко хвороста, огонь разожги.

Пошел парень, принес охапку хвороста. Разожгли они костер. Сели у огня, вытащил что-то из кармана волшебник и супул в огонь. Огонь тотчас же потух, а внутри костра образовалась дыра. Глянул волшебник в нее и видит — вниз лестница ведет.

Сказал он парню:

— Сойдешь по этой лестнице, не побоишься?

— Почему не сойти, чего мне бояться?

— Сойдешь по лестнице, увидишь дверь, войдешь в нее, увидишь большой дом, в нем тоже и тут дверь, и там, пройдешь все двери и выйдешь в огромный сад. В том саду какие хочешь фрукты растут. Пройдешь — ни до чего не дотрагивайся. В конце сада увидишь столб, на нем лампада. Сними эту лампаду, тогда срывай все, что хочешь. Все фрукты там золотые.

Надел этот волшебник парню на палец кольцо, с тем и отпустил.

Спрыгнул этот парень на лестницу, вбежал в дом и вышел в сад, прошел весь сад и вышел в конец сада. Увидел столб, на котором висит лампада. Сорвал он лампаду, в ней был керосин, пролил он его на землю. Сунул лампаду за пазуху и ушел, по дороге сорвал какие ему понравились золотые фрукты. Пришел он к тому месту, где стояла лестница. А лестницы нет.

Говорит ему волшебник:

— Поддай мне лампаду, подниму тебя паверх.

— Подними меня, отдам тебе и лампаду, и кое-что другое.

— Нет, сначала лампаду поддай, а уж потом подниму...

Зауверялся парень и не дал ему лампаду:

— Сначала подними меня, потом отдам.

Прочитал волшебник какое-то заклинание. Потухло все, и сонная над головой парня земля. Остался упрямец под землей. День прошел. Два прошло. Почувствовал он голод. Золотые фрукты ведь есть нельзя. Так захотелось ему хлеба, вот-вот умрет.

— Боже праведный! — развел руками упрямец. Потер он печально свое кольцо. Выскочил тут каджи и говорит парню:

— Чего тебе надобно?

— Подними меня наверх.

Поднял его каджи наверх.

— Еще чего хочешь?

— Больше ничего не хочу, — ответил ослабевший от голода парень. Встал он и пошел. Ходил, ходил и пришел домой. Спрашивает его мать:

— Что с тобой приключилось, сынок, отчего ты так ослабел?

— погоди, мать, сначала дай мне поесть, а уж потом спрашивай.

Принесла мать еду и покормила сына. Как явился сын, рассказал матери все, как было. Вспомнил он, что за пазухой у него золотые фрукты и лампада, вытащил все это и бросил. Стали жить мать с сыном по-прежнему в бедности.

Сказал как-то раз сын матери:

— Дай-ка я отнесу эти золотые фрукты, может, продам их за деньги.

Взял он один золотой фрукт и отнес его на базар. Встретился ему какой-то купец:

— Что это у тебя, парень?

— Я и сам не знаю.

— А сколько стоит?

— Откуда мне знать? Сколько хочешь, столько и дай.

Взял купец один фрукт и дал ему туман. Каждое утро носил ему парень по одному фрукту. Заметил золотокупец, что этот парень носит каждое утро что-то на продажу. Встал перед ним и говорит:

— Что это у тебя, парень, что ты продаешь?

Показал ему тот золотой фрукт.

— Почему продаешь?

— По одному за туман.

— Это, милоч, не один, а двадцать туманов стоит. Хочешь, мне продай, а хочешь, кому другому.

Продав парень золотокупецу один золотой фрукт за двадцать туманов. Принесла парень каждый день ему по одному фрукту, и золотокупец платил ему двадцать туманов. Кончились наконец фрукты, и сказал парень матери:

— Почисти-ка, мама, эту лампаду, понесу я ее, может, что-нибудь и за нее дадут.

Стала мать чистить лампаду, провела рукой, выскочили каджи. Испугалась женщина, а каджи ей говорят:

— Что вам надобно?

— Голодна я, принесите мне еды.

Принесли ей каджи на золотом подносе разные закуски. Поели они. Взял парень этот поднос, отнес его и продал. Снова разбогатела мать с сыном. Как только потрет он лампаду, являются каджи и все, что он им попросит, ему приносят.

Сказал однажды сын матери:

— Пойди попроси у царя дочь мне в жены.

— Как же царь даст нам свою дочь в жены, мы ведь бедняки?

— Иди, не то покопчу с собой!

— Иду, иду, только не убивай себя!

Потер парень рукой лампаду, и выскочили каджи:

— Чего тебе надобно?

— Пойдите в тот сад, где золотые фрукты, и принесите их, да побольше.

Пошли каджи и принесли. Завернула мать эти фрукты в белый платок и пошла просить руки царской дочери. Встала в очередь просителей. Не наступает ее день. Не дожидается она своего дня. Шесть раз подряд приходила, и все никак ее черед не наступал. Заметил царь женщину и сказал своим придворным:

— Утром, как придет та женщина с белым платком, пропустите ее первой.

Настало утро. Женщина пришла. Пустили ее к царю.

— Чего хочешь? Зачем пришла?

У женщины от страха сердце зашлось. Как привели ее в чувство, сказала она царю:

— Сын мой просит у тебя дочь в жены.

— Ладно, через три месяца сообщу тебе ответ.

Пошла женщина домой к своему сыну: так, мол, и так сказал царь, через три месяца, мол, дам ответ. Прошло три месяца. Пошла как-то мать на базар. Видит — все кругом украшено. Спросила она, почему город украшен.

— Сегодня свадьба царской дочери, — отвечают ей.

Побежала она домой к сыну.

— Что же ты, мама, так быстро вернулась и ничего с собой не принесла? — спрашивает сын.

— Сегодня, сынок, царскую дочь замуж выдают. Испугалась я, как бы ты на себя руки не наложил.

— Что ты, мать, если вышла она замуж, я на другой женюсь.

Как стемпело, уложили жениха с невестой в опочивальню. Тогда парень потер лампаду, и появились каджи:

— Что надобно?

— Идите и, как разденутся жених с невестой, приведите их сюда.

Полетели каджи, доставили жениха с невестой. Приказал парень отвести жениха в отдельную комнату, а невесту сирашивает:

— Пойдешь за меня?

— Не пойду!

Как пастушил рассвет, снова привели жениха с невестой в их комнату. Ждет царь молодых. Пошли, открыли дверь в опочивальню. Глянули: жених там стоит, обиженный, и невеста тут. На вторую ночь опять отвели молодых в опочивальню. Снова парень потер лампаду и заставил каджей привести к себе жениха и невесту, снова отвели жениха в отдельную комнату.

— Пойдешь за меня?

— Не пойду!

Утром опять отвели жениха с невестой в их опочивальню. Только рассвело, открыл царь дверь, выскочил тут разъяренный жених:

— Не хочу вашу дочь!

Расстроилась свадьба.

Сказал парень матери:

— Три месяца прошло, пойдн узнай, какой ответ даст нам царь.

Пошла женщина к царю, напомнила просьбу сына:

— Отдам я твоему сыну дочь, если выполнит он все, что я прикажу: должен он привести с собою сорок человек, все сорок должны быть в разных одеждах, сидеть на конях и чтобы не было двух коней одинаковой масти. У самого же должен быть такой конь и такая одежда, чтобы ничего подобного я не видел.

Пошла женщина домой и рассказала все сыну: так, мол, и так сказал мне царь. Встал парень и потер лампаду. Примчались каджи:

— Чего тебе надобно?

Сказал им парень:

— Сорок человек должны быть одеты по-разному и сидеть на разных лошадях, а для меня такого коня и одежду должны вы достать, каких никто еще никогда не видал. — Все исполнили каджи. Сказал тогда сын матери:

— Иди ты вперед и веди за собой всадников.

Мать пошла и повела за собой сорок всадников. При-

вела их к царю. Сам же парень сел на крылатого копя и тоже примчался во дворец. Устроили они пышную свадьбу. Целую неделю пировали. Потом сказал царь зятю:

— Веди свою жену домой.

— Нет у меня дома, отведи мне место для постройки. А у дверей царского дворца была большая площадь.

— Вот тебе место, построй себе дом,— сказал царь.

Потер парень лампаду, посыпались каджи:

— Чего надобно?

— А то, чтобы перед царским дворцом были возведены такие хоромы, что дворец царя перед ними амбару унедобился. А от дверей до дворца чтобы была проведена аллея, постелен ковер, тут же разбит фруктовый сад, построены бассейн и беседка.

Как занялось утро, все было готово. Пошел на утро парень к царю и говорит:

— А теперь я возьму твою дочь!

Удивился царь: как это в одну ночь можно было такой дворец построить!

Зажили молодые счастливо. Как-то раз унес парень па охоту, а лампаду дома оставил.

Узнал волшебник, что тот урливец, которого он завалил землей, выбрался наверх и живет счастливо, встал и пришел в тот город. Накупил он множество лампад, похожих на волшебную, ходит по городу и кричит:

— Меняю новые лампы на старые!

Услышала это жена парня, сказала служанке:

— Ну-ка, вынеси, у нас там старая лампада валяется, может, поменяешь на новую.

Вынесла лампаду служанка и отдала волшебнику. А тот только этого и ждал, отдал им взамен три новые. Отошел немного от того места, потерял лампаду, выскочили каджи.

— Чего надобно? — спросили.

— Перенесите те дома, что тут понастроили, в другое царство.

Рассвело. Проснулся царь, а домов этих как не бывало. Позвал он своего визиря:

— Ослеп я или что-то со мной случилось? Домов моего зятя не вижу.

— Это все тебе только привиделось,— сказал ему визирь.

— Пойдите за моим зятем и убейте его! — приказал царь. — Отправилось целое войско, нашли царского зятя, наставили на него ружья, хотят убить. А парень говорит:

— Что вам от меня нужно, зачем вы меня убиваете?

— Царь приказал.

— Ведите меня к царю и там убейте.

Привели его к царю. Закричал на него царь:

— Не показывайте мне его, не то убью!

— В чем дело, что случилось, тещюшка?

— Куда ты дел мою дочь?!

Понял тут парень, в чем дело, и говорит царю:

— Дай мне три дня сроку. Пойду я, может, и найду свою жену, а нет, тогда убей меня.

Дал ему царь три дня сроку. Пошел парень, ищет. Прошло три дня, нет нигде никого. Сказал тогда сам себе парень: «Чем царь меня убьет, лучше я сам себя порешу, утоплюсь».

Взял и бросился он в воду. Стал задыхаться, и сделалось ему себя жалко, прижался он к камню. Потерял о камень кольцо. Вышел каджи.

— Чего надобно? — спрашивает.

— Сначала вынь меня из воды.

Вывел его каджи на берег.

— Еще чего хочешь?

— Те дома, что тут стояли, перенеси обратно!

— Не мое это дело. Темн домами каджи из лампы распоряжаются. А я, если хочешь, доставлю тебя к тем домам.

Посадил каджи парня на спилу и принес к тем домам. Подходит парень к домам, поет. Услышала его жена, узнала по голосу и говорит служанке:

— Ну-ка, выгляни, голос какой-то знакомый.

Выглянула она:

— Кохта пришел (Кохтой того парня звали).

Пустили его в дом. Жена от радости чувств лишилась. Привела ее в себя.

Сказал тогда парень:

— В чем дело? Расскажи.

— Откуда я знаю, ничего я не поняла.

Увидел тут парень, что лампада в углу валяется, взял ее, вышел в другую комнату и потер. Набежали каджи:

— Чего тебе надобно?

— Должны вы такое снадобье разыскать, от которого человек может превратиться в волка, у которого ни зубов не будет, ни силы.

Побежали каджи, принесли такое снадобье в маленьком ларчике. Дал парень это снадобье жене и наказал:

— Как явится этот волшебник, пригласи его отужинать с тобой. В свой стакан снадобье насынь, а в его не

насыпной. Как возьмете в руки стаканы, скажи ему — давай поменяемся, выпьет он из твоего стакана и тотчас же превратится в волка.

Вечером пришел волшебник. Сказала ему женщина:

— Я уже позабыла своего мужа, и мы с тобой будем мужем и женой!

Пошел тогда волшебник, принес вина и еды. Сели они пировать. Наполнила женщина стаканы вином, в свой снадобье насыпала и дала ему, а его стакан взяла себе. Выпил волшебник вино и превратился в волка. А палки были уже наготове и двери открыты. Погнали волка палками.

Потер парень лампаду. Набежали каджи. Приказал он им дома обратно перенести и поставить напротив дворца царя.

Рассвело. Пошел парень к царю:

— Получай свою дочь!

Обрадовался царь. А парень лампаду положил за пазуху и никогда больше с ней не расставался.

Узнал об этом брат того волшебника. Собрался он парню за брата отомстить. Пришел в тот город, где жил этот парень. А парень в это время на охоту ушел. Жила в том городе сумасшедшая женщина по имени Фатина (цельными днями она дурачилась и гадала). Брат того волшебника целый день ходил за этой Фатиной, изучил ее характер, а вечером пришел к ней и говорит:

— Отдай мне твою одежду, а я тебе свою отдам, да еще и деньги в придачу.

Дала ему Фатина свою одежду, и пошел он гулять по городу. Подошел к воротам дворца, стоит там, дурачится и гадает. Сказала жена парня служанке:

— Ну-ка, приведи сюда Фатину.

Привели его во дворец, начал он дурачиться, а под конец и говорит женщине:

— У вас тут целый дворец, не отведете ли мне одну маленькую комнату?

Сказала ему женщина:

— Вот вернется вечером мой муж, я ему скажу.

Пришел парень домой, а жена ему и говорит:

— Наша сумасшедшая Фатина просит одну комнатушку.

Присел упрямец на кровать и говорит жене:

— Ну-ка, позови сюда эту Фатину!

Позвали ее. Не понравилась парню эта мнимая Фатина, хотя она очень старалась развлечь хозяина.

Сказала она парню:

— Прекрасный ты построил дом, но одного у тебя не хватает.

— Чего же?

— Яйца Роки.

Вышел парень в другую комнату, потер лампаду, набежали каджи:

— Чего надобно?

— Яйцо Роки.

Закричали тут каджи так, что сердце у парня зашлось от страха:

— Мы твои рабы, а ты еще хочешь, чтобы и наш старший брат на тебя работал? Пойди и прогони того, кто тебе это сказал.

Пошел парень и сказал жене:

— Принеси нам поесть.

Принесли им вина и еды. Подсыпал он в стакан этой Фатине свадебье и дал выпить. Превратилась Фатина в волка. Погнали ее палками по лестнице, а парень кричал ей в след:

— Иди отыщи след своего братца!

Тесть парня вскоре умер. И оставил ему свое царство. Он и сейчас там царствует.

Мор — там, нир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

84. Крестьянин и птица

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жили бедные-пребедные муж с женой.

И говорит как-то жена:

— Пошел бы ты, может, сыщешь чего, не помирать же нам с голоду.

Поднялся муж и пошел из дому.

Ходил он, ходил и нашел нищенческое зернышко. Обрадовался, понес это зернышко домой, посеял его и вырос колос. На другой год посеял все зернышки с того колоса. Так постепенно набралось у него столько зерна, что засеял он им полоску земли, вспахать ее можно было за один день.

Но к его крохотному полю пристрастились птицы и склевывали все зерно. Зайдет он поутру с одного конца, птицы вспорхнут и на другой конец, зайдет с другого конца — а птицы снова назад. Не выдержал он, швырнул в сердцах дубинку и подбил одной птице крыло.

— Только отпусти меня,— говорит ему птица,— и я тебе осчастливилю.— Дала она ему перышко и назначила место встречи: — Как придешь туда, кликни меня, я тотчас же явлюсь и исполню любое твое желание.

Через некоторое время пошел крестьянин в назначенное ему птицей место. Идет и видит — пасет пастух под дубом стадо овец. Подошел к нему крестьянин, присел в тени передохнуть.

— Куда путь держишь? — спрашивает пастух.

Крестьянин все ему рассказал.

— А что ты попросишь, когда придешь туда? — поинтересовался пастух.

— Сам не знаю, что даст, то и возьму.

— А ты скажи,— говорит ему пастух,— дай, мол, ты мне старинную прадедовскую скатерть, она у тебя есть.

Поднялся крестьянин и пошел дальше.

Много ли, мало ли шел, а только пришел на то место и сразу же окликнул птицу.

Она тут же явилась и спрашивает:

— Что за нужда привела тебя ко мне?

— Дай мне,— отвечает крестьянин,— прадедовскую скатерть, что у тебя есть.

Дала птица крестьянину скатерть, и пошел он обратно.

Вертит он в руках скатерть и думает про себя с досадой: «Надо же мне было слушать всех, и зачем мне эта старая скатерть?»

Подошел к дубу, а пастух все еще там.

— А знаешь ли ты, что это за скатерть? — спрашивает его пастух.

— Да что — скатерть как скатерть. Отнесу домой и постелю на стол.

Взял тогда пастух у него из рук скатерть и говорит ей:

— А ну, моя скатерка, расстелись да потешь нам душу.

Мигом развернулася скатерть, а на ней какой только еды нет, вплоть до птичьего молока.

Обрадовался крестьянин и поспешил домой. Пришел и говорит жене:

— Охота мне подивить царя.

И позвал он к себе на пир царя со всем его войском.

Съехались приглашенные и видят — у хозяина даже очаг не зажегел. Как же, думают, собирается он готовить угощение?

А крестьянин взял тут в руки скатерть и говорит ей:

— А ну, моя скатерка, подавай нам все, что ни пожелает царь-государь.

Раскинул крестьянин скатерть, и появились на ней всякие отборные яства. Все тут было, чего душа ни пожелает, вплоть до птичьего молока.

Поели, поили гости, а как пришло время уходить, говорит царь крестьянину:

— Одожди мне на время твою скатерть, хочу я пригласить к себе царя другой страны.

Стал было хозяин отнекиваться, но царь все за свое, и хочешь не хочешь пришлось уступить — не пойдешь же наперекор властителю.

Вскоре прислал царь какую-то старенькую скатерть, да только совсем другую. Кладет ее крестьянин то налицо, то на изнанку, но все впустую — не накрывается стол, да и только.

Снова впали они с женой в горькую нужду. Ушел крестьянин опять просить птицу, а о чем просить, и сам не знает.

Подошел к тому знакомому дубу, видит — пастух по-прежнему пасет там свое стадо.

И на этот раз спросил пастух:

— А знаешь ли ты, о чем просить птицу, когда придешь к ней?

— Нет, не знаю.

— Дай мне, скажи, твою старую ручную мельницу.

Пошел крестьянин на то самое место, кликнул птицу, и она мигом тут как тут.

— Что за нужда привела тебя ко мне? — спрашивает.

Крестьянин попросил ее дать ему ручную мельницу.

Дала ему птица ручную мельницу и с поклоном отпустила домой.

Подошел он к пастуху, а тот спрашивает:

— А ты знаешь, что это за мельница?

— Нет, не знаю, — отвечает крестьянин.

Взял у него из рук пастух эту мельницу, покрутил в одну сторону — посыпались золотые монеты, покрутил в другую — посыпались серебряные.

Обрадовался крестьянин, побежал скорее домой и зажил припеваючи.

Ушел как-то крестьянин из дому, а к жене его пришла старуха-соседка: одожди-де твою ручную мельницу.

— Не могу, — говорит жена крестьянина, — рассерчает на меня муж.

Но старуха до того пристала, что выпросила-таки мельницу, а через некоторое время вернула, да только не эту, а другую.

Крутит ее крестьянин то и одну, то в другую сторону, да все выпускаю — ни золото не сыпнется, ни серебро.

Снова впали они в пужду, и снова отправился крестьянин просить птицу.

Подожел в пути к пастуху, а тот говорит:

— Скажи, пусть даст тебе прадедовскую дубинку, которая у нее хранится.

Пришел крестьянин на место, достал перышко и кликнул птицу.

Прилетела она и спрашивает:

— Какая нужда привела тебя ко мне?

— Дай мне прадедовскую дубинку, которая у тебя хранится, — говорит крестьянин.

Дала ему птица дубинку.

Идет крестьянин, радуется, только не знает, что ему с этой дубинкой делать.

Пришел к пастуху, а тот его спрашивает:

— А знаешь ли ты, что это за дубинка?

— Нет, не знаю, — отвечает крестьянин.

— Тогда дай-ка мне ее в руки.

Крестьянин подал ему дубинку.

— А ну, развернись, моя дубинушка, — говорит ей пастух.

Завертелась дубинка да как хватит крестьянина по шее, потом по ногам и ну по нему гулять.

— Хватит, будет тебе! — остановил ее пастух, а затем говорит крестьянину: — Теперь ты видишь, что это за дубинка, иди и так же вот угости своих обидчиков.

Побежал крестьянин прямо к той старой бабке, что подменила ручную мельницу.

Позвал ее и говорит:

— Отдай мне мою ручную мельницу!

— Нет у меня никакой мельницы, — отказывается она.

Разозлился крестьянин и говорит своей дубинке:

— А ну, развернись, моя дубинушка.

Налетела дубинка на старуху и давай колотить ее по чем зря.

— Сейчас принесу, сейчас принесу, — завопила старуха. Но дубинка продолжала избивать ее до тех пор, пока та не принесла мельницу домой к крестьянину.

Потом крестьянин отправился во дворец, чтоб взять обратно свою скатерть. Пришел и говорит царю:

— Верни мне мою скатерть, повелитель, или я объявлю тебе войну.

«Ну и потеха, — посмеивается в душе царь, — просто

курам на смех. Куда этот олух суется со своей дубинкой против меня с моим несметным войском?» И сам объявил крестьянину войну.

Вскинул тот свою дубинку и говорит ей:

— А ну, будь молодцом, моя дубинушка, разделай на все корки сперва царя, а потом и его войско.

Развернулась дубинка и стукнула царя прямо по лбу, да и сбила его с ног. А мужик раз! — и скрылся под балконом.

Только царь свалился, как поднялась ружейная пальба, во в дубинку ни одна пуля не попадает. И гуляет она себе и гуляет по рядам. Все войско перебила до последнего человека, а все не унимается.

Видит крестьянин, что больше ему страшиться некого, вылез из-под балкона и говорит:

— Полно тебе, дубинушка, умаялась!

Остановилась дубинка и пошла в руки к своему хозяину.

Вопел крестьянин без страха в царские палаты, забрал свою скатерть и со спокойной душой отправился домой. С той поры зажили они с женой в счастье и радости.

Мор — там, ипр — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

85. Сказка про царского сына, который не хотел учиться

Было, да и не было ничего. Жил на свете один царь, и был у него единственный сын.

Как исполнилось царевичу восемь лет, отдали его в учение. Да только не хочет он учиться. Куда ни отдавали его, отовсюду он убегал. Одним словом, был баклуши.

Решил царь отправить его в другую страну и послал вместе с ним запечатанное письмо к царю той страны: «Великий государь, брат мой! Посылаю к тебе своего сына, отдай его у нас учиться. Здесь он из всех школ сбежал, стыд и позор мне великий, если он останется неучем. Найми ему сам учителя, все расходы я оплачу».

Усадили мальчика в коляску и отвезли в другую страну.

Прочитал царь письмо, обрадовался, расцеловал мальчика. Попировали они как следует, а потом приставили к мальчику особого учителя. Но мальчик и здесь не хотел учиться.

Так прошло несколько лет, и однажды царь получил письмо от отца мальчика: «Скажите моему сыну: „Мать твоя тяжело больна и хочет тебя повидать“».

— Поезжай, — сказал царь юноше, — и волю закладывай лошадей.

— Не поеду, — возразил тот. — Если они хотели, чтоб я находился там, так ведь я и был там, зачем же они послали меня сюда?

Тем временем мать умерла, а вскоре захворал и отец.

Снова пришло письмо, но царевич опять не поехал. «Сын мой все мое достояние развеет по ветру, — подумал царь-отец, — а потом ему придется очень туго. Надо бы приберечь для него что-нибудь на черный день».

Была у царя шапка-невидимка: наденешь ее — и становишься невидимым; кошелек: положишь в карман — и наполнится карман золотом; да еще бубен: ударишь в него — и вмиг тебя обступит конное войско, такое, какое надобно.

Все эти вещи царь замуровал в стене — ее по его приказу разобрали, спрятали все три вещи и снова сложили. Снаружи он вделал в эту стену доску с крюком, а на доске написал: «Когда мой сын разорится, пусть он повесится на этом крюке, а дальше пусть живет на то, что здесь хранится».

С тем царь и испустил дух.

Узнал другой царь, что отец юноши скончался, и спрашивает его:

— И теперь не поедешь?

Ну нет, теперь-то, когда никто не мог помешать ему жить по своей воле, он живо отправился в свои края и давай кутить да сорить деньгами направо-налево.

За год царевич все промотал и принялся за мебель. Спустил и мебель, а под конец продал и пропил дом. Дали ему срок для выселения две недели¹.

Подожел срок освободить дом. «Куда же мне теперь деваться, — думает юноша. — Эх, давай повешусь».

Глядь — а на стене торчит крюк. Накинул веревку, сделал петлю, просунул голову. Только он повис на крюке, как доска обвалилась. Поднялся юноша и увидел, что на доске написано: «Когда мой сын разорится... пусть живет на то, что здесь хранится». Заглянул он в тайник и видит — лежат там три вещи.

Взял он кошелек, спрятал его и сказал с досадой, хлопнув рукой по карману: «Очень па это проживешь!» И вдруг чувствует — карман стал тяжелым. Сузил в карман руку, а там полно золотых монет.

— Черт возьми, — говорит, — вот это дело!

Оставил он дом новому владельцу и подался в чужие края. Денег у него было без счету, и он справил себе хорошую одежду.

Идет через один город, а уж наступила ночь. Остановился он у дома какой-то старушки и попросил:

— Прошу тебя по-сыновым, позволь мне переночевать под твоим кровом.

— Что ж, сынок, — отвечает старушка, — и кров от бога, и гость от бога, да не по тебе мой дом, ни постели, ни ужина подходящего не найдется.

— Ты только позволь переночевать у тебя, а остальное — не твоя забота.

— Милости прошу, входи, пожалуйста, — сказала старушка.

Пошли они со старушкой и закупили всего: две постели, смену одежды, всякой снеди: жареную индейку, хороший шашлык, отменное красное вино; взвалил юноша все это на спину посыльщику и отправил домой.

Радуется старушка — сам бог, думает, послал мне этого благословенного.

Поужинали вкусно, пришли в хорошее настроение, и стал юноша расспрашивать старушку, что у них в городе примечательного.

— Да всего у нас много, — отвечает старушка, — но самое интересное, что дочь нашего царя — не видавшая под солнцем красавица. Сидит она одна-одинешенька в своей башне, света-то божьего еще не видела и словом ни с кем не перемолвилась, разве что только с отцом-матерью, с воспитательницей да со мной. Вот бы кто тебе был по душе.

Дал юноша старушке двести червонцев и говорит:

— Отнеси их ей поутру и попроси ее, чтоб она высунула из окна хотя бы только одну ручку. А я пройду мимо да на эту ручку снизу и погляжу.

— Ладно, я охотно услужу тебе, — ответила старушка.

Пошла она, понесла девушке двести червонцев и поведала ей все, как наказал юноша.

Разгневалась девушка, вспыхнула, как огонь:

— Чтоб поги твоей здесь больше не было!

Погладила ее старушка по головке и говорит ласково:

— Ну-ну, чего ты раскричалась? Бери эти двести червонцев и спрячь себе в карман. Подумаешь, велика беда высунуть в окно руку! Ничего с тобой от этого не сделается. Полно, будет тебе дуться.

Уговорила-таки она девушку, сунула ей в руку двести червонцев и, довольная, отправилась домой.

Вышел юноша в назначенный час и увидел, что девушка высунула руку.

В ту ночь они со старушкой славно попиrowали, и юноша опять взялся за свое.

— Сходи,— говорит,— утром опять к ней, отнеси четыреста червонцев и скажи, чтоб она подошла к окну и высунула обе руки. Я только взгляну разок снизу и уйду.

Пошла поутру старушка, передала девушке слова юноши и ссынала ей в подол деньги.

Разгневалась девушка:

— Убирайся вон, и чтоб глаза мои тебя больше не видели!

А старушка ей:

— Что в том за диво, если ты высунешь в окно обе руки, когда он будет проходить по улице? Ничего с тобой от этого не случится. Положи-ка лучше деньги к себе в сундучок. Они тем хороши, что ты можешь тратить их не спросясь. Ведь отец не всегда дает деньги, когда тебе захочется.

С большим трудом, но уломала-таки старуха девушку и, довольная, отправилась домой.

Подошел на другой день юноша в назначенное время к дому девушки, глянул на ее высунутые за окно руки и вернулся в дом старушки.

В ту ночь они опять славно попиrowали, а затем парень сказал:

— Опять пойдн к ней поутру, отнеси еще тысячу червонцев и скажи, чтоб она приделась, вышла на свой маленький балкончик и прогулялась по нему взад-вперед. А я только разик гляну на нее снизу и уйду.

На другое утро старушка пошла, сунула деньги в подол девушки и передала ей слова юноши.

Мочи нет, как разгневалась девушка, чуть ли не искры от нее посыпались. Выбрала на чем свет стоит старушку и прогнала ее вон, но через некоторое время позвала обратно:

— Поди-ка сюда,— взяла у нее деньги и говорит:— Пусть приходит.

Радостная, пошла старушка домой. Пришла и говорит юноше:

— Иди к ней!

Пошел юноша в назначенный час. Девушка вышла, глянул на нее юноша, повернулся и пошел домой.

В ту ночь они опять попиروвали, а потом юноша говорит старушке:

— Завтра я больше не пошлю тебя туда.

Настало утро. Сели старушка и юноша завтракать. Слышат, кто-то стучится в дверь. Открыли, а на пороге стоит воспитательница той девушки.

— Моя госпожа срочно просит тебя прийти,— говорит она старушке.

Поднялась старушка и последовала за ней. Приходит она к девушке, а та спрашивает:

— Кто же это такой, твой гость, что так сорит деньгами?

— Не знаю, доченька, откуда он взялся, будь благословен его отец. И мне он тоже купил одежду, две постели, еду-питье приносит самые лучшие, все такое, что глаз не оторвешь, просто сердце радуется.

— Мой отец — царь,— сказала девушка,— но и он не может так швырять деньгами. Хорошо, если бы ты прислала его сюда. Я хочу разузнать, кто он такой.

— С удовольствием,— ответила старушка.

Послала девушка через старушку письмо: «Приходи ко мне запросто, познакомимся друг с другом».

Отнесла старушка письмо, юноша прочитал его и сразу же отправился к девушке.

Все деньги, что были при нем, он оставил старушке, положив в карман пустой кошелек.

Подошел он к воротам башни и постучал. Ему открыли и пригласили его в дом. Подали ему стул, юноша присел.

— Кто ты, что ты за человек,— заговорила девушка,— не монетный ли двор у тебя в кармане? Мой отец — царь, но порой и у него гроша ломаного в кармане нет.

Усмехнулся юноша:

— Не монетный двор у меня в кармане, а пустой кошелек. Но положи ты его хоть в мешок и стукни по нему слегка, и мешок мигом наполнится золотом.

— А ну, покажи,— говорит девушка.

Достал юноша кошелек и подал девушке.

Девушка положила кошелек в сундук, хлопнула по сундуку рукой, и он тут же наполнился золотыми монетами.

И сказала тогда девушка юноше:

— Кого же я найду лучше тебя!

Позвала она своего дядю и велела ему подавать самую лучшую еду.

Затеяли дядя с племянницей пир и подсунули юноше исподтишка опий. Только он заснул, выбросили его на улицу, а кошелек оставили себе.

Очнувшись юноша, видит — валяется он на улице. Встал и побрел, удрученный, к старушке.

— Отчего ты такой печальный? — спросила старушка. И парень рассказал ей все.

По правде говоря, старушка опечалилась больше самого юноши.

— Пойду, — говорит она, — и на весь свет растрезвоню об их коварстве.

Но юноша не отпустил ее.

Найявил юноша доставшуюся ему после отца шапку и говорит:

— На что же мне теперь жить, много ли проку от этой шапки!

И вдруг его не стало видно.

— Куда ты делся, сынок? — подняла крик старуха.

— Что ты кричишь, я ведь здесь, возле тебя стою! — откликнулся юноша.

— Не видать тебя, сынок!

Снял юноша с себя шапку, надел на старуху — теперь и ее не стало видно.

Так повторил он несколько раз, и поочередно исчезали то он, то старушка.

Оказалось, что это — шапка-невидимка.

Надел юноша шапку и пошел по городским магазинам. Приглянулась ему парча на женское платье, взял он под мышку всю штуку и вышел.

Принес материал домой и говорит старушке:

— Отнеси эту матерку той красавице и скажи ей, что это от меня, а потом спроси, не удостоит ли она меня чести с ней поговорить.

Пошла старушка, преподнесла девушке парчу и передала просьбу юноши.

Глянула девушка на подарок и спрашивает с удивлением:

— Где только он достал такой материал на платье? У моего отца свои магазины, по такой парчи я и там не видывала. Скажи юноше, пусть он придет ко мне.

Пошла старушка и говорит юноше:

— Она приглашает тебя к себе. Ты пойдя, но только без шапки, не то она ее выудит у тебя.

— Нет, шапку я должен взять с собой, — ответил юноша.

Положил он шапку в карман и пошел.

Пришел, поздоровался с девушкой. Подали ему стул, усадили.

— Где это ты достал такой материал на платье? — спрашивает девушка. — У моего отца свои магазины, но ничего подобного я еще там не видывала, да и в других магазинах тоже.

— Есть у меня такая шапка, — отвечает ей юноша, — надену я ее, и меня не видно. В этой-то шапке я и пошел по магазинам. Вижу — лежит на прилавке парча, сверкает-переливается. Вот и прихватил я ее для тебя.

— А ну-ка, надень эту шапку, — попросила девушка.

Достал юноша из кармана шапку, надел на голову, и не стало его видно.

Девушка взяла у него из рук шапку, бросила в сундук и говорит:

— Ну, теперь я твоя!

Подали ужины, стали пить. Снова подмешали юноше в вино опий и, сонного, выбросили на улицу.

Проснулся он, видит — опять его одурачили.

Встал и, пошатываясь, побрел домой.

Пришел, опечаленный, к старушке и поведал ей о новом злоключении.

— Ведь я говорила тебе, сынок, не бери с собой шапку, — сказала старушка.

Уже была ночь. Легли они и уснули.

На другое утро взял юноша бубен, бросил его в мешок и пошел со двора. Перед уходом сказал старушке:

— Денег у тебя достаточно. Живи себе с богом. Надеюсь, еще увидимся.

Расплакалась старушка.

Попрощался с ней юноша и пошел своей дорогой. Подошел к глубокому ущелью, присел на краю пропасти и думает: «Дай-ка поиграю на бубне, попою, выскажу в песне свое горе, а там и в бездну вниз головой. Все равно надо умирать».

Только зашел он и ударил в бубен, как его окружило копьеное войско. Приветствовали его воины и спрашивают:

— Чем прикажете вам служить?

«Господи боже мой, — подумал юноша, — и этот бубен, оказывается, тоже замечательная штука. Пойду я теперь к царю, пусть только посмеет не отдать мне свою дочь. А не даст — объявлю ему войну».

Ударил юноша еще раз в бубен, и всю землю вокруг заполонило войско со своими предводителями.

Подходят воеводы к юноше и почтительно спрашивают:

— Что прикажете?

— Немедленно схватите всю царскую семью,— распорядился юноша.

Не прошло и получаса, как желание его было выполнено.

Подшел царь к дочери и говорит ей:

— Забери его к себе, может, он как-нибудь уступит из любви к тебе и ответит от нас свое войско.

— Если это возможно, не пожалуйте ли вы ко мне,— пригласила царева дочь юношу.

Он тут же последовал за нею.

Вошли в дом, она усадила его на стул и говорит:

— Откуда ты привел такое несметное войско? Мой отец — царь, но у него и половины того не наберется.

— Есть у меня такой бубен,— ответил ей юноша,— только прихлопывай по нему рукой, и откуда-то появляются тысяча за тысячей вооруженные воины со своими предводителями.

— А как же тебе удастся содержать их всех?

— А они в этом не нуждаются. Только ударь в бубен с обратной стороны, и они все исчезнут.

Достал юноша бубен, ударил в него с обратной стороны, и все войско вдруг исчезло.

— А ну, покажи-ка мне свой бубен,— говорит девушка.

Взял да и отдал юноша девушке бубен.

Спрятала она бубен в сундук и вышла накрывать на стол.

Стол тотчас же был накрыт, и начался пир.

Подмешали и на этот раз юноше опий и, сонного, выбросили на улицу.

Проснулся он, видит, что его опять обманули. Ушел оттуда, опечаленный, даже к старушке не заглянул.

Шел он, шел и забрел в лес. Видит — стоит в лесу развесистая груша-гулаби, и такие на ней красивые плоды — просто одно загляденье.

И подумал про себя юноша: «Дай-ка заберусь на эту грушу, полакомлюсь вдоволь ее плодами, а там и повешусь. Чем так жить, лучше умереть».

Влез он на дерево, приготовил сперва петлю из прутьев, потом сорвал грушу, которая более других ему приглянулась, и стал ее есть.

Не успел он доесть эту грушу, как тут же свалился

на землю и из его шеп проросло точно такое же грушевое дерево, как то, с которого он только что упал.

Валяется на земле бедняга, мучимый голодом и жаждой, и шарит вокруг руками в надежде найти что-нибудь съедобное.

И вправду, подвернулась ему под руку груша-дичок — там их много напáдало со стоящей рядом дикой груши. Съел он ее, и в тот же миг грушевое дерево, что проросло было у него на шее, исчезло.

Поднялся юноша на ноги, сорвал с дерева три самые аппетитные груши-гулаби, набрал побольше плодов дикой груши и пошел в город, к старушке.

А она уже встречает его на полпути.

— Куда ты запропал, сынок? — спрашивает.

— Меня, мать, снова та девушка обманула.

— Ничего, не горюй, сынок, — утешает его старушка, — ты мне столько золота оставил, что, даже если мы п рукой не пошевелим, нам с тобой до самой смерти хватит.

А парень ей говорит:

— Верно, надоел я тебе, но придется снова тебя беспокоить: не пойдешь ли ты еще раз, напоследок, к той девушке?

— Ради тебя хоть в огонь! — отвечает старушка.

— Возьми с собой эти три груши, одну отдай девушке, другую — царю, третью — царице и скажи им: «Эти груши почтительно посылает вам тот юноша», — а сама побыстрее уходи: очень-де я спешу.

Взяла старушка эти груши и преподнесла их всем, как наказал ей юноша.

— Где это ты достала такие хорошие груши? — спрашивают ее.

Но она, ничего не ответив, поспешила уйти.

Только стали они есть эти груши, как вдруг у каждого из шеи стало расти дерево. Проросли эти деревья потолок, и дом начал со страшным грохотом разваливаться.

Оглянулась старушка назад, и сердце у нее чуть не разорвалось. С перепугу бедная кинулась со всех ног.

Приходит домой и говорит юноше:

— Дворец царя развалился.

— Это ничего, — говорят юноша. — Теперь небось сами нас найдут.

И вправду, вскоре прибегают придворные:

— Что это ты натворил?

— А что я натворил? Послал в подарок груши, и больше ничего. Откуда мне было знать, что это за груши.

— Они зовут тебя. Пошли со мной, может, тебе удастся выручить их из беды.

Набил юноша карманы дикими грушами и пошел.

Приходит и видит — валяются все трое ничком на полу, и у всех из шеи растут деревья.

— Только помоги нам избавиться от этих деревьев, и я тебе не только дочь, но все царство свое отдам! — взмолился царь.

— Не верю я вам большие на слово, — отвечает юноша.

Кликнул тогда царь писаря и велел ему написать расписку. Составил писарь бумагу, и царь, царица и их дочь кое-как умудрились поставить под ней свои подписи. После этого юноша дал им по одной дикой груше.

— Ешьте! — говорит.

Поели они, освободились от тех деревьев и ну на радостях целовать-миловать юношу, как дорогого зятюшку.

На целых две недели затянулся свадебный пир.

После этого возвратился юноша в родную страну и выкупил отцовский дворец.

Немало тягот перенес он, но все-таки занял место своего покойного отца — сел на отцов трон и стал мудрым и милосердным правителем.

Фунт бобов был у меня,
Только фунт бобов, вот так-то,
Не погибнет человек,
Коль не суждено ему, вот так-то.

86. Бей, дубинушка!

Было то или не было, что могло быть на свете лучше бога. Жили бедные муж с женой, и был у них единственный сын. Берегли они его пуще глаза.

Однажды отец взял с собой сына в лес. Нарубили они дров и стали возить их в город.

Прошло изрядно времени, подкопил сын денег и говорит отцу:

— Надо бы мне, отец, пойти в город, кое-что купить. Отпустил отец сына.

Вышел парень на дорогу и тронулся в путь. Много ли, мало ли шел, а только пришел в одно государство. Видит — вскочил человек дубинку и зазывает:

— Дубинка за десятку, дубинка за десятку!

Подошел к нему парень, стал пррспрашивать.

— А что проку от твоей дубинки? — спрашивает.

А хозяин ему в ответ:

— Только скажешь ей — выбей, мол, дубинушка, десять рублей, как она тут же тебе их доставит, да и в драке тоже сгодится.

Отдал ему парень десять рублей, хотя больше у него денег не было, и пошел дальше.

Пронел темного и думает: «Дай-ка я попробую, верно ли все это» — и говорит дубинке:

— Верни-ка ты мне, дубинка, мои десять рублей.

Погналась дубинка за тем человеком, стукнула его по голове и говорит:

— Давай десять рублей!

А человек отвечает.

— Вот тебе десять рублей, только не убивай меня.

Достал и отдал десятку.

Дубинка мигом вернулась к хозяину и отдала ему десять рублей.

Понравилось это парню. Думает: «И дубинкой обзавелся, и десять рублей при мне».

Идет дальше.

Много ли, мало ли он прошел, вышел на одну улицу и видит — какой-то человек кричит:

— Носовой платок! Носовой платок!

— А что стоит твой носовой платок? — спрашивает парень.

— Десять рублей.

— А что от него проку?

— Какой бы темной ни была ночь, — говорит тот человек, — только достань платок, и мигом свет зальет всю округу.

Дал ему парень десять рублей и купил тот носовой платок.

Пронли темного, и снова он напустил на продавца свою дубинку:

— Выбей, дубинка, десять рублей.

Помчалась дубинка и стала бить того беднягу.

Достал несчастный десятку и вернул ее обратно парню.

Сунул парень в карман носовой платок и продолжил путь.

Много ли, мало ли он прошел, только видит — стоит человек и кричит:

— Перстень, перстень, перстень!

— Что такого особенного в твоём перстне? — спрашивает парень.

А человек ему говорит:

— Стоит тебе только промолвить: «Накройся, обильный стол!», как миг появится пред тобой уставленный всякими яствами стол, так что хоть тысячу человек за него сажай, да не только тысячу, а сколько душе угодно.

Спрашивает парень:

— А что он стоит?

— Десять рублей.

Дал ему парень десять рублей и купил этот перстень. Прошел немного и послал вслед за тем человеком свою дубинку. И у него тоже отнял десять рублей.

Прошел парень еще немного, и повстречался ему человек, который кричал во все горло:

— Шкатулка, шкатулка!

— Сколько стоит шкатулка? — спросил парень.

— Десять рублей.

— А что за сила в твоей шкатулке? — и на этот раз спросил парень.

— Как откроешь эту шкатулку, из нее повалит войско, тысяча за тысячей, сколько пожелаешь.

Дал ему парень десять рублей, взял шкатулку и пошел дальше.

Прошел немного по дороге и опять послал вслед за тем человеком дубинку. И принесла ему дубинка обратно его десять рублей.

Идет парень и радуется: «Есть у меня дубинка, есть носовой платок, перстень и шкатулка, да и десять рублей целы!»

Пришел домой и говорят отцу-матери:

— Мы должны построить хороший дом и пригласить к себе царя.

Построил парень прекрасный пятиэтажный дом и пригласил к себе царя вместе с его приближенными и войском.

Прибыл царь, оглядел дом, и он ему понравился.

— Как это ты умудрился построить такой дом? — спросил он парня.

И парень поведал ему обо всем. А как кончил рассказывать, достал носовой платок, повесил его под потолком, и всю комнату залило светом. Потом достал перстень и вслух пожелал:

— А ну, мой перстенок, накрой нам обильный стол!

Ввел он в дом царя со всем его войском и усадил их рядком на стулья, а после открыл свою шкатулку, и вышли оттуда тридцать тысяч воинов. Дубинку свою он поставил у дверей за караульщика. Откушал царь всех яств

в охотку, и все бы хорошо, да вот закипело у него сердце от зависти. Поднялся он, задыхаясь от злобы, из-за стола, и тут же отправился восною, а вскоре объявил парню, что вызывает его на честной бой.

— Воля ваша, — сказал ему в ответ парень.

Вышел парень во чисто поле, достал носовой платок, и залило светом всю округу. Выказал он свое желание перстню, и накрылся огромный стол: ешь-пей — не хочу. Затем открыл он шкатулку, и повалило оттуда видимо-невидимо войска.

Посадил он всех воинов за стол и накормил досыта — до отвала.

Настало утро, и царь объявил:

— Начиная войну!

А парень в ответ:

— Я готов.

И встали они в версте друг от друга, царь и тот парень.

Видит царь, что за парнем, кроме дубинки, никто не идет. Выслал он вперед войско, а парень повелел дубинке:

— Бей, рази всех, дубинушка!

Напала на них дубинка и всех перебила.

Видит царь — плохи его дела. Послал еще одно войско.

В разгаре битвы дубинка переломилась пополам, и пошли обломки гулять-вертеться под погами, косят людей, как солому.

А парень возьми да открой шкатулку, и повалило оттуда войско.

Жаркой была битва, но в конце концов войско того парня одолело царево войско, и он воссел на трон царя.

87. Царевич и деревянный конь

Быль то или небыль — да только жил-был один государь со своей государыней. Столько у него богатства было, что и не сочтешь, да только детей не дал ему бог. И все же на старости лет смилоствивился над ним всевышний и даровал сына. Обрадовался царь, и во всем его государстве было великое ликование. Все подданные приходили к царскому двору поздравить своего повелителя...

Были у того царя два искусных мастера: златокузнец да плотник. Работали они вместе, в одной мастерской, а как дошла до них эта радостная весть, призадумались.

— Как же это,— говорят,— все идут поздравить нашего государя; так ведь если мы его не поздравим, обидно ему станет!

Златокузнец говорит:

— Не могу же я прийти к царю с пустыми руками! Надо будет что-нибудь такое сделать ему в подарок, чтобы он отблагодарил нас...

— Я сделаю деревянного коня,— сказал плотник,— да такого, чтоб он по небу мог летать.

— Ну, а я,— говорит тогда златокузнец,— изготовлю такой кувшин, да и черпак к нему, чтобы он сам собой вино разливал и чтоб этого вина хватило на целое войско.

Взялись они за работу и за две недели приготовили для царя свои подарки. Отправились ко двору и преподнесли их государю.

Царь их поблагодарил и щедро наградил, и они ушли. По дороге задумался плотник и говорит своему товарищу:

— Эх, вот ведь беда какая: когда подрастет единственный сын нашего государя да сядет верхом на моего коня, конь-то его унесет в небо — кто знает куда,— и пропадет царевич... Что с нами государь тогда сделает? Пойду-ка я лучше обратно да научу царя, как обращаться с этим конем, как управлять им, а не то черное дело получится...

Вернулся плотник к своему повелителю.

— О великий государь,— говорит,— конь-то, которого я тебе подарил, непростой: он может по небу летать; если вы захотите, чтоб он кверху поднялся, поводья хорошенько к себе потяните; если же будет вам угодно вниз спуститься, отпустите поводья, и он полетит к земле.

Поклонился еще раз царю и ушел.

Когда царевич подрос, говорит он однажды отцу:

— Хочу я сесть верхом на твоего деревянного коня, побывать в других местах и все узнать про этот мир.

Разрешил ему отец, дал также много золота и серебра. Сел юноша на коня и отправился в путь. Проскакал немного, пожелал вернуться обратно и ну поводья натягивать, а конь-то все выше да выше в небо взбирается. Наконец устал царевич натягивать поводья и отпустил их, и сразу же конь слетел на землю, и прямо на крышу старухи. Выскочила старуха из дома.

— Кто это там? — кричит.

— Ты не бойся,— отвечает юноша,— царевич я. Вот, заблудился в дороге, так ты пусти меня к себе переночевать.

— Ой, да как же это,— говорит старуха,— я всего лишь старая пищевка, даже постели у меня нет, чтоб тебя уложить.

— Ну, это не беда,— успокоил ее царевич.

Привязав коня во дворе, а сам вошел в дом да уснул.

Утром выходит юноша из дома и видит: стоит издали высокая башня, а вокруг той башни — несметное войско.

Вошел он обратно в дом.

— Что это там, бабушка, за башня? — спрашивает.

— А это,— говорит хозяйка,— та самая башня, в которой царица спит, и никому туда заходить нельзя.

Как настал вечер, накупил царевич всякой снеди и угостил хозяйку хорошим ужином, накормил и напоил ее на славу, да и спать уложил. А как старуха уснула, вышел он во двор, вскочил на своего коня, взлетел в небо и спустился на крышу башни. Коня на крыше оставил, а сам в башню сошел.

Видит: стоит посреди башни кровать, вся из чистого золота, а на той кровати спит дева, красоты несказанной. В ногах и в изголовье у ней — по зажженной свече.

Подошел юноша к красавице, поцеловал ее, а свечи поменял местами: ту, что в ногах стояла, в изголовье переставил, и наоборот, а после вышел.

Как настало утро, пишет царица отцу письмо: так, мол, и так, кто-то вошел ко мне ночью, когда я спала, поцеловал меня, а потом свечи переставил и ушел...

Призвал к себе царь караульных, что башню сторожат, и допрашивает их:

— Кто этой ночью входил в башню?

— Никто,— отвечают.

Разгневался государь и приказал всем тем караульным головы отрубить.

Отрубили им головы, а когда настал вечер, царевич снова напоил старуху, сам сел верхом на коня, перелетел на крышу башни и вошел внутрь.

А царица-то не спит — его дожидается.

— Ты кто такой? — спрашивает.

Рассказал ей царевич про себя все, как есть.

— Ну, коли так,— говорит царица,— то, значит, ты — муж, а я — жена.

После этого ушел юноша в старухин дом.

А царица утром снова послала к отцу человека:

— Так, мол, и так, передай, что этой ночью снова кто-то ко мне приходил.

Созвал тогда государь весь свой народ и говорит:

— Тому, кто сумеет поймать наглеца, который по лощам забирается к моей дочери в башню, полцарства отдам.

Многие старались его подстеречь да поймать, только никак не смогли.

Тогда один говорит:

— Давайте всю башню смолой вымажем. Ведь тот, кто к царевне входит, выначкается в смоле, а утром всех посмотрим и найдем его, голубчика...

Поправилось это государю, и приказал он всю башню вымазать смолой. Так и сделали.

Когда сошел наш царевич в башню, испачкал он свою одежду смолой. А государь на следующий день всех юпоной своего царства велел пригласить на обед. Да только про царевича никто не знал, — так его и не пригласили.

Царевич утром дал своей хозяйке денег.

— Сходи, — говорит, — на базар да купи на обед что понадобится.

А старуха-то, грешным делом, пожадничала. «Чего, — думает, — деньги зря тратить!» Пошла к царскому дворцу, где все приглашенные на обед собрались, и стала кланяться:

— Ко мне гость приехал, а попотчевать его печем... Вы уж подайте мне какой-нибудь оды, матерью родной вас заклинаю!

А они как услышали, что есть еще кто-то, не приглашенный ко двору, сразу послали людей и привели того царевича.

Когда кончили обедать, начал царь всех гостей своих осматривать. Дошел до царевича и видит: одежда у него смолой выначкана. Тут же повелел государь голову ему отрубить.

— О великий государь, — попросил тогда юпоша, — дозвожь мне одно желание молвить, а потом уж руби мне голову.

Согласился царь.

— Прошу, — говорит царевич, — разрешить мне сходить к той старухе; коль будет тебе угодно, пусть войско меня сопровождает и постережет, чтоб не убежал: должен я перед той старухой исполниться.

Позволил ему царь туда сходить и послал с ним солдат. А царевич, как вошел во двор, где жила старуха, вскочил на своего коня, взлетел в небо, опустился на башню, вошел в нее, вывел оттуда царевну, усадил подле себя на коня — и был таков...

Долго ли они летели, мало ли, увидели берег реки.
— Устала я,— говорит царевна.— Давай отдохнем там на берегу.

Отпустил юноша поводья, и конь слетел прямо на берег. Смотрит, а на том берегу огонь горит.

— Слетаю-ка я на тот берег,— говорит царевич,— да принесу огня, и мы костер разведем.

— Что ж, принеси,— согласилась дева.

Перелетел царевич через реку, спустился и видит — сидят девять дэвов вокруг огромного костра. Юноша подошел к костру, выдернул головешку — а дэвы-то, оказывается, свят — и понес с собой, а потом остановился и думает: «Не стыдно разве мне огонь-то красть?»

Повернул обратно, подошел к дэвам да как закричит во весь голос:

— Ну-ка, дайте мне огня!

Перепугались дэвы.

— Да вот,— говорят,— сними котел и возьми огня, сколько тебе надобно.

Снял юноша котел с огня, взял большую головню, котел снова на огонь поставил и пошел обратно к своему копы. Сел на него, но, когда перелетал через реку, искры от головни попали на коня и подожгли его. Он сразу сгорел, а юноша упал в реку, и понесла его вода.

Ждала красавица мужа своего, ждала, да так и не дождалась. Встала и пошла туда, куда ее муж на коне улетел. Пришла в одну деревню, а там глядь — весь народ собрался: государь у них, вишь ты, помер, и сошлись они нового государя себе выбрать. А решение у них, оказывается, такое: пустим, дескать, голубя, и к кому он на голову сядет, тому и быть царем...

Взлетел голубь, покружился, да и сел прямо той дэве на голову. Тогда запустили его вторично, а он опять ей же на голову сел.

— Нет,— говорит народ,— никак не может такого быть, чтоб женщина над нами царствовала!

Запустили в третий раз, и опять голубь ей на голову садится.

— Что ж,— говорят,— поделаешь: уж чему быть, то и должно случиться,— и все выбрали ее своей государыней.

На следующий день приказала новая царица построить мост через реку, в которую со царевич упал, а у обоих концов моста повесила свой портрет и приставила к каждому портрету караульного с таким наказом:

— Каждого, кто у портрета моего остановится да начнет его разглядывать, немедленно ко мне доставьте.

Многих приводили к ней караульные, по всех она отпускала...

А царевич, оказывается, после того как упал в поду, вскоре пришел в себя и выбрался на берег. Пошел вдоль реки обратно и дошел наконец до того места. Увидел портрет своей красавицы и горько зарыдал. Тут караульный сразу же отвел его к своей государыне, и в тот же миг узнали они друг друга.

Стал тогда юпюша царем в той стране, а на деде женился.

Справили они богатую свадьбу. И я там был.

88. Сын бедняка и купец

Было то или не было, жили-были муж и жена, и был у них один-единственный сын. Жили они в нищете, заработать ничего не могли и все свое жалкое имущество продали и проели. Сказал тогда сын отцу и матери:

— Уйду-ка я лучше от вас: может, где-нибудь наймусь в батраки — и себя прокормлю, и вам, глядишь, помогу, чем смогу, а то ведь все, что у нас было, мы истратили на еду. На что же теперь жить-то?

Удивились отец и мать:

— Да где же ты в батраки наймешься?

— Как это где? В городе, конечно, — отвечал сын.

— Ну кому ты там, в городе, нужен, кто тебя возьмет? — снова спросили родители.

— Ничего, бог милостив, — ответил сын, — небось встретится мне по пути какой добрый человек, ну и пойду за ним.

Вдруг, откуда ни возьмись, входит к ним в дом купец и говорит отцу:

— Я повежу твоего сына в город и так его устрою, что и вас он сумеет прокормить, и себя.

— Мы будем очень благодарны, если сделаемь нам такое доброе дело, — обрадовался отец. — А когда же ты уходишь в город?

— Да вот завтра собираюсь.

— Значит, сегодня вечером мы должны его приготовить?

— Да, — говорит купец, — этой ночью пусть соберется, да наготовьте ему побольше припасов в дорогу.

— Уж я, конечно, ничего не пожалею,— сказал отец,— вот остался у нас один петух, так я его зарежу.

И правда, зарезали они петуха, испекли девять хачапури, нацедили даже бурдючок вина.

Рано утром прошел мимо их дома купец. Благословили сына родители:

— До свиданья, сынок, дай бог тебе счастья! Как придешь в город — напиши нам письмо, не забывай нас.

— Не бойтесь, бог милостив,— обнадежил родителей сын и отправился в дорогу.

Шли они, шли и подошли к опушке леса. А время уж подоспело к обеду. Купец и говорит юноше:

— Давай здесь и пообедаем.

— Что ж, пообедаем,— согласился парень.

Сели они обедать.

— Давай,— предложил купец,— сперва съедим твои припасы, а на ужин — мои.

— Ладно,— опять согласился юноша.

Сели они и плотно пообедали. Остались у парня только три хачапури. Кончив обедать, встал купец и говорит:

— Подожди меня здесь немного, я схожу в лес и скоро вернусь.

Встал он и ушел. Ждал его юноша, ждал, да так и не дождался. Огорчился парень:

— Не иначе как обманул он меня.

Тем временем настал вечер. Еще больше опечалился юноша: дороги он не знает и переночевать ему негде. Огляделся кругом и видит — стоит неподалеку полуразрушенная мельница. «Что ж,— думает,— придется провести ночь на этой мельнице».

Встал он и пошел на мельницу, закрыл за собой дверь, забрался в мельничный лоток, разложил у себя на груди оставшиеся три хачапури и заснул.

А как настала полночь, собрались у дверей мельницы медведь, волк и лиса. Сидят, беседуют. Спустя некоторое время медведь говорит:

— Слышь, лиса, чую я человеческий запах; сходи-ка на мельницу, может, там чего найдется.

Вошла лиса на мельницу, вскочила на лоток, спяла с парня три хачапури, вынесла и говорит медведю:

— Все я там хорошенько осмотрела, но, кроме вот этих лепешек, ничего не нашла.

Лисица-то, конечно, знала, что в лотке человек сидит, но пожалела его и не проговорила. Дала по хачапури медведю и волку, один сама съела, а потом говорит:

— Пусть каждый из нас расскажет сказку.

— Сперва ты расскажи,— попросили они лисицу.

— Ну, если я буду говорить, то скажу только правду,— объявила лиса и начала: — Живет на этой мельнице одна мышь, а у нее столько денег, что, когда она утром начинает вытаскивать их в поле, чтобы просушить на солнце, то до полудня едва успевает их вынести. Сама садится рядом и стережет. Если кто подкрадется к ней в это время и убьет — сколько денег ему достанется...

— Ну, а теперь я расскажу,— говорит волк.— Ослеп недавно государь Запада. А в этом лесу пасется стадо овец, и среди них есть одна черная овца без отметины: так вот, если кто-нибудь возьмет ее печень и легким да протрет ими глаза государя — в тот же час государь прозреет. А каким богатым станет тот, кто поможет ему прозреть!

Теперь настал черед медведя.

— У государя Востока,— рассказал он,— во всем царстве нет воды, и до того страдают там от безводья, что уже половина жителей перемерла от жажды. А между тем во дворе у государя стоит тополь; так вот, если срубить его одним ударом, то из пня столько потечет воды, что мельницу можно вертеть. Кто срубит этот тополь и выведет там воду, вот уж разбогатеет так разбогатеет!

Кончили звери рассказывать сказки, а тут, глядишь, как раз и рассвело. Встали они и пошли — каждый своей дорогой.

Весь этот разговор юноша выслушал и запомнил. Вышел он утром, срезал палку и стал подстергать мышь. Видит — вынесла она деньги, разложила их на поле, чтобы просушить на солнце, а сама там же присела сторожить.

Бросил тогда парень палку прямо в мышь, ударил ее и убил, а потом собрал все деньги и унес. Идет по дороге, а тут встречается ему настих с овцами. Увидел юноша в стаде черную овцу без отметины и говорит:

— Слышь, настих, продай мне эту овцу.

Купив овцу, он тут же ее заколол, вырезал печень и легкие и отправился в западное царство. Пришел ко двору государя и говорит вазирам:

— Пусть меня к царю, хочу я повидать его.

Побежали вазирь к своему государю и докладывают.

— Пришел тут какой-то молодой человек и хочет вас повидать.

Государь приказал его ввести, и юноша вошел к нему.

— В чем дело? — спрашивает царь.

— Живите в мире, господин, — ответил парень. — Да вот, прослышал я, что зрелая вы лишились, и пришел сюда, чтобы вас вылечить и за один час избавить от болезни.

— Не может этого быть, — говорит царь. — Всю землю я обошел, но никто не смог меня исцелить, так где уж тебе суметь...

А юноша все на своем стоит.

— Если, — говорит, — за один час я вас не исцелю, тут же прикажите отрубить мне голову.

— Ну ладно, — сказал государь.

Принес парень свое лекарство — нечень и легкие той овцы, — провел государю по глазам, и через час царь прозрел и снова стал видеть.

— Что же теперь дать тебе за доброе дело? — спрашивает он.

— Да что тебе угодно, то и пожалуй, — сказал ему юноша.

— Вот что — дам я тебе полцарства.

— Ну, для чего мне полцарства? — сказал юноша.

— Так чего же ты хочешь?

— Дай мне девять мулов да нагрузи их золотом и серебром.

— Что ж, тем лучше, — сказал государь и дал ему девять мулов, нагруженных золотом и серебром, а к каждому мулу приставил по одному человеку и так проводил юношу в дорогу.

Отправился теперь юноша в восточное царство. Пришел к государеву дворцу и говорит вазирам:

— Слышал я, что в вашем государстве нет воды, так вот я могу здесь, у вас во дворце, открыть родник, да такой, что на все ваше царство воды хватит.

Пошли вазирь к государю и доложили ему об этом. Государь сам вышел к юноше.

— Если, — говорит, — владеешь ты таким искусством, что откроешь у меня во дворе родник, я дам тебе все, чего ты ни попросишь.

— А мне многого не надо, — сказал юноша. — Коли открою родник да пуцну воду в твоём дворе, дай мне тогда девять мулов да нагрузи их золотом и серебром.

— Ладно, — согласился государь.

— Теперь, — говорит юноша, — принесите мне алмазный топор.

Принесли вазирь алмазный топор. Подошел юноша к

тополю, вамахнул этим топором и одним ударом срубил дерево. Не успело оно повалиться на землю, как из его инии хлынул поток воды, да такой сильный, что твоя река, — и все, что вокруг было, вода закружила и понесла с собой.

Обрадовался царь, что столько воды появилось в его царстве, и сразу же дал юноше девять мулов, нагруженных золотом и серебром.

Так отправился юноша домой, к своим беднякам-родителям, и повел с собою восемнадцать мулов, нагруженных золотом и серебром. Долго шел он и наконец прибыл на родину, к отчему дому.

А отец даже не узнал сына: с тех пор как они расстались, времени-то прошло много и парень подрос и возмужал. Когда же сын ему назвался и отец признал его, он заплакал от радости. Повернулся тут юноша и стал разгружать своих мулов.

— А что это ты привез, сынок?

— Как что? Богатство.

Вошел сын в дом, разложил все золото и серебро и говорит отцу:

— Вот, отец мой, я столько богатства привез, что живи теперь хоть тысячу лет — бедности не будешь бояться.

Родители юноши так обрадовались, что места себе не находили. Зажили все они счастливо.

Прослышал вскоре об их достатке и тот купец, который предал этого юношу, да и пришел к нему.

— Откуда у тебя, — спрашивает, — такое богатство?

— Бог дал, — говорит парень. — Разве бог не протянет руку несчастному человеку, которого ты продал?

— Ты не увливай от ответа, а лучше скажи, кто тебе это дал, — пристал к нему купец.

— Ну ладно, — говорит тогда юноша, — так уж и быть, расскажу. Помнишь то место, где ты меня обманул и на опушке леса оставил одного? Так вот, есть там неподалеку мельница. А так как идти мне той ночью было некуда — дороги-то ведь я не знал, — решил я пойти да заночевать на этой мельнице...

И так поведал он купцу все: и как лисца вошла, и как звери стали сказки рассказывать — словом, рассказал ему обо всех своих приключениях.

Очень удивился купец этому рассказу и говорит про себя: «Давай-ка, мол, схожу и я на ту мельницу, может, и мне бог подсобит и чем».

И впрямь, собрался он и пошел на ту мельницу, а

вместо трех хачапури взял с собой целых девять. Пришел на ту мельницу, забрался в лоток и разложил эти девять хачапури на груди.

Как стемнело, собрались у дверей мельницы медведь, волк и лиса. Сидят, беседуют, а спустя некоторое время медведь говорит:

— Слышь, лиса, чую я человеческий запах; сходи-ка ты на мельницу, может, там чего найдется.

Вошла лиса на мельницу, обошла все углы, потом вскочила на лоток, сняла с купца девять хачапури, выпесла медведю и волку и дала им поесть. Снова говорит медведь:

— Слышь, лиса, сходи-ка туда опять, может, еще чего там найдется.

Опять вошла лиса на мельницу, обошла все, вспрыгнула на лоток, схватила лапами купца — да только где ей было с человеком справиться! — и кричит:

— Медведь, а медведь, мне его никак не одолеть, да я тяжелый он очень, может, ты с ним справишься?

Потопал тогда медведь на мельницу, стал на лоток и стащил купца вниз. После этого уселись трое друзей и с удовольствием насытились мясом предателя.

Мор — туда, пир — сюда,
Отсев — туда, муку — сюда.
Эласа-меласа,
Очень мне пить хотелось,
А стакан висел на шее,
Оттого и пелось..
Кто придумал эту сказку
И кто выслушал ее —
Боже, дай им в равной мере
Милосердие свое!

89. Иван-богатырь

Жил один царь, и был у него палаван. Палавана этого называли человекодавном. И впрямь походил он на дава: во всем царстве никто не мог его одолеть. Лицо у него было человеческое, а тело — совсем как у дава — покрыто густой щетиной.

Царь очень гордился таким богатырем, но старался пайти в своем царстве еще более могучего палавана. И желание это так росло, что не давало ему покоя ни днем ни ночью.

И вот разослал царь гонцов: ступайте, говорит, обойдите всю страну и приведите ко мне такого силача, который одолеет нашего богатыря.

Отправились в путь царские гонцы и столько ходили, что от усталости ног под собой не чуяли, по кому охота на верную смерть себя обрекать? Слух о человекодавце разнесся далеко, и никто не решался помериться с ним силой.

И вот однажды проходили царские слуги мимо убогой хижинки. Смотрят — сидит возле нее парень и ест как ни в чем не бывало. Как увидели они это, удивились, и один из них спросил:

— Ты что делаешь, негодник, вставай, а не то придет наш дэв-палаван и поколотит тебя.

— Не справится со мной ваш богатырь, — спокойно отвечал парень.

— А в самом деле, мы ведь как раз того и ищем, кто с ним сразиться может, пойдешь с нами? — насмешливо предложили гонцы.

— Отчего ж не пойти, — смело отвечал Иванэ (так звали юношу), — ведите меня к вашему царю.

Обрадовались царские слуги, что нашли человека, готового помериться силой с их палаваном.

— Нам что за печаль, — рассуждали они, — если даже он не осилит его, сам-то он согласен сразиться с ним.

Забрали они парня с собой.

Так Иванэ отправился к царю.

Удивился царь, увидев его. «Разве такой юнец устоит перед моим богатырем?» — подумал он и спросил:

— Схватись с человекодавцем?

— А почему бы и нет? Кто он такой, ваш палаван, чтобы я его не одолел? — спокойно отвечал Иванэ. — Только дайте мне за этот месяц отъестся вволю и красного вина не жалейте.

Царь согласился, и целый месяц Иванэ ел и пил и за один день столько сил набирался, сколько другому и за несколько лет не набрать.

Назначили день поединка.

Множество народу собралось, чтобы поглазеть на это зрелище, и составили они огромный круг.

Вышел человекодав, выскочил и Иванэ, да как прыскал! Так высоко подпрыгивал, что прямо летал по кругу.

Тщетно богатырь шарил руками в воздухе, чтобы схватить противника — никак не мог его поймать.

А Иванэ вдруг подпрыгнул и, ринувшись на палавана, подмял его под себя. Зрители радостными криками приветствовали победителя, а человекодэва освистали.

Потерпел поражение человекодэв, и царь прогнал его со двора, а палаваном назначил Иванэ.

Сорвавшимся с привязи бычком ходил Иванэ по двору. Ничего не делал, ел и пил вволю и бесчисленных богатырей, являвшихся с угрозами, на лопатки клал и этим царя радовал. Царь очень любил своего нового палавана и никуда его от себя не отпускал.

Однажды вышли на балкон две старшие дочери царя (а всего у царя было три дочери, младшая запала Иванэ в душу и сама по нему сохла). Проходил мимо Иванэ и бросил царским дочкам несколько дерзких слов. Разобиделись царевны: погляди, мол, простой мужик, а как осмелел.

— Ступай отсюда, невежа, ты нам неровня, чтобы так дерзко с нами разговаривать,— сказали царские дочери и вошли в покои.

С того дня невзлюбили они Иванэ и, чтобы как-нибудь извести его и погубить, стали царю-отцу наговаривать:

— Слышал ли ты, отец, что в таком-то и таком-то месте живет трехголовый дэв, а у него во дворе растет яблоня бессмертия, яблоня эта каждый день плодоносит, и тот, кто съест хоть одно яблоко, никогда не умрет. Вот было бы хорошо, если бы эта яблоня росла у нас!

— Хорошо-то оно хорошо,— отвечал им царь,— только кто посмеет ее сюда припести, где найти безумца, который зря своей жизнью пожертвует и полезет дэву в пасть!

— Почему же зря? Неужто наш богатырь Иванэ того дэва не одолеет? Отправь его и вели ту яблоню принести,— не отступались сестры.

Пришелся по душе царю совет дочерей, и вызвал он Иванэ.

— Там-то и там-то,— сказал он,— у одного дэва растет яблоня бессмертия, ступай принеси это дерево и посади в моем саду!

— С превеликим удовольствием! — отвечал Иванэ и отправился туда, где жил трехголовый дэв.

Долго ли шел, коротко ли, пришел во дворец дэва и увидел в саду огромную яблоню, усыпанную красными и желтыми плодами. Ударил Иванэ-богатырь по стволу ногой с такой силой, что все яблоки вниз посыпались.

ни одного на ветвях не осталось. Подошел Иванэ к дереву, съел все яблоки и улегся в тени отдыхать.

Как вышел дэв во двор, изумился — кто это, дескать, сюда явиться посмел, и крикнул:

— Кто ты такой, что набрался наглости и мой двор разорил?

С этими словами ринулся он на Иванэ-богатыря, размахнулся и всадил Иванэ по колено в землю. Подскочил Иванэ и с размаху воткнул дава в землю по самую шею. Запес саблю и снес дэву две головы. Только-только соби-рался и третью спести, как дэв взмолился:

— Пощади, не убивай меня, а я буду твоим первым рабом: такого копя подарю, какого на всей земле нет, и такое зеркало дам — посмотришься в него и в любое животное превратишься, а еще раз взглянешь — снова человеком станешь.

— Ладио, дарю тебе жизнь, — сказал Иванэ-богатырь и отпустил дэва. — Обрадованный, дэв пригласил Иванэ в дом, угостил его на славу. А потом вывел копя и подарил зеркало.

— Ты мне и яблоню отдать должен, за которой меня царь послал, — сказал Иванэ-богатырь.

— Хорошо, в этом я не могу тебе отказать, — сказал дэв и своей рукой вырвал яблоню с корнем.

Оседлав Иванэ копя, подаренного дэвом, положил зеркало в карман, перекинул яблоню через плечо и поехал домой.

— Коли понадобится что, кликни меня, и я в тот же миг предстану перед тобой, — крикнул дэв ему вслед.

Прибыл Иванэ-богатырь к царю и привез яблоню. Ударил ногой оземь и посадил ее во дворе.

Шли дни, месяцы, годы, но яблоня не цвела и не плодоносила. Удивлялись все.

— Наверное, это не та яблоня, — говорили одни.

— Но если и другая, то отчего же она не прижилась?

А царские дочери не унимались, хотели избавиться от Иванэ и снова к царю пристали.

— Знаешь ли ты, отец, что там-то и там-то живут три дэва и у всех трех братьев есть златогривые кони, вот было бы хорошо, если бы эти кони были твоими.

— Да кто же их приведет, доченьки, кому охота головой riskовать да с дэвами бороться, — отвечал царь.

— А наш Иванэ-богатырь, — подсказывали царевны, — он такого грозного дэва одолел, что этих запросто истребит.

Царю задал в голову совет дочерей, и призвал он к себе Ивана-богатыря.

— Там-то и там-то,— говорит,— живут три дэва, ты должен привести мне их златогривых коней.

— С превеликим удовольствием,— слова отвечал Иван и отправился в страну, где жили те дэвы.

Прошел он полпути и вспомнил своего названного брата. Дай, думает, кликну его, может, выручит меня в беде. Кликнул он дэва, и предстал тот перед ним в один миг:

— Что за нужда у тебя, брат, и как ты поживаешь?

— Да нужда такая, что живут там-то и там-то три дэва и велел мне царь забрать у них златогривых коней. Вот иду я туда, и ты со мной иди.

— Хорошо,— сказал дэв и последовал за Иваном-богатырем.

Долго ли шли они, коротко ли, подошли ко дворцу дэвов.

Иван оставил дэва со своим конем на островке, наполнил чашу водой, зажег свечу и сказал:

— Оставайся здесь, а я пойду сражаться с дэвами. Следи за этой чашей: если вода станет алой, а свеча погаснет, это значит, туго мне приходится, отпусти тогда моего коня — он знает, что делать.

Отправился Иван-богатырь к дэвам. Смеркалось. Иван шел как раз той дорогой, по которой дэвы к своему дворцу ходили. Устроил он засаду в удобном месте и стал ждать.

К вечеру проехал по дороге старший брат — трехголовый дэв. Когда он приблизился к тому месту, где Иван-богатырь прятался, конь его начал ржать и становиться на дыбы.

— Ах ты волчья сыть,— рассердился на коня дэв,— уж не сам ли Иван-богатырь тебе путь преградил?

— А вот он я — Иван, и если ты не трус, держись,— вскричал богатырь, подскочил к дэву и спес ему три головы с плеч. Взял Иван коня, проделал еще часть пути и снова у дороги засаду устроил. Когда второй дэв мимо той засады проезжал, конь его уперся и встал.

— Ах ты волчья сыть, уж не сам ли Иван-богатырь тебе путь преградил? — рассердился на коня дэв.

— А вот он я — Иван,— выскочил богатырь из засады, ринулся на дэва и одним ударом меча спес ему все шесть голов.

Пошел он дальше и устроил засаду третьему брату.

Когда наступила полночь, проезжал мимо младший

брат — девятиглавый дэв. Едет на коне верхом великан ростом с гору и бесечно напевает. Как приблизился он к тому месту, где Иванэ-богатырь укрывался, и его конь стал упираться, ржать, будто в землю врос.

— Ах ты волчья сыть, что это с тобой, уже не сам ли Иванэ-богатырь тебе путь преградил? — рассердился на коня дэв.

— А вот он я — Иванэ, — вскричал богатырь и налетел на дэва. Но этого оказалось не так просто одолеть, как первых двух. Дэв при виде Иванэ рассмеялся, схватил его, посадил себе на ладонь и сказал:

— Если бы я захотел, раздавил бы тебя прямо на ладони, в порошок бы стер, но я поступлю с тобой иначе, прикончу тебя по-другому.

С этими словами он швырнул Иванэ оземь.

По плечи врос в землю Иванэ-богатырь, достал дэв свой меч и только было хотел отрубить ему голову, как сказал ему Иванэ:

— Дай мне сначала твою трубку выкурить, а потом делай со мной что хочешь.

— Ладно! — согласился дэв, пабил табаком свою трубку и подал Иванэ.

Огромная трубка была у дэва, помещался в ней целый кодн табаку, и вот покуривает не спеша Иванэ, не торопится копчать, ибо знает: как копчат курить, так и копец ему придет.

Понапрасну ждет Иванэ-богатырь своего коня, не идет он ему на помощь. «Что с ним могло приключиться? Неужели дэв меня предал и не отпустил коня?» — думает Иванэ.

А в это время дэв крепко уснул и не видел, что вода в чаше стала алой и свеча погасла. Конь же почувал, что хозяин в беде, и принялся ржать. Но никто его не отпускал, тогда сорвался он с привязи и помчался на помощь Иванэ-богатырю.

Ужо закапчивал Иванэ курить трубку, как появился его конь, паскочил на дэва, сначала копытами его топтал, потом ногами стал бить. Повернулся хвостом к хозяину, вытащил его из земли. Кинулся Иванэ к упавшему дэву, отрубил ему все девять голов, забрал и его коня и отправился во дворец.

Приблизившись к дому дэвов, подумал он: «Да-ка зайду». Достал из кармана зеркало, взглядел в него и превратился в кота. Проник в дом и присел у очага. В доме находились мать дэвов и их жены.

— Почему не идут мои сыновья? — проговорила мать. — Если кто их погубит, я стану костром на пути их погубителя и спалю его.

— А я, — сказала старшая сноха, — подниму ураган, а сама на дороге мельницей стану — он пойдет от непогоды укрыться, я обрушусь ему на голову и убью его.

— Я же мостом стану, и, когда он соберется через реку переходить, я его в воду сброшу, — сказала средняя сноха.

— Я в гору снежную превращусь и лавиной спесу погубителя моего мужа, — пообещала младшая.

Кот выскочил из дома, глянул в зеркало, снова превратился в Ивана-богатыря, сел на своего коня и отправился в путь.

В дороге страшно похолодало, стало так холодно, что у Ивана зуб на зуб не попадал. Тут увидел он большой костер. «Нет, — думает, — это мать поганых дэвов», — и обошел костер стороной, по огонь снова возник перед ним.

Тогда Иван-богатырь позвал своего названного брата, и тот мигом предстал перед ним.

— Прости, говорит, я тогда уснул и не заметил, как погасла свеча.

— Прощаю, — отвечает Иван, — только вызволи меня из этой беды. Не могу на дорогу выйти, это не костер, а мать дэвов.

Тогда дэв вытащил свой меч, рассек пламя, и перед ними распласталась мертвая мать дэвов.

Переступили они через нее и пошли дальше...

Еще холоднее стало, подул ветер, и увидели они мельницу впереди. Вытащил дэв свой меч, рассек мельницу, и превратилась она в мертвую женщину. Это была жена старшего дэва.

Прошли еще немного. Смотрят — перед ними река, а через нее мост, ударил дэв мечом по мосту — и мост тоже стал мертвой женщиной. А река исчезла.

Долго ли шли, коротко ли, выросла перед ними снежная гора. Дэв и на сей раз обнажил свой меч, вонзил его в гору, и перед ними упала жена младшего девятиголового дэва. Перешагнули они через нее и пошли дальше.

Миновали они опасное место, дэв распроцался с Иваном и пошел к себе, а Иван с златогривыми конями направился к царскому дворцу.

Пригнал он коней к царю, и царь стал еще больше гордиться своим бесстрашным богатырем и щедро одарял его.

Старшие же сестры все не унимались и снова пристали к отцу.

— Там-то и там-то, в таком-то море живут буйволы с алмазными рогами, вели Иванаэ пригнать их сюда!

Запал царю в голову этот совет, вызвал он Иванэ-богатыря и сказал:

— Там-то и там-то, в таком-то море живут буйволы с алмазными рогами. Ты должеп пригнать их сюда.

— Отлично! — отвечал Иванэ, хотя и сам не знал, как выманить из моря этих буйволов.

Встал он на следующее утро и отправился к морю, где жили буйволы.

Пройдя полпути, вспомнил он своего назвапого брата и кликнул его. Дэв в тот же миг возник перед ним.

— Что случилось, брат? — спросил дэв.

Иванэ-богатырь объяснил, в чем дело. Тогда дэв сказал:

— Эти буйволы вечером выходят из моря па водопой, ибо вода в море соленая и горькая и они ее пить не могут. Возьми с собой бычью шкуру и пуд гвоздей. Накрой шкурой родник и приколоты гвоздями к земле. Когда буйволы увидят, что воды нет, станут тебя просить: дай нам напиться, и мы станем твоими верными рабами.

Выполнил Иванэ совет дэва. Купил гвоздей, взял бычью шкуру, накрыл ею родник и гвоздями к земле приколотил.

Когда наступил вечер, вышли буйволы из моря па водопой, но, не найдя родника, стали Иванэ-богатыря просить:

— Ты дай нам напиться, а мы твоими рабами станем.

Иванэ дал им воды и погнал к царю.

А буйволы те оказались волшебниками и сказали Иванэ:

— Пока старшие сестры живы, не дадут они тебе покоя. Это по их вине ты претерпеваешь столько злоключений. Как пригодишь нас во дворец, мы их на рога векилем и от царя тебя тоже избавим.

Пригнал Иванэ-богатырь буйволов в царский дворец. Вышли все на них поглядеть, разогнались буйволы и подняли на рога старших дочерей царя, да и его самого в придачу. Народ избрал Иванэ царем, а он женился на младшей царевне, и начали они счастливо жить да поживать.

На следующий день, когда жена Иванэ-богатыря вышла в сад, она удивленно воскликнула:

— Яблоня эта столько времени не плодоносила, а теперь погляди — вся плодами увешана.

И верно — яблоня бессмертия принесла плоды.

90. Сказка об ученых братьях

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жил один царь, и было у него три сына. Пришло этому царю время умирать. Позвал он своих сыновей и сказал им:

— Дети мои, пришло мне время умирать.

Не понравилось это сыновьям. Да и как могло понравиться?

— Что же с нами будет? — спросили они.

— Вот что, сыновья мои, — сказал отец. — Оставляю я вам свое огромное государство, самое большое из всех государств, и этот камень. — Он вытащил волшебный камень и дал его братьям. — Живите дружно, не измените друг другу.

Взяли братья этот волшебный камень, положили его в ларец и заперли в одной из комнат дворца. Каждое утро обычно заглядывали они все втроем в эту комнату и проверяли, на месте ли камень. Царь умер. Схоронили его сыновья с почестями, как положено, оплакали, как подобало. А волшебный камень каждое утро навещали по-прежнему.

Однажды сказал себе младший брат: «Что случится, если возьму я этот камень себе?» Вытащил он камень и положил в карман. Утром вопли братья, как обычно, в комнату и увидели, что камня на месте нет. Подняли крик:

— Куда камень подевался? (Громче всех кричал тот, у кого камень лежал в кармане.)¹

Что им оставалось делать? Вышли они и сказали:

— Пойдем в суд.

Был там царский суд, и направились они туда. Идут дорогой, идут, старший брат и говорит:

— Этой дорогой одноглазый верблюд шел.

Второй сказал:

— На одном боку у этого верблюда сосуд с керосином² висит, на другом — мед.

А младший добавил:

— Сидит на нем беременная женщина, и на руке у нее пет среднего палца.

Спросили у старшего брата:

— Откуда ты знаешь, что по этой дороге одноглазый верблюд шел?

Ответил старший брат:

— Это я узнал благодаря своей учености. Вот взгляните: с той стороны, где у него глаза нет, трава растет, а с той, где глаз есть, он выщипал всю траву.

У среднего спросили:

— А ты откуда знаешь?

— Там, где капля меда упала, мухи вьются, а где вылит керосин — трава пожухла.

Спросили у третьего:

— А ты чем можешь подтвердить сказанное?

Пока собирался младший с ответом, пришли они к реке. Там, где сошла эта беременная женщина и воду пила, увязла она обеими руками и животом в иле, а как выпрямилась, остались отпечатки ее пальцев и видно было, что одного пальца у нее не хватает.

Когда они шли в суд, их увидел хозяин верблюда, татарин³, никого другого он не заметил и начал па братьев:

— Эй, ребята, верблюда своего я потерял, не видели его?

Старший сказал:

— Он одноглазый был.

Средний:

— На одном боку у него мед висел, на другом — керосин.

А третий:

— Сидела на нем беременная женщина, и не было у нее на руке среднего пальца.

Когда они сказали все это, хозяин верблюда привязался к ним:

— Отдайте мне моего верблюда, что вы со мной делаете?

— Нет, братец, нет у нас твоего верблюда, — отвечают, — мы люди ученые, оттого и поспали, что проходил такой верблюд.

Тогда хозяин верблюда пошел в тот же суд, куда шли братья, хотел упредить их. Пришли они все вместе. Сказал тот человек:

— Великий царь, мой верблюд у этих людей, и они не отдают его мне.

Спросил их царь:

— Как же это так, отчего он на вас жалуется?

Ответили ему братья:

— Мы все поняли благодаря своей учестости и ему об этом сказали, но его верблюда нет у нас.

Разгневался тогда царь на этого татарина и выгнал его воп. (Разумеется, где уж бедному человеку у царя правды добиться!)¹ Братьев царь принял радушно и поместил в отдельной комнате. Хорошо принял, почет и уважение оказал; до того как их рассудить, призвал он пекаря и приказал ему:

— Гости у меня — царские сыновья. Испеки хлеб, да такой, чтобы лучше его во всем государстве никто не едал.

Позвал овчара и велел ему такого барашка прислать, чтобы лучше да красивей его в стаде не было. Разумеется, и хлеб прекрасный получился, и барашка самого хорошего доставили.

Позвал тогда царь повара и велел ему приготовить обед, достойный царских сыновей. Когда обед был готов, накрыли в той комнате, где царские сыновья находились, на стол, комнату заперли, а к дверям привратника приставили. Всучили ему бумагу и карандаш, записывай, мол, все, что они скажут.

Перекрестился старший брат, разломил хлеб и говорит:

— Каким бы ты был прекрасным царем, если бы не был сыном мельника!

Взял второй брат кусок хлеба и говорит:

— Каким чудесным был бы этот хлеб, если бы к нему не примешалась капля человеческой крови!

Взял третий брат кусочек мяса и сказал:

— Прекрасный был бы барашек, если б он не был вскормлен собакой!

Записал все эти речи привратник и принес записанное царю.

— Что они сказали? — спрашивает его царь.

— Не осмеюсь повторить, — ответил привратник и подал царю записанное.

— Это еще что такое! — пакричал на него царь.

— Не обессудь, царь-батюшка, шени чприме, я все сделал так, как ты мне повелел.

Позвал тогда царь к себе свою мать. Пришла мать, и обратился к ней сын:

— Соскучился я по тебе, мамочка, покажи мне свою грудь, должен я ее поцеловать.

Вытащила царица-мать грудь, ухватил сын зубами сосок, держит, не отпускает:

— Скажи мне, мать, чей я сын. Пока правду не скажешь, не выпущу.

Больно женщине, хотела было она отмолчаться, да не вытерпела, когда еще сильнее он стиснул сосок.

— Отпусти меня,— взмолилась,— расскажу тебе все по порядку. Что мне было делать, если бы я так не поступила?! Не было у меня иного выхода. Как умер твой отец, осталась я одна-одинешенька. В конце нашего сада жил один забуддыга-мельник, с ним я и слюбилась. Если бы я его не полюбила и не родила от него сына, погибло бы мое царство. Как только узнала, что ты у меня должен родиться, оставила я его и не позволяла к себе прикасаться. Зато теперь ты таким огромным царством владеешь.

Так благодаря учестости этих братьев узнал царь, что он сын мельника.

Призвал к себе царь пекаря, спрашивает его, отчего в хлебе замешана человеческая кровь, зачем такое сотворил? Стал пекарь оправдываться:

— Прекрасного замеса хлеб у меня был, да подвели меня подручные, перепились, опьянели, в драке кто-то руку поранил, вот кровь в тесто и попала.

Понял царь, что и на этот раз правду ему сказали царские сыновья.

Позвал он теперь овчара:

— Я тебе что приказал, а ты что сделал, отчего привел барашка, выращенного на собачьем молоке?!

— Что мне было делать, шепи чириме, ты мне приказал привести самого лучшего в стаде барашка, вот я и привел, лучше у меня нет. А было вот как: окотилась у меня одна овца двумя ягтями, не смогла она обоих кормить, тем временем была у меня собака со щенками, выкормила она одного ягтенка, он оказался лучше всех, я и привел его к тебе.

Понял царь, что на самом деле ученые эти братья. «Как же,— думает,— узнать мне, кто из них камень взял?» Думал-думал, ничего придумать не мог и отделаться от них не может. Не подобает ведь царю гостей выгонять. Кормит он их, поит и держит в покоях наперти. Не сегодня завтра, думает, выпровожу. От дум этих заболел царь. Пришла к нему жена, спросила:

— Что с тобой приключилось?

Поведал ей царь свои горести. А жена ему говорит:

— Не беспокойся, только бы ты был жив-здоров, а уж я их выпровожу.

Пошла в один прекрасный день эта женщина к юно-

шам. Поздоровалась она с ними, поставила в их комнате четыре золотых стула и говорит:

— Хочу вам рассказать коротенькую историю, такую коротенькую, чтобы вам не надоела.

— Давай рассказывай! — сказали братья.

И царица начала: «В одной стране у одного бедного человека была дочь, и была она не замужем. Отец пошел, выбрал ей жениха и выдал ее замуж. Всех к себе пригласил. Устроил все в один день: и смотрины, и стовор, и свадьбу. А девушка та слово дала одному парню. Узнав, что девушку выдали замуж, парень этот решил: все равно она не будет моею, возьму и напьюсь на ее свадьбе. Свадьба кончилась, повели невесту и оставили с женихом. Разделся жених и лег. А девушка ему говорит:

— Не лягу я с тобой, не могу, не будет мне счастья, если тот парень не освободит меня от данного слова.

Сказал ей тогда вечанный с нею муж:

— Иди к нему, только смотри не опозорь меня, возвращайся до рассвета, не срами меня перед людьми.

Пошла она в полночь к тому парню, постучалась к нему в дверь: открой, мол.

— Кто там?

— Я это.

— Будь ты проклята святым Георгием, разве отпустит в такую полночь тебя муж?

Парень принял ее за привидение. Сказала ему девушка:

— Зажги свет — и ты убедишься, что это на самом деле я.

Зажег он свет и увидел, что действительно это та девушка. Сказала она ему:

— Отпустил меня муж мой вечанный, чтобы освободила я тебя от данного тебе слова. Я в твоих руках, теперь от тебя зависит, как ты меня отпустишь.

Ответил ей парень:

— Иди с миром, муж твой вечанный доверился тебе, и я тебя отпускаю, с этого дня я — брат, а ты — моя сестра.

Побежал он, припас кувшинчик вина, благословили они друг друга и расстались. Обрадовалась женщина и ушла.

Как прошла она полдороги, повстречались ей двенадцать разбойников, тринадцатый — их атаман. Увидели они женщину и приняли ее за привидение.

— Эй! Эй! — кричат ей, а она не отвечает. Тогда подь-

схал к ней наперерез атаман, думает — привидение это, подъехал и спрашивает ее:

— Кто ты и что ты за существо? Прошла ты этот путь и обратно идешь?

Рассказала им женщина свою историю:

— Меня сегодня отец мой без спросу замуж выдал. Не знала я, а когда поигривали мы, повеселились, лег мой жених и мне велел лечь. Нет, говорю ему, не спиму я венца, не будет мне счастья. Тогда послал меня мой венчаный муж к тому парню, а тот меня отпустил. Благословили мы друг друга, и обратно отослал он меня. Теперь вот я у вас в руках, от вас все зависит.

Сказали тогда разбойники:

— Иди, и мы тебя отпускаем с миром.

Благословили они ее и распрощались с нею.

Сказала царица гостям:

— Видите, как велико их благородство: сначала муж венчаный отпустил, потом тот, кому она слово дала, и особенно благородны разбойники — ведь парчовое платье этой женщины было украшено пуговицами, каждая — ценою в шестьдесят туманов. А они благословили и отпустили ее.

— Ах,— сказал тот из братьев, у кого в кармане лежал волшебный камень.— Если бы я был там, я бы непременно хоть одну пуговицу, да сорвал. Шестьдесят туманов — деньги немалые!

— Bravo! — закричали все.

А царица сказала:

— Ох и несчастный у тебя глаз! Ты взял этот волшебный камень! Вынь его из кармана и поделись с братьями.

— Об этом и мы знали,— сказали братья,— знали благодаря нашей учености, что волшебный камень у него, но не осмелились намекнуть об этом брату.

Ушли они с миром.

Вот какую жену нужно иметь!

91. Плотник и его жена

Работал однажды на берегу моря плотник. Каждый раз, как садился он есть, половину хлеба крошил в воду, чтобы накормить рыб, а половину съедал сам. И всегда вокруг хлеба, который он сыпал в море, собиралась целая стая мелких рыбешек, да только сами они того хлеба не ели, а относили своему государю.

Прошло несколько дней, и спрашивает царь рыб у своих верных подданных:

— Кто этот благодетель, который вот уже столько дней присылает нам угощение?

— А это,— отвечают маленькие рыбежки,— плотник, который работает на берегу моря. Каждый раз, как он садится есть, половину хлеба съедает сам, а другую половину крошит для нас в воду, ну а мы, как полагается, этот хлеб приносим тебе.

— Ступайте,— приказал государь,— да приведите его сюда, чтоб я мог его отблагодарить.

Приплыли рыбки к берегу, где сидел плотник, высунул головы из воды и говорят:

— Слышь, добрый человек, должен ты пойти за нами, потому что зовет тебя наш государь. Хочет он поблагодарить тебя и подарок сделать.

Пошел он за ними, а по дороге одна рыбка ему посоветовала:

— Когда наш государь станет предлагать тебе в подарок разные драгоценности, ты от всего отказывайся: ничего, говори, мне от тебя не нужно, а проси только, чтобы он провел у тебя во рту своим языком.

Вот привели его рыбки к государю.

— Скажи мне, милый человек,— спрашивает его государь,— чего ради посылаешь ты мне каждый день такое вкусное угощение? Я ведь никакого добра тебе никогда не делал. Проси у меня теперь чего хочешь, чтобы и я за такое твое уважение в долгу не остался и мог тебе что-нибудь подарить.

— Да разве такое уж это большое уважение? — удивился плотник.— Хлеба у меня достаточно, чтоб и с тобой поделиться, так что ни о какой награде я даже и не помышлял; потому и долга на тебе нет, государь, никакого.

— Нет-нет,— возразил ему повелитель рыб,— такого не может быть, чтоб остался ты невознагражденным! Проси у меня, добрый друг, чего хочешь, и ни в чем тебе отказа не будет.

— Да ей-богу, не нужно мне никакой награды,— говорит плотник.— Только и обидеть тебя я, конечно, тоже не хочу. Раз уж ты так настаиваешь, то проведи разок своим языком у меня во рту. Ничего другого мне от тебя не надобно.

— Я,— говорит ему повелитель рыб,— с удовольствием исполню твою просьбу, и ничего мне для тебя, поверь, не жалко, да вот боюсь только, попутает тебя кто-нибудь,

наставит проговориться, а это ведь такая тайна, что, если ты кому-нибудь ее откроешь, тотчас же умрешь.

Провел царь рыб своим языком у него во рту, и — вот чудо-то! — сразу выучился плотник всевозможным языком, так что стал понимать и то, что говорили животные, и даже язык неодушевленных предметов.

После того как плотник еще некоторое время поработал на берегу моря, он закончил свою работу и отправился домой.

Случилось однажды так, что сыновья того плотника, выйдя во двор поиграть, решили изловить птичку, а для этого придумали ловушку. На кучу навоза, к которой обычно слетались птицы, поставили плетеную корзину, один край ее приподняли и привязали к нему длинную веревку, а под корзиной насыпали кукурузные зерна. Заскочил под корзину сорочий птенец, а мальчишки как дернут за веревку — корзина упала, да и накрыла птенца. Вытащили его мальчишки и унесли в дом. Стали они с птенцом играть, а ведь ему это одно мучение, да и только. Занимал он жалобно, а мать, услышав этот писк, прилетела к их дому, села у дверей и стала причитать на своем, сорочьем языке.

— Ах, — говорит, — если б пашелся здесь какой-нибудь человек, способный меня понять, да если б освободил моего малыша от этих извергов, я бы его так отблагодарила! Ведь в таком-то месте протекает река, а на берегу лежит огромный камень, так под тем камнем столько драгоценностей, что не только ему самому хватит, но и внукам останется вдоволь.

Услыхал эти слова плотник, пошел к детям и говорит:

— Ну-ка, дайте и мне подержать эту птичку, посмотрю, какая она из себя.

Дети отдали ему птичку, а он возьми и выпусти ее на волю.

— Ой, — говорит, — вырвалась она у меня из рук и улетела.

После этого отправился плотник туда, где, как научила его сорока, лежит бесценный клад. Отвалил камень и видит — под ним огромная яма, а в ней полно драгоценных камней и жемчугов — ну, столько их, что даже и сосчитать невозможно! Собрал он, сколько мог унести, и поволок домой.

А жена у этого плотника была преглупая баба, и потому он рассудил про себя так: если, думает, я все эти

драгоценности сразу ей покажу, она тут же их растратит; давай-ка лучше стану выдавать ей понемногу.

Жена вначале слушалась мужа, верила ему, а потом вдруг возьми да спроси его:

— Слушай, пока ты на морском берегу работал, столько не зарабатывал, а теперь целыми днями дома сидишь, кто же платит тебе так много и за что?

— Для того я и работаю рук не покладая,— отвечал ей муж,— чтобы заработать хорошенько и чтоб прибыль была в доме.

Прошло некоторое время, и говорит жена:

— Что ж, если до сих пор мы жили бедно, а теперь, слава богу, и денег у нас хватает, и еда не переводится, свез бы ты меня на праздник к святой иконе помолиться, а потом ппр справим.

— Ладно, поедем,— согласился муж.

Напекла жена хлебов, разной еды, все приготовленное уложила в хурджки, взвалила на лошадь, и отправились они помолиться святой иконе. Женщина села на лошадь и поехала впереди, а муж следовал за ней.

У лошади, на которой сидела хозяйка, был маленький жеребенок, притомился он по дороге и отстал, а потом окликнул свою мать:

— Куда ты так торопишься? Видишь, не успеваю я за тобой, подожди немного.

— Слушай,— говорит ему мать,— и не стыдно тебе? Через меня перекинут полный хурджки, еще один сын, вроде тебя, у меня в животе; и еще на мне сидит жепщина, на руках держит ребенка, а второй ребенок у нее в животе. Я тащу такой большой груз и все же иду впереди тебя; а ты налегке идешь и самого себя нести не можешь?

Услышал плотник разговор лошади с жеребенком и расхохотался.

— Чего ты смеешься? — спрашивает жепщина.

— Да шичего, просто так,— ответил муж.

— Нет, ты рассмеялся, как услышал ржание жеребенка и лошади, и непременно должен мне сказать, что такое услышал, что так тебя рассмешило.

Так пристала она к нему, что в конце концов не вытерпел муж и говорит:

— Ну хорошо, вот помолимся иконе, а как домой вернемся — скажу.

Помолившись, вернулись домой, и снова пристала к нему жена.

— Ну вот,— говорит,— теперь мы вернулись домой, и должен ты мне рассказать, что тебя так рассмешило.

Спорила она с шим, спорила до тех пор, пока окончательно не вывела его из терпения.

— Ладно,— говорит муж,— раз ты не отстаешь, скажу, так и быть.

А во дворе в это время закукарекал петух.

— Ах ты проклятый,— говорит ему собака,— чему радуешься, когда нам сейчас самое время плакать и бить себя по голове? Ты что, не видишь разве: с самого вечера до рассвета пристает к хозяйню жена — скажи, мол, мне то слово. До сих пор он отказывался, а теперь она ему так надоела, что он уже решился все ей рассказать. А ведь как только скажет, так сразу и умрет. Кто будет тогда нашим хозяином? И поклевать тебе никто ничего не насыплет, и мне куска хлеба никто не поднесет... А тебе все бы только кукарекать, да разве до того нам теперь?

— Сам ты проклятый, глупый пес,— отвечал ему петух,— пусть никаких других забот бог мне не пошлет, а об этом мне печалиться нечего. У меня вот шестьдесят жен, и если какая посмеет ослушаться, долбану ее клювом по голове — и вся педолга. Если б у нашего хозяина хоть немножко ума было в голове, да если б понял он эти мои слова! Что это такое в самом-то деле! Если у меня одного шестьдесят жеп живут в покорности, так неужели мужчина с одной женой справиться не сможет? Неужели он должен слушаться вздорной бабы и ради нее себя убивать? Будь я на его месте, я бы утром встал пораньше, да пошел бы в лес, да нарезал бы там хорошую связку прутьев шиповника, приготовил бы для себя гроб, спрятал бы прутья снаружи, а гроб внес бы в дом. Когда жена меня спросила бы, что это такое, я бы ей сказал, что это — гроб: если, мол, заставишь меня сказать то слово, я умру, тогда уложи меня в этот гроб да снеси похорошить. Если скажет жена: «Будь ты только жив-здоров и, если хочешь, совсем того слова не говори», унес бы я все и выбросил воп. А вот если заявит она: «Все равно скажи то слово, а я тебя в этом гробу вынесу и похороню», тут уж я бы внес в дом связку прутьев шиповника, да так отхлестал бы ее колючими ветвями, пока хлестать не устал бы; тогда бы она увидела, что значит мужу перечить.

Выслушал плотник разговор собаки с петухом, да и решил петуха послушаться, а женщину не хотел больше слушать. Закончили собака с петухом свою беседу, и уж, глядишь, рассвело.

Взял плотник топор, отправился в лес и парубил связку прутьев шиповника, сколотил гроб, принес домой, связку снаружи оставил, за дверью, а гроб внес в дом и прислонил к стене.

— Что это ты принес,— спрашивает жена,— для чего тебе гроб?

— Как это для чего? — отвечал муж.— Когда я скажу тебе те слова, которых ты от меня так добиваешься, я сразу же умру. Должна ты будешь меня в этот гроб положить и в нем похоронить.

— Чего ж ты тянешь? — говорит тогда жена.— Сколько времени умоляю тебя! А как умрешь, в этот самый гроб тебя уложу и так похороню.

Вышел тогда муж за дверь, принес связку прутьев шиповника — и давай хлестать жену, пока ей совсем плохо не стало, а потом бросил ее в постель. Только спустя некоторое время она оправилась и с тех пор стала относиться к мужу с почтением и робостью. Все в глаза ему глядела, как бы угодить ему да уважить его.

92. Сказка про царевну

Жил-был один царь, и была у него дочь, которая молилась все об одном и том же:

— Боже, сделай так, чтобы богатый обеднел, а бедняк разбогател!

Услышал однажды отец эту ее молитву. «Что же это такое? — молвит он про себя.— Я ведь богат, так она, значит, молит бога о том, чтоб я нищим стал?»

И приказал он тогда собрать при своем дворе всех нищих со всего царства. Собрались они, только одни не пришел, самый жалкий из всех нищих, до того нищий, что он обычно валялся в мясной лавке и с трудом собирал в месяц по два пятака.

Доложили государю, что все нищие пришли, кроме одного, да он, говорят, и недостойн являться к царскому двору. Все же царь и его привести заставил. Потом обошел всех и расспросил, сколько кому из них удастся собирать милостыни. Кто сказал — два абазы, кто — два гривенника... Всех их государь счел богачами, поскольку тот нищий, который пришел последним, собирал меньше всех.

— Раз ты,— говорит царь,— самый бедный из нищих, то выдаю я свою дочь за тебя замуж.

Отправил он его с дочерью к священнику обвенчаться. Как услышал про это священник: «Не смею,— говорит,— их венчать». Так и царю просил передать: за что, мол, бога гневить...

— Как это ты не смеешь? — велел передать ему царь. — Дочь,— говорит,— моя, и воля моя такова.

Что же мог священник возразить? Повенчал их...

После того приказал государь и дочь и зятя прогнать вон.

— Чтобы глаза мои,— говорит,— их больше не видели!

И назирам и вазирам своим строго-настрого запретил оказывать им какую-либо помощь.

Царевна своего жениха приняла с радостью, да только он к ней и приближаться не осмеливался.

— Недостоин я иметь такую жену,— твердит.

Прошло немного времени. Как-то раз царевна сунула руку в карман, глядь — у нее в кармане заваялось колечко. Дала она это кольцо свекрови.

— Пойдите,— говорит,— к ростовщику да продайте это колечко.

Свекровь пошла и получила за него двадцать пять червонцев.

А муж ее где-то раздобыл пяточок, принес и отдал жене. Обрадовалась царевна и говорит свекрови:

— Из тех денег, что мы получили за кольцо, двадцать червонцев вы хорошенько сохраните: кто знает, может, на черный день они пригодятся, а пять червонцев давайте потратим.

В это время мимо проходили купцы и стали спрашивать у всех, не найдется ли человека, который нанялся бы к ним в услужение.

Прослышал об этом муж царевны и пошел с ними. Договорились купцы с ним сроком на три года и жалованье ему определили — червонец в месяц.

— Мы будем проходить через такую пустыню,— говорят ему купцы,— где шесть месяцев не увидим воды. Потом встретится нам вода, а дальше еще шесть месяцев нигде воды не будет.

И на это согласился нищий. Собрались они тогда и отправились в путь.

Шли целых шесть месяцев по безводной пустыне и пришли к тому месту, где был колодец.

Заспорили тут купцы, кому за водой спускаться: все отказываются, и чуть до драки у них не дошло.

— Да полно вам ссориться, — говорит им слуга, — много все равно — жить или умереть, так давайте я и спущусь за водой.

Спустили его туда на веревке, а оп им снизу воду наверх подает ведрами. Так купцы все свои бочки наполнили.

Только собрался муж царевны наверх вылезти, как вдруг появился перед ним какой-то человек.

— Ты что, — говорит, — воду откуда забираешь? Думаешь, у нее хозяйка нет?

Схватил его и занел в комнату, а там лежат труны. Оттуда прошли они вдвоем в другую комнату, прекрасно убранную, — вся она устлана златотканой парчой. Сидят в той комнате две женщины: одна — красавица писаная, другая — пугало безобразное.

— Вот я задам тебе один вопрос, — говорит тот человек. — Ответишь правильно — так тебя одарю, что и внукам твоим хватит, а нет — убью тебя так же, как убил тех, трупы которых, ты видел, в той комнате лежат. А теперь слушай мой вопрос: какая из этих двух женщин лучше — эта или та?

Задумался муж царевны. «Как ему ответить? — думает. — Мне-то все равно — жить или умереть, давай-ка скажу ему, что эта уродка — лучше. Ну, убьет он меня, а что еще может быть?» Показал он ему на безобразную женщину:

— Вот эта лучше.

Вскочил тогда тот человек, обнимает его, целует и благодарит:

— Думаешь, я не знаю, что вот эта лучше, — показывает на красавицу, — да только ту я люблю.

Вышел он в другую комнату, вынес оттуда двадцать пять плодов граната и дает ему.

— Ступай теперь, — говорит, — и дай своим товарищам знак, чтобы подпяли тебя.

Вышел он оттуда и снова оказался в колодеце и кричит:

— Ну как, хотите еще воды?

Удивились купцы, что он жив: они-то ведь знали, что, если кто спустится в этот колодец, уже больше оттуда не выйдет. Подняли еще воды, а потом и слугу своего вытащили.

Рассказал им муж царевны все, как было, и показал гранаты и попросил отправить их его жене с письмом, и они это сделали.

Получив гранаты и письмо, обрадовалась царевна, что муж ее жив-здоров, да и заработал кое-что и ей прислал.

Через три дня думает: дай-ка я разрежу один гранат. Разрезала — и что же она видит? Гранат полон драгоценных камней и жемчугов. Вышла она тогда к свекрови и говорит:

— Сзовите всех наших соседей.

Когда соседи собрались, царевна у всех скупила землю, на которой они жили; потом собрала каменщиков и других мастеров.

— Постройте мне, — говорит, — такой дом, чтобы в нем посередине была стена, и с обеих сторон облицуйте ту стену чистым золотом.

— Слушаем и повинемся, — отвечали.

Разрушили они все хижины, что вокруг стояли, — и свои, и купленные царевной. Вырыли яму для фундамента.

А как яму-то выкопали, мастеровые призадумались.

— Постой-ка, — говорят промеж себя, — ведь они до сих пор нищими были, откуда ж у них столько денег?

Пришли к царевне и говорят:

— Вот вы нам предложили очень дорогостоящую работу, да только извините за такой вопрос: а деньги-то у вас есть, чтобы заплатить нам за эту работу?

Вышла тогда царевна к свекрови.

— Пойдите, — говорит, — и на те двадцать червонцев, что у вас хранятся, купите полотна.

Пошла свекровь и принесла полотна. Попросила тогда ее царевна сшить из того полотна мешки, а когда мешки были готовы, дала ей половину граната.

— Теперь пойдите, — говорит, — снова к ростовщику и обменяйте все эти драгоценности на золото.

Отнесла свекровь половину граната к ростовщику и получила столько золота, что оно с трудом уместилось во всех мешках.

Как увидели мастеровые такое богатство, сразу же взялись за работу и вскоре такой дворец построили, какой царевна хотела.

Вошла в него молодая хозяйка и зажила по-царски: завела экипажи, челядь наняла...

К тому времени прошли три года, истек срок работы мужа царевны у купцов, и вернулся он домой. Смотрит — и не узнает: вроде бы, думает, на этом месте я жил, а тут дворец роскошный...

Начал он тогда людей расспрашивать.

— Оставил,— говорит,— я здесь три года назад мать и жену, что же с ними стало?

— А вот здесь они и живут, в этом дворце,— отвечают.

Побежали к царевне.

— Муж твой,— говорят,— вернулся.

Обрадовалась царевна, всех щедро золотом одарила, кто ей эту вещь принес, а потом созвала слуг и говорит:

— Как войдет мой муж, с ног до головы золотом его осыпьте.

А он идет домой и сердится. «Видать,— думает,— жена моя дурными делами занялась, а то с чего бы это ей так разбогатеть?»

Только вошел в дом, слуги его с головы до ног золотом осыпали. Прошел наш нищий девять комнат, вошел к жене и, даже не поздоровавшись, начал ее допрашивать: откуда и как, мол, ты разбогатела?

Жена при нем же один из гранатов разрезала. Потом отправила его в баню да нарядила в царские одежды, и зажили они по-царски...

Однажды ехали государевы назирь и вазирь на охоту; увидели дворец — очень он им понравился — и докладывают государю:

— Ты дочь свою и зятя выгнал, а они, знаешь; как разбогатели!

Поехал царь: пока сам, говорит, своими глазами не увижу, не поверю.

А царевна с мужем, как прознали, что сам царь едет к ним, сели в золотую карету, запряженную добрыми рысаками, да выехали к нему навстречу. Поклонились ему и пересаживали к себе в карету.

А государь тот, надо сказать, к тому времени совсем разорился.

Попросил он прощения у своей дочери и зятя, да передал им царство. Стали они все вместе жить-поживать.

Так исполнилась молитва той девушки, царской дочери.

93. Лесная девушка

Было то или не было, жил один крестьянин, жил он бобылем. Заболела однажды у него лодыжка, распухла, и чем дальше, тем сильнее она распухала. Прошло восемь месяцев, а как девятый наступил, нога так распухла, что

крестьянин не смог больше терпеть, вызвал царюльника, тот разрезал погу, и оттуда выпал младенец — боль тотчас прекратилась. Взял крестьянин и бросил младенца на берегу реки.

Увидела это ворона, подумала, что это падаль валяется, слетела на берег, подняла младенца на верхушку кипариса, устроила там гнездо и стала растить девочку. Станут скатерти после еды вытряхивать, воропа подлетит, соберет крошки и тащит в гнездо. Развесит кто белье после стирки, а воропа его утащит.

Выросла девочка, и исполнилось ей семнадцать лет. Так красива она была, что освещала все вокруг, и кто мимо проходил, считали ее святой и молились ей.

Однажды приехал на охоту царский сын. Испугался конь, увидев свет, льющийся с дерева, заартачился. Удивился царевич: чего это мой конь боится? Поглядел вверх и увидел прекрасную девушку. Попытался подняться на дерево, да не смог. Вернулся домой грустный — не смеется, не ест, не разговаривает. То его отец спрашивает, что с ним, то мать, но молчит он, кручинится.

Тогда призвали одну старуху:

— Так, мол, и так, узнай, что с нашим сыном приключилось: не ест он, не разговаривает, тоскует очень.

Когда царевич в покоях своих один находился, старуха подступила к нему с расспросами:

— Расскажи, сынок, что печалит тебя?

— А то меня печалит, что сидят на верхушке одного кипариса девушка. Когда я подъезжаю, конь мой упирается да артачится, а на дерево влезть я не могу — ноги соскальзывают. Вот и спедает меня тоска по той деде.

Пошла старуха, доложила царю с царицей все, что ей удалось разузнать.

— Ты только помоги нам, а мы ничего для тебя не пожалеем! — сказали они.

— Ладно, дайте мне козу, бутылку с дурманным зельем и шило.

Дали ей все, что она просила, посадили на арбу, и отправилась старуха к тому дереву, где сидела девушка. Приблизилась к его подножию, начала класть поклоны и креститься, умолять да милости просить. Потом разожгла огонь, взяла в руки шило, повалила козу, будто не зная, как ее прирезать, и стала ее шилом колоть. Коза блеет, а старуха то в голову ее колет, то в бок.

Жалко стало девушке козу, и крикнула она сверху:

— Не так ты делаешь, перережь ей глотку, и все.

Так старуха и поступила, потом начала кромсать пе-
освежеванную тушу. Девушка снова не удержалась:

— Сначала освежевать надо, а потом разделявать.

— Да не умею я, клянусь тобой, спустись, научи меня.

Спустилась девушка с дерева, научила: «Делай так-
то и так-то».

Разделала старуха тушу, выстругала из прутьев шам-
пуры, нанизала мясо, поджарила на огне, пригласила де-
вушку поесть.

На шашлык старуха наканала дурманного зелья.

Девушка отведала мяса и сразу уснула. Посадила ее
старуха на арбу и повезла к царю. Увидел ее царевич, об-
радовался, весело рассмеялся.

Пришла красавица в себя, и досадно ей стало, что об-
маном ее в чужой дом заманили. Не пила она, не ела, не
разговаривала ни с кем, только плакала.

Вызвали снова ту старуху.

— Таковы наши дела — голоса она не подаст, не ест,
не пьет, помоги нам, ради бога!

— Хорошо, дайте мне одежду вашего сына и еще козу.

Дали ей охотно все, что она просила.

Зарезала она козу, вымазала одежду царевича кровью,
показала девушке со словами:

— Не пожелала ты его в мужья, ранили его на охоте,
а после волки съели. Вот его окровавленная одежда.

Тогда-то и подала голос девушка — жалобно стала
причитать:

Родилась я из лодыжки крестьянина,
Бросили меня на берегу реки,
Ворона подобрала меня,
На ветвях кипариса вырастила,
Старуха обманула меня,
Заманила в царский дворец,
Распушу-ка я черные волосы
Да оплачу своего супруга...

Услышав ее голос, бросились все к ней в комнату со
словами:

— Зря мы тебя немой считали, и мужа ты, оказывае-
тся, любишь...

Мор — там, нпр — здесь.

Отсев — там, мука — здесь...

Было то или не было, был один пахарь. Отнес он ле-
мех и сошник в воде размачивать... Вот погоди, как раз-
мочит, так мы сказку и продолжим...

94. Златокудрый сын

Было то или не было, жили в одном государстве муж с женой.

Были у них сын с дочерью. Отец и мать умерли, и остались брат с сестрой одни. Как заповестилась девушка, спросил у нее брат:

— Ты когда, сестра, замуж собираешься?

— Я до тех пор, братец, замуж не выйду, пока не отплачу тебе за твою ласку-заботу, покуда не выберешь ты себе жену и покуда не послужу я ее первенцу.

Женился брат. Попалась ему жена-ведьма. С самого начала задумала невестка известить золовку, то одно наговорит мужу, то другое.

— Выдай,— пристаёт,— сестру замуж поскорей.

А сестра все не выходит замуж и не выходит. До тех пор, говорит, не выйду, пока своего племянника не выращу.

Встала как-то раз невестка, и какая хорошая была у нее посуда — всю перебила.

— И теперь не прогонишь свою сестру — всю хорошую посуду она мне перебила! — пожаловалась жена мужу.

— Ну и пусть, посуду я новую куплю,— ответил муж.

Прошло еще немного времени, достала женщина одежду, какая только была у мужа хорошая, и всю ее сожгла.

— И теперь не прогонишь? Говорю тебе, сумасшедшая у тебя сестра, всю одежду твою сожгла.

— Ну и что с того? Одежду я новую куплю, может, случайно это, от искры, она сгорела. Стоят ли из-за этого сестру прогонять?

Родился у невестки мальчик. Тетка в нем души не част, от колыбельки не отходит. Встала как-то мать и перерезала ребенку горло.

— И теперь не прогонишь? — сказала жена мужу. — Месяц дома не было, когда твоя сестра ребенку горло перерезала.

Подал брат на сестру в суд. Суд вынес приговор отрубить ей обе руки. Отрубили ей руки и выглядели воп. Ходила сестра, ходила и забрела в дремучий лес. Нашла в том лесу огромный дуплистый дуб, укрылась в дупле на ночь. Ночь так провела, а утром снова в путь пустилась.

В это время в том лесу охотился сын царя. Как увидел он девушку, сказал своим везилям:

— Пойдите приведите ее сюда (девушка была необыкновенно красива).

Привели к нему ее. Влюбился юноша в нее без памяти. Взял с собой и сказал своему отцу:

— Женюсь на этой девушке! С сегодняшнего дня она моя жена.

— Зачем тебе, сынок, эта безрукая?

— Что поделаешь, отец, наверное, эта девушка — судьба моя!

Проставили к девушке слуг, кормят ее, поят, ходят за нею. Забеременела женщина.

Уехал ее муж в другую страну. А в это время родился у нее златокудрый сын. Написал царь послание сыну: «Хвала богу, сынок, правда, жена твоя безрукая, зато родила она тебе златокудрого мальчишка».

Передал царь письмо своей служанке: отнеси, обрадуй моего сына. У той служанки была дочь, и хотела она выдать ее замуж за царского сына. Злылся служанка, что женился царевич на чужестранке. Распечатала она письмо и прочла. «Если отнесу ему это письмо, обрадуется он», — решила она, взяла да порвала письмо и написала повое: «Родился у твоей жены щенок» — и передала это письмо царевичу.

Распечатал царевич письмо, прочел и ответ написал: «Щенок то или котенок, сберегите его до моего приезда, как букет цветов храните».

Распечатала служанка по дороге письмо, прочтала, разорвала и новое сочинила: «До того как приеду, убейте женщину, утопите в воде ее дитя, не то, как возвращусь, и вам с матерью несдобровать!» Отнесла служанка ответ царевича во дворец. Прочитал царь. Показал письмо известке.

— Вот, дочка, что пишет твой муж, жаль мне тебя, да что поделаешь!

Взяли большой мешок, опустили в него дитя живым, взвалили матери на спину: уходи мол, пока цела, не то вернется твой муж и нам несдобровать.

Ушла женщина, ходила, ходила и пришла к реке. Захотелось ей пить, да не может она к воде приложиться, рук-то у нее нет. Вошла она в реку, и ребенок устал с ее спины. Начала женщина кричать, звать на помощь. Услышал ее крики господь и молвил ей:

— Сунь руки в воду и вытащи дитя.

Слышит женщина божий глас, да не может ничего сделать — рук ведь у нее нет.

— Сунь руки, если нет их у тебя, прирастут,— говорит ей всевышний.

Сунула она руки в воду — и на самом деле руки приросли. Вытащила она дитя из воды. Взяла ребенка на руки и пошла по свету, то травой кормится, то милостыней, так в нужде и вырастила дитя.

Возвратился тем временем царский сын домой. Спросил про жену и сына. Показал ему царь-отец письмо, прочел его царевич и сказал отцу:

— Пойду пощу свою жену, а ту, что принесла это письмо, до моего возвращения никуда не отпускайте.

Пошел царский сын. Ищет кругом, поля, леса все обошел, нигде не нашел он жены и сына. Пришел к свойственникам. Сели они ужинать. Как только начали есть, жена его как раз мимо того дома проходила.

Попросила женщина вынести ей пемного еды. Невестка подала ей. А сын царя и говорит:

— Пусть войдет поест. На руках у этой женщины златокудрый мальчик.

У мальчика голова косыпкой повязана, чтобы волос не было видно. Сели все, едят. Один одну историю расскажет, другой — другую. Сказали женщине:

— Ты вот бродяжничаешь по свету, то там, то тут бываешь, расскажи что-нибудь.

— Ничего я не знаю,— отказывается она, но пристали к ней и рассказала женщина:

— Остались в одной деревне брат с сестрой. Родители у них умерли. Заботился брат о сестре, сизмальства ее растил. Сказала сестра брату: до тех пор не выйду замуж, пока не отплачу тебе за заботу заботой о твоём сыне. Женился брат на злой женщине. Наговаривала она на сестру то одно, то другое, чтобы выгнал он ее. Но брат любил свою сестру и не верил жене. Родился у этого брата сын, любила мальчика тетка, от колыбели не отходила. Ничем не могла отвратить невестка брата от сестры. Тогда взяла она да перерезала горло своему сынишке и обвинила в этом золовку.

— Заставьте ее замолчать! — закричала невестка.

А женщина продолжала:

— Отрезали ей руки и выгнали бедную сестру. Пошла она бродить по свету, бродила, бродила и встретилась с сыном царя. Женился он на этой безрукой девушке. Долго уговаривали его не делать этого отец с матерью. Но он настоял на своем. Ушел царевич в другую страну, а у жены родился златокудрый сын. Но и там у этой несча-

етной нашлись враги. Написал сыну царь — так, мол, и так, родила, мол, твоя жена златокудрого мальчика — и послал письмо со служанкой, а та хотела выдать свою дочь за царевича, распечатала его письмо, прочитала, порвала и другое написала: «До приезда моего убейте мою жену и сына, не то, как приеду, вам несдобровать». Царь-отец сказал тогда невестке: «Очень мне тебя жаль, дочка, но что поделаешь, если сын написал мне такое письмо».

Положили они ребенка в мешок, взвалили его женщины на спину, дали ей еду на дорогу и отпустили на все четыре стороны. Захотелось ей пить, но не смогла она зачерпнуть воды, вошла в воду, поклонилась, и ребенок у нее унал. «Люди, помогите!» — кричит, но вокруг никого нет. Один бог услышал ее крики и помог ей.

Встала женщина и сказала:

— Ты — мой муж, ты — брат, а это — моя невестка, во всем, что случилось, она виновата.

Встал сын царя, обнял жену. Сняли с головы ребенка косынку и убедились, что кудри у него золотые.

Невестку привязали к хвосту лошади и разорвали на куски. Так же поступили и со старухой. Взял сын царя жену и мальчика и отвел их к отцу. Устроили богатую свадьбу. И меня хорошо напоили, и сейчас живут в счастье и благополучии.

Мор — там, пир — здесь,

Отсев — там, мука — здесь.

95. Златоволосый мальчик

Было то или не было, что могло быть на свете лучше бога. Жили муж с женой, и была у них единственная дочка. Залемогла жена и говорит мужу:

— Как помру я, возьми себе в жены женщину, которой подойдут мои коши.

С тем и отдала богу душу.

Похоронил муж жену, как было положено, оплакал ее, как душа требовала, взял в руки коши и пошел искать себе жену.

Ходит он, ходит, примеривает коши покойной то одной, то другой женщине, но нет, никому они не впору — или велики, или малы.

Вернулся он домой, примерил коши дочери, а они ей как раз. Он уже так находился, так намаялся от поисков, что говорит дочери:

— Не нашлось женщины, которой подошли бы эти кони, а тебе они как раз. Не могу я нарушить завета твоей матери и должен взять тебя в жены.

Плачет дочь, заливаясь:

— Как у тебя язык повернулся сказать такое, ты ведь мне родной отец.

Долго горевала она, плакала, глаз не осушая, но отец все за свое.

— Что же делать,— говорит в конце концов дочь,— я в твоих руках; раз ты так настаиваешь, пойду я за тебя, но негоже мне венчаться с тобой в этом доме. Построй новый дом, а там твоя воля.

Позвал этот человек столяров-плотников, и стали они строить ему новый дом.

Когда дело дошло до половины и надо было уже ставить главный опорный столб, дочка тайком от отца дала плотникам деньги и говорит:

— Выньте из этого столба сердцевицу и сделайте в нем дверцу, да так, чтоб она закрывалась изнутри. Я там и схоронюсь от отца. Он поищет, поищет меня, а как не сможет найти, скажет вам: «Ломайте все, мне ничего не нужно, колп ее нет». Разберите вы все и бросайте в воду. Но смотрите, столб не кидайте ничком, а только павзничь.

Не успели работники установить главный столб, как дочка куда-то пропала.

Искал, искал ее отец, мыкался туда-сюда — все напрасно. Разгневался он и говорит каменщикам-плотникам:

— Я дом строил для нее, а теперь он мне ни к чему, рушьте все да бросайте в воду.

Дом живо разобрали и все побросали в широкую реку, что текла поблизости. И столб тоже цустился вниз по реке дверцей вверх, как просила дочь.

Много ли, мало ли плыл этот плот по реке, только выбросило его под конец на берег в чужедальной стороне.

Бродил по берегу в ту пору сын тамошнего царя — поздоровил он с отцом, что тот его все не жепит, и вышел развеяться.

Приглянулся ему тот столб, подойдет он, мол, как главная опора для дома. Кликнул слуг и повелел им снести этот столб к нему домой.

Взяли слуги столб и понесли.

Царевич как раз строил дом и поставил тот столб в нем как главную опору.

Юноша уже почевал в этом новом доме, и ставили ему, как было у него в привычке, в головах и в ногах по пиз-

кому столику, а на них свечи в шандалах и всякую спедь.

В первую же ночь вышла обессиленная девушка из своего тайника, глянула на царевича, и поправился он ей. Подошла она к одному столику, перекусила что-то, подошла к другому — и там поклевала кое-что, поменяла местами шандалы, а потом снова спряталась в своем убежище и заперлась изнутри.

Открыл утром царевич глаза и видит — шандалы переставлены, да и к еде кто-то прикасаясь. Позвал он своих слуг, но они ничего не знали.

Так и прошел первый день. Настала ночь. Лег царевич спать, и опять поставили ему два столика с едой и на них шандалы со свечами.

Как только царевич уснул, девушка снова вышла из своего тайника, поела, сколько ей хотелось, обменяла местами шандалы, глянула на спящего и ушла в свой тайник.

Проснулся царевич поутру и видит — шандалы переставлены и еды на блюдах недостает. Спросил слуг, но никто из них ничего не знал.

И подумал тогда царевич: надо, мол, мне самому покараулить. Сел и давай бречать на пандури. Ждет-пождет, никто не показывается. «Да и кто придет при таком шуме!» — спохватился он. Лег, притворился спящим, да же захрапел.

Девушка решила, что он уснул, вышла из тайника, перекусила немножко, переставила шандалы и уже собиралась было восвояси, да загляделась на юношу, а потом потянулась его поцеловать.

Схватил ее юноша и спрашивает:

— Что ты за существо и откуда тебя бог привел?

Девушка рассказала ему свою историю.

Очень уж пришлась она царевичу по душе, и повестил он тут же отца с матерью: нашел-де я себе невесту, готовьте свадьбу.

Подивились было родители, как это он сам нашел себе невесту, но благословили их, повенчали, и зажили они счастливо.

Молодая затяжелела и через год после свадьбы родила златоволосого мальчика.

По одну сторону спали царь с царицей, по другую — царевич с молодой женой, а посередине была подвешена на веревке зыбка с младенцем. Заплачет ребенок — бабка и дед толк веревку оттуда, а мать с отцом толк отсюда, так и качали зыбку.

Недаром говорят, что счастье изменчиво. Так оно и вышло с той женщиной.

Раз как-то подходит к ней под вечер нищий и просит:

— Приюти меня на ночь, боязно мне в другом месте ночевать.

Женщина призвала в том нищем своего отца и говорит мужу:

— Не надо, не пустим его в дом.

Но муж ее не послушался, а сказать, что это ее отец, она не решилась: побоялась, что его накажут.

Настала ночь. Легли все спать, уснули.

Встал нищий, вынул из кармана своей дочери нож, перерезал спящему ребенку горло, а окровавленный нож сунул обратно ей в карман.

Настало утро. Все проснулись. Пора бы, как обычно, проснуться и ребенку, да он все не просыпается. Подошла мать, глянула в зыбку и рухнула наземь без чувств.

— Кто, кто это сделал? — кричат все в ужасе.

Но откуда им было что узнать?

А тот нищий — он все еще был там — и говорит:

— Ясно, что тот, кто это сделал, сам не признается. У кого в кармане сыщется окровавленный нож, тот и убийца.

Каждый невольно полез рукой в карман, и мать младенца вытащила у себя окровавленный нож.

Все так и ахнули:

— Так это ты перерезала горло ребенку!

Выкололи ей глаза, отрезали соски, подвесили на шею ребенка с перерезанным горлом, отвели в пустыню и там оставили.

Плакала она, заливалась слезами, кричала дупераздирающе, но что с того — сила-то была на их стороне.

Дни шли за днями, но помощи нигде не было видно.

А меж тем ребенок на глазах у матери растет, и не пахнет дурно, и не истлевает.

Так она горевала, так убивалась, несчастная, что услышал ее голос сам небесный владыка, и послал он на землю ворава:

— Лети, узнай, что там промеж людей происходит.

Спустился воробей с неба, наполнил крови из груди той женщины, вернулся к богу и говорит:

— Ничего там такого нет, все в порядке.

А женщина все плачет-стелает, не унимается.

Послал небесный владыка голубя:

— Лети, глывь, что это за голос с земли доносится. Слетел вниз голубь, омочил лапки в крови — с той самой норы они у него и красные, — взмыл в небо и докладывает:

— Видел я одну жепщину с выколотыми глазами и отрезаемыми соскамн, а под сердцем у нее привязан младенец с перерезанным горлом. Сидит она и плачет.

Дал небесный владыка голубю салфетку и щепочку:

— Вот этой салфеткой проведи по ее глазам — станет она вновь зрячей, проведи по соскам — исцелятся, проведи по ребенку — оживет. А еще передай женщине эту щепку. О чем она эту щепку ни попросит, все ей будет дано.

Полетел голубь и все выполнил. Провел по ее глазам — прозрела, провел по соскам — исцелились, провел по телу ребенка — воскресил его.

И говорит голубь женщине:

— Вот тебе щепка, береги ее. О чем бы ты ее ни попросила, все исполнится.

Улетел голубь и вернул салфетку небесному владыке.

Встала та женщина, возблагодарила господа бога за дарованное ей спасение, попросила еды-питья. Поели они с ребенком досыта, попросила одежду, и была ей она дапа.

Пожелала она:

— Боже праведный, судия моей честности и невинности, сделай так, чтоб очутилась я близ того города, где живет мой муж!

И это ее желание тоже исполнилось.

Подошла она к одному дому на окраине, вышла навстречу старуника, и говорит ей женщина:

— Как дочь у матери прошу, пусти меня к себе в дом на ночь.

А старуника в ответ:

— Дочь моя, ты похожа на благородную, а у меня ничего такого нет, чтоб угостить тебя и почтить как должно.

— Ничего твоего мне не надо, — ответила женщина, — я сама могу и накормить, и одеть-обуть тебя.

— Ладио, — ответила старуника и дала ей приют в своем доме.

Попросила в тот вечер у щепочки женщина хороший ужин — поели они со старушкой в охотку, — легла спать и с усталости сладко уснула.

А поутру попросила щепочку — и построилось для нее и для старушки по доброму дому.

Дивится старушка, руками разводит:

— Что это делается, вот где блаженство!

И зажили они мирно да сладко.

Однажды спрашивает женщина у старушки:

— Кто тут у вас в городе правит-властвует?

— Городом правит богатый и могущественный царь, — сказала старушка, — и есть у него единственный сын. У царевича нашего была жена, которая перерезала горло своему ребенку: в кармане у нее нашли окровавленный нож. Отрезали ей соски, выкололи глаза, привязали к груди мертвого ребенка, отвели в чистое поле и там оставили. Кто знает, что с ней случилось.

— А нельзя ли пригласить к себе того царевича? — спросила женщина.

Старушка даже глаза выпучила:

— Да разве соизволит пожаловать ко мне в гости царевич — это же для него зазорно, на смех людям!

— А ты попробуй, — говорит женщина.

Пошла старушка звать к себе царева сына:

— Соизвольте пожаловать к нам на обед с вашим поваром, чтоб он сам приготовил достойные вас блюда.

Рассмеялся царевич:

— Да у тебя же ничего нет, чем ты собираешься потчевать меня? — и отослал старушку ни с чем.

Попросила женщина прислать ей мешочек золота. И было ей то дано.

— Вот, матушка, отнеси ему этот мешочек и скажи: «Извольте это оставить себе, а сами с вашим войском пожалуйте к нам».

Отнесла старушка царевичу мешочек и спросила:

— Извольте вот это оставить себе, а сами с вашим войском пожалуйте к нам.

Улыбнулся ей милостиво царевич и говорит:

— Ну да ладно, будь по-твоему.

Приехал он своих поваров, и те принялись хлопотать — готовить обед, какой подобает цареву сыну.

Рядом с кухней, в каморке, отделенной занавеской, сидела та женщина. Чуть занавеска шевельнется, ее сразу видно.

А сынок ее — он уже изрядно подрос — бегает себе туда-сюда, то из кухни забежит к матери, то обратно на кухню, то еще куда заглянет — забавляется.

Один из поваров заметил невзначай ту женщину, и так его поразила ее красота, что он и глаз от нее отводить не хочет, только и смотрит на нее, чуть шелохнется занавеска.

Прибыл и царевич со своими придворными и советниками.

Накрыли им стол на загляденье, лучше и не придумаешь.

Когда подали фазанье мясо, то сверху оно оказалось не то что пережаренное, а совсем горелое, а снизу — сырое.

Разгневался царевич на повара:

— Испортил, — говорит, — ты фазана!

— Не моя в том вина, сударь, — оправдывается повар. — Такая там сидит красавица, что я глаз от нее не мог оторвать, вот фазан и сгорел.

— Говори толком, на кого ты там засмотрелся, что пережег мясо.

— Там за занавеской сидит мать того мальчика, который сюда забегал. Как поднимет ребенок занавеску, так я и уставлюсь на нее, вот мясо-то и сгорело.

— Позовите старуху, — повелел царевич.

Привели старушку.

— Если у тебя в доме гостя, почему ты не пригласила ее к нашему столу? — спросил царевич.

— Правда, живет у меня женщина в отдельной комнате. Но сюда она не станет выходить, — ответила старушка.

Слова эти так раздосадовали царевича, что он тут же поднялся из-за стола и велел слугам подать коней.

Пока слуги седлали коней, дала мать своему сынку в руки прутик и так его научила:

— Когда царевич будет садиться на коня, ты подсушь этот прутик ему в стремя, а чуть он отъедет, крикни велед:

— Молодой человек, молодой человек, почему ты украл мой прутик?

— Кто ж это его сюда подложил, что я и не приметил? — воскликнет он.

А ты скажи:

— Как ты не видел и не знаешь, кто подсунил в стремя этот прут, так и моя мама не знала, не ведала, кто перерезал мне горло.

— Что ты сказал? — спросит он.

А ты отвечай:

— Моя мать лучше меня об этом знает.

Мальчик все так и сделал. Когда царев сын садился на коня, он сунул прутик в стремя под его ногой, а только тот тронулся, крикнул вдогонку:

— Молодой человек, молодой человек, почему ты украл мой пруттик?

Глянул царевич — а у него и правда пруттик под пяткой.

— Не знаю, кто его сюда вложил, — говорит, — я ничего не заметил.

— Вот так же, как вы не заметили, кто вложил вам в стремя пруттик, так и мать моя не знает, не ведает, кто перерезал мне горло, — ответил мальчик.

— Что, что ты сказал?! — удивленно спросил царевич.

— Моя мама лучше меня об этом знает, — ответил мальчик.

Тут царевич соскочил с коня и говорит мальчику:

— А пу-ка, отведи меня к ней.

И мальчик отвел его к матери.

Царевич почтительно склонил перед женщиной голову и попросил:

— Объясни мне ясно то, о чем говорит этот мальчуган.

И та все ему поведала так, как будто это было сказкой:

— Жили муж с женой, и была у них дочь. Умирая, жена завещала мужу: женись на женщине, которой подойдут мои коши...

Так поведала женщина царевичу все от начала до конца и добавила, что она сама героиня этой истории.

— Много я потерпелась мук из-за людской несправедливости, но господь бог воздал мне за мою праведность: и меня освободил, и вот этого ребенка воскресил.

Обрадовался царевич так, что и слов нет, прижал к груди жену и сына и попросил их простить его и забыть прошлое. А к отцу-матери послал гонца с доброй вестью, приказав передать: царевич-де нашел целыми и невредимыми и жену свою, и сына и везет их домой.

Взял с собой царевич и старушку. Так и прибыли они все домой.

Справили во дворце пир на весь мир, и зажили супруги душа в душу.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

96. О златокудых юноше и девушке

Жил на свете один человек, было у него три дочери. Матери у них не было, а была злая-презлая мачеха. Что колючки в глазах, то для мачехи мужнины дочери.

Притворилась мачеха больной, говорит мужу:

— Выговини дочек — встану, нет — умру.

Задумался старик: как лишиться дочерей? Думал, думал и решил:

— Пойдемте, дети, наберем яблок, я знаю хорошую яблоню.

Пошли, взяли с собой палас. Под яблоней была вырыта большая яма. Постелил старик палас поверх той ямы, прикрыл сверху листьями, залез на яблоню и говорит своим дочкам:

— Я буду сбивать яблоки, а вы возьмитесь за руки, подбегите все вместе и собирайте.

Растряс старик яблоню, взялись дочки за руки, побежали, ступили на палас, он провалился, и все три девушки вместе с яблоками упали в яму. Слез старик с дерева и поплелся домой. А девушки сидят в яме и плачут. Проголодались девушки, и говорит старшая:

— Съешьте меня, сестры!

— Нет, меня съешьте, — говорит средняя.

А младшая стала просить бога:

— Пусть одна рука у меня станет заступом, другая — лопатой.

Стала одна рука девушки заступом, другая — лопатой. Роет она землю заступом, выгребает лопатой; рыла, рыла и дорылась до царских конюшен. В конюшнях стоят кони, едят изюм с миндалем. Подошла девушка, сама паелась и для сестер взяла. Так лазила она в царские конюшни и таскала изюм с миндалем.

Похудели кони. Доложили конюхи царю.

— Кормим копей изюмом с миндалем, а они все худеют и худеют.

Поставил царь сторожей, смотрят сторожа — пришла девушка и давай выгребать в подол из кормушек изюм и миндаль. Схватили ее, ведут.

— Куда ведете? — спросила младшая сестра.

— К царю.

— Так подождите, приведу сестер, всех вместе поведете.

— Хорошо.

Отвели всех трех сестер к царю, рассказали те ему все.

Царь спросил старшую сестру:

— Что ты умешь делать?

— Я такой ковер сотку, что все твоё царство на него усядется и еще место останется.

— А ты что умешь? — спросил царь среднюю.

— Я такой обед сварю, что в яичной скорлупе уместится, а весь твой народ том обедом насытится.

— А ты? — спросил царь младшую.

— Я могу родить златокудрых детей — мальчика и девочку, — сказала младшая.

Царь женился на младшей, а старших отдал советникам.

Прошло время, родила царица златокудрых детей. Завидно старшим. Выкрали они детей, подбросили вместо них щенят, златокудрых детей бросили в колеса мельницы, а царю доложили:

— Родила твоя жена щенят, а не златокудрых детей.

Разгневался царь:

— Возьмите ее, привяжите к воротам: пусть прохожие плюют ей в лицо и грудь сажой мажут.

Привязали бедную женщину к воротам, плюют ей в лицо, мажут грудь сажей.

А мельник услышал детский плач, вышел. Видит — застряли в колесах дети, мальчик и девочка.

— Не дал мне бог своих детей, так хоть их усыновлю, — сказал мельник, взял златокудрых детей, выстроил дом и поселил их там.

Вот раз царь затеял пир. Позвал он на тот пир всех подданных — мужчин и женщин. Пошли и златокудрые брат с сестрой. Кто ни пройдет в ворота, все плюют в лицо этой женщине и мажут ей грудь сажей. Прошли златокудрые брат с сестрой, отмыли ей грудь и поцеловали, а лицо розой обласкали.

Собрались гости к царю, сели, разговаривают. Встал златокудрый юноша и говорит царю:

— Та женщина, что к воротам привязана, — моя мать, а ты, царь, — мой отец.

Не поверил царь.

Взял юноша со стола сухую виноградную ветвь и сказал:

— Если все это правда и она — моя мать, зазеленеет эта ветвь и повиснут на ней гроздья винограда.

Потом взял жареного фазана и сказал:

— Если это правда и ты, царь, — мой отец, оживет этот фазан, прыгнет на эту ветвь и крыльями поведет.

Только он это произнес, зазелела в его руках ветка, повисли на ней спелые, сочные ягоды винограда, а фазан ожил, взлетел на ветку и встряхнул своими красивыми крыльями. Обрадовался царь, обнял своих детей и стал целовать. Привели мать, одели ее в царские одежды

и воздали ей царские почести, а злых сестер привязали к конским хвостам и на куски разорвали.

Мор — там, пир — здесь,
Отсен — там, мука — здесь.

Седло в Мдхета я забыл,
Сбрую — на Арагви,
Дай вам всем победы,
Кто добром живет.

97. Агратня

Жил-был один царь. Когда у него умерла жена, он женился снова. А от первой жены оставалась у него дочь по имени Агратня. Невзлюбила мачеха падчерицу и всячески старалась сжить ее со света. Притворилась мачеха больной, и нигде не нашлось снадобья, которое могло бы исцелить ее. Стала она мужа уламывать:

— Ежели накормишь меня мясом моей падчерицы Агратни — излечусь, а нет — так не выздороветь мне.

Закручинился царь, а подкупленные мачехой визири да советники знай одно твердят:

— О великий государь, что поделаешь! Не терять же ради дочери супругу.

Призвал царь дочку, приласкал ее на прощанье и отдал своим подручным — делайте, дескать, с пей что хотите! Разумеется, царским слугам жалко было девушку, они отвели ее в поле, но убивать не стали. Убили вместо нее какое-то животное, измазали кровью одежду царевны и отнесли во дворец вместе с мясом убитого зверя.

Осталась бедная падчерица в чистом поле одна-однишенька, раздетая да разутая. Огляделась по сторонам, смотрит — вдали возвышается какой-то дворец. Встала она и пошла во дворец. Оказалось, что тот дворец принадлежит царю Востока, у которого было девять сыновей. И все девять братьев каждый день ходили на охоту. Вошла девушка во дворец, видит — никого внутри нет. Тогда стала она прибирать покои, перемыла все, перечистила, обед приготовила, а сама спряталась. Вечером вернулись с охоты царские сыновья. Смотрят — вокруг все убрано и еда приготовлена, и говорят они друг другу:

— Давайте спрячемся и посмотрим, кто все это сделал.

Так они и поступили. А девушка, не зная этого, вышла из своего укрытия и стала снова убирать да готовить. Появились тут братья-царевичи, окружили ее, сказали:

— У вас нет сестры, оставайся здесь, будешь нам сестрой.

Спустя некоторое время царевичи стали оставлять в доме младшего брата, чтобы сестре не было одной скучно и страшно, а сами отправлялись на охоту. Возвращаясь домой, они окружали девушку любовью и лаской, как родную сестру, и не знали, как ей угодить.

А у мачехи, оказывается, было такое зеркало, в которое надо было глядеться раз в несколько лет. Однажды взяла мачеха зеркало в руки и спросила:

— Зеркальце-зеркальце, ты краше меня или я краше тебя?

А зеркало отвечает:

— И ты краше меня, и я краше тебя, а Агратия краше нас с тобой.

— При чем тут Агратия? Я же велела ее убить!

— Ты-то велела, но живет она у девятерых братьев — сыновей царя Востока, — отвечало ей зеркало.

Разозлилась мачеха, вызвала к себе колдунью, которая жила в их царстве, дала ей два кусочка смолы: один отравленный, а другой нет — и приказала:

— Ступай во дворец царя Востока, отравленную смолу дай пожевать Агратии, а неотравленную возьми себе.

Колдунья пустилась в путь, как было ей велено. Шла, шла и пришла во дворец, приняла ее Агратия с уважением и почетом.

— Пожалуйте в дом, — говорит, — я давно по людям истосковалась.

Сели обедать. Старуха вынула из кармана смолу, один кусочек себе в рот положила, другой поднесла Агратии.

— Пожуй, — говорит, — время пройдет веселее.

Как только девушка взяла в рот отравленную смолу, тотчас упала без чувств, а колдунья поспешила покинуть дворец. Подбежал младший брат к девушке, вытащил у нее изо рта отраву и спас ее от смерти. Когда братья вернулись с охоты, младший пожаловался им:

— Сестру нашу сегодня одна старуха едва не погубила.

Старшие братья выбрашили младшего:

— Мы для того тебя дома и оставляем, чтобы ты чужих людей не виускал.

Через несколько лет царица-мачеха снова взглянула в свое зеркало и спросила:

— Зеркальце-зеркальце, ты краше меня или я краше тебя?

А зеркало в ответ:

— И ты краше меня, и я краше тебя, но Агратия краше нас с тобой.

— Какая еще Агратия! — вскричала царица, — я же велела ее убить!

— Она живет, как сестра, у девятерых братьев — сыновей царя Востока, — отвечало зеркало.

Вызвала к себе царица колдунью и спрашивает:

— Ты же мне сказала, старая ведьма, что убила Агратию?

Поколотила она старуху, потом разрежала пополам гранат, дала колдунье две половинки, одну отравленную, другую — нет, и сказала:

— Возьми этот гранат и после обеда неотравленную половинку съешь сама, а отравленной угости Агратию. Горе тебе, если ты опять ее не убьешь!

Отправилась колдунья в путь, долго пла, долго, пока не прибыла наконец во дворец девяти братьев. Она и так и этак ластилась к Агратии, и та не стала старого помнить, хорошо приняла старуху и сказала:

— Пожалуй в дом, матушка, я давно по людям истосковалась.

Сели обедать. После обеда старуха пыталась гранат, половинку сама съела, а отравленную протянула Агратии. Та только успела два зернышка в рот положить, как упала наземь замертво. А колдунья поспешила покинуть дворец.

Вечером вернулись братья домой. Горе их достигало небес. Они рвали на себе волосы и посылали ими любимую сестру. Само собой разумеется, младшего брата изрядно поколотили:

— Мы же велели тебе, такой ты растакой, никого в дом не впускать!

Что поделаешь? Братья украсили гроб драгоценными камнями, нарядили покойницу в лучшие одежды и поставили гроб на ветви кипариса, который рос у ручья, протекавшего через двор. Когда они возвращались с охоты, снимали гроб, оплакивали любимую сестру и ставили гроб обратно.

Однажды сын царя Запада охотился в тех краях и случайно попал туда, где стоял гроб. Слуги его отвели коней на водопой, но кони боялись подходить к источнику. И тогда царевич приказал своим визирям:

— Чего боятся кони, посмотрите внимательно!

И с той, и с другой стороны подходили к ручью вельможи, однако ничего не обнаружили. Тогда сам царевич

подошел поближе и заметил в воде отражение гроба. Велел он своим придворным спрятать его и увидел девушку необыкновенной красоты и дорогим париком и украшениями. Взял царевич гроб, уложил на ковский круг и повез с собой. Вечером пришли девять братьев с охоты, увидели, что гроба нет, начали еще горше рыдать и бить себя по голове: что же это, дескать, с нами приключилось, прежде мы утошались, на гроб глядячи, а теперь и этого утешения лишились.

А царевич увез гроб, запер его в своем дворце и решил: буду бродить по свету, пока не найду источника бессмертия.

И в самом деле, он бродил так долго, что нашел живую воду, обрызгал девушку и воскресил ее. После этого он, разумеется, обвенчался с нею, и через год у них родился златоволосый мальчик.

Дедушка, то бишь отец царевича, так любил своего внука, что каждое утро велел его приводить к нему, чтобы обнять да приласкать.

Прошло время. Мачеха Агратии слова заглянула в свое зеркало и спросила:

— Ну так что же: ты краше меня или я краше тебя?

А зеркало опять отвечает:

— И ты краше меня, и я краше тебя, но Агратия краше всех!

— Какая еще Агратия?! Я же убить ее велела!

— Ты-то велела, а она теперь жена западного царевича.

Тотчас вызвала мачеха старую колдунью и исколотила ее:

— Ах ты старая ведьма, сколько же раз ты меня обманывала — убила ее, говоришь, а она, оказывается, жена западного царевича! Ступай сейчас же и сделай с ней что-нибудь, иначе плохо тебе придется!

Что было делать старухе? Отправилась она в путь. Долго ли шла, коротко ли, прибыла ко двору западного царевича и встала у ворот. Когда Агратия с мужем вышла из дворца, она подошла к ним и взмолилась:

— Я убогая нищепка, примите меня, окажите милость, и готова и за курами присматривать.

Агратия и говорит мужу:

— Я прошу тебя, не впускай эту старуху.

А муж ей в ответ:

— Что ты говоришь? Как можно такую несчастную старушку отпустить без милости со двора?

— Я свое сказала, поступай, как тебе будет угодно. Разумеется, старуху пришили. Прижившись во дворце, стала колдунья с коварным умыслом просить мужа и жену:

— Я очень люблю ухаживать за детьми. Позвольте мне спать возле колыбели с младенцем.

Выполнили ее просьбу, стала она спать возле колыбели. Однажды ночью старуха встала, перерезала младенцу горло и окровавленный нож спустила в карман Агратии.

Наступило утро. Царь-отец, по обыкновению, пожелал повидать внука. Смотрят слуги — а мальчик лежит пещь в крови с перерезанным горлом. Доложили обо всем царю. Велел он собраться всей семье, сам вне себя от горя. Поднялась тут старуха и сказала:

— Великий царь! Ребенка убил тот, у кого в кармане спрятан окровавленный нож.

Начали всех обыскивать и нашли нож у Агратии. Спросил тогда царь старуху:

— Какого наказания заслуживает такая мать?

А старуха в ответ:

— Детоубийце надлежит выколоть глаза, дать в руки мертвое дитя и пустить в чистое поле.

Исполнили жестокий приговор над несчастной Агратией, выколотые глаза бросили ей за пазуху, положили на руки мертвого младенца и оставили одну в чистом поле. Все прохожие донимали бедняжку расспросами. Наконец, мимо проходил некий старец и спросил ее:

— Что с тобой, женщина, приключилось?

— Я уже устала, отец, всем про себя рассказывать. Сам видишь, каково мне, — отвечала Агратия.

— А глаза твои при тебе? — спросил старец.

— Здесь они, — ответила женщина.

— Тогда вложи их в глазницы и ступай туда, где журчит вода, промой глаза той водой и прозреешь, — сказал старик. — Не бойся. Тут появятся и дом и пища, живи со своим сыном, ни о чем не тужи.

С этими словами старец удалился. Агратия выполнила его приказ. И увидела, что вокруг появились прекрасные дома, цветущие сады. Стала она жить, и сын ее вырос и стал ходить на охоту.

А муж Агратии, царевич, с того дня, как потерял жену и сына, не знал ни сна, ни покоя, не мог ни есть, ни пить. Все горевал да на охоту ходил.

Однажды встретился случайно отец Агратии и ее муж на охоте, и тот юноша, сын Агратии, попался им на пути.

Но как могли они узнать друг друга? Когда юноша вернулся домой, он сказал матери:

— Матушка! Я охотился вместе с двумя царями. Позволь мне пригласить на обед их обоих.

— Как пожелаешь, сынок, — отвечала Агратия, — если они тебе не откажут, приглашай.

В один прекрасный день, когда все трое снова встретились, юноша пригласил царей к обеду.

Те было поначалу отказались, но юноша упросил их и привел к себе. Дивились цари богатому убранству дома — повсюду висели гроздья рубинов и жемчугов. Сели за стол, опять дивятся — никто ничего не готовит, не подает. Гости стали перешептываться.

— Зачем мы сидим тут, никакого угощения не будет, обманул нас юноша, пора идти домой.

Заметил юноша их недовольство и говорит:

— Я прошу вас немного подождать.

Как приспела пора, пригласил юноша всех к столу и пожелал, чтобы все яства, какие только захотят его гости, оказались перед ними. И тотчас на столе появились всевозможные блюда, каких только может пожелать душа человеческая. Весело отобедав, вышли гости в сад. Тут западный царевич говорит сыну:

— Я не выспался и хотел бы часок отдохнуть.

— Ваша воля, — отвечал ему сын, — ложитесь и отдохайте.

— Но прежде, — попросила Агратия, — пересчитайте эти гроздья рубинов и жемчугов.

Пересчитали и легли спать. Тем временем Агратия встала и тихонько положила мужу в карман гроздь рубинов.

Отдохнув, цари поблагодарили хозяев за гостеприимство и собрались уходить.

Агратия снова попросила:

— Пересчитайте еще раз наши драгоценности и тогда уходите.

Пересчитали и видят, что одной грозди недостает. Смущались гости и говорят:

— Лучше бы не приходило нам сюда, чем такой стыд испытать.

— Поищите-ка в ваших карманах то, чего мы недоисчитались, — попросила Агратия.

Стали цари свои карманы ощупывать, видят — в кармане у мужа Агратии рубиновая гроздь. Тот, разумеется, растерялся и говорит:

— Ну и позор со мной приключился! Как могла оказаться в моем кармане эта гроздь?

— Чему тут удивляться,— отвечала ему Агратия.— Вот когда мать перерезает своему сыну горло и прячет окровавленный нож в карман, вот это удивительно!

Услышав эти слова, царь обернулся с порога и спросил:

— Что ты такое говоришь? И откуда тебе это знать?

— Как же мне не знать,— отвечала Агратия,— когда вы моему сыну перерезали горло, а нож мне в карман сунули! Погубить меня хотели, но судьба смилостивилась надо мной.

Что дальше? Агратия, плача, обняла своего отца и сказала:

— Я дочь твоя, трижды пыталась убить меня мачеха, но я, как видишь, до сих пор жива.

Потом она обняла мужа со словами:

— Я супруга твоя, а это твой сын, которому горло перерезали, а меня оклеветали.

Конечно, тут такое веселье поднялось, какого и описать невозможно.

Отец Агратии привязал злую мачеху к конскому крупу и велел разорвать ее на куски. И стали они жить да поживать все вместе в радости и счастье. И судьба послала Агратии веселья много больше, чем выпало на ее долю страданий.

98. Про цыпленка

Жил-был один цыпленок. Копалясь он как-то в золе и нашел просяное зернышко. Посеял его, и вырос урожай пшена. Ходит он изо дня в день, приглядывает за своим полем и увидел однажды на нем царский табун. Погнав он коной к обрыву и сбросил всех вниз со скалы. А потом пошел, уселся в дупле пшжирного дерева, что стояло у ворот дворца, и закричал:

— Царево отродье!

Вышел визирь, видит — никого нет, вернулся и доложил:

— Там никого нет.

А в это время снова послышалось:

— Царево отродье!

Снова вышел визирь:

— Чего тебе, цыпленок?

— Отведите,— говорит,— меня к царю, а там я сам знаю, чего мне надо.

Привели его к царю.

Подождал дыпленок к трону и говорит царю:

— Чтоб ты провалился со всей своей семьей, погубитель моего проса!

— Отрубите ему голову,— повелел царь,— и изжарьте для меня.

Отрубили дыпленку голову и поставили на огонь жариться.

А дыпленок со сковородки попискивает:

— Я было продрог, а теперь угрелся, я было продрог, а теперь угрелся!

Подали дыпленка царю, и он его съел.

Не успел попасть дыпленок в царев живот, как закричал оттуда:

— Я хотел попасть в рай, вот и попал!

А как выбрался он наконец оттуда, бросили его в казнохранилище.

В ту пору проходил рядом какой-то нищий.

— Нищий, нищий, поди-ка сюда, глянь, какую счастливую долю я для тебя уготовил! Опорожни вот эти мешки с мукой и бурдюки.

Опорожнил нищий мешки и бурдюки и подошел к дыпленку. А дыпленок взял да и отдал ему всю денежную казну, сколько ее там было.

Говорит царь слугам:

— Ступайте и выбросите его, он, верно, уже издох и протух.

Пошли слуги, вернулись назад и докладывают:

— Дыпленок там валяется, а денег — словно и не было.

— Ступайте и бросьте его в конюшню, кони там его затончут.

Бросили дыпленка в конюшню. Впустил он туда волка и натравил его на лошадей.

А царь тем временем повелел:

— Ступайте и выбросьте его, он уж, герцо, провонял.

Пошли, видят — коней нет как нет, а дыпленок все там же болтается.

— Ступайте и бросьте его теперь в гусятник. Запилят, пойдут на него гуси и прикончат.

Бросили дыпленка в гусятник. Напустил он на гусей шакала, и тот всех гусей съел.

Прошли сутки, и говорит царь:

— Теперь уж он наверняка провонял. Ступайте и выбросьте его.

Пошли и видят — цыпленок все там же, а гусей нет как нет.

— Ступайте и вышвырните его в море, он там утонет.

Вышвырнули цыпленка в море, а море его спрашивает:

— Потопить тебя или выбросить наверх?

А цыпленок вместо ответа:

— Осушить тебя или нет?

Сделал глоток и осушил море.

— Ступайте, — сказал царь, — и посмотрите, что там с ним случилось.

Приходят и видят — цыпленок все там же, а моря как не бывало.

— Возьмите его и бросьте в тоню.

Взяли и бросили.

Выпустил цыпленок море и погасил тону. Отряхнулся, покопался в золе, нашел четки и пу верещать:

— У меня есть одна вещь, а у цари ее нет!

— Ступайте и отнимите! — приказал царь.

Пошли, отняли.

— Позавидовал и отнял! Позавидовал и отнял! — завопил цыпленок.

— Отдайте обратно.

— Испугался и вернул мне! Испугался и вернул мне!

99. История курочки-невелички

Побраталась курочка-невеличка с лисицей, и пошли они вместе.

Рассердилась в пути на лисицу курочка и говорит ей:

— Никниши ты у меня, лисица, не то проглочу.

— Проглоти, — хихикнула лисица.

Раскрыла курочка рот и проглотила лисицу.

Идет дальше и встречает волка. Побраталась и с волком, и пошли они вместе.

В дороге волк рассердил чем-то курочку, и та говорит ему:

— Ты смотри у меня, волк, не то проглочу.

— Проглоти! — осклабился волк.

Раскрыла курочка-невеличка рот и отправила волка к лисице.

Пошла курочка снова дальше. Встречает по дороге медведя и говорит ему:

— Проглочу я тебя, медведь.

Медведь ей даже не ответил, а только пробурчал что-то себе под нос.

Раскрыла рот курочка-невеличка и отправила медведя к лисице и волку, а сама пошла дальше.

Шла, шла курочка-невеличка, подошла к морю, и взяла ее тут нешуточная забота: как бы, мол, мне перейти на ту сторону. Подумала, подумала, раскрыла рот и — раз! — заглотнула все море, а затем посуху перешла на тот берег.

Там она притаилась за буйволиной лепешкой и давай верещать:

— Превеликий царь-государь! Превеликий царь-государь!

Послал царь своих советников и придворных разужать, кто это его кличет.

Пошли эти царицы сановники и придворные, все кругом обыскали-обрыскали, никого не могут найти. Воротившись назад и доложили:

— Искали мы, искали, да все напрасно, никого и ничего не нашли.

Только они отошли, как курочка-невеличка снова давай верещать:

— Превеликий царь-государь! Превеликий царь-государь!

Поднялся с трона царь и сам пошел искать. Искал, искал и нашел-таки эту курочку-невеличку за буйволиной лепешкой. Взял он ее с собой, передал придворным и говорит:

— Суньте там ее в курятник.

Взяли пашу курочку-невеличку и супули в курятник. Выпустила там курочка из гузна лисицу, слопала лисица всех кур и пошла своей дорогой.

Входят на второй день в курятник и видят — ни одной курицы не осталось. Схватили пашу курочку-невеличку и сузули в гусятник.

Выпустила курочка почью из гузна волка. Сожрал волк всех гусей и пошел себе своей дорогой.

Входят наутро в гусятник, а там уже нет ни одного гуся, только курочка-невеличка посиживает себе на насесте.

Взяли курочку и заперли в овчарне: может-де, какой баран ее затопчет.

Напустила курочка на овец медведя, он их всех сожрал и пошел своей дорогой.

На следующий день посылает царь своих людей: идите, мол, гляньте, что еще натворила эта чертовка.

Входят и видят — нет больше овец.

Разгневался царь, повелел, чтоб изжарили ему эту курочку-певельчичку, да и съел ее.

А курочка ожила в царевом животе и ну там прыгать и петь.

Отправился царь в нужник, а визирям и вошмам своим приказал:

— Возьмите мечи и станьте в дверях. А как только выскочит, убивайте!

Выскочила курочка и юркнула в сад.

Погнались за ней царевы люди, чтоб убить, а она выплеснула изо рта море, и утонули в нем и сам царь, и все советники его, и придворные.

100. Сновидец

Жил один юноша, и была у него мачеха. Рассыпала как-то мачеха сушить пшеницу и посадила пасынка караулить. Заснул юноша. Набежали куры и стали клевать зерно.

Озлилась мачеха, поколотила пасынка:

— Кой лесий дернул тебя заснуть — куры всю пшеницу поклевали!

— погоди, матушка, дай слово молвить.

— Ну, чего тебе? — спрашивает мачеха.

— Сморила меня дремота, уснул я, и привиделся мне сон, будто стою я одной ногой в Багдаде, а другой — под Багдадом, на одном плече сидит у меня Солнце, на другом — Луна, а сияющая звезда умывает мне лицо и руки.

Понравился мачехе сон, схватила она пасынка за руку и говорит:

— Тотчас же отдай мне свой сон!

— Да как же отдать-то, ведь все это мне привиделось! снова поколотила мачеха Сновидца и прогнала его со двора.

Шел он, шел и подошел к царскому дворцу.

— Что ты здесь бродишь, парень, чего ищешь? — спрашивает его царь.

— Так, мол, и так мои дела, — доложил ему Сновидец. — избил а прогнала меня мачеха. — И пересказал царю свой сон.

Царю тоже поправился сон, и повелел он:

— Отдай мне твой сон!

— Что же мне вам отдать, ведь все это мне только привиделось и ушло, исчезло!

Разгневался государь и бросил юношу в глубокую, темную яму.

А у того царя была дочь, не виданная под солнцем красавица. Жаль ей стало юношу: прихватит она с обеда еду и потихоньку бросит Сновидцу в яму.

Царь был властителем Запада. А властитель Востока просил у него руки красавицы-дочери. Но отец ему своего согласия не давал.

Одлажды властитель Востока прислал отцу красавицы четырех лошадей и поставил условие:

— Догадаешься, кто из этих лошадей — мать, кто — старший жеребенок, кто — средний и кто — младший, — мир с тобой, а нет — отдавай мне свою дочь в жены.

Закручинились царь и его дочь — не дается им отгадка.

Пошла эта не виданная под солнцем красавица к Сновидцу и говорит:

— Что же теперь с тобой будет, бедняжка! Увезет меня властитель Востока, а ты здесь без меня с голоду померешь. — И рассказала она ему про лошадей.

— Не тужите, — говорит Сновидец. — Дайте только лошадям побольше соли, загоните их в кошицу и запрягите кренком-накрепко. А как откроете на другой день дверь, глядите во все глаза: первой выйдет на водопой кобылица-мать, за ней — самый младший жеребенок, потом — средний, а последним — старший.

Пошла девушка и все рассказала отцу.

Оно и впрямь все так и вышло.

Не успели они разгадать эту загадку, как властитель Востока прислал властителю Запада каменную соль с наказом: разделаете, мол, мне ее на сыромятные ремни — хорошо, а нет, так забираю я красавицу в жены.

Пошла девушка к Сновидцу и пересказала ему и эту загадку.

— Не тужи, — говорит ей Сновидец. — Надобно твоему отцу послать эту глыбу обратно: пусть властитель Востока снимет с нее верхний слой и сообщит, на какие ремни ее разделять — на широкие или на узкие, чтоб все-де было исполнено по его желанию.

Разгневал такой ответ властителя Востока, натянул он свой лук, спустил стрелу, и так глубоко врезалась та

стрела в землю прямо перед дворцом властителя Запада, что никто не смог ее сдвинуть с места.

Снова пошла девушка к Сновидцу и все ему рассказывала.

— Не тужи,— говорит ей Сновидец.— Как наступит ночь, я выйду из ямы и вырву стрелу из земли.

И в самом деле, выбрался в ту ночь Сновидец из ямы, раскачал стрелу туда-сюда, вырвал ее и там же бросил наземь, а сам вновь спустился в свою темницу.

Вышел на другой день царь из дворца и диву дается: кто же, мол, это вырвал стрелу? Я, говорит, должен отдать этому человеку свою дочь.

Зашумели тут все, загалдели, каждый кричит: «Я, я!», а царь говорит:

— Пусть тот, кто вырвал эту стрелу из земли, сдвинет ее с места.

Но никто сдвинуть стрелу с места не смог.

А тут дочь и говорит:

— Отец, может, тот Сновидец еще жив, пусть и он попробует.

Послали визирей, смотрят те на Сновидца и призвать его не могут — богатырь богатырем, да и только. Привели его. Взял он ту стрелу, припорывился, натянул лук, и вопилась стрела во дворец властителя Востока.

Обрадовался царь и отдал свою дочь в жены Сновидцу.

Две-три недели провели молодые вместе, а потом пошел Сновидец воевать с властителем Востока.

Прошел он уже довольно изрядный путь, когда приметил неподалеку человека. Пашет этот человек и тут же отправляет в рот огромные комья земли.

— Э-ге-гей, добрый человек, а нелегкое у тебя дело — глотать такие огромные комья! — говорит ему Сновидец.

А пахарь в ответ:

— Да это же пустяки. Трудно то, что делает Сновидец: женился на дочери нашего царя, а теперь вот идет войной на другого царя.

— А я и есть Сновидец. Пошли со мной, братом будь.

Идут дальше, видят — лег человек ничком у моря и глоток за глотком его осушает.

— Да-а, нелегкое это дело — выпить до дна целое море! — говорит ему Сновидец.

— Да что в том! Вот Сновидец и впрямь совершил трудное дело: женился на дочери нашего царя, а с другим царем войну ведет.

— Это я — Сновидец, пошли с вами, братом будешь.

Идут втроем. Видят — навесил человек на ноги жернова и зайцев ловит. Удивились все и говорит ему:

— Ну и трудное же у тебя дело, человек добрый!

— Да разве же это трудное дело? Трудно то, что совершил Сновидец: женился на дочери одного царя, а с другим царем войну ведет.

— Это я — Сновидец. Пошли с нами.

Идут четвером. Видят — приложил человек ухо к земле и что-то бормочет.

— Что это ты делаешь? — спрашивают его.

— В преисподней муравьи передрались, а я их отсюда разнимаю, навожу порядок, говорю им, кто из них прав и кто не прав.

— Это, верно, очень трудное дело, — говорит ему Сновидец.

— Да ну! Трудное дело то, которое совершил Сновидец: женился на дочери одного царя, а с другим царем войну ведет.

— Это я — Сновидец. Пошли с нами.

Идут все пятеро вместе. Видят — человек пустил вверх стрелу, стоит и смотрит в небо.

— Чего ты уставился в небо? — спросили его.

— Уже три дня, как я выстрелил из лука в небо, и вот стрела только теперь повернула книзу, — ответил незнакомец.

— О, вы совершили очень трудное дело, — сказал ему Сновидец.

— Да ну, какое там трудное! Трудно то, что делает Сновидец: женился на дочери одного царя, а воюет с другим царем.

— Это я — Сновидец. Давай и ты к нам.

Пошли вшестером. Видят — подкрался человек к голубям. Снимает крылья у одного голубя, приделывает другому, крылья другого прилепляет третьему, третьего — четвертому, а голуби хоть бы что — ничего не чувствуют.

— У-ух, вот это трудное так трудное дело, ты заменяешь голубям крылья, а они ничего не чувствуют.

— Да ну, разве же это трудное дело? Трудно то, что совершил Сновидец: женился на дочери одного царя, а сам с другим царем воюет.

— Это я — Сновидец. Давай и ты с нами, братом будешь.

Идут всемером. Видят — взвалил священник себе на

спину церковь, идет, идет, поставит ее, где ему вздумается, и служит обедню.

— Ох, батюшка, батюшка, уж это и виришь трудное дело — гоить туда-сюда, держа такую церковь на спине.

— Да ну, разве это трудное дело? Трудно то, что совершил Сповидец: женился на дочери одного царя, а с другим воюет.

— Это я — Сповидец. Иди-ка и ты к нам братом, — сказал Сповидец.

Пошли все вместе. Пришли к властителю Востока и попросили руки его дочери.

А он им в ответ:

— Сперва я испытаю, что вы за люди, а уж потом отдам вам свою дочь. Я пелю своим хлебопекам три дня печь хлеб. Следите все хлеба за день — отдаю вам дочь, а нет — так головы долой.

— А ну, — говорят побратимы земледеду, — ты глотал такие огромные комья земли, нуякто по одолеешь этого ситного?

— Не беспокойтесь, — говорит им земледед, — так все умшу, что и крошечки не останется.

Испекли много-премного хлебов, но земледед и корочки от них не оставил.

— Ладно, — говорит властитель Востока, — теперь я попотчую вас вином. Если вы в один присест опорожните кувшин, что уместится на шести арбах, я отдам вам свою дочь, а нет — голову долой!

— А ну, брат морехлеб, ты хлебал соленую воду, так нуякто не выпьешь все это вино?

— Вы только подсадите меня к кувшину, а остальное — не ваша забота.

Подсадили морехлеба к кувшину, посмотрел он на него сверху, рассмеялся и говорит:

— Да здесь, братишки, и хлебать-то нечего, едва губы омочить.

Принал он с жадностью к вину и до дна осушил кувшин.

— Ладно, — говорит царь, — теперь доставьте мне воду, а пути до той воды три дня, вы пошлите своего человека, я pošлю своего. Коли мой человек придет первым, то не только мою дочь вы не получите, да еще и головы ваши полетят с плеч. А коли ваш человек придет первым, так и быть, берите мою дочь.

Приступили друзья к зайцелову:

— Ты, человек, с жерновами па ногах зайцев ловил, так неужто не сможешь первым привести воду?

— Вы только пошлите меня, а остальное — моя забота.

Отправились он и человек царя. Бегут день, отстает государев человек, а тот, что с жерновами, несется, только пятки сверкают.

И пошел тогда на хитрость человек царя.

— Обожди,— говорит,— немного, чего ради нам убиваться, передохнем малость и пойдем дальше.

И послушался его зайцелов. Сели, перекусили, выпили вина. А тот царев человек возьми да и подсушь тому, что с жерновами, вместо вина оний.

Зайцелов тут же свалился и уснул.

Встал царев человек и пошел. Миновал он двухдневный путь, подошел к воде, наполнил посуду и даже прошел обратно путь одного дня, а тот с жерновами все еще спит.

Говорит Сповидец лучнику:

— А ну, пойдн-ка разузнай, возвращается ли наш человек, там ли он еще или, может, что с ним стряслось.

Лучник поглядел вдаль.

— Ой, горюшко ты мое,— говорит,— наш-то там спит на полдороге, а этот, ихний, уже обратно возвращается.

— Ну, теперь только ты можешь спасти нас,— воскликнули все в один голос.

Натянул лучник лук, спустил стрелу и угодил прямо в жернов. Жернов разлетелся вдребезги, и спящий проснулся.

Проснулся спящий и кинулся сломя голову к воде, наполнил посуду и опередил-таки царева человека на один день.

— А теперь поблагодари бога и можешь венчаться,— сказал царь Сповидцу.

В ночь после венчания царь устроил богатый-пребогатый пир, а сам втихомолку повелел своим людям подсыпать в еду гостей такого снадобья, чтоб всех их извести.

Этот тайный разговор услышал мимоходом повелитель муравьев¹ и поведал обо всем тому человеку, что менял голубям крылья, и тот так ловко сменил тарелки, что никто из царевых людей ничего не заметил. И кто из них поел, все тотчас же отправились па тот свет.

— А теперь,— сказал царь,— приведите человека, который сможет сдвинуть с места приданое моей дочери.

— А ну-ка, батюшка, па этот раз дело за тобой. Ты

бегал с целой церквушкой на спине, неужто же не сдвинешь с места это приданое?

— Да вы не беспокойтесь,— говорит священник,— по только приданое, а коли желаете, и сами садитесь сверху.

Взвалили приданое на священника, а он кричит:

— Еще подбавьте!

Ушли все они оттуда и с миром вернулись домой. Тут каждый нашел свое место и занялся своим делом.

Пока длилось это путешествие, минуло пять-шесть лет и сын от первой жены стал уже большим. Пришел Сновидец к своему прежнему тестю и посадил по одну сторону от себя одну жену, а по другую — вторую.

Сын его наполнил водой золотой кувшин, поставил перед отцом золотую чашу и помог ему умыть лицо и руки.

— Вот эта — солнышко, а та — луна,— молвил Сновидец царю, указав рукою на своих жен,— а вот он, что омыл мне лицо и руки, сияющая звезда. Не тебе же мне их уступать!..

Царь благословил его на царство и отдал ему свой трон и корону.

101. Два брата — богатей и бедняк

В одной деревне жили два брата — богатей и бедняк. Наступило время богатому женить сына. Созвал он на свадьбу народ из восьми деревень, а брата своего водоносом поставил: как посадить мне его рядом, говорит, в каламанах да в драпой чохе.

За свадебным столом такое веселье поднялось, что звуки музыки разносились за девять гор. А бедному брату куска хлеба не подали. Он хлопотал, не присаживаясь, и таскал воду за трех ослов. Когда голод одолел его, поспешил он к своей хижине: хоть сухой лепешки кукурузной поем. По дороге он вдруг вспомнил, что идет со свадьбы племянника, и подумал: «Что скажут люди, когда увидят, что с кутежа я без песни возвращаюсь? Не дело брата срамить». Проводился бедняк и затянул песню. Слышит — кто-то вторит ему. Огляделся — никого, завел застольную, глядь — опять кто-то подпевает. Обернулся и увидел за собой такого же бедняка, как и он сам.

— Ты кто и куда идешь?

— Я твой Нужда, куда ты, туда и я.

— Чего ты прицепилась ко мне? Стунай теперь к другому.

— Не могу, я к тебе приставлена.

— А если я помру, как ты тогда поступишь?

— За тобой последую, — Нужда в ответ.

Пришел бедняк домой и тотчас заказал гроб. «Как бы он не опередил меня», — подумала Нужда и сама скорее в гроб улеглась. А бедняк только того и ждал. Накрыв гроб крышкой, заколотил крепко-накрепко и за деревней закопал поглубже. С того дня семья его выбилась из нужды.

Закручинился богатей, зависть душила его, не ест, не спит. Наконец не вытерпел, пришел к брату и спрашивает:

— Как удалось тебе так сразу разбогатеть? Горшок с золотом, что ли, ты нашел или камень волшебный?

Брат честно рассказал ему обо всем.

— Тогда скажи мне, где похоронил ты свою Нужду? — спросил богатей.

— За деревней, на пороге старой церкви. Рассчитался я с ней по заслугам, заплатил ей той же монетой.

Обрадовался богатей, в ту же ночь отправился к церкви, увидел на пороге свеженасыпанную землю и думает: это, наверное, и есть могила.

— Нужда, ты все там? — вопрошает.

— Где же мне еще быть? — слышит в ответ.

— Я вытащу тебя, если ты опять к моему брату пойдешь.

— Он, правда, обидел меня, но, если ты меня выпустишь, я опять к нему пристану.

Коварный брат разрыл могилу и вывел Нужду. Та вцепилась в своего спасителя и говорит:

— Чего мне идти к тому, кто меня заживо схоронил, а ты меня от гибели спас, отныне я с тобой не расстаюсь!

С того дня разорился богатей и вскоре так обеднел, что мог только мечтать о куске хлеба.

Так случается со всеми злыми и завистливыми людьми.

102. О купце и его сыне, которому отроду

было суждено иметь достаток в полторы копейки

Было то или не было, что могло быть на свете лучше бога. Жил один купец со своей женой. И было у этого купца зеркало — заглянешь в него и увидишь наперед все, что тебя ждет.

Родился у этого купца сын. Заглянул купец в зеркало и видит — суждено его сыну иметь достаток в полторы копейки на день. Пригорюнились муж с женой, да не выбросишь же родное дитя? Только и утешились тем, что, может, попадетя ему жена, которая сама принесет в дом богатство.

Подожел юноше срок, и женили его.

Заглянул купец в зеркало и видит, что невестке его суждено иметь на день достаток в три пятака. Еще пуще закручинились мать с отцом. Из-де и на себя не хватит, на какие же прибывтки они будут нас содержать? Однако потом кое-как утешились, подумали, может-де, их ребенок принесет в дом изобилие.

Родился у молодых ребенок. Заглянул купец в зеркало и видит, что внуку его суждено иметь достаток в шесть пятаков. Теперь уж и рассчитывать больше не на что было. Но разве прожизнень на шесть пятаков?

Так и рухнули надежды купца, что в дом его придет изобилие.

И решили муж с женой избавиться от сына. Дали они ему арбу, запряженную парой быков, и отпустили на все четыре стороны: может-де, тебе судьба где-нибудь в другой стране разбогатеть.

Посадил парень жену и ребешка на арбу и пустился в путь.

Ехали они, ехали и приехали в какой-то город. Остановил парень арбу, чтоб передохнуть, и видит — валяются в заброшенном месте на мусорной куче дохлые щенки. Только один черный щенок был еще жив — он чуть-чуть копошился и поскуливал.

Пожалели его парень с женой, завернули в тряпье и взяли к себе на арбу. Подрастет, мол, будет ребешку забава, он воль в нас один.

И посоветовала тут жена мужу:

— Сходи к царю, попроси места, чтоб нам домишко поставить, хоть кров над головой будет.

Пошел парень к царю и попросил у него земельки под жилище.

— Возвращайся на то место, где ты поставил арбу, — повелел царь, — и закладывай там дом.

Возвратился парень к жене с радостной вестью. Стали они рыть землю под фундамент и наткнулись на кувшин, доверху наполненный золотыми монетами.

Дай бог вам столько радости в этом проходящем мире, сколько радости припесла парню его находка. Такие хо-

ромы он себе возвел, что рядом с ними и царский дворец уже дворцом не назовешь. Накупил всякого скота — овец, коров.

Одним словом, так разбогател, что дальше некуда. Живет себе бариин барином.

Вспомнил купец про сына и думает: «Дай-ка загляну в зеркало, посмотрю, куда его занесло и как он там перебивается».

Заглянул в зеркало и видит: таким богачом стал сын, что и самому царю его не перецеголяют.

«А не с этой ли черной собачкой, что бегаёт за овцами, — думает купец, — привалило ему богатство?» Позавидовал он в душе сыну и решил: «Мой-то дуралей не понимает, что это собачонка принесла ему счастье, пойду выпрошу ее у него, а с ней ко мне перейдет и его достаток».

Встал, собрался и отправился к сыну.

— Захотелось мне повидать тебя, сынок, — заговорил он с притворной лаской. — Знаю, что привалило тебе счастье, вот и пришел поглядеть на тебя да порадоваться. Вернусь теперь домой и мать твою порадую.

Сын принял отца с распростертыми объятиями; так его ублажил, что лучшего и не пожелаешь.

Когда пришло время уходить, подошел купец к сыну с просьбой:

— У тебя там одна приبلудная собачонка с овцами бегаёт, подарил бы ты мне ее.

— Не только собаку, хоть всю отару в придачу забери, разве же я могу тебе отказать? — от чистого сердца ответил сын.

Стали брать из отары собаку, а она перед самым уходом возьми да вцепись зубами в курдюк одного черного барана и передала ему свое везение.

Шагает купец домой, ведет собаку, ног под собой не чувствует от радости.

Однако время идет, а достатка купцу не прибывает. Сын же тем временем все больше богатеет.

Миновало три года, и снова решил купец заглянуть в зеркало. Погляжу, мол, как там живет-может мой сын. Заглянул и видит — сын разбогател пуще прежнего, а в его отаре крутится тот самый черный баран, которого покусала собачонка. Значит, видно, ему она и передала свое везение, думает.

Тут же сорвался купец с места и отправился к сыну, порешив: «Или выманю у него этого барана, или заставлю заколоть».

Сын пуще прежнего обрадовался приходу отца, задал в его честь пир, созвал гостей.

— Ничего мне от тебя не надо, сынок,— говорит купец,— вот разве что зажарили бы вы для меня отдельно гусачок, уж очень я его люблю. Может, заколол бы ты того черного барана, что ходит в твоём стаде?

— О чем разговор, отец! Ты только прикажи, чем тебя попотчевать. А этот черный баран сам просится, чтоб его закололи.

Собрались сын с отцом к обедне, и приказал сын жене:

— Гусачок черного барана зажарьте отдельно и никому не давайте, кроме отца — это его любимое угощение.

Не успели они уйти, как жена тут же бросилась жарить бараний гусачок, чтоб поспеть к их возвращению с обедни. Хлопочет она, суетится, а маленький сынишка-сосунок увидел мясо и заладил:

— Мама, мяса хочу. Мама, мяса!

Взяла мать и сунула ему кусочек. Никто, мол, не узнает, а ребенок хоть перестанет капризничать.

Съел мальчик кусочек гусачка, и все везение перешло к нему.

Вернулись мужчины из церкви, сели обедать. А купец-то ни к чему другому не прикасается, ест один жареный гусачок. Так и умял все до последнего ломтика.

Шагает купец домой, сам на девятом небе от радости: пу уж теперь-то, думает, все их изобилие непременно перейдет ко мне.

Но идет время, а все остается по-старому. При чем был купец, при том и есть. А сын чем дальше, тем все больше богатеет.

Заглянул купец в зеркало и видит, что все изобилие перешло к его младшему внуку, потому-то сын и продолжает богатеть.

Встал он и снова поехал к сыну. Решил теперь просить у него внука.

Пришел. Обрадовался ему сын еще больше, чем всегда.

— Сынок,— начал купец,— мы с твоей матерью постарели, и нет возле нас никого, чтоб хоть словечком перемолвиться. Отдал бы ты нам, сынок, своего меньшого. И нам, старикам, все веселее, да и ему с нами неплохо будет.

Как мог сын отказать отцу! Забирай, говорит, с богом.

Стали они прощаться, а сынок просит у матери:

— Ухожу я с дедом, мама, верно, долго тебя не увижу, дай мне напоследок сососать грудь.

Пожалела ребенка мать, дала ему грудь. А он как насосался, чмокнул ее в грудь и кусанул зубками. Тут все его счастье и передалось матери.

Купец рад-радехонек. Ведет внука и думает про себя: «Уж теперь-то все везение из дома моего сына наверьняка перейдет ко мне, раз этот ребенок будет у меня».

Но идет время, а в достатке купца нет никакой прибавки, тогда как сын его со дня на день богатеет все больше.

Мицуюло еще три года. А в то зеркало полагалось заглядывать только в три года раз, лишь тогда и можно было все узнать, а иначе ничего не проведаешь.

Заглянул купец в зеркало и видит, что счастье перешло к невестке. Значит, выходит, он зря внука к себе забрал. Совсем одолела его досада, да что тут будешь делать?

И все-таки снова поплелся он к сыну — сердце не выдержало. Но только жену-то ведь у сына не попросишь. И начал он издалека:

— Совсем одряхлели мы с матерью, сынок. Хорошо бы нам хоть на старости лет пожить вместе с вами, найти покой и отраду в последние дни. Переходили бы вы к нам. Здешнее богатство никто у вас не отнимет, а все, что есть у меня, ведь тоже твое.

Сын, как всегда, радушно принял отца, потешил, побаловал его, как только мог, но перейти к нему поотрез отказался. Если, мол, хотите, сами переселяйтесь сюда, ко мне.

Уж как только ни старался уломать его отец, но сын твердо-натвердо стоял на своем. С тем и отправился купец не солопо хлебавши восвойси. И так заела его злоба и зависть, что не успел он вернуться домой, как ослеп, а вскоре умер.

Мор — там, бир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs and appears to be a formal document or letter.

**новеллистические
сказки
и анекдоты**

103. Старец

В старые, добрые времена перед началом жатвы устраивался праздник урожая. Вот как-то люди принарядились, отправились на гулянье, а потом принялись за жатву.

Среди них оказались три брата-бедняка, у которых не было ни крошки еды, а пили они свою чачу.

Настало время обеда, все проголодались, разложили всевозможную снедь, и пошел шир на весь мир!

В это время, откуда ни возьмись, к пирующим подошел старец. Поклопился налево-направо, но никто и не подумал пригласить его к застолью. Когда старец проходил мимо братьев-бедняков, младший сказал:

— Давайте-ка пригласим этого старичка к себе.

Братья возразили ему:

— Как же мы его пригласим, коли самим есть нечего?

— Пусть хоть нашей чачи отведаст, — решил младший и, не дожидаясь ответа братьев, позвал старца в свою компанию.

Гость спросил с удивлением:

— Вокруг все пируют и веселятся, а вы что же отстаете?

— Как же нам пировать, когда у нас нет ни еды, ни свосного питья и приходится довольствоваться вот этой чачей, — ответили бедняки.

Гость и говорит старшему из братьев:

— Что ж, налей-ка мне из кувшина вашей чачи.

Разлил старший брат чачу, и оказалось, что это отличное вино!

— Видно, и хлеба у вас нет? — спросил старик. — Глядите-ка, на горе что-то белее! Тащите это сюда!

— Зачем нам тащить сюда камни? — удивленно спросили братья.

— Раз я говорю, значит, так надо! — ответил им старец.

Пошел один из братьев и видит — лежит там буханка чудесного белого хлеба, а рядом огромный барап! Слустил он все это с горы, и устроили они праздник на славу. А песню затянули — всех перепели: никто не мог с ними сравниться!

Люди над ними посмеиваются: дескать, пригласили бедняки гостя, а у самих ни еды, ни питья.

Покончив с трапезой, гость спросил старшего брата:

— Чего бы ты пожелал, царь, что тебе больше по душе?

— Была бы у меня земляца, а пицца всегда найдется, — ответил старший брат.

— Будут у тебя и земля и пицца до тех пор, покуда не падает тебе гостеприимство, — сказал старец и обещал ему землю.

Потом он обратился к среднему брату:

— А тебе чего хочется, дружок?

— Иметь стадо баранов, — не задумываясь ответил бедняк.

— Станешь ты обладателем самого лучшего стада, пока не оностылет тебе гостеприимство! — обещал старец среднему брату.

Наконец обратился он и к самому младшему:

— О чем же мечтаешь ты?

— Я мечтаю о такой жене, которая и гостей бы любила, и хозяйкой отличной была бы, — ответил юноша.

— Ого! Я знаю только двух таких жениц, но одна уже давно замужем, а второй пынче свадьбу справляют... Но как бы то ни было, попробую и, если смогу, вручу ее тебе! — обещал старец.

Он здесь же поселил двух старших братьев, одарив одного землей и хлебом, другого — стадом баранов. Младшего же брата взял с собой.

Справляют пышную свадьбу сын и дочь двух царей. Подошли к пирующим напн путники, а старец напустил выюгу и непогоду. Постучались они в дворцовые двери и просят:

— Мы остались без крова, впусстите нас, дайте переночевать.

Доложили об этом царю — хозяину дворца, а он отказал им в приюте.

— Не пуццу,— говорит,— па свадьбу каких-то чужих людей, боюсь, не случилось бы беды. Нынче не винуццу этих, а кого после впускать, мне самому решать!

Тогда старец толкнул дверь ногой, выломал ее, сам пошел и юношу за собой ввел.

Видят — накрыт в зале длинный стол, за столом — множество гостей, во главе его сидят рядышком жених с невестой. Вошедшие уселись напротив.

Вот старец и говорит юноше:

— Ступай прогони жениха, а сам займи его место!

Юноша так и поступил. Разозлился царь.

— Вот,— закричал он,— почему я не хотел впускать в дом посторонних!

А старец ему:

— Что ты такое говоришь? Девушка принадлежит этому юноше.

Царь разозлился еще больше.

— Хочешь, поспорим, что девушка будет принадлежать ему? — спрашивает старец царя.

— Какой же спор, если она уже замужем,— ответил царь, но потом не выдержал и спросил:

— А каковы условия спора?

— Выдайте обоим юношам по виноградному саженцу. В чьих руках саженец оживет, даст ростки, родит виноград, который будет подан к столу, тот и станет мужем девушки.

Не хотел царь уступать, но саженцы скренив сердце дал. В руках младшего брата-бедняка саженец вдруг поспеел, расцвел, родил виноград, который и созрел на глазах многочисленных гостей. А у царского сына саженец сразу же засох.

— Ты и теперь не отдашь невесту этому юноше? — спросил у царя старец.

— Не отдам, ибо она уже замужем! — был ответ царя.

— Тогда пускай оба жениха станцуют на острине книжала, и выдержавший испытание получит в жены эту девицу, — не отступил старец.

Жениха заставили стать на книжал, но при каждом шаге он резал себе ноги.

— Ступай, теперь твой черед,— приказал старик бедняку.

Тот вскочил, да как запляшет на самом острине книжала!

— Надеюсь, теперь-то ты отдашь нам девушку? — снова обратился к царю старец.

— Нет, и теперь не отдам! — уперствовал царь.

Гости не выдержали, встали и покинули свадебный ужин. Девушка же вскочила и весело пустилась в путь с прищельцами. Никто не воспринял ее.

Старец поселил молодых в прекрасном месте и посулил:

— Быть вам самыми счастливыми супругами на свете, куда не падает гостеприимство!

Прошло время. Все три брата зажили счастливо и безбедно.

Как-то их снова навещал старец, который, оказывается, был самим свитым Георгием! Идет он, а на дворе такой дождь и стужа, что носа из дому не высунешь.

Пришел старец к старшему брату.

— Прими, — говорит, — к себе, сделай милость.

— У моей жены все руки в ожогах от бесконечной стряпни для всяких гостей, никого не вижу я в дом, — ответил старший брат.

— Раз так, оставайся таким же бедолагой, как и прежде, — сказал старец и пошел прочь.

Затем он подошел к дому среднего брата и у него попросил приюта. Тот, как и старший, ответил ему отказом:

— Не стану я пускать тебя к себе, у моей жены и так все руки в ожогах от бесконечной стряпни для чужих людей! — прокричал средний брат из-за двери.

— Да вернутся к тебе прежние беды! — проклял старец среднего брата и удалился.

Наконец пришел он к дому младшего брата. А там — горе: умер муж, лежит в гробу, а жена горько оплакивает его.

— Хозяйонка, добрая молодунка, прими почного гостя! — постучался старец к ней.

Опечаленная женщина выглянула и смущенно проговорила:

— Будь гостем, только дай мне прежде прибраться в доме.

Засуетилась она, отерла слезы, вытащила гроб в темную комнату, живо подмела пол, развела в очаге огонь, зарезала курочку и позвала гостя к столу.

— Никак ты одна в доме, а где твой муженек? — спросил ее старец.

— Одна, одна, муж пошел на базар, да заноздая, — с грустью ответила женщина, не желая огорчать гостя.

А старцу-то все известно. Сделал он вид, будто нужно ему выйти по делу во двор, а сам пошел в другую комнату,

снял с гроба саван, дунул и оживил покойника, и стал тот еще краше прежнего. Затем взял его за руку и повел в комнату, где находилась хозяйка дома.

— Где же ты так долго пропадал?— спросила она с просветленным от радости лицом, но и тут не забыла о правилах гостеприимства и притворилась, будто не удивилась ничему.

— А ведь я все знаю. Но ты и вправду прекрасная женщина, и судьба у вас будет райская!— посулил старец добрым супругам счастье, простился с ними и исчез.

С той поры зажил младший брат еще богаче и счастливее.

А старшие братья снова стали бедняками-горемыками.

104. Лжец и правдолюб

Жили два товарища. Один был лжец, а второй — правдолюб. Лжец за свою жизнь не сказал ни слова правды, а правдолюб — ни слова лжи.

Однажды лжец предложил:

— Давай побродим по свету, поищем счастья и выгоды.

— Ладно,— ответил правдолюб.

Испекли они кукурузных лепешек и двинулись в путь-дорогу.

Мешок с провизией лжец повесил себе на плечо. Долго шли они, правдолюб проголодался и стал просить лжеца:

— Давай перекусим немного, а то силы мои на исходе и я иду с трудом.

Лжец отказал ему:

— Еще не время есть, быстрее передвигай ноги!

Что оставалось делать правдолюбам? Пошел он дальше, но еще больше ослабел и снова стал молить товарища:

— Дай мне хоть немного поесть.

Тогда лжец сказал ему:

— Если вырвешь свой правый глаз, тогда я тебя накормлю.

Что оставалось делать несчастному? От голода у него желудок огнем горел. Вырвал он правый глаз и протянул руку за обещанным куском хлеба.

Но лжец снова обманул его и сказал:

— Подожди еще немного, а потом я дам тебе вдоволь еды.

Пошел несчастный правдолюб дальше, но голод еще сильнее давал о себе знать, снова попросил он у товарища хоть кусочек кукурузной лепешки.

Ликец отвечал ему:

— Пока не вырвешь свой второй глаз, ничего я тебе не дам!

У правдолюбца не оставалось другого выхода, он вырвал второй глаз и протянул руку за кукурузной лепешкой.

Ликец вместо кукурузной лепешки вложил ему в руку камень, а сам убежал.

Остался ослепший правдолюб один в дремучем лесу. Горе и беспокойство охватили его, но что было делать? Не ступив и шагу, он наткнулся на дерево. «Если я останусь под деревом, — подумал он, — меня растерзают дикие звери». С большим трудом забрался он на дерево, стал шарить руками по сторонам и нащупал следую грушу: ветви дерева гнулись под тяжестью плодов. Стал он есть груши и насытился.

Прошло немного времени, и снизу послышались чьи-то голоса. Под деревом собрались три черта и стали вести такой разговор:

— Давайте-ка расскажем, кто что знает!

— Я знаю поблизости источник, и если тот слепой, что спит на этом дереве, промоет глаза водой из этого источника, сейчас же прозреет, — сказал первый черт.

— Царю, живущему в такой-то стране, очень нужны деньги; поблизости там есть большая чинара, под ней зарыт клад; кто свалит чинару, тому достанутся деньги, — сказал второй черт.

— У такого-то царя есть единственная дочь, и она умирает. Никто не может ее вылечить, а она не поправится до тех пор, пока не будет убита жаба, сидящая под ее тахой, — сказал третий черт.

Слепой запомнил все, что сказали черти. Когда они разошлись, он спустился с дерева, с трудом отыскал источник, промыл глаза и прозрел. Затем он отправился на поиски чинары, отыскал ее, явился к тамошнему царю и спросил его:

— Чем ты меня одаришь, если я добуду тебе столько денег, что их хватит на целое государство?

— Ты только раздобудь их, а там возьми себе, сколько твоя душа пожелает, — ответил царь.

Пошел правдолюб вместе с царскими людьми, свалил чинару, достал клад и принес царю. Взял он себе золо-

та столько, сколько весила ослиная нога, и отдал его на хранение царю.

Потом отправился правдолюб в другую страну, явился к тамошнему царю и спросил его:

— Чем ты одаришь меня, государь, если я вылечу царевну — твою дочь?

— Дам все, что ты пожелаешь, — обещал ему царь.

Вошел правдолюб в спальню царевны, всех оттуда выпроводил, нашел под тахтой жабу, убил ее, и красавица исцелилась.

Обрадованный царь щедро наградил лекаря, подарил ему золота столько, сколько весила ослиная нога. Правдолюб заехал к первому царю, взял свое золото, вернулся на родину и зажил богато.

Узнал лжец о его богатстве, пришел к нему и спросил:

— С чего это ты разбогател?

Правдолюб рассказал ему всю правду.

Лжец подумал: если так легко можно разбогатеть, то и мне нужно поступить так же.

Пошел он в лес, отыскал грушевое дерево и забрался на него.

Ночью собрались под деревом черти и стали разговаривать.

Лжец весь превратился в слух.

— На этом дереве сидит лживый человек, я его спущу с дерева и обломаю ему бока, — сказал первый черт.

— А я его убью! — сказал второй черт.

— А зачем же мне мой острый нож? Я искромсаю его на куски, — заключил третий.

Черти исполнили свое слово: первый спустил лжеца с дерева и хорошенько поколотил его, второй убил его, а третий своим острым ножом искромсал его.

105. Волшебная свирель и свинопас

Жил один крестьянин. Был у него сын. И ходил он с ним вместе за свиньями. Повалился к свиньям черт и стал их раслуговывать. Ухитрился сын крестьянина поймать черта и хотел его сжечь. А черт ему и говорит:

— Огнusti меня, не сжигай. Я тебе удачу принесу.

— Какую такую удачу?

— А вот какую! В стене вашего дома целый кила денег!

— Да его ведь еще мой отец туда запрятал.

Дал черт сыну крестьянина свирель: «Станешь на ней играть, начнут твои свиньи танцевать и никуда не разбегутся».

«Этот черт меня в покое не оставит!» — сказал самому себе свинопас, взял да и сжег его, а свирель в карман положил. Собрал он свиней, играет на свирели и заставляет их плясать, и они никуда не разбегаются.

Пришел свинопас к царю. Была у того царя дочь, не виданная под солнцем красавица. Пригнал пастух к царскому дворцу свиней, играет на свирели и заставляет свиней плясать. Послала к нему царская дочь служанку: пусть, мол, продаст мне одну свинью.

А свинопас и говорит:

— Пусть сама выйдет, я на нее погляжу, тогда и дам ей свинью.

Отказалась девушка:

— Я самому солнцу не показывалась, а уж какому-то свинопасу и подавно.

Придворные посоветовали ей:

— Что от тебя убудет — покажись ему и тотчас же уходи в дом.

Показалась свинопасу девушка. Взял пастух одну свинью и отдал ей. Ушел тот пастух. Пыталась девушка заставить свинью танцевать, а та ни в какую. А свинопас снова согнал своих свиней, начал играть на свирели, а они пляшут себе и пляшут.

Опять послала царская дочь к свинопасу свою служанку.

— Продай мне еще одну свинью. Эта не танцует.

Послал ей сказать свинопас: пусть, мол, выйдет та девушка, обнажит свою грудь и покажет мне, дам ей тогда свинью, за деньги не продаю.

Рассердилась девушка:

— Я и самому солнцу не показывалась, а какому-то свинопасу тем более не покажусь.

Сказали ей придворные:

— Подумаешь, велика важность, покажись ему, что от тебя убудет?!

Облазили-таки они девушку. Оголила она ворот, выпростала левую грудь и показала ее пастуху, увидел он на ней три золотых волоска.

Согнал свинопас свиней и одну свинью отдал слугам девушки. Как пришел он домой, отец избил его: куда, мол, свиней подевал. Взял сын и поставил перед отцом целый кпиа с дельгамп:

— На, купи на эти деньги свиной, за что ты меня бьешь!

А та не виданная под солнцем красавица рассказала своему отцу, что купила свиной, которые умеют танцевать, и попросила позвать гостей, чтобы показать, как ее свиной танцуют. Созвал царь отовсюду гостей, позвал музыкантов. Заиграли музыканты. Выпустили свиной. Одна бросилась в одну сторону, другая — в другую. Какие уж там танцы! Так и разбежались.

Подумал тогда царь: «Дочь моя, наверно, замуж хочет, потому-то и заставила меня пригласить столько гостей».

Созвал он приглашенных и говорит:

— Кто из вас разгадает, какая у нее отметина, тому отдам ее в жены.

Стали гости ломать голову. Одни одно говорят, другой — другое. Но никто угадать не может. Услышал об этом свинойас. Ветал и пошел к царскому двору. Один богатеи стоит рядом с девушкой; обратилась к нему девушка, говорит что-то. А богатею невдомек, что ей пужно. Подошел к ним пастух. Богатеи решил: «Станет отвечать пастух девушке, а я тут же скажу: и я, мол, то же сказать хотел». Сказал тогда свинойас:

— Три золотых волоска у нее на левой груди. Богатеи кричит:

— И я то же сказать собирался!

Решил тогда царь положить их вместе. К кому девушка обернется, тому и достанется.

Досталась царская дочь свинойасу. Сыграли свадьбу. Пригласили гостей.

Говорит свинойас своему тестю:

— Хочу я пойти поохотиться.

— Иди, сынок!

Пошел он в чистое поле. Пальнет в голубя и убьет его. Только убьет, выходит откуда-то священник, протягивает руки и забирает добычу и ничего не объясняет.

— Отстань, — говорит ему пастух, — чего мешаешь?

А священник все за свое. Ветал тогда пастух, вытащил свою свирель и заиграл на ней. Закружился священник, раскинул руки и пошел плясать. Да так, что вся одождка на нем изорвалась. А свинойас забрал голубей и пошел домой.

Пожаловался священник царю: твой зять, мол, так и так со мной поступил. Разгневался царь, решил над зятем суд учинить. Созвал народ.

Сказал тогда свинойас царю:

— Дай мне слово промолвить!

Вытащил он было свирель. Как увидел это священник, стал кричать:

— Свяжите меня поскорей!

Взяли его и привязали к столбу. Заиграл пареня на свирели. Закружился весь парод, и все вокруг, и священник этот, к столбу привязанный. Даже вся ряса на нем изодралась.

Царь поблагодарил своего зятя, а священника выгнал.

Объявило одно государство войну царю. Опечалился царь, а зять у него спрашивает:

— Что с тобой случилось?

— Так, мол, и так мое дело!— отвечает царь.— Нет у меня сил воевать.

— Не бойся,— говорит ему зять.— Взял он сагзали и отправился в то государство, что объявило его тестю войну. Как началась война, вытащил свинопас свою свирель и заиграл на ней. Все воины в том войске оружие бросали и давай плясать, а войско тестя завладело тем государством.

Вышел к нему царь-тесть, поцеловал в губы свинопаса, уступил ему свой трон, и досейчас он живет счастливо.

106. Истинная небылица

Жил-был царь, и была у него одна-единственная дочь. Для него всходили с нею солнце и луна, не мог он на нее парадоваться. Однажды царь призвал визирей и сказал им:

— Свою дочь я выдам за того, кто выдумает истинную небылицу.

Стали они искать такого жениха. Обшарили все царство, кого только ни видели, кого ни спрашивали — никто не мог рассказать истинной небылицы. Врали все, но царю угодить не могли: это-де не небылица! И решил тогда один бедняк: «Давай-ка пойду я в другое царство, может, там научусь врать по-настоящему и тогда заполучу царскую дочь». Собрался и отправился на чужбину.

Смотрит — посреди дороги сидит какой-то человек, в корзине у него чеснок и горох, в руках молоточек и отесанный колышек. Воткнет он колышек в землю, ударит по нему молотком и бросает в ямку по одному зубку чеснока и по одной горошине — сеет на дороге чеснок и горох.

Не удержался бедняк и спросил:

— Что ты делаешь, братец? Где это слыхано — посреди проезжей дороги огород разводить?

— Не твоя забота! — отвечал человек. — Разве я спрашиваю тебя, куда ты путь держишь, проходи себе с богом!

Но отстаёт от него бедняк:

— Скажи мне, что ты делаешь?

Тогда человек ответил ему:

— Этим утром несколько арб проехало вверх по дороге и несколько вниз. Пока эти арбы проедут обратно, я успею собрать урожай чеснока и гороха, продам крестьянам и выручу деньги на пропитание.

И сказал тогда про себя бедняк: «Раз этот человек рассказал мне такую небылицу, вероятно, он знает их великое множество!» — и повел его к своему царю.

Шли они девять месяцев и девять дней. Пришли в то царство, и доложил бедняк визирям:

— Привел я человека, который знает уйму небылиц.

Визири усадили того человека на скамью и велели ему рассказывать.

Человек начал:

— Я и мой отец позавчера пасли стадо, есть и пить нам было печего. Моя мать насыпала в корзину тыквенных семечек и понесла их в огород. К полудню уродилась такая огромная тыква, что проломилась изгородь и сорвалась в реку. Вернулись мы с отцом домой, смотрим — есть печего! Мать послала меня в огород, чтобы я принес тыкву. Пришел я в огород, но тыквы там не оказалось. Пошел я по следу и увидел, что тыква весом в сорок пудов лежит в реке. Взял я ее на плечи, притащил домой, разрезал пополам и обе половинки положил в печь. Тыква вскоре испеклась, и мы с отцом всю ее съели!

— А теперь найдите в моем рассказе хоть крупицу правды! — закончил пришелец.

Визири, как ни старались, не смогли найти ни слова правды. Все же они придралась к тому человеку и сказали:

— Если не выдумаешь настоящей небылицы — не спосить тебе головы!

Пришел тот человек к бедняку, снял за один день большую корзину, взял ее на арбу и подкатил на следующий день к царскому дворцу. Царь и его визири выглянули из окна:

— Что это ты привез? — спросили они.

— Великий царь, ровно год назад мой батюшка одол-

жил тебе такую корзину золота, почему же ты не возвращаешь долга, как тебе не совестно дурачить старца!

И тут царь понял, как искусно обманул его этот человек. Он задумался: сказать, что это ложь и никакого золота у отца его он не брал и долг, — царевна достанется крестьянину. Смолчать — и с золотом нелегко расставаться. Много думал царь или мало, решил все же отдать золото.

Нагрузил он полную арбу золотом — и на этом покопчили.

Поделится этот человек своей добычей с бедняком, и зажили они припеваючи. А царская дочь и по сей день ждет своего суженого...

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

107. Как красавицу обманули

Жила в замке солдцеликая красавица. Никто никогда такой не видел, самому солнцу не приходилось. Не выходила красавица из замка, только руку иногда высовывала, и все юноши, какие были на свете, приходили ее целовать.

Одна парень три года работал, как вол, окончил добра и пошел к замку — может, думает, раскрасавица руку даст поцеловать, а то и лик приоткроет.

Идет, видит — на дороге старик.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Куда собрался?

— Красавицу глядеть!

— Вздумал! Ходит туда народу видимо-невидимо, да поглядеть никому еще не удалось!

— Как же мне быть?

— Я тебе помогу! Делай все, как я буду делать!

Велел старик парню купить козла, и пошли они к замку.

Подшли. Старик стащил с головы шапку. Парень глядит на него и то же делает. Повалились на колени, ползком замок обходят, крестятся. Служанка красавицы увидела их, бросилась к своей госпоже:

— Какие-то люди к замку пришли, думают, что это церковь. Погляди, уже и свечи зажегли.

Удивилась госпожа и выглянула. Старик подталкивает парня в бок — гляди, мол, даром тебе раскрасавицу показал.

Принялись старик с парнем козла валить, тычут ножом то туда, то сюда, да только не по шее. Козел блеет, а служанка говорит госпоже:

— Гляди, эти бедняги и козла-то зарезать не умеют.

Госпожа опять выглянула в окно, смеется, показывает, как козла резать надобно.

Зарезали кое-как. Развели огонь, поставили на него котел — вверх дном, поверх мяса наложили. Льют на мясо воду, а оно в огонь сваливается.

Красавица говорит служанке:

— Пойди приведи их — ничего-то они не знают, ничего не умеют!

В замке сварили-таки мясо. Принялись есть. Старик ложку схватил — то к носу ее тянет, то к уху. Парень, глядя на него, то же делает. Раскрасавица помирает со смеху, говорит служанке:

— Ты корми старика, а я за молодого примусь.

Наступила ночь. Постлали гостям постели, укладывают рядом. Старик как вцепится парню в горло и давай душить. Подняли возню.

— Они и спать-то не умеют, — покатывается раскрасавица, велит служанке: — Ты пооди рядом со стариком ляг, а я с молодым останусь!

Утром встали, а красавица говорит парню:

— Что ты, черт, натворил, меня перехитрил!

108. Царевич и златокузнец

Одною из стран правил жестокий и злой царь. Когда кто-нибудь в его царстве женился, перво-наперво должен был вести жену к нему. Взял себе в жены красавицу один златокузнец. Возвел он дом из двенадцати комнат, посадил жену в последней, двенадцатой, запер ее и сказал: пусть теперь царь попробует отнять ее у меня. Каждый день он запирает комнату, а когда вечером возвращался, отпирал жепу и миловался с ней.

В это время какой-то царевич ездил по разным странам и приглядывался, как в них живут. Приехал и в эту страну, увидел старуху и спросил у нее:

— Что хорошего, матушка, у вас в стране?

— Да что хорошего, когда из-за царя все боятся жениться? Всем велел на первую ночь жеп к нему приводить. Один из наших жителей, златокузнец, взял себе красивицу-жену, запер ее на двенадцать замков и держит день и ночь взаперти. Царь мучается, а никак заполучить ее не может.

— Нельзя ли, матушка, мне как-нибудь подружиться с этим златокузнецом? — попросил царевич.

— Отчего же нет, — отвечала старуха. — Сперва пойдн познакомясь с ним, а потом закажи другому златокузнецу такое кольцо, какого на всем свете не найти, надень на палец и пройди мимо его лавки. Он увидит кольцо, ему оно понравится, а ты сними и подари кольцо ему.

Царевич так и сделал. Раздобыл такое кольцо, какого никому из людей не приходилось и видеть, и прошел мимо златокузнеца.

— Вот так кольцо! — восхитился златокузнец.

— Возьми, если оно так тебе нравится! — сказал царевич и отдал златокузнецу кольцо.

Вечером царевич спросил у старухи:

— Кольцо я отдал, что же делать дальше?

— Теперь раздобудь меч, такой, какого никто не видал: поправится он златокузнецу, ты и подари ему, — научила его старуха.

Царевич так и сделал. Кузнец опять восхитился, и царевич отдал ему меч.

— А теперь что делать? — спросил царевич у старухи.

— Теперь раздобудь куладжу, да такую, чтоб глаз не отвести!

Раздобыл ее царевич и пошел к златокузнецу.

Златокузнец спросил его:

— Кто тебе сшил такую красивую куладжу?

Царевич подарил ему и куладжу.

Кузнец собрал все подарки, отнес к своей жене и понес на стену в ее комнате.

Он очень полюбил царевича и решил позвать его на пир.

— Куда ж мне его привести, — спросил он у жены, — разве что в мастерскую?

— Что ты! Разве можно такого почетного гостя звать в мастерскую? Веди его сюда, не съест же он нас?

Златокузнец не решился все же вести гостя в дом и устроил пир в мастерской.

Царевич спросил у старухи совета:

— Как быть дальше?

— Во время пира подсыпь ему сонного зелья, он уснет, а ты вытащи у него из кармана ключ, отвори дверь и погляди на красавицу. Потом запри комнату и ключ положи обратно в карман, — научила старуха.

Царевич так и сделал. Подсыпал златокузнецу сонного зелья, тот устал и уснул как мертвый. Царевич вытащил ключи и давай отпирать комнату за комнатой. Отпер двенадцатую, женщина увидела его, бросилась к нему, обняла и взмолилась: дай мне поглядеть на солнечный луч!

Царевич посулил ей:

— Возьму тебя с собой, и повенчаемся. Только немножко пужно потерпеть.

Запер комнаты, сунул ключ обратно в карман златокузнецу и сам прилег и притворился спящим. Проснулея златокузнец, принялся его будить.

— Ну и проспал я! — сказал гость, поблагодарил хозяйина и ушел.

Пришел и все рассказал старухе.

— Чего ты не увел женщину! Кто тебе мешал?

— Хочу еще немножко подурочить златокузнеца! — отвечал царевич.

Старуха посоветовала царевичу нанять землекопов. Они прорыли подземный ход от дома старухи до дома златокузнеца. Царевич пробирался по нему к жене златокузнеца, а к приходу ее мужа возвращался к старухе. Однажды царевич открылся кузнецу, сказал, кто он таков, и признался, что задумал жениться, и просит его быть на свадьбе дружкой. Златокузнец обрадовался и согласился.

Царевич, войдя к его жене, снял со стены кольцо, свой подарок, надел на палец и прошелся мимо лавки. Златокузнец узнал свое кольцо, бросился в дом, — а царевич по подземному ходу проник туда прежде хозяйина и повесил кольцо на место, — видит, кольцо целехонько, успокоился и сказал:

— Что за черт! У царевича на руке точно такое кольцо, как наше!

— Раз нам подарил такое, неужто же и для себя бы не раздобыл! — отвечает ему насмешливо жена.

На другой день красуется царевич перед златокузнецом с мечом — своим подарком. Златокузнец изумился, бросился в дом, видит: меч висит на месте (а царевич обогнал его по подземному ходу) — и успокоился.

Жена говорит ему:

— Что это ты бегаешь как шальной! Если бы нам подарил, неужто бы себе не добыл такого меча?

Устыдился златокузнец и пошел прочь.

На третье утро царевич нарядился в куладжу — свой подарок, препоясался мечом, надел на палец кольцо и прохаживается мимо златокузнецовой лавки. Бросился бедняга златокузнец в дом — опять все на месте.

Жена помирает со смеху.

На четвертый день вывел царевич жену златокузнеца по потайному ходу к старухе, посадил рядом с собой и послал за златокузнецом: скорее, мол, приходи на вечеринку.

Прибежал златокузнец, увидел свою жену и остолбенел: погодите, говорит, немного, и сейчас вернусь, и ринулся к своему дому. Пока отпирал двенадцать замков, царевич уж водворил его жену на место. Ворвался златокузнец в комнату, увидел жену и вскричал:

— Царевич женится, а невеста его на тебя, как две капли воды, похожа.

— Если ты, несчастный, раздобыл себе в жены такую, как я, ну ужто ж царевич не может пойти такую же? — хохочет жена.

Вернулся златокузнец пристыженный к царевичу. А жена его уже рядом с царевичем сидит. Сели все на телегу и поехали к отцу царевича. Сыграли свадьбу, да какую! После свадьбы царевич одел златокузнеца в куладжу — свой подарок, препоясал мечом, украсил палец кольцом, посадил на коня, дал напоследок письмо и попросил — отдай это письмо вашему царю. А в письме было написано: «Великий государь! Женщину, которую ты так и не сумел похитить, я увел с собой и женился на ней, а ее муж, златокузнец, был у меня дружкой».

Прочел царь письмо и ну хохотать! Кузнец спросил, отчего он так развеселился. Царь со смеху помирает и письмо ему читает. Опечалился златокузнец, пригнулся, долго плакал-убивался, бил себя по глупой голове, да что он мог поделать!

109. Царь и крестьянская дочь

Быль то или лебыхица, жил один крестьянин, у которого была дочь на выданье.

Однажды крестьянин пахал землю. Вспахав десять борозд, он собрался приступить к одиннадцатой, как вдруг его плуг за что-то зацепился, и борозда получилась кривая. Крестьянин остановил быков, подошел, и что же он

видит? В черноземе — золотая ступка. Сначала он не поверил своим глазам, но, когда полой чохом хорошенько протер ступку и увидел, что она блестит, от радости чуть рассудка не лишился.

Крестьянин бросил пахать и со всех ног побежал домой. Дочка удивленно спросила его:

— Отец, почему ты вернулся домой, ну ужели так быстро все вспахал?

— О чем ты говоришь, дочка, сегодня мне привалило такое счастье, что я забыл и про пахоту, и про себя самого!

— Не нашел ли ты в земле клад?!

— А ну-ка, взгляни, разве это не лучше клада! — отогнул ей крестьянин, высоко подбросив драгоценную ступку.

— Это же золотая ступка! — воскликнула пораженная дочь.

— Конечно, дити мое, это золотая ступка, золотая!

— Да, но что же мы будем с ней делать? Какой от нее толк?

— Я преподнесу ее в дар нашему царю и попрошу у него взамен три десятины земли!

— Что это ты говоришь, отец! Ты хочешь ее преподнести царю?! Так знай же, что он непременно потребует от тебя и золотой пестик.

Долго упрашивала отца девушка не относить царю золотую ступку, но тот заупрямился:

— Эта драгоценность достойна лишь царя, и я должен ее преподнести только ему!

Взял крестьянин ступку и понес во дворец.

Явившись к царю, он низко поклонился ему и доложил:

— Великий государь, этот драгоценный предмет достоин только тебя, и поэтому я хочу преподнести его тебе!

— Что это такое?

— Это золотая ступка, государь!

— Золотая ступка? — с удивлением переспросил царь. — А куда же ты девал пестик?

— В земле я нашел только ступку, ваше величество!

— Что ты мелешь, невежда! Если ты нашел ступку, то наверняка нашел и пестик! Ступай и сейчас же привеси его, иначе я вырву твой лживый язык!

Опечалился крестьянин, и тут же ему припомнился совет дочери. Со стоном он проговорил: «Так тебе и надо,

дурья голова! Почему не поверил своей умной дочери?»

Царь услышал эти слова и спросил его:

— Что же сказала тебе твоя умная дочь?

— Не носи, сказала она, царю эту золотую ступку, а то он потребует у тебя и золотой пестик, — ответил с плачем крестьянин. — Вот и сбылись ее слова.

— Откуда твоя дочь могла заранее знать, что я потребую у тебя и пестик?

— Эх, жаль, я не послушался ее, ведь всякий, у кого есть хоть капля ума, заранее знает, какой исход будет иметь то или иное дело.

— Раз твоя дочь такая умница, ступай домой и сейчас же пришли ее ко мне! — приказал царь.

Огорченный, крестьянин отправился домой. Шел он и укорял себя: «Проклятая ты моя головушка, зачем я пакликал на себя беду! Мало того, что я потерял золотую ступку и задолжал царю пестик, теперь я стал еще причиной несчастья моей дочери!»

Войдя в дом, крестьянин застонал и со слезами обратился к дочери:

— Дочь моя, как скоро сбылись твои слова! Как только я преподнес царю золотую ступку, он тут же спросил меня: «А куда ты девал золотой пестик?! Принеси мне его, иначе я вырву твой язык!» Я бы как-нибудь перенес это горе, но беда в том, что к нему прибавилась еще печаль о тебе. «Ступай и сейчас же пришли ко мне твою умную дочь», — сказал мне царь. Бог весть, что у него на душе!

— Не бойся, отец! Царь, наверно, зовет меня для того, чтобы испытать мой ум. Я пойду, а ты не теряй надежды, что победа останется за мной и я развею твою горе, — утешила его дочь и собралась идти к царю.

Явившись во дворец, девушка поклонилась царю и сказала:

— Что прикажешь, великий государь?

— Ну-ка, сейчас мы посмотрим, насколько ты умна. Я приказываю тебе завтра явиться ко мне, но так, чтобы ты была не нагой, но и не одетой, придешь ко мне не пешком, но и не верхом. Если справишься с моей задачей, я возвращаю твоему отцу золотую ступку, а тебя возьму в жены. Если же нет, то отрежу тебе язык!

Дочь крестьянина пообещала выполнить приказ царя и ушла. На второй день девушка разделась, обернулась рыбацкой сетью, привязала сеть к ослу и так явилась к царю.

Царь был очень удивлен находчивостью девушки и, согласно договору, вернул крестьянину золотую ступку, а ее взял в жены.

С того дня зажили они снокойно и счастливо.

Царь часто обращался к своей умной жене за советом, и ее советы всегда приносили ему пользу.

Однажды царские пастухи гнали стадо в гору. Как-то ночь застала их на окраине города, пастухи подыскали подходящее для ночлега место, расседлали коней и устроили привал. В эту ночь ожеребилась кобыла одного из пастухов; второй пастух выкрал поворожденного жеребенка и привязал его к ноге своего быка.

Наутро хозяин кобылы хватился жеребенка и, подойдя к хозяину быка, спросил его:

— Как очутился у тебя этот жеребенок? Ведь вчера ночью ожеребилась моя кобыла.

— О чем ты говоришь! Этот жеребенок не от твоей кобылы, а от моего быка, я целую ночь не отходил от него, и, чтобы жеребенок не убежал, я привязал его к бычьей ноге, — стал доказывать второй пастух.

Долго спорили и ссорились пастухи и наконец решили обратиться к царю. На этот раз царь решил обойтись без совета своей умной жены и сам вынес такое решение: поскольку утром жеребенок оказался возле быка, значит, его родил бык, а не кобыла.

Хозяин кобылы прямо оторопел, у него отнялся язык, он вышел из дворца разгневанный и в воротах столкнулся с женой царя. Та спросила его:

— Братец, чем ты так опечален?

Пастух не скрывал своего огорчения и подробно рассказал ей обо всем.

— Не бойся, твоя правда не пропадет, но ты поступи так, как я тебе посоветую: ступай и раздобудь где-нибудь рыбацью сеть, принеси ее сюда и начни закидывать перед дворцом, будто ты ловишь рыбу. Когда это увидит царь, он тебя спросит: «Что ты делаешь, где это слыхано — на суше рыбу ловить?!» Тогда ты ответь ему: «Великий государь, если неслыханное дело — ловить на суше рыбу, то где слыхано, чтобы бык родил жеребенка?!» Тогда царь поймет свою ошибку и вернет тебе жеребенка.

Пошел пастух, раздобыл где-то сеть, остановился перед дворцом и стал закидывать ее.

Увидел это царь и с удивлением спросил:

— Что ты делаешь, добрый человек! Где слыхано — на суше рыбу ловить?!

— Чему ты удивляешься, великий государь! Если несслыханное дело — ловить на суше рыбу, то разве слыхано, чтобы бык родил жеребенка?

Царь тотчас же вспомнил о своем несправедливом решении, однако, чтобы не ударить лицом в грязь, ответил гневно:

— Слово царя непреклонно. Если он решит, что бык может родить жеребенка, то, значит, может!

Пастух повернулся и ушел.

«Этот пастух наверняка действовал по совету моей жены, — подумал царь, — и, если я от нее не избавлюсь, она опозорит меня перед народом и все перестанут мне верить».

Однажды вечером, притворившись рассерженным, он поссорился с женой:

— Жить с тобой я больше не могу! Ты только уходи от меня, а я даю тебе право взять с собой все, что дорого твоему сердцу и глазу.

— Если ты не хочешь жить со мной, — ответила крестьянская дочь, — я не стану тебя припуждать, но попрошу тебя только об одном: до сегодняшнего дня мы жили с тобой душа в душу, давай так же сладко и разойдемся. Последний раз пообедаем вместе и пожелаем друг другу благословения божия.

Эти слова смягчили сердце царя, и он согласился.

Жена подсыпала в вино сонного зелья и напоила им царя. После обеда царя стало клонить ко сну, и вскоре он захарнел. Жена усадила спящего на лошадь и привезла его в дом своего отца.

Наутро царь проснулся, оглядел стены и потолок комнаты и пробормотал про себя:

— Где это я нахожусь? Неужели это мой дворец?

— Великий государь, сойчас ты находишься в доме моего отца, ты спал здесь и здесь же проснулся, — ответила сидящая у его изголовья дочь крестьянина.

— Зачем я здесь и кто меня сюда привез? — с удивлением спросил царь.

— То есть как это зачем? — ответила ему жена. — Вчера, когда мы с тобой поссорились, ты предоставил мне право взять с собой все, что дорого моему глазу и сердцу. Мне же дорог только ты, я и забрала тебя к себе домой.

И на этот раз подивился царь уму и находчивости крестьянки, обнял ее и попросил прощенья.

В тот же вечер сели они на коней, вернулись во дворец и зажили счастливо и бесшечно.

110. Чем неправду выправить

Жил на свете ремесленник, и был у него сын. Решил отец научить сына чему-нибудь и отдал его в ученье другому ремесленнику. Окончил сын ученье и вернулся к отцу.

Пошли отец с сыном работать в чужие места.

Шли долго; захотел отец испытать ум и знания сына и говорит:

— Устал я что-то. Давай ты меня понеси, то я тебя.

— Хорошо, — сказал сын и стал рассказывать отцу сказку.

Кончил сын свою сказку, теперь отец начал; увлеклись оба так, что и забыли про усталость.

Прошли еще немногo. Дал отец сыну шесть пятаков и сказал:

— Пойди купи на эти деньги лошадей, сядем на них, поедем.

Пошел сын, купил кувшин вина, выпили они, повеселели, еще легче стало идти.

Прошли еще, и говорит отец сыну:

— Пойди найди одного товарища для себя и одного для меня.

Вошел сын в лес, срезал одну палку себе, другую отцу, и пошли они дальше.

Шли, шли и видят — нива. Говорит отец:

— Ах, хороша, как хороша нива!

А сын говорит:

— Съедена вся, съедена!

— Нет, хороша!

— Нет, съедена!

Так и не сговорились. Сказал отец:

— Пойдем спросим кого-нибудь знающего.

Пошли искать знающего человека. Идут, видят — река, в реке лежит соль, не тает.

— Что это за соль, что в воде не тает? — спрашивает отец.

— Не знаю, — отвечает сын.

Пошли искать знающего человека. Указали им одну девушку. Пришли и остановились у нее.

А девушка — красавица, такая красавица, не найти другой такой на свете. Только один глаз у нее пемного косит.

Заметил это отец, только не хочет он обидеть девушку, вот и говорит:

— Хороший у вас дом, очень хороший, только крыша немного скошена (мол, хороша ты, только немного косишь!).

— Что ж,— говорит девушка,— что скошена, дым-то прямо идет (мол, что ж, что немного кошу, вижу-то я все прямо!).

Поправился отцу такой ответ, и говорит он:

— Рассуди нас с сыном. Отдал я его в учење, а он ничему не научился: пошли мы полем, видим — нива, так и блестит золотом. Я говорю: «Хороша нива!», а он говорит: «Нет, съедена!»

— Прав твой сын,— говорит девушка.— У хозяина этого поля долги большие, весь урожай за долги возьмут, хозяин ни с чем останется.

Этот ответ понравился отцу, и говорит он:

— Дорогой еще была река, лежит в воде соль — не тает. Что это за соль и что за вода?

— Вода — жена, а соль — муж,— говорит девушка.— У дуршой жены муж тает, как соль в воде, а хорошая жена — что эта вода, где и соль не тает.

Очень понравилась эта девушка отцу, решил он женить на ней сына. В ту же ночь и сыграли свадьбу.

Прошло время. Отправились отец с сыном искать работу. Пришли в один город и взялись строить царский дворец. Поставил им царь такое условие: понравится ему дворец — заплатит он за труд, не понравится — не заплатит.

Очень хороший дворец построили отец с сыном, всем правится, а царь все же придрался к ним и велел заключить обоих мастеров, отца с сыном, в тюрьму. Отец говорит:

— Есть у меня дома одна машина, если ее принести — все вмиг по вашему желанию выправит. Только дома у меня невестка, никому она эту машину не доверит, разве только ты сына своего отправишь.

Послал царь сына и всю свиту вместе с ним, а этот мастер-отец поручил сказать невестке:

— Пришли мне, чем неправду выправить!

Как пришли посланные, схватила невестка сына царя и заперла его, а свите сказала:

— Скажите царю — не видать ему сына, пока не выпустит моего мужа и свекра.

Что делать царю? Рассчитался он с мастерами — с отцом и сыном — и отпустил их.

III. Ошваренный поп

Быль это или небылица, жил один богатый купец, была у него своя церковь, а в ней поп и собственная баня. Имел он жену, сына и дочку.

Жена его умерла, он, как полагается, справил по ней поминки, погоревал немного и привел в дом вторую жену, у которой была дочь.

Купеческая дочка была рослая, красивая и мастерица на все руки. Все время она проводила в работе, за книгой да за молитвой. А мачехина дочь красотой не блистала и вдобавок была лентяйкой. Целыми днями она бездельничала, а от книг бегала, как от чумы.

Сам купец годами находился в отлучке — ездил по торговым делам, а сын сопровождал его.

Мачеха невзлюбила падчерицу за то, что та с каждым днем становилась все краше и затмевала ее собственную дочь. И вот решила она: «Если я не пведу ее, не выдать мне замуж мою родную дочь!»

Наутро вызвала мачеха попа из домово́й церкви и сказала ему:

— Если ты не опорочишь мою падчерицу, не бывать тебе больше попом. А если исполнишь мою волю, станешь богачом.

Поп вначале не соглашался, но глаза у людей завидущие, а особенно поповские, соблазн разбогатеть был велик, и спросил он купчиху:

— Научи меня, как ее опозорить?

— Пойди в баню, я ее пошлю к тебе, а там уже сообрази сам.

Отправив попа в баню, она пошла к падчерице и начала ее бранить:

— Чего ты сидишь, встань, пойдн в баню, вымойся, приоденься, твой отец должен приехать, не встретишь же ты его немытой да нечесаной!

Хотя девушку и удивила такая забота мачехи, все-таки она послушалась и пошла в баню.

Войдя в баню и увидев там попа, девушка еще больше удивилась:

— Зачем ты сюда пришел, убирайся сейчас же!

— Любовь к тебе свела меня с ума, я больше не могу, мы с тобой должны выкупаться вместе, — взмолился поп.

— Как ты посмел предложить мне такое, ведь ты сам крестил меня, как же тебе не совестно перед моим отцом, ужель не боишься его?

Поп все не отставал от нее. Что же было делать бедняжке?

— Ладно, — согласилась она, — куда мне деваться, я в твоей власти, раздевайся, сначала я выкупаю тебя, а потом выкупаюсь сама.

Поп разделелся догола, девушка намылила его и стала поливать водой, а сама все время держится к двери поближе. Вдруг схватила она шайку и обдала попа кинитком. Поп заорал, а девушка выскользнула в дверь и убежала. Вернувшись домой, она прошла в свою комнату и занялась рукоделом.

Мачеха подошла к ней и спросила:

— Почему ты вернулась, неужто так быстро выкупалась?

Девушка ничего ей не ответила.

Тогда мачеха отиравилась к попу. Она застала его в постели, он лежал весь ошпаренный, лицо его было в волдырях, волосы, усы и борода вылезли. Пораженная мачеха спросила его:

— Что с тобой приключилось и почему моя падчерица так быстро вернулась домой?

Поп обо всем ей рассказал и добавил:

— Как мне теперь показаться на людях? У меня нет ни волос, ни усов, ни бороды.

Мачеха послала попу своего лекаря, и тот начал его лечить. Хоть рапы его скоро затянулись, но волосы, борода и усы никак не отрасли.

Мачеха сильно призадумалась. И вот, чтобы спастись от мужнего гнева, она решила и вовсе погубить падчерицу. Она боялась, что падчерица обо всем расскажет отцу, тот расспросит пона и, распознав правду, расправится с ней. Вот и послала она мужу письмо: «Твоя окаянная дочь опозорила нас, все ночи она проводит где-то и срамит нас на всю округу».

Когда кунец прочел это письмо, он тут же отиравил домой своего сына и велел ему: «Раз твоя сестра нас так осрамила, ступай убей ее и принеси мне ее сердце и печень».

Юноша поспешил домой. Добравшись до места, он приказал сестре:

— Вставай и садись в коляску!

— Почему ты такой злой, братец, расскажи мне, как поживает наш батюшка? Не понесли ли вы убытки в торговле? — ласково спросила девушка.

Брат молча взял ее за руку и посадил в коляску. У де-

вухки была маленькая собачонка, которую она взяла с собой.

Долго ли, коротко ли они ехали, но очутились в чаще. В лесу сестра еще раз спросила брата:

— Братец, зачем ты привез меня сюда? Почему ты молчишь и не разговариваешь со мной?

Брат вынул письмо мачехи и передал его сестре:

— Отец меня прислал, чтобы убить тебя, но у меня рука не поднимается!

Девушка поняла, что все это козни злой мачехи, и сказала:

— Не хочу я возвращаться обратно домой и не хочу видеть рассерженного отца; на вот, убей эту собачонку и отнеси отцу ее сердце и печень, меня же брось в этом дремучем лесу. Если мое целомудрие поможет мне остаться в живых — хорошо, а нет — так пусть съедят меня хищные звери или же я умру здесь голодной смертью.

Брат послушал ее, зарезал собачонку, сестру оставил в дремучем лесу, а сердце и печень собачонки отвез отцу.

Девушка подобрала повыше подол платья и пошла. Много она бродила по лесу или мало, застала ее в лесу ночь, и она испугалась, что ее могут растерзать звери. Вдруг она увидела в сторонке высокий бук с тремя ветвями. Она с трудом взобралась на него, уселась на пересечении трех ветвей, сняла золотой пояс и, чтобы во сне не упасть с дерева, привязала себя к стволу. Помолилась девушка и уснула. На завтра она проснулась поздно и видит, что в тени под деревом лицом кверху лежит юноша и смотрит на нее. Глаза их встретились. Удивленный юноша крикнул ей:

— Кто ты, девушка, и что ты там делаешь?

— Я добрая христианка! — ответила ему девушка.

— Если ты христианка, тогда перекрестись, — сказал юноша.

Девушка перекрестилась. Юноше она очень понравилась, и он сказал ей:

— Я сын царя этой страны, охочусь здесь, спускайся с дерева, будешь мне женой, а я тебе — мужем.

— Нет, — покачала головой красавица, — ты будешь мне братом, а я тебе — сестрой!

Юноша не соглашался, и они договорились, что станут мужем и женой. Он помог ей сойти с дерева, позвал своего слугу и послал его к родителям с вестью: «Еду и везу невесту, готовьте свадьбу».

Царь с царицей огорчились: они считали, что лесная

девушка должна непременно быть или русалкой, или колдуньей. Однако против воли сына они не пошли, обещали молодых и справили свадьбу. Через девять месяцев на радость им у молодых родился сын — здоровый и крепкий.

Однажды царь и все царское семейство были приглашены на свадьбу. Царь и говорит царевичу:

— Сын мой, я уже стар, не время мне ходить по свадьбам, поезжай ты!

В день поездки царь неожиданно получил посланку от соседнего государя: «Идем к вам с войной, готовьтесь!» Задумался царевич: «Мой отец уже стар, я не могу оставить его один на один с врагом, мне придется сразиться с вражескими войсками, и на свадьбу я поехать не смогу». Обратился он к жене:

— Поезжай без меня, тебя будет сопровождать наш визирь.

Она долго отказывалась, но царь с царицей ее уговорили.

Путь лежал через море. Сели они на корабль и отправились в плавание. Когда доплыли до середины моря, визирь сказал женщине:

— Я обезумел от любви к тебе, и ты должна стать моею.

— Взгляни на свою грудь, разве этих наград ты удостоен не даром и моим супругом? Как посмел ты обратиться ко мне с такими бесстыдными словами? — возмутилась она.

— Кроме нас с тобой, здесь никого нет, и никто об этом не узнает! — сказал визирь.

Убедившись, что он не отступится от нее, женщина пошла на хитрость:

— Что поделаешь, я в твоих руках, поддержи ребенка, и пойду переоденусь и сейчас же вернусь к тебе.

Она вышла, перекрестилась и бросилась в море со словами:

— Ты, великий боже, и мое целомудрие, выведи меня на сушу!

Встревоженный долгим отсутствием женщины, визирь стал разыскивать ее, но нигде не смог пайти. Тотчас он повернул корабль обратно домой. Вернувшись, он с притворной печалью доложил царю и царице:

— Как только мы поднялись на корабль, ваша невестка бросилась в море и утонула.

Начали они плакать и причитать:

— Говорили же мы нашему сыну, не бери в жены лесную девушку, но он нас не послушался.

Царевич победоносно окончил войну и вернулся домой. Узнав об исчезновении жены, он сильно опечалился, долго плакал и бил себя по голове. Вся царская семья пребывала в неутешном горе. Тут они снова получили приглашение на свадьбу в соседнее государство. Оказывается, тогда свадьба не состоялась, и теперь их приглашали снова.

Родители сказали царевичу:

— Иди, сынок, развея свое горе и повеселись.— Сын упорствовал, но его отравили насильно. Вместе с тем же визирем сел он на корабль, и они поплыли.

Бросившись в море, женщина благополучно достигла берега и оказалась в том царстве, где должна была быть свадьба.

Пришла она к одной старухе и попросила:

— Достань мне мужскую одежду, а мое дорогое платье пусть останется тебе.

Старуха с радостью дала ей старую одежду своего сына. Женщина облачилась в нее, подобрала волосы, нахлобучила шапку на голову, вымазала себе лицо сажей — ну, вылитый парень!

— Кто у вас здесь самый знатный человек и что здесь происходит? — спросила она старуху.

— Здесь живет один прославленный кунец, известный своим богатством, ничем не уступающий самому царю. Сейчас он женит своего сына и приглашает на свадьбу только царей. Сегодня он снова разослал приглашения, так как в первый раз свадьба не состоялась.

Выпла женщина из дома старухи, пошла куда глаза глядят и набрела на пастуший стап.

— Чье это стадо? — спросила она.

— Такого-то и такого-то купца, — услышала она в ответ.

— Не хотите ли, чтобы я у вас служил только за то, что вы будете меня кормить? Буду вам во всем помогать.

— Оставайся, — согласились пастухи.

В работе она проявляла проворство и споровку, и за это ее полюбили. Под видом сказки она рассказала пастухам обо всем, что с нею приключилось.

На другой день после свадьбы купеческого сына к обеду собрались только домашние и кое-кто из гостей. И вот они пожелали:

— Пусть кто-нибудь расскажет нам сказку. Было веле-

но созвать всех юношей и отроков, но никто сказок не знал. Наконец один из них сказал:

— С нами за стадом ходит один паренек, он целыми почками рассказывает сказки, позовите его сюда.

Привели переодетую женщину и велели ей спать шапку и рассказать сказку.

— Шапку я не сниму, а если вы не запретите дверей и не отдадите мне ключей, то и сказки вам не расскажу, — ответила она.

Все засмеялись, решив, что она бонсея, чтобы сказка от нее не убежала. Они заперли двери и отдали ей ключи. И женщина начала свой рассказ:

«Быль то или небылица, жил один богатый кунец, была у него своя церковь, а в пей свой поп и собственная баня. Жена его умерла, оставив сына и дочь, и он женился снова на женщине, которая, как две капли воды, походила вот на ту женщину. У нее была дочь, удивительно похожая на девушку, которая сидит с вами.

И вот мачеха подумала: „Пока моя падчерица будет дома — не выдать мне замуж своей родной дочери“. Долго думала она и наконец решила. Вызвала к себе попа из своей церкви и сказала ему: „Дай мне клятву, что ты никому не расскажешь о том, что сейчас услышишь“. Поп ей поклялся и обещал молчать. „Ступай в баню, я туда пришлю свою падчерицу, ты там обесчести ее и осрами на весь свет. После этого я смогу выдать замуж свою дочь“. Поп наотрез отказался: „Как я могу сотворить подобное, она при мне родилась, выросла и была крещена у меня на руках. Милостью ее отца я существую, как ты посмела предложить мне такое?“ Тогда мачеха грозно сказала: „Я сделаю тебя богачом, богаче тебя не будет никого во всей округе, а если не послушаешься меня, я обреку тебя на смерть!“ Поп согласился и пошел в баню. Мачеха же подошла к падчерице и говорит ей: „Чего ты уселась за стол такая грязная, твой отец известил нас о своем приезде, иди помойся в бане, чтобы встретить его чистой и опрятной“.

Падчерицу удивила такая забота о ней. И хоть она вовсе не была грязной и перьячливой, встала и отправилась в баню. Как только она вошла туда, поп запер двери и стал к ней приставать:

— Что тебе здесь надо, убирайся отсюда! — вскричала девушка.

— Я люблю тебя и хочу выкупаться вместе с тобой! — отвечал поп.

— Как ты смеешь говорить мне такое, я в дочери тебе гожиусь, ужель не боишься ты моего отца? Что он тебе скажет, когда узнает? Уходи сейчас же отсюда!

Поп не уходил. Тогда девушка сказала ему:

— Ладно, все равно я в твоей власти, сначала разделюсь ты, и я тебя выкупаю, а потом разделюсь я.

Поп разделся, а девушка обдала его кипятком, выскочила из бани и побежала домой. Мачеха была раздосадована тем, что падчерица так быстро возвратилась, и отправилась к попу. Попа он увидела в постели ошпаренного, без волос, без бороды и без усов.

— Почему ты лежишь, почему падчерица так рано вернулась домой?

— Видишь, что со мной сделала твоя падчерица, она обдала меня кипятком и убежала. Вот почему я лежу.

Мачеха поспешила прислать к нему своего лекаря и велела ему вылечить попа. Хотя кожа на лице попа и зарубцевалась, но волосы, борода и усы так и не выросли. Тот поп точь-в-точь был похож вот на этого попа.

После этого мачеха призадумалась еще больше: „Если я не сживу ее со света, она обо всем расскажет моему отцу, и меня ждет еще большая беда“. Тогда и написала она мужу письмо. Как только купец получил это письмо, он сильно разгневался и велел своему сыну:

— Поезжай, убей свою сестру и привези мне ее сердце и печень.

А купец тот, скажу я вам, был похож на вас, господин, а его сын — на вашего сына.

Сел сын в коляску и поехал к сестре. Как только он приехал, он тут же велел сестре сесть в коляску и ехать с ним.

Девушка стала умолять его:

— Братец, чем ты так озлоблен, скажи мне, как поживает наш батюшка?

Брат не стал слушать, взял ее за руку и силой усадил в коляску. У девушки была маленькая собачонка, которую она взяла с собой.

Поехали они в дремучий лес.

Взмолилась девушка:

— Почему ты мне не скажешь, куда меня везешь? Как поживает мой отец и почему ты так озлоблен на меня?

Брат достал из кармана письмо и передал его сестре. Она узнала руку мачехи: „Твоя окалящая дочь оскверняла нас. Все ночи она проводит с кем-то, позорит нашу семью. Если ты не приедешь, она совсем сбежит из дому“.

Девушка стала плакать: „Братец мой, я не могу оправдаться перед тобой, ты слишком обозлен на меня и не поверишь мне. На вот, возьми и зарежь собачонку и как доказательство моей смерти отнеси отцу ее сердце и печень, а меня брось в этом дремучем лесу, и если меня спасет мое целомудрие — хорошо, нет — пусть растерзают меня дикие звери. Твоя же рука не будет обогрета моей кровью!“

Ссадил брат сестру с коляски, зарезал собачонку и удалился.

Осталась беспомощная девушка одна-одинешенька в дремучем лесу. Ночь провела она на дереве, привязав себя к стволу золотым пояском. Утром она проснулась и решила: „Теперь я сойду вниз и, быть может, выберусь на дорогу, повстречаю людей, которые укажут мне путь к ближайшему селу“.

Только она собралась спуститься с дерева, глянула вниз и увидела лежащего под деревом юношу. Юноша был очень удивлен и спросил ее:

— Кто ты и что ты там делаешь?

— Я добрая христианка! — ответила ему девушка.

— Тогда ты — моя жена, а я — твой муж; я — царевич и единственный сын у своих родителей.

Тот царевич очень похож на того, кого я вижу здесь, среди гостей.

Итак, женился царский сын на девушке и зажил с ней счастливо. К этому счастью прибавилось и то, что у них родился прекрасный сын. И тот ребенок схож с тем, который сейчас сидит подле царевича.

Спустя некоторое время царская семья была приглашена на свадьбу сына к богатому купцу. Царь и царица посоветовали царевичу: „Сынок, поезжай на свадьбу со своей семьей, иначе купец будет обижен“.

В день отъезда в царский дворец прибыли гонцы с объявлением войны. Царевич подумал: „Если я поеду на свадьбу, мой старый отец не справится с врагами“ — и уговорил жену поехать в сопровождении визиря. Путь их лежал далеко, через море.

Взяла царица сына и вместе с визирем села на корабль. Когда они были посреди моря, визирь стал приставать к ней:

— Ты мне очень нравишься и должна стать моей.

— Взгляни на свою грудь, украшенную наградами, ведь их тебе вручили мой свекор и мой супруг, как же после этого ты осмелился так обращаться со мной? — пристыдила его царица.

— А визирь тот, как ни странно, как родной брат, похож вот на того, кто сидит тут рядом с царевичем».

Визирь весь затрясся при этих словах, а рассказчик продолжал: «Визирь не отставал от несчастной, и она, передав ему ребенка, сказала:

— На, поддержи дитя, а я пойду переоденусь и сейчас же вернусь, мне некуда деваться, я в твоих руках.

Вышла она и тут же бросилась в море со словами:

— Великий боже и честь моя, помогите мне выбраться на сушу!

Бог выслушал ее мольбу и помог ей добраться до берега. Пришла она к одной старухе и сказала:

— Возьми мои дорогие одежды, а взамен достань мне мужской костюм.

Старуха с радостью вынесла ей одежду своего сына. Царица переделалась, вымазала себе лицо сажей и стала похожа на настоящего пастушонка.

— Кто в этих краях самый знатный человек? — спросила она старуху.

— Живет здесь один богатый купец, которому нет равных; сейчас он женит своего сына и идут приготовления к пышной свадьбе. Свадьба должна была состояться раньше, но она не состоялась и была отложена. И вот сейчас купец снова разослал приглашения.

Выслушав это, царица поразмыслила и нанялась к пастухам в помощники и вскоре заслужила их любовь умением рассказывать разные истории.

На следующий день после свадьбы гости пожелали услышать хорошую сказку. Созвали всех пастухов, но те не сумели ничего рассказать и посоветовали: „Есть у нас новый пастушок, который каждую ночь рассказывает нам чудесные истории“. Привели эту женщину, и она всю свою горькую жизнь переложила в сказку и поведала ее гостям».

С этими словами царица сняла шапку и распустила свои волосы:

— Та женщина, о которой я рассказала, я сама, вот я перед вами. Отдаю себя на ваш суд.

Вскочили с мест муж, брат, отец и по очереди заключили ее в свои объятия. Когда их сердца насытились радостью, привязали они мачеху, мачехину дочь, попа и визиря к конским хвостам, поволокли их по улицам и разорвали на куски.

А царицу нарядили в царские одежды и устроили большой пир. Царевич послал к своим родителям гонца и

сообщил им, что бог вернул ему возлюбленную жену и по-
тому пока он домой возвратиться не может. Два месяца
провели они в пирах и веселье, а затем отец и брат с бо-
гатыми дарами проводили их домой. Вернувшись в свое
царство, они пригласили к себе отца и брата и справили
подобающую свадьбу.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

112. Ума вдоволь, а харчей нет

Быль то или небылица, жил бедный человек. Ходил
этот человек по дорогам и кричал:

— Ума вдоволь, а харчей нет, ума вдоволь, а хар-
чей нет!

Услышал это один купец и подумал: «Дам-ка я ему
двести-триста туманов, сочту, что бросил их в воду, и
тогда будет видно, вдоволь у него ума или нет!»

Позвал к себе купец бедного крестьянина, дал ему две-
сти туманов и сказал:

— Слушай меня, сегодня купцы отправляются в дале-
кое плавание, и ты должен отправиться с ними торговать.

— Ладно, — отвечал бедняк.

Когда он явился к купцам, те стали над ним насме-
хаться:

— Никак ты надеешься привезти своему господнику в
два раза больше прибыли! Что свело с ума этого купца и
заставило его дать тебе такие деньги?

Усмехнулся про себя бедняк и пошел за купцами. Ко-
гда они подъехали к морю, купцы сели на корабли, а бед-
няк сказал:

— Нет, братцы, я морю не доверяю.

Купил он маленькую лодку, погрузил в нее три-четыре
мешка изюма, сел в нее и поплыл вдоль берега, уплетая
изюм. Одну горсть изюма сам съедал, а вторую бросал в
море. Вокруг лодки бедняка собралось множество рыб,
которые поспешно проглатывали сладкие изюминки.

«Если я ем, то пусть и другие едят», — думал добрый
бедняк.

Рыбы, в свою очередь, ринкли:

— Раз он кормит нас плодами земли, давай мы угостим
его плодами моря, может быть, они ему пригодятся.

Пырнули рыбы в глубину, а когда через некоторое вре-
мя выплыли, рты их были набиты жемчужинами. Бедняк
стал бросать в море еще больше изюма, а рыбы выпосили

на сушу все больше жемчуга, и выросла на берегу целая гора жемчуга.

Бедняк подумал: «Если мои товарищи увидят такое богатство, они меня убьют и заберут его, мне надо придумать что-нибудь похитрее».

Тогда он взял кизяк, вылепил из него миски, наполнил их жемчугом, а сверху снова покрыл кизяком. Когда навоз подох, бедняк уложил получившиеся кизячные кирпичи в четыре вьюка. Простой же кизяк он упаковал отдельно.

В это время появились остальные купцы. Кто накупил сукна, кто парчи, а кто самых разных товаров. Когда купцы увидели бедняка с его навозом, они стали над ним пошмеиваться:

— Ах ты растяпа, если ты не пожалел своей дурацкой головы, то пожалел бы хоть деньги своего господина, зачем тебе нужно везти навоз издалека, разве его мало в нашем городе?

— Вы накупили то, что вам было нужно, а мне нужен был навоз, я его и купил, — отвечал им бедняк.

Оседлали они верблюдов, мулов и лошадей, извалили на них вьюки и двинулись в путь. В горах их застал снег. Бедняк раскрыл два вьюка с кизяком, развел огонь, поставил около огня верблюдов и сам присел рядом. Купцы замерзли и стали просить бедняка одолжить им два вьюка кизяка. Бедняк наотрез отказал им:

— Жгите свои товары и грейтесь!

Купцы стали его умолять:

— Ну как же нам сжечь такие дорогие товары, одолжи нам кизяк, а в городе мы тебе вернем в пять раз больше.

— Мадно, только дайте расписку, что вы у меня одолжили два вьюка того навоза, которым навьючены мои верблюды, и мне больше от вас ничего не надо.

Купцы с радостью дали ему расписку, а в душе посмеялись над ним. Когда они подходили к родному городу, купцы послали вперед слуг для найма караван-сарая, а добродушному купцу сообщили, что твой умник-де на твои двести туманов везет тебе навоз.

А бедняк заранее предупредил своего господина, что, пока тот своими глазами не увидит и своими ушами не услышит, пусть не верит ничему, что бы ни говорили о нем, ибо это будет обман. Бедняк послал своему господину человека с просьбой снять в городе самый лучший караван-сарай.

Купец выполнил просьбу бедняка, нанял в городе один из лучших караван-сараяв и стал его поджидать.

Вскоре прибыл к караван-сараяу и бедняк со своим навозом и велел слугам разгружать его.

Купец увидел, что его «умище» на самом деле привез навоз, сердце у него так и оборвалось, но он ничего не сказал. Когда стемнело, купец повел бедняка домой.

— Пойдем поужинаем, отдохни и расскажи мне, как ты торговал.

Бедняк взял два кизячьих кирпича, завернул их в платок, и они пошли. Когда они сели за ужин и купец отправился за лампой, бедняк разломал кизяк, и из него высыпался жемчуг. Комната озарилась солнечным светом.

Вошел купец и остолбенел от удивления. Бедняк сказал ему:

— Вот что я привез, а купцы мне еще должны два вьюка такого «кизяка», пойдем пожалуемся царю и получим обещанное.

Пошли они к царю и преподнесли ему жемчуг из одного кизячьего кирпича. Бедняк пожаловался царю, что купцы заняли у него два вьюка такого «кизяка» и дали ему расписку, а теперь не возвращают.

Царь тут же вызвал купцов и сказал им:

— У этого человека вы взяли в долг два вьюка кизяка и выдали ему расписку, а теперь не хотите возвращать.

Купцы засмеялись и сказали царю:

— Зачем этому несчастному понадобилось жаловаться, мы дадим ему сколько угодно навоза, в пять раз больше, чем у него занимали!

— Этот человек требует от вас не навоз, а вот это! — царь показал на кизяк, полный жемчуга.

Купцы стали отказываться:

— Мы не брали у него жемчуг, у него всего лишь один такой кирпичик, а он хочет, чтобы мы ему вернули два вьюка.

Тогда бедняк попросил царя:

— Великий государь, пошли со мной людей, мы разломаем каждый кизяк в отдельности в присутствии купцов, и, если хоть в одном не будет жемчуга, спешите мне голову.

Царь послал с ним человека, разломали каждый кизяк, и везде был жемчуг.

Что оставалось делать купцам? Все их богатство не составило и половины стоимости одного вьюка.

Тогда бедняк взял в слуги зазнавшихся купцов.

113. Повесть о бедном Фасо

В одном селе во времена Соломона Мудрого¹ жил некий бедняк по имени Фасо. Была у него жена, двое сыновей и дочь Пазико.

Семья бедного Фасо разве что с голоду не умирала — с таким трудом Фасо добывал пропитание. Когда нищета довела Фасо до отчаяния и он больше не мог раздобыть даже куска хлеба, обратился он к своей жене с такими словами:

— Ты сама видишь, что ни днем ни ночью нет мне покоя, работаю я, мучаюсь, ночь превращаю в день, по все тиетно — ни разу мы не поели досыта, нам нечем прикрыть палату. Чует мое сердце, что, если я не пойду куда-нибудь на заработки, никогда не встать нам на ноги. Вы же знайте, что с собой я увожу заботу о вас, не будет мне покоя ни днем ни ночью.

— О нас ты не беспокойся, — отвечала жена, — иди, по мы умоляем тебя об одном: не оставайся на чужбине более трех лет — все равно, постигнет ли тебя неудача, или счастье тебе улыбнется, а эти три года мы как-нибудь проживем.

Услышав такие слова, Фасо громко заплакал. Собрался Фасо идти сам не зная куда, босой, в латаной-перелатаной чохе. Расцеловал он на прощание детей и собрался в путь. Расставаясь с ним, его жена с болью в сердце воскликнула:

— О несчастный, умереть бы мне вместо тебя, как же ты уходишь голодный? На, возьми хоть эту половину кукурузной лепешки и положи ее себе в карман.

— Жизнь моя, кроме этой лепешки, в доме нет ничего, как же я возьму ее, если вы останетесь голодными!

Так, обливаясь слезами, покинул бедный Фасо родной очаг.

Брел он куда глаза глядят несколько дней и ночей, одежда на нем вся изорвалась, голод нещадно терзал его. Питался он травами и кореньями, а тело прикрывал случайно подобранным по дороге тряпьем. Наконец он пришел в тот город, где царствовал Соломон Мудрый. Долго бродил он по городу, надеясь наняться в батраки, но все напрасно. За это время он повстречал много добрых людей, которые подавали ему милостыню. За две-три недели он немного приделался и даже стал походить на почтенного человека. Наконец он явился к самому Соломону Мудрому и поклонился ему:

— Господин мой, я бедный странник, хочу навяться в батраки, но никак не могу найти себе места. Смею молить тебя — возьми меня к себе на службу и плати мне по моим заслугам, чтобы моя семья не померла с голоду.

Соломон Мудрый не спросил его, кто он и откуда родом.

— А сколько ты хочешь за свою службу? — спросил он.

Несчастный Фасо подумал: «Если я запрошу у него большое жалованье, вдруг он меня еще в темницу бросит, а если попрошу мало, то моя семья по-прежнему будет бедствовать».

Горемыке и в голову не приходило, что Соломон Мудрый может дать ему сколько угодно денег! И еще раз спросил царь:

— Так сколько же платить тебе в год за твою службу?

— Три тумана, — испуганным голосом отвечал бедняк.

— Ладно, сын мой, через год я дам тебе три тумана.

На том и порешили.

И вот несчастный Фасо начал свою службу у Соломона. Весь год он служил ему преданно и усердно. Соломон был им весьма доволен. Год его службы подходил к концу. И бедняк от радости был на седьмом небе: «Никогда в своей жизни я даже мечтать не мог о трех туманах! Представляю, что будет дома, когда я принесу такое богатство!»

Когда год прошел, Фасо обратился к царю:

— Господин мой, пожалуй мне за мою службу три тумана, чтобы я мог отнести их моей семье!

Соломон молча достал серебряные монеты, положил их на стол и сказал бедняку:

— Вот, сын мой, твое жалованье, ты был мне верным слугой, но сердцу мне твоя служба, ты мне все время угождал. Если хочешь, как мы договорились, возьми эти деньги и ступай, а если хочешь, я дам тебе один совет, но твои деньги останутся при мне.

Задумался Фасо: и денег ему жалко, и совет прельщает. Долго он колебался и наконец сказал:

— Лучше дай мне совет.

Соломон сгрел деньги со стола и сказал:

— Так вот, сынок, помни одну премудрость: когда тебя о чем-либо спрашивают, не отвечай сразу, прежде подумай хорошенько.

Опечалился бедный Фасо: «Как мне теперь поступить? Вернуться домой с пустыми руками?» Долго он думал и наконец решил: «Послужу еще один год и, может, отслужу жалованье и за этот год, и за истекший».

Соломон Мудрый, конечно, заметил, что Фасо огор-

чился, но жалости не проявил, ибо знал, что его совет непременно принесет Фасо большую пользу. Фасо обратился к царю с просьбой:

— Господин мой, прошу тебя, да будут долгими твои дни, разреши мне послужить тебе еще один год.

— Хорошо, сын мой, в твоей просьбе я тебе не откажу, оставайся у меня, но только сговоримся насчет жалованья, сколько ты просишь?

— Десять туманов! — дрожащим голосом проговорил Фасо.

— Прекрасно, я отсчитаю тебе десять туманов, когда кончится срок, захочешь — возьмешь деньги, захочешь — получишь еще один совет, а деньги останутся при мне.

На том и порешили. Еще усерднее служил своему господину Фасо. За его преданную службу Соломон Мудрый очень его полюбил. Второй год службы подходил к концу, и бедный Фасо снова от радости пребывал на седьмом небе: вот он получит десять туманов, отнесет их семье и несказанно ее обрадует, выберутся они из нужды и заживут припеваючи.

— Господин мой, пожалуй мне мои десять туманов, чтобы мог я отнести их домой и избавить мою несчастную семью от нужды, — обратился Фасо к Соломону.

Соломон отсчитал ему десять туманов серебряными монетами, положил их на стол и сказал:

— Вот, сынок, твое годовое жалованье. Хочешь, бери его и ступай, если же нет, как мы с тобой договорились, я дам тебе один совет, а деньги оставлю себе.

Несчастный Фасо не мог оторвать глаз от новеньких блестящих монет... Что делать? Как поступить? И денег больно хочется, и учение прельщает. Предпочел он деньгам мудрость и сказал Соломону:

— Давай мне совет.

Соломон сгреб со стола деньги и молвил:

— Вот тебе, сынок, мой совет: не тянись к тому, к чему ты не способен и чего никогда не сможешь сделать...

У огорченного Фасо затрепетало сердце, и от горя он толком ничего не расслышал. Вспомнилась ему его семья, и горькие слезы потекли из его глаз. Слезы, словно кипяток, обжигали его лицо. Но Соломон не стал его жалеть и сказал:

— Ступай!

Куда мог пойти несчастный Фасо без гроша в кармане? У него не было денег даже на дорогу!

Долго думал он и наконец сказал:

— Господня мой, разреши мне послужить у тебя еще год, да пошлет тебе господь долгих лет жизни!

— Прекрасно, я очень полюбил тебя за безупречную службу. А ты не унывай,— утешил его Соломон.— Сокровище лучше хранить в голове, из кармана оно может пропасть, а из головы ничего не пропадет, твое до смерти останется с тобой и, когда понадобится, сослужит службу.— Сказав это, Соломон спросил бедняка:

— Сколько же ты просишь за третий год службы?

Услышав сладкую речь Соломона и похвалу за верную службу, набравшись смелости, Фасо сказал:

— Назначь мне за этот год тридцать туманов.

— Ладно, я заплачу тебе в конце года тридцать туманов, захочешь — возьмишь деньги, а нет — я опять дам тебе совет, а деньги оставлю себе.

На том и порешили.

Пошел третий год, и бедняк снова приступил к службе. Насколько прибавилось его жалованье, настолько возросло и его усердие: ни днем ни ночью он не щадил себя, проводил в трудах бессонные ночи. Заданную ему на завтра работу он выполнял до наступления рассвета. Каждый день он заслуживал похвалу Соломона Мудрого.

Год его службы подходил к концу, и вместе с тем росла и радость бедняка Фасо: «Подумать только, тридцать туманов принесу я домой, как будет этому рада моя несчастная семья!»

Прошел год, и попросил он свое жалованье. Соломон немедленно открыл маленький ларец, достал из него новенькие золотые и серебряные монеты, отсчитал тридцать туманов, положил их перед бедняком и сказал ему:

— Вот, сынок, твое жалованье, проверь, может, там не хватает,— и заставил Фасо пересчитать монеты.

От радости задрожали у бедняка руки, сердце его сильно забило, глаза заблестели при виде стольких золотых и серебряных монет... Когда бедняк кончил считать деньги и сложил их, Соломон и на этот раз сказал ему:

— Хочешь, возьми их, а хочешь, я снова дам тебе совет, а деньги оставлю себе.

Огнем загорелись глаза несчастного Фасо, хочет он взять деньги, да не решается: и деньги прельщают, и мудрость... Думает, колеблется, не знает, как ему поступить...

Накопец заговорил Соломон:

— Чего же ты думаешь? Или бери деньги и ступай, или я дам тебе еще один совет.

И что же — бедняк предпочел деньгам науку!

— Дай мне совет.

Соломон сгреб деньги в ларец и молвил:

— Помни, сын мой, мое учение и слушай, что я тебе сейчас скажу: не верь чужим словам, пока не увидишь своими собственными глазами!

Совсем сник несчастный Фасо. К тому же прошел срок, назначенный ему женой, — три года. На службе у Соломона он больше не мог оставаться, иначе домашние могли подумать, что его уже нет на свете, и ко всем их страданиям прибавилось бы еще и это горе. Исполненный тоски и печали, со слезами на глазах направился Фасо домой. Царь Соломон, богаче которого не было, нет и не будет на этом свете, не пожалел его и не дал ему на дорогу даже двугривенного на пропитание. Соломон Мудрый знал, что его советы не пропадут даром, как говорится: корни учения горьки, но зато сладки плоды его.

Долго шел несчастный Фасо и пришел в город, где у царя была в женах лягушка: днем она была в личине лягушки, а ночью превращалась в женщину — писаную красавицу. Когда она сбрасывала с себя лягушачью кожу, то своим сиянием затмевала солнце. Потому-то днем она и была в личине лягушки, иначе при ее появлении произошло бы солнечное затмение, а от блеска ее красоты люди бы слепли. От этих чар царица могла освободиться только в том случае, если кто-нибудь признал бы в лягушке женщину и восхвалил бы ее красоту. Поэтому царские слуги хватали каждого пришельца, приводили во дворец, показывали ему лягушку и спрашивали: «Что это такое?» Конечно, пришелец отвечал, что это лягушка. За такой ответ ему отрубали голову и, словно кирпич, закладывали ее в стену дворцовой ограды. Вся ограда была возведена из человеческих голов. Вот так же схватили и Фасо, привели его в прекрасный дворец, который превосходил своей красотой дворец Соломона Мудрого, подвели к лягушке и спросили: «Что это такое?»

Глядит Фасо с удивлением и видит перед собой лягушку, которая печально смотрит ему в глаза.

Чуть было не вырвалось у него, что это лягушка, но, к счастью, припомнился ему совет Соломона Мудрого: «Прежде чем отвечать на вопрос, подумай хорошенько». Тогда он подумал: «Если бы эта лягушка не была для царя чем-то дорогим его сердцу, не сидела бы она на троне, покрытом дорогими коврами, на драгоценном золотом подносе, украшенном дорогими камнями!» И печальный взгляд лягушки говорил ему о том же.

— Почему ты молчишь? — спросили его.

— Я не могу подобрать слов, чтобы восхвалить и возвеличить ее, — отвечал Фасо.

Когда он это сказал, печальная лягушка насторожилась и приподнялась. Фасо понял, что его слова обрадовали ее. Тогда в присутствии всего народа, придворных и вилайей Фасо сказал царю:

— Великий государь! Хотя ты и являешься величайшим и могущественным владыкой, но твое счастье и радость приумножает это бесценное существо, равное солнцу и луне, красоту и прелесть которого пемыслимо описать ни пером, ни словом! Многие цари и короли мечтают владеть таким сокровищем, но бог благословил только тебя и лишь тебя удостоил такого великого счастья.

Услышав такие речи, лягушка обрадовалась и запрыгала; то векочит Фасо на плечи, то прижмется к его груди. Лицо царя тоже просияло, радость осветила лица всех придворных. Когда Фасо понял, что его хвала всех обрадовала, он еще больше осмелел и стал еще усерднее восхвалять лягушку.

Наступил вечер, закатилось солнце, мир погрузился в темноту. Лягушка скинула свою кожу и превратилась в прекрасную солнцеликую женщину. Обняла, поцеловала она спасшего ее Фасо и сказала ему:

— Видно, бог вразумил тебя, мой дорогой брат, что за всю жизнь я и мой муж только от тебя услышали хвалу мне. Ведь не счесть отрубленных голов, из которых построена ограда дворца. И если бы ты тоже назвал меня лягушкой, твоя отрубленная голова довершила бы постройку этой стены. Но ты спасен от смерти, а я избавлена от горя, страданий и колдовских чар.

Посадили царь и царица между собой Фасо и целую ночь предавались радости и ликованию, славяли его и благодарили. Наступил день прощания. Царь и царица просили его остаться у них и быть их сыном и наследником, но Фасо отказался:

— Господни мой, я бедный человек, меня ждет моя несчастная, живущая в нищете семья. Прошло уже три года, как я о них ничего не знаю, хочу поскорее вернуться домой и повидать их, без них нет мне жизни, каковы бы они ни были, бог наделил меня ими, и я должен этим довольствоваться.

Царю и царице понравилось, что Фасо предпочел свою бедную семью богатству и власти, и в знак благодарности они велели пригнать сотню верблюдов, сотню копей и сот-

ню мулов и нагрузить их золотом, серебром и множеством дорогих товаров. Нарядили Фасо в царские одежды, спшили для всей его семьи расшитые золотом наряды. Фасо стал обладателем огромного богатства. Несколько дней двигался караван. Тяжелая поклажа утомила животных. Припилось сделать привал на красивой лесной поляне, усеянной цветами. Разгрузили животных и пустили их пастись на сочную траву. А сам Фасо, повоявленный богач, приказал расстелить золотую ткань, подложил под голову дорогую подушку и лег. Затем он потребовал себе обед, и ему подали все, чего только желала его душа.

Плотно пообедав, Фасо увидел, что к ним приближается кунеческий караван, груженный богатым товаром. Хозяин каравана стал на привал поблизости от Фасо. Купец отдохнул, пообедал и стал прогуливаться. Во время прогулки он подошел к отдыхающему под деревом Фасо, поклонился ему, справился о его здоровье, и они стали любезно беседовать. На ветку дерева села небольшая птичка, оперение которой переливалось всеми цветами радуги, и защепа веселым голоском. Долго и с удовольствием слушали они пение этой птички и любовались красотой ее перьев. Вдруг купец обратился к Фасо:

— Как было бы хорошо поймать эту птичку!

— Разумеется, было бы очень хорошо, но как это сделать! — отозвался Фасо.

А прелестная птичка, словно привязанная к дереву, продолжала безмятежно петь.

Тогда купец сказал Фасо:

— Поднимись на дерево, и, если поймаешь ее, все мое бесчисленное богатство и слуг — все отдам тебе; если же не поймаешь ее, тогда все твои товары, которые не составят и одной трети моих, перейдут ко мне.

Фасо подумал и вспомнил совет Соломона Мудрого: «Не тянись к тому, к чему ты не способен и чего никогда не сможешь сделать». Вспомнив об этом совете, Фасо отказался от предложения купца.

— Раз ты не можешь поймать птичку, тогда я постараюсь ее поймать, но с таким условием: в случае удачи все свое богатство ты отдаешь мне, а в случае неудачи все мое богатство будет твоим.

Фасо еще раз подумал и сказал в душе: «Если вдруг он поймает птичку и заберет все мое состояние, я вернусь к своим названным родителям и они не откажут мне, дадут мне столько, чтобы я мог обрадовать свою семью».

А птичка все сидит на том же самом месте и сладко

поет. Подозвали купец и Фасо своих слуг, составили письменный договор и скрепили своими подписями и печатью.

Подкрался купец к птичке и только хотел ее схватить, как она вспорхнула и уселась повыше. Купец залез на дерево, но, как только дотянулся до птички рукой, она опять взлетела и пересела повыше. Так птичка несколько раз перелетала с ветки на ветку и поднялась к самой верхушке. Когда она оказалась на самой макушке дерева и перелетать было уже некуда, она вспорхнула и улетела. Купец спустился с дерева, а Фасо прибавил к своему богатству все состояние этого купца и двинулся в путь, благословляя своего учителя.

Наконец караван Фасо приблизился к его родным местам. Фасо сиял от счастья: он владел несметным богатством и предвкушал радостную встречу с семьей. Оставалось два дня пути до его родной деревни, когда он повстречал своего соседа, у которого не раз просил хотя бы кусок кукурузной лепешки, но тот всегда отказывал ему. И все же сердце Фасо забилося от радости, из глаз его потекли слезы. Кинулся он к соседу с возгласом:

— Титэ, а ну-ка, взгляди на меня!

Титэ, разумеется, не узнал своего нищего соседа и решил, что перед ним сам царь. Наконец он со страхом приблизился к незнакомцу, низко поклонился ему и с перепугу не смог вымолвить ни слова — казалось, проглотил язык. Фасо заметил, что Титэ в замешательстве, подскокил к нему, обнял и стал целовать. А тот все никак не догадывался, что это его бедный сосед Фасо. Тогда Фасо спросил:

— Разве ты не наш Титэ?

Титэ подумал: «Кто он и кто я? И никогда в жизни не видел этого человека, а он знай твердит свое».

— Ты что, в самом деле меня не узнаешь? — снова обратился к нему Фасо.

Титэ показался знакомым его голос, но разве он мог подумать, что этот человек, одетый в расшитые золотом царские одежды, и есть бедняк Фасо! Дрожка от страха, с пересохшим горлом, он наконец обратился к нему:

— Никак не могу признать тебя, господин, хоть ты и нахоминаешь мне кого-то.

— Дружинце, — вскричал Фасо, — значит, ты не признал меня? Ведь прошло всего три года, как я оставил свой очаг и свою деревню!

При этих словах Титэ и вовсе вобразился, но опять не выговорил ни слова. Наконец он пробормотал:

— Фасо, это ты?!

— Так точно, я,— ответил Фасо.

— Кому же принадлежит это огромное богатство?— спросил его Титэ.

— Мне,— ответил Фасо.

— Где и как ты его раздобыл?

На это Фасо ничего не ответил, а велел слугам принести им обед, и соседи, не видевшие друг друга три года, как нельзя лучше провели время. Во время обеда Фасо рассказал Титэ о своих приключениях и о том, как он стал владельцем стольких богатств. Пообедав, Фасо спросил Титэ:

— Как поживает моя семья?

— Эх, бедняга Фасо, нет уже больше на свете твоей семьи. Все умерли в тот же год, как ты их покинул. От твоей хибарки не осталось даже развалин. То место, где когда-то стояла твоя лачуга, можно узнать только по яме, в пой после дождей застаивается лужа, где полно лягушек, от их кваканья ни днем ни ночью нет покоя. Мы уже несколько раз собирались засыпать эту яму камнями и землей.

Услышав об этом, Фасо стал горько плакать и бить себя по лицу. Слуги успокоили и утешили его. Успокоившись, Фасо подумал: «К чему мне идти в деревню? Разве только для того, чтобы меня там подняли на смех? Ведь люди скажут мне: для чего тебе столько богатств, когда ты уморил голодом свою семью!»

Подумав так, Фасо тут же повернул свой караван обратно.

Несколько дней на его глазах не высохали слезы, не шел он и не ел и не считал себя живым. В такой горе добрался он до того места, где повстречался с купцом. Фасо сделал здесь привал, велел постелить золотую парчу, прилег, положил под голову свою мутаку и предался думам: «Куда же мне теперь идти и кому отдать свои богатства?» Размышляя об этом, он взглянул на дерево, где сидела сладкоголосая птичка, и подумал: «Ведь я пронал бы, если бы Соломон не научил меня своей мудрости». И тут он вспомнил третий совет Соломона Мудрого: «Не верь чужим словам, пока не увидишь своими глазами».

Вспомнив об этом, он сразу же велел повернуть к дому. Слуги выполнили его приказ, навьючили верблюдов и двинулись в путь. Отдохнувшие за неделю животные двигались быстро. То печальный, то радостный, Фасо всю дорогу думал: «Может быть, на самом деле оправдает

себя третий совет Соломона Мудрого и слова моего соседа окажутся ложью».

Наконец на десятой день приблизились они к деревне. Остановившись на окраине, Фасо взял с собой самых верных слуг и направился к своему дому. Завидев издали свою жалкую хижины, он подъехал к ней и соскочил с коня. Его бедная жена вышла ему навстречу, прикрывая тряпьем тело. Увидев ее, Фасо с радостью бросился к ней, обнял ее и стал целовать... Несчастливая женщина в ужасе закричала:

— Будь ты проклят, бесстыдник, кто ты и откуда взялся?! Разве не хватает мне моего несчастья, голода и нужды, что еще ты позоришь меня! Хоть я и очень бедна, но не посрамлю своей чести и совести и до последнего дыхания буду верна своему мужу!

— Ну-ка, хорошенько взгляни на меня, я всего-навсего сменил лохмотья бедняка на царские одежды, неужели ты на самом деле меня не узнаешь?

Услышав знакомый голос, жена взглянула Фасо в глаза и узнала его. Убедившись, что это ее муж, она кинулась его обнимать. Сопровождающие Фасо слуги были крайне удивлены: «Что видят наши глаза? Неужели эта жалкая побирушка — его жена?»

Насытившись ласками, Фасо велел разгружать караван.

Он нарядил жену в богатые одежды, расшитые драгоценными камнями. Хотя лицо ее от нужды и невзгод было худым и измученным, но черные, как ежевика, глаза, брови и ресницы были по-прежнему прекрасны, а в богатых одеждах она и вовсе преобразилась.

Налюбовавшись на жену, Фасо справился о детях.

— Оба сына в поле на работе. Целый день они работают за одну кукурузную лепешку, а дочка у соседней тренлет шерсть, — ответила жена.

— А ей сколько платят?

— Ей ничего не платят, а только кормят за это. Вечером сыновья приносят в дом две кукурузные лепешки, одну я съедаю сразу, а вторую прячу на завтра. Вот в такой горькой нужде мы и живем, по теньер, когда я снова увидела тебя, мне ничего не страшно!

Фасо отправил слуг и велел доставить домой все его имущество. В доме и во дворе Фасо не оказалось места, чтобы все разместить, пришлось часть унести в соседские дворы. Вечером вернулись дети Фасо и от страха и удавления не смогли вымолвить ни слова. Они, несчаст-

ные, решили, что на них папали враги, которые хотят их убить. Навстречу им вышла мать, но где им было узнать ее, раздетую в богатые парчовые одежды! Сначала мать обрадовала дочку:

— Дети мои, вернулся твой отец и привез нам много подарков!

Затем она обняла обоих сыновей и стала их целовать.

— Входите, дети, домой и обнимите своего отца.

Бедные дети все еще не верили своим глазам. Тогда вышел сам Фасо, обнял их, расцеловал, ввел в дом, переодел в богатые одежды, и все они предались неопишуемой радости.

114. Сказка о дальновидном отце и легкомысленном сыне

Жил один человек, и был у него единственный сын, который все свои дни проводил в кутежах и попойках. Состарился отец, видит — сын его только кутит и время зря проводит. Привязал он к потолку веревку, позвал сына и сказал ему перед смертью:

— Вот сынок, я умираю и тебе завещаю свою жизнь. Когда тяжело станет тебе, опозоренному, жить на свете, просунь голову в эту петлю — и дело с концом.

Умер отец. Сын продолжал пить и развлекаться с друзьями. Все промотал — и у самого ничего не осталось, и жену с детьми нечем стало кормить.

Проходил он однажды мимо сада, в котором пировали его друзья. «Неудобно идти к ним с пустыми руками», — подумал он и пошел домой.

— Мои друзья пируют в саду, — удрученный, сказал он жене, — но я не решился идти к ним с пустыми руками.

А жена как раз раздобыла на обед курицу. Жалко ей стало мужа. Сварила она курицу и отдала ему. Пошел тот человек, довольный и гордый, к друзьям. По дороге ему надо было перелезть через плетень, урони он курицу, а тут подбежала собака и унесла ее. Остался он опять ни с чем. Ладно, думает, пойду все же к ним. Примут — примут, нет — нет.

Пришел он к товарищам, но они его не привяли с пустыми руками. Стал он объяснять им, что с ним приключилось:

— Нес я вареную курицу, выпустил ее из рук, собака ее и утащила!

А друзья в ответ:

— Будет врать, негодяй! Как могла собака вареную курицу утащить!

Пошел этот человек домой и сказал себе по дороге: «Пришло время выполнить завещание моего отца».

Сунул он голову в петлю, но крюк сорвался, и с потолка свалился мешок с золотом. Конечно, человек обрадовался, снова разбогател, кутил все, что надо,— как говорят, стал на ноги.

Устроил он в один прекрасный день обед и пригласил на него своих старых дружков, которые когда-то не поверили, что собака утащила курицу.

Пришли гости, а хозяин им говорит:

— Знаете, что со мной приключилось? У моего отца пятьсот пудов железа было в подвалах припрятано, а мыши все и изгрызли. Не знаю, случилось ли с другими что-нибудь подобное, а вот со мной случилось. Прямо не знаю, что и делать. Возможно ли такое, что скажете, друзья?

А друзья смотрят на накрытый стол, спешат приступить к еде и питью и хозяину угодить хотят.

— Конечно, возможно!— говорят они.— Очень часто случается, что мыши железо грызут.

Схватился хозяин за палку:

— Ах вы мерзавцы, негодяи! Отчего же тогда невозможно, чтобы курицу собака унесла, если возможно, чтобы мыши железо изгрызли?

Выпроводил он кутил, огрев их хорошенько палкой, а сам с тех пор жил пристойно.

115. Округа

Был то или небылица, жил один богатый человек, у которого, кроме единственного сына, не было никого на свете. Отец трудился днем и ночью, чтобы накопить и оставить сыну побольше денег.

Сын вырос и, едва минуло ему двадцать лет, завел себе дружков и начал с ними кутить. Отец порицал его, читал ему множество нравоучений, но сын продолжал свое.

Однажды отец серьезно заболел. Находясь на краю могилы, он призвал к себе сына и сказал ему:

— Сын мой Округа! Я умираю и хочу оставить завещание.

— Кляпуть небом и землей, что не нарушу твоего завещания, а выполню его,— сказал ему Округа.

— Тогда запомни, сын мой, четыре завета. Первый: куда бы ты ни спешил по делу, услышав колокольный звон, сверни с дороги, войди в церковь, помолись богу, поговори с людьми, а после продолжай свой путь. Второй: остерегайся дружков! Когда будешь в пути и выжужден будешь остановиться, не доверяй тому, кто не подождет тебя. Пока человека не испытаешь в пути, не затевай с ним дружбы и за дело с ним не берись. Третий: не посвящай женщину во все свои тайны! И четвертый: если случится тебе попасть в беду, дойти до отчаяния и решишь ты наложить на себя руки, то повесься на большом крюке, что на нашем чердаке.

Сын дал отцу слово исполнить его завещание.

После долгой болезни отец Окруа скончался. Окруа похоронил его с большими почестями и горько его оплакивал. Однако дружки не оставляли его в покое, почти насильно сорвали с него траур и потащили кутиль, будто бы для того, чтобы развеять его горе.

Пока у Окруа были деньги, он только и делал, что развлекался со своими дружками. Через четыре-пять лет после смерти отца его состояние истаяло, он совсем обеднел, и дружки покинули его. Встречаясь с ним, они отворачивались от него, даже не здоровались с ним.

Окруа понял, что все они — друзья его богатства, а для него они — враги и губители. Но понял это Окруа слишком поздно, когда остался ни с чем. Он бродил голодный, и некому было подать ему кусок хлеба. Как-то проходил он мимо сада, где когда-то кутил, и увидел, что там собирались и весело проводят время все его прежние друзья. Пир был в самом разгаре. Не вытерпело сердце Окруа, и направился он к ним. Садовник не пропустил его:

— Здесь не место таким оборванцам, как ты!

Тогда он перепрыгнул через ограду и подошел к пирующим, те закричали на него:

— Откуда ты взялся, проваливай отсюда!

— Люди! Разве я не ваш друг и товарищ Окруа? Я истратил на вас все свое состояние, а когда обеднел, вы не хотите признать меня?

— Что ты мелешь, какой Окруа, что за Окруа! Проваливай отсюда, а то вытолкаем тебя в шею!

Во время этой сумятицы собака утащила с огня шашлык. Кутилы схватили Окруа за ворот: куда ты девал украденный шашлык?

— Клянусь верой и правдой, я не крал шашлыка, по я видел, как собака утащила один вертел.

— Что ты болтаешь?! Как могла собака утащить с огня горячий пашлык, да еще вместе с вертелом! — И бедного Окруа вытолкали из сада.

Побитый и оскорбленный, Окруа направился домой. В отчаянии, со слезами на глазах, он говорил про себя: «Собрал я вокруг себя столько дружков и позволил этим негодникам разорить всю отцовскую казну, а они вместо благодарности бьют меня и оскорбляют. Я же нарушил завещание отца и осквернил его могилу. После этого не жить мне больше на свете, и смерть будет моим единственным избавлением».

И Окруа решил покончить с собой. Придя домой, он взглянул на большой крюк на чердаке и сказал: «Хоть один отцовский завет выполню». Подставил он лестницу, привязал к крюку веревку, сунул голову в петлю и оттолкнул лестницу. Крюк сорвался, и вместе с ним обрушилась часть потолка, обмазанного глиной. Окруа свалился на пол, и ему на голову посыпались золотые монеты.

Покойный его отец заранее знал, что сын растратит все состояние и дойдет до такого конца. На чердаке он замуровал золото и закрепил на нем крюк.

Окруа помолится за добрую душу отца и поклонился его могиле. Потом выкупил часть растраченного и проданного имущества, женился и зажил счастливо. Как только его дружки проведали, что Окруа снова разбогател, они стали искать случая опять подружиться с ним.

Однажды Окруа пригласил всех своих старых друзей и устроил им хороший обед. Все они смотрели ему в глаза и, что бы он ни сказал, благоговейно ему поддакивали.

— Знаете, какой удивительный случай приключился со мной? — сказал Окруа.

— Какой, расскажи нам, — с разных сторон послышался голоса.

— Полный подвал железа у меня изгрызли и поели мыши.

Все присутствующие подтвердили:

— Весьма возможно, дорогой Окруа. Что здесь удивительного? Мыши не только железо, но и медь запросто грызут.

— А если так, то почему же вы, лгуны и обжоры, не поверили тогда, что собака могла стащить вертел с пашлыком?! Вставайте и убирайтесь из моего дома!

Выгнал он неверных дружков, навсегда расстался с ними и зажил счастливо со своей женой и детьми.

Однажды Окруа отправился по срочному делу. Он так

спешил, что не мог задержаться ни на минуту. Скачет он по дороге на своем коне, как вдруг слышит — колокола к заутрене народ сзывают. Вспомнил он отцовский завет, слез с седла, лошадь привязал к изгороди, сам вошел в церковь и, коленапреклоненный, молился там до конца службы. Потом он поговорил с людьми, спросил, какая впереди дорога, и узнал, что разлившаяся река спесла все мосты и дороги так развезло, что и днем не пройти, не то что ночью.

— Этой ночью оставайся здесь, иначе застанут тебя сумерки в пути, а завтра возьмишь хорошего проводника и поедешь дальше, — посоветовали люди.

Наутро Окруа с проводниками двинулся в путь и перенес много испытаний. Перекрестился он и благословил могилу отца: «Если бы я не завернул в церковь и не узнал о наводнении, меня бы сейчас не было в живых».

Прошло еще некоторое время, и однажды решил Окруа испытать свою жену. Возле деревенского родника закопал он в землю колоду, подходя к дому, ударил себя по носу, вымазал кровью лицо и одежду и так предстал перед женой.

— В чем дело, Окруа, что за беда с нами приключилась? — кинулась к нему перепуганная жена.

— Тише, женщина, замолчи, не дай бог, кто услышит! Разожги огонь, сожжем окровавленную одежду, да принеси мне воды, чтобы смыл я кровь с лица.

— Скажи мне, в чем дело! — умоляла его жена.

— Если я скажу тебе, ты меня выдашь, и я погиб.

— Что ты говоришь, как это я тебя выдам, разве я захочу твоей гибели? Скажи, не мучь меня!

— Ладио, скажу, но знай — если ты где-нибудь проговорилась, меня уже ничего не спасет.

— Говори, не терзай меня!

— У родника я подрался с каким-то человеком, убил его и там же закопал. К счастью, никто этого не видел. Теперь давай сожжем мою одежду, чтобы никаких следов не оставалось.

Сожгли они чоху с архаухом, умылся Окруа и переоделся. На следующий день отправились деревенские женщины с кувшинами по воду. Увидела их жена Окруа, схватила кувшин, накинула платок и побежала за подружками. Не пройдя и полдороги, пачала она всхлипывать и тереть глаза уголком платка.

— Что с тобой, почему ты с нами не поделишься своим горем? — с любопытством обступили ее женщины.

Жена Окруа стала еще громче плакать.

— Что случилось, может, заболел кто у вас или умер?

— Нет, нет, дорогие, не спрашивайте меня ни о чем, будь что будет! Каждый пусть сам со своей бедой справляется.

— Боже, что такое приключилось, скажи нам, мы же не враги тебе, чтоб твоей беде радоваться. Ведь педаром говорится: горем поделиться — душу облегчить.

— Эх подружки, боюсь я, проговоритесь вы где-нибудь, а я погибну с мужем и детьми!

— Пусть бог накажет того, кто проговорится! Разве мы такие, что ты не доверишься нам?

— Так и быть, скажу, только меня не выдавайте.

— Не выдадим, бог свидетель...

— Значит, вы никакого запаха не чувствуете?

— А что, какой запах? Не знаем.

— Смотри! У меня нос платком замочен, и то я чувствую, а вам что — носы заложило?

Все удивленно переглядывались и ничего не могли понять.

— Вчера ночью мой муж убил здесь человека и засыпал землей.

— Ой, так вот отчего такой дух тяжелый стоит! — воскликнули женщины и тотчас прикрыли носы платками.

К обеду вся деревня знала об «убийстве». Дошло дело и до судей. Поймали Окруа и приговорили к виселице.

— Я невиновен, — кричал Окруа, но никто не слушал его, и повезли его в город вешать.

Когда Окруа уводили из дому, жена побежала вслед за ним с криком:

— Окруа, в случае, если тебя помилуют, не забудь привезти мне из города шаровары!

Через несколько недель пути привели Окруа в город. Царь приказал:

— Если, взойдя на виселицу, приговоренный что-нибудь скажет, доложите мне.

С летлей на шее Окруа проговорил: «Наш царь ничуть не умнее моей жены!»

Донесли тотчас эти слова государю. Разгневался он и велел доставить к нему приговоренного.

— Как ты посмел такие речи держать! — закричал он на Окруа.

— А чего мне бояться, все равно погибать, так хоть перед смертью правду скажу!

— Какая же правда в этих словах? — удивился царь.

— Истинная правда, государь, — отвечал Окруа. — Отец мой, умирая, оставил мне завет: «Не доверяй тайну женщине». Я решил испытать свою жену. Закопал у родника колоду, вымазался кровью и сказал жене, будто я человека убил, и попросил ее меня не выдавать. Наутро вся деревня знала о «моей тайне». Поймали меня, ни в чем хорошенько не разобрались, судья приговорил меня к смерти, а вы, государь, даже не выслушав меня, отравили на виселицу. Когда уводили меня из дома, жена закричала мне вслед: «Если помилуют тебя, не забудь привезти мне из города шаровары». Где же, я спрашиваю, истина и правый суд?

Проверил царь все обстоятельства, убедился, что Окруа говорит правду, освободил его и вместе с другими дарами пожаловал ему одежду со своего плеча.

116. Царь и свинопас

Царствовал некогда на Западе могущественный государь — Александр Македонский¹. Ему удалось покорить весь Запад. Куда бы он ни приходил, кровь там лилась рекою, и прослыл он жестоким правителем. Не хотел ему покориться только царь Востока. Много раз пытался Александр подчинить его себе, но не мог. Царь Востока только смеялся над угрозами Александра Македонского.

Однажды Александр Македонский созвал своих визирей и велел им:

— Поскорее узнайте, как долот путь с запада на восток, я хочу пачать войну с царем Востока!

Старший визирь осмелился задать грозному царю вопрос:

— О великий царь Запада, твои владения безграничны, тебе подвластны все западные страны, в страхе перед тобой по земле муравьи не ползают и в воздухе птицы не летают. Для чего тебе понадобился Восток, ведь там живут опасные дикари?!

Эти слова разгневали свирепого царя, он тут же прогнал старшего визиря и разкалдовал его в конюхи.

Опечалились младшие визири. Никто не решался появляться перед разгневающим владыкой. Призвали ученых мудрецов и спросили их совета. Но те ничем не смогли помочь. Наконец вызвался один бедный свинопас:

— Отведите меня к царю, я укажу ему дорогу на Восток!

Визирь вначале и близко не подпускали к себе свинопаса, но он от них не отставал. В конце концов они подумали: «Может быть, он на самом деле что-нибудь знает и выручит всех пас».

Привели свинопаса к царю. Царь спросил его:

— Скажи мне, как долго путь с запада до востока?

— Этого никто не знает, великий государь, но путь от востока до запада мною точно высчитан, — отвечал свинопас.

— Тогда говори скорее, как долго этот путь? — приказал ему нетерпеливый царь.

— Путь далек, там не бывал ни ты, ни я, солнце же проделывает этот путь за двадцать четыре часа. Если ты собираешься в поход, то лучше об этом и не помышляй, тебе и твоему войску за всю вашу жизнь туда не добраться!

Взял Александр Македонский совету свинопаса и отказался от войны с царем Востока.

117. Три сестры

У одного бедняка были три дочери-красавицы. Прошло время, и все три замуж повыходили. Старшая пошла за дворянина, средняя — за купца-богача, а младшая — за пастуха. Старшие сестры смеются над меньшей да над ее мужем-пастухом. А они и бровью не ведут, довольны собой, трудятся честно и праведно.

Как-то отец зачем-то и призвал к себе дочерей и зятьев.

Пожаловала старшая дочь со своим муженьком-дворянином. Спешились во дворе, спросили про хворого. Потом прикатила на бричке средняя дочь с купчиной, тоже о недужном спросили. Зятья стоят, о своем толкуют, а сестрицы про меньшую судачат, посмеиваются.

Перевалило за полдень. Пришла и младшая дочь с мужем-пастухом. В руках у нее узелок, у мужа-пастуха — переметная сума. Подошли к отцу, спросили о здоровье. Дочь гостиницы ему протянула — рубаху да чоху новую, зять — полную суму сладостей, хлеба, жареных кур и красного вина в кувшинах.

Очень довольны родители младшей дочерью. Хворый отец глаза открыл, новую рубаху натянул, чоху нахлобучил, встал даже. Мать об ужине захлопотала. Старшие сестры и зятья все посмеиваются над меньшей, а та матери помогает. У стариков ничего нет; что меньшая дочь с мужем-пастухом принесли, тем и угощают гостей.

Дворянин и купчина тянут вино, а о том, кто его принес, и не помнят. Захмелели и завалились спать.

Прошло время. Оскудел лодырь-дворянин. Дома лишился, землю распродав, денег совсем не стало, задолжал, жизнь в тягость ему кажется.

Купчина поехал торговать в дальние страны, да корабль его с товарами потонул в море, сам еле спасся. Трудно стало хлеб добывать, пришлось продавать все.

А пастух с женой трудятся дружно. Домишко возвели, овец и корову купили, в поте лица работают, оттого и кусок сладким кажется.

Дети подросли, и их тому же учат — работать честно и не лениться. Соседи глядят на них, не парадуются, а кто и завидует.

Однажды объявилась у них на пороге старшая сестра, худая, оборванная, еле на ногах держится.

— Старшая сестра я твоя, приюти, помоги, чем можешь, не то от голода едва дышу, — жалобно попросила она у меньшей.

Как увидела меньшая сестру, сердце у нее заплось, расплакалась она, припала ее с радостью, накормила. На другой день проводила и целую арбу пшеницы с собой дала. Старшая даже не поблагодарила. Крикнула на быков, запряженных в арбу, и уехала.

Еще время прошло, средняя сестра объявилась у меньшей на пороге. Страшная, только кожа да кости, в отрепьях, не узнаешь даже.

— Средняя сестра я твоя, обнищала, помоги! — взмолилась она.

У меньшей от жалости слезы из глаз полились рекой. Целует она, ласкает сестрицу. Сняла с нее лохмотья, в свое повое платье одела, на другой день проводила с гостинцами. Как и старшую, арбой с пшеницей одарила. И средняя сестра не поблагодарила меньшую.

Пастуху обидно:

— Недостойны они такого. Пусть трудятся, и воздастся им! Помнишь, как они смеялись над нами?

У меньшей слезы вот-вот польются из глаз, жалко ей сестер, не хочет о них говорить дурно.

Через год опять явились обе сестры. Навстречу им вышел зять-пастух:

— Недостойны вы уважения, работать не любите, смеетесь над тружениками, а побираться не стыдитесь. Трудитесь честно и терпеливо, все у вас будет, а на нас не падейтесь, — и закрыл перед ними дверь.

Сестры не солоно хлебавши затрусили назад. Идут, ворчат. А меньшая смотрит им вслед, чуть не плачет.

— Что ты так безжалостно прогнал их, ведь сестры они мне все же! — говорит она мужу.

118. Царем быть — не ремесло

Жил один юный царевич. Отец у него умер, и народ тотчас посадил его на престол. Он был очень молод, любил охоту и рано начал искать себе невесту.

Как на охоту, так и на поиски невесты он ходил переодетым. Больше всех ему понравилась одна девушка. Послал он своего управляющего-моурава к ее отцу с просьбой выдать девушку за молодого царя.

Родители обрадовались, но девушка спросила у моурава:

— А какому ремеслу обучен жених?

— Да он же царь! — со смехом ответил моурав.

— Царь — это не ремесло, — возразила девушка. — Я спрашиваю, что он умеет делать, каким мастерством владеет.

Снова засмеялся моурав и повторил:

— Он умеет управлять царством — вот и все его ремесло. Царь он!

Тогда девушка сказала твердо:

— Царь — это никакое не ремесло. Раз он ничего другого не умеет, я за такого замуж не пойду, пусть он даже на престоле сидит!

Родители девушки были вне себя от негодования: как посмела эта дуреха отказать царю, да еще такому молодому и красивому!

Когда царю доложили об этом, он не только не обиделся, но и призадумался. Действительно, что это за мужчина, если не владеет никаким ремеслом. Кто знает, каково еще в жизни придется! И сказал он своему моураву:

— Я полагаю, что ремесло не мешает царю управлять царством.

— Разумеется, — отвечал моурав, — чем больше человек знает, тем лучше. И царю, конечно, не мешает знание ремесла, оно поможет во многом, выручит в трудную минуту. Не посмели мы вам передать, что сказала ваша суженая своим рассерженным родителям: а если народ сбросит царя, каким ремеслом он пропитание себе добывать станет?

— Верно! Мудрой оказалась моя избранница, и я пе-

пременно должен обучиться ремеслу. Но какому! Вот над этим надо подумать.

— Мне кажется, мастера серебряных и золотых дел имеют преимущество над прочими.

— Нет,— отвечал юный царь,— лучше всего ткать ковры. Что может быть прекраснее, чем расцвечивать шелк цветами и птицами, чтобы потом босые ступни моей любимой касались ковра. Первый плод моего труда я должен подарить моей невесте.

Моурав спорить не стал, и призвали лучшего во всем царстве ковровщика. Стал он ходить во дворец и обучать царя. Первый ковер, который выткал царь-подмастерье, был весь испещрен любовными стихами, они так искусно были вытканы среди цветов и птиц, что различить буквы и прочитывать стихи было непросто.

Этот ковер царь послал возлюбленной как свидетельство своего мастерства. Умение царя привело девушку в восторг, и она не только согласилась стать его женой, но и до небес вознесла его талант и мастерство. Состоялась царская свадьба.

Спустя некоторое время царь, по своему обыкновению, переоделся в простую одежду и пошел на охоту. Никакой дичи он не убил и, проголодавшись, вышел на дорогу и стал искать духан, где можно было бы поесть. Наконец он обнаружил в чаще леса домик и пошел туда.

— Можно ли здесь пообедать? — спросил он.

— Разумеется,— ответили ему. Духаник оглядел его одобрительно, указал место и сказал:

— Извольте садиться, сейчас вам подадим обед.

Царь направился в комнату, которая была очень красиво убрана, а у самого порога был расстелен прекрасный ковер. «Это место как раз по мне», — подумал царь и только ступил на ковер, как пол под ним провалился, и он очутился в глубокой яме. После солнечного света в яме все показалось ему черным как смола. Узнав на дно ямы, он не сразу понял, что с ним приключилось. Постепенно приходя в себя, он стал различать во тьме каких-то людей. Один из них подошел к нему и спросил:

— А тебя какой грех занес на эту бойню?

— Какую еще бойню?

— Тебя, меня и вои того человека сюда бросили затем, чтобы убить...

— Что ты говоришь? Как это убить?

— А вот так: они мясом таких, как мы, «телят» кормят тех, кто попадает в их берлогу.

— Человеческим мясом кормят?

— Да, человеческим; того, кто им подойдет, они кидают в эту яму. Им и деньги не приходится на мясо тратить. Жадность их так велика, что не бросают они своего ужасного дела, хотя знают, что кувшин, который повадился по воду ходить, в конце концов у родника и расколется, и тогда им придется расплачиваться за гибель невинных людей.

— А откуда вы знаете, что они убивают людей и их мясом...

— И ты скоро узнаешь... Очередь теперь за одним из нас. Придут сюда вооруженные люди и заколют жертву, словно быка. Ни бежать нельзя, ни сопротивляться. Ведь оружие они отбирают при входе в этот притон.

Заняло сердце у молодого царя. Пока они вели разговор, спустились в яму вооруженные разбойники, повалили того, кто говорил, связали ему руки и перерезали горло прямо на глазах у царя. Он спросил:

— Вы и меня должны убить?

— А что ты за красное ячико?

— А если я таким ремеслом владею, что принесет вам большую прибыль, чем я сам? Не выгоднее ли это вам? Заставьте меня работать, сохраните мне жизнь и будете деньги помелом мести...

— Каким таким ремеслом ты владеешь? — подозрительно спросили молодого царя.

— Я сотку ковер, который вам будет стоить шесть туманов, а продадите вы его за пятьсот.

— Да кто нам даст за ковер пятьсот туманов? Такие орешки ты своим свиньям подбрасывай, — расхохотались они.

— Зря смеетесь! Я вам дело говорю. Я скажу вам, кто даст за ковер пятьсот золотых. Мастерство мое не имеет себе равных — убедитесь в этом сами.

— Если мы принесем тебе пряжу сюда, ты выполнишь то, что обещал?

— Где угодно, мне все равно.

— Не думай, что нас легко провести.

— Моему ремеслу не нужны ни ложь, ни хвастовство. Оно говорит само за себя.

— А если вам не дадут пятьсот туманов?

— Я же в ваших руках. Все равно вы должны убить меня — тогда и убьете.

— Может, ты так хочешь время выгадать. Может, задумал чего?

— Вы аря меня подозреваете. У меня золотые руки — воспользуйтесь этим. Выгоду получите в сто раз больше.

— Ну, пиши, какой инструмент тебе нужен и какой материал.

— Вот по этому списку любой ковровщик определит, что я за мастер! — сказал царь и написал, что необходимо ему для работы. Поняли они, что имеют дело с настоящим ковровщиком, и принесли ему все.

Царь припаялся ткать ковер при свете копилки. А на его глазах разбойники продолжали убивать людей.

Прошло время.

Работа была закончена, и ковер получился редкостной красоты. Как увидели его злодеи, глаза у них разбежались. Никак не думали они, что юный охотник способен на такое: листья, цветы и птицы были распределены стройно, в должном порядке, все на своем месте. Казалось, что перед ними настоящий сад с поющими птицами.

— Ну так кто же его купит? Кто даст нам за ковер пятьсот золотых? Куда его нести?

Юноша отвечает:

— На такой ковер у простых людей денег не хватит, поэтому несите его в царский дворец, только ночью, тайно. Тот, кто к вам выйдет — все равно, царь или царица, — тотчас купит ковер и тут же отсчитает вам золото.

Пошли разбойники ночью во дворец. Остановили их у ворот стражики:

— Что вам тут надобно?

— Принесли мы только что вытканый дорогой ковер, такой, что никто, кроме царя с царицей, его не купит.

Доложили царице, пригласила она «купцов» в свои покои, глянула на ковер и тотчас поняла, что сделал его ее супруг. «Наверное, заставили его в неволе работать», — подумала она, но промолчала, прикусила язык...

— Давайте внесем ковер в мою опочивальню, расстелем там, поглядим, на что он годится.

— Сию минуту, госпожа! — Слуги внесли ковер в царскую опочивальню. Задержалась там царица, ибо среди листьев и птиц прочитала она о всех злоключениях мужа.

«Переодетый, охотился я, как обычно. Никакой дичи не убил. Проголодавшись, зашел в духан пообедать. Там ввели меня в комнату, пол подо мной провалился, и очутился я в глубокой яме. Яма эта — бойня для невинных людей. Меня тоже собираются убить, чтобы моим мясом кормить тех, кто сюда заходит. Если что и спасет меня — так это ремесло ковровщика. Дай этим людям пятьсот туманов зо-

потом и прикажи привести меня во дворец измерить дарбазу, чтобы выткать для него ковер. Пообещай им тысячу туманов. Пусть незаметно следят за ними мои слуги. Поспеши, но соблюдай осторожность, иначе они прирежут меня».

Ковер оказался настоящим письмом. Царица вынесла разбойникам пятьсот туманов и сказала:

— Вот для этого зала мне нужен большой ковер. Я заплачу вам тысячу туманов, но ковер должен быть выткан точно по размеру. Если он окажется чуть больше или меньше, я его не приму, и вы окажетесь в убытке. Поэтому пусть длину и ширину измерит сам мастер. Я вас предупредила. Кто же станет тысячу туманов на ветер бросать!

Как только злодеи услышали о тысяче туманов, они закричали в один голос:

— Завтра ночью мы приведем мастера, чтобы он все точно измерил.

Отпустила царица очень довольных разбойников, поставила слуг, чтобы незаметно следили за ними.. На следующую ночь привели во дворец переодетого царя как мастера-ковровщика...

Вошли они в зал-дарбазу. Стал царь измерять его длину и ширину, потом пошел в опочивальню, якобы проверить, подошел ли по размеру проданный ковер. Снял он там простую одежду, облачился в царский наряд и вернулся в зал:

— Вы ковер принесли?

— Мы, государь.

— Это вы получаете от царицы заказ на тысячу туманов?

— Мы, государь!

— А кто я, знаете ли вы?

— Знаем, государь! Ты — царь.

— А больше вы ничего не знаете обо мне?

— А что мы можем еще знать?

— А то, что я — тот самый ковровщик, который выткал вам ковер, а вы — злодеи, людоеды, разбойники!

Приказал царь схватить их. Собрались визири и вельможи, моурав с войсками, всех злоумышленников поймали и решили их повесить. Освободили несчастных пленников, обреченных на смерть. И тогда спросила царица у мужа:

— Разве плохо я сделала, заставив тебя обучиться ремеслу?

— Благодаря тебе я остался жив. Не владей я ремеслом, царский титул мне бы не помог, я бы погиб. Ты —

жизнь моя, здравствуй долгие годы! Если бы не мое ремесло, меня бы давно не было на свете. Царский титул мне не помог, а ремесло спасло.

119. Заработанный рубль

У одного человека был отец ленивый сын. Ничего он не хотел делать, ни одного пятака заработать не мог. Кормил его отец, пока был в силах, только состарился он, захворал и немоту ему стало. Слег старик в постель, позвал жену и говорит:

— Все свое имущество передам кому-нибудь чужому, ничего сыну не оставляю — лентяй он, ни к чему не годный, рубля заработать не может.

Обидно матери, заступилась она за сына:

— Как это он рубля заработать не может?!

А муж стоит на своем:

— А ну, если может, пусть пойдет заработает рубль — все ему оставлю.

— Хорошо, — сказала жена.

Пошла она к сыну, дала ему рубль и научила:

— Уйди куда-нибудь до вечера, а вечером придешь, отдашь этот рубль отцу и скажешь, что ты сам его заработал.

Так сын и поступил. Пришел вечером, принес этот рубль и говорит отцу:

— Совсем извелся из-за этого рубля, с трудом его заработал.

Взял отец рубль, понюхал его и бросил в камин.

— Это не ты заработал! — сказал он сыну.

Засмеялся сын и ушел. Что делать матери? Дала она ему еще один рубль и сказала:

— Пойди, хоть целый день без дела ходи, а к вечеру пробегии версты две, чтоб вспотеть, войди к отцу и скажи:

— Потом заработал я этот рубль.

Так сын и поступил. Прибежал он вечером усталый, вспотевший, вбежал к отцу и говорит:

— Видишь, отец, весь я в поту, трудно достался мне этот рубль.

Взял отец рубль, понюхал его и бросил в камин.

— Не обманешь меня, сынок, — говорит, — не ты заработал эти деньги.

Ни в грош не ставил сын все это, опять засмеялся и ушел.

Поняла мать, что плохо дело, и сказала сыну:

— Видишь, сынок, не обмануть нам его, придется тебе самому поработать. Пойди поработай, хоть по три пятака в день заработаешь, и то в неделю рубль наберешь, принеси его отцу, тогда поверит.

Послушался сын. Пошел и вправду целую неделю работал. Кому что-то сделал, кому что-то перенес, набрал так рубль и принес отцу.

Понюхал и эти деньги старик и бросил их в камин.

— Нет, сынок, и это не ты заработал,— говорит.

Не выдержал сын, бросился к камину, голыми руками выгреб из огня свои деньги и закричал отцу:

— Помешался ты, отец! Целую неделю трудился я и гнул спину из-за этих денег, а ты их в огне жжешь!

Сказал тогда отец:

— Теперь-то я верю, что ты сам этот рубль заработал, сердце у тебя за него заболело. Видишь, сынок, как трудно самому заработать деньги. Будешь работать — будешь их иметь, а не будешь работать — с голоду умрешь.

С такими словами отец завещал сыну все свое имущество, а сам ушел туда, откуда не возвращаются.

120. Искатель счастья

Один бедняк решил пойти искать свою судьбу. Обойду, думает, хоть полсвета, но, не попытав судьбу, домой не вернусь.

Шел он, шел, пришел в чистое поле. Видит — стоит раскидистое дерево, а под деревом — волк.

— Здравствуй, волк! — говорит.

— Дай и тебе бог здоровья, добрый человек. Куда путь держишь?

— Иду искать свою судьбу,— отвечает бедняк.

— Коли найдешь, так поведай ей и о моем горе. Совсем извелся я с зубом, а лекарства от боли не знаю.

Пошел человек дальше. Пришел в одно царство. Видит — собралось видимо-невидимо рабочего люда.

— Здравствуйте! — говорит.

— Дай и тебе бог здоровья,— отвечают люди.— Куда идешь, куда путь держишь? — спрашивают.

— Иду,— говорит,— искать свою судьбу.

— Коли найдешь, поведай ей и о нашем горе.

— А что у вас за горе?

— Голодаем.

— Чего же так?

— Да вот, сеем мы пшеницу, а как приходит время жать, се всю на корню огонь сжигает.

Простился бедняк с людьми и пошел дальше. Шел-шел, видит — царский дворец. Поклонился бедняк царю, а царь и спрашивает:

— Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду, — говорит бедняк, — искать свою судьбу.

— Коли найдешь, поведай ей и о моей нужде.

— А у тебя-то что за нужда?

— Предстоит мне воевать с одним царем. Войско у него совсем небольшое против моего, а он меня всегда побеждает. Так, может, ты узнал бы, в чем причина такого невезения.

— Ладно, — сказал бедняк и пошел дальше.

Много ли, мало ли он шел, встретил в пути одинокого странника. Поклонился ему. Тот не ответил. Поклонился в другой раз, в третий. Тот все не отвечает. Тогда подошел к нему бедняк и тронул его за руку.

— Что это, — говорит, — я здороваюсь с тобой, а ты не отвечаешь?

— А чего тебе надобно? Или нужда у тебя до меня какая?

— Я ищу свою судьбу.

— А я и есть твоя судьба. Говори, что привело тебя ко мне.

— Встретил я в пути недужного волка, зуб у него болит. Просил он меня узнать, какое ему лекарство поможет.

— Пусть поест ишачьих мозгов. Сразу излечится от своей хвори.

— Видел я еще рабочих людей, жаловались они: сеем, говорят, пшеницу, а как приходит время жать, всю се дотла огонь сжигает. Просили узнать, в чем причина такого невезения.

— Там, где загорается огонь, в земле лежит золото-серебро. Раскаляется оно, вспыхивает огнем и все окрест сжигает. Пусть выкопают они из земли это золото-серебро, и пожара больше никогда не будет.

— А теперь скажи, почему царя, владеющего большой ратью, побеждает царь с малой ратью?

И судьба ответила:

— Что за прок от большой рати, когда царь — баба! Пусть он снимет с себя порфиру и облачит в нее настоящего мужчину, тогда и победят его войска.

— Ну, так помоги же и мне, я ведь шел к тебе со сво-

ий пуждой. Скажи, что мне написано на роду и как мне сыскать свое счастье?

— Счастье свое ты встретишь в пути, только не упусти его.

Повернулся бедняк и пошел обратно.

Дошел он до царского дворца.

— Какие вести ты мне принес? — спросил царь.

— Судьба велела, чтоб ты снял с себя порфиру и облачил в нее настоящего мужчину, тогда и добудут победу твои войска.

— А что, если ты пойдешь за меня воевать? Будь ты царем, а я стану твоей женой.

— Нет, недосуг мне, съешу я, — отказался бедняк и пошел своей дорогой.

Шел он, шел и пришел в то знакомое государство.

— Какие новости ты нам принес? — спросили его люди.

— Там, где пива загорается огнем, в земле лежит золото-серебро. Выкопайте его, и пива будет спасена.

— Присоединяйся и ты к нам, — предложили ему.

— Нет, я пойду, а ваше добро пусть вам останется.

Пошел бедняк дальше. Шел, шел, дошел до большого волка.

— Ну, какие вести принес? — спросил волк.

— Лекарство от твоей хвори — ишачьи мозги. Поешь их и выздоровеешь.

— А для себя-то ты что узнал? — спросил волк.

— Да тебе до этого что за дело?

— Нет, скажи, ведь и тебя, верно, судьба чему-нибудь научила.

— Она мне сказала, что я встречу свое счастье в пути.

— Ну и что? Так ты его и не встретил?

— Да пока будто нет.

— А все-таки?

Бедняк присел рядом с волком и рассказал ему все, как было.

Волк огляделся по сторонам, призадумался и решил: «Большого ишачка мне в жизни не встретить. Значит, недалеко ходить за лекарством». Накинулся он на бедняка и съел его.

121. Разум или богатство?

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жила-была одна бедная вдова с сыном, имели они одну упряжку быков. Сын обрабатывал землю и добывал себе и матери пропитание. Однажды запряг юноша быков и повел их в поле, стал пахать, как вдруг плуг выбросил с пластом земли какую-то бусинку. Попривалилась бусинка парню, повесил он ее быку на шею: моему Швинде¹, дескать, она очень подходит.

В это время шел мимо купец, увидел бусинку, сразу смекнул, что это такое, и говорит:

— Эй, парень, продай мне бусинку. Десять туманов заплачу.

Рассмеялся парень и говорит:

— Ты шутишь небось?

Тогда купец сказал:

— Даю двадцать туманов.

Но парень и на сей раз отказался. Не согласился он отдать бусинку и за сто туманов.

— Если,— говорит,— она так дорого стоит, пойду и поднесу ее нашему царю. В год мы малую подать платим, может, освободит нас от нее и одарит чем-нибудь.

Вечером пришел парень домой и говорит матери:

— Вот, матушка, сегодня плугом из земли выбросило эту бусинку, купец мне сто туманов за нее давал, да я не продал. Отнеси ее нашему царю. Может, освободит он нас от подати и подарком одарит.

Старуха отнесла бусинку ко двору и говорит царю:

— Это мой сын просил тебе передать.

— Славный сын у тебя,— сказал царь,— может, у него еще такая бусинка найдется?

— Нет, государь, одна у него была, и ту он просил тебе подарить.

Тогда царь и говорит:

— Старуха, я должен свою дочь за твоего сына отдать.

Вызвал он на следующий день парня и сказал ему:

— Сын старухи, ты должен стать моим зятем, я тебя со своей дочерью обвенчаю.

От такого предложения не откажешься, и через неделю сыграли свадьбу, которая длилась девять дней и девять ночей. Потом остались молодожены наедине в отведенных им покоях.

А тем временем поссорились между собой разум юноши и его богатство.

Богатство говорит:

— Богат он был, поэтому отдал за него царь свою дочь.

А разум возражает.

— Нет,— говорит,— умел он был, потому и получил царевну.

— Нет,— упорствует богатство,— богат он был, в этом все дело.

— Ладно,— говорит разум,— пусть будет богат, а я уйду восвоюся.

Покинул разум юношу, и остался он словно дерево какое. Ложится в постель одетым и встает, ни слова не говорит.

Так прошло две недели. Царевна думает про себя: «Если это умный царень и сын той самой старухи, то как же он пренебрегает мною — царской дочерью?»

Пожаловалась она отцу:

— Мой супруг не разговаривает со мной, не ест и не пьет.

Вызвал царь к себе юношу и говорит:

— Почему ты мою дочь обижаешь? В чем дело?

Стоит царень столбом и молчит. Тогда приказал царь своим везирям и советникам:

— Ступайте воздвигните виселицу и повесьте его!

Воздвигли виселицу и вот-вот уже вешать юношу собираются. Приходит тогда разум и говорит богатству:

— Помоги же ему, видишь, человека вешают. Матушку его пожалей!

Два или три раза обращался разум к богатству, наконец богатство взмолилось:

— Ты только спаси его, не дай погибнуть, мне матушку его жаль. Пусть победа будет за тобой.

Тогда вернулся разум к юноше, пришел он в себя и сказал палачам:

— Погодите минуту, позвольте мне одно только слово молвить государю.

Одни настаивают: вешать! Другие говорят: дайте ему сказать. Пошли, доложили царю:

— Просит он позволения одно только слово вам молвить.

Велел царь привести его и спрашивает:

— Чего тебе надобно?

— Великий царь,— сказал юноша,— я думал, что ты испытываешь меня, поэтому я молчал и не отвечал твоей дочери.

Понравились царю его слова. Отменил он казнь и отдал ему свою дочь. Так разум одерикал верх над богатством.

122. Вдовий сын

Жила вдова. У нее был один-единственный сын — не-поседа, лгун и сорвиголова. Мать говорила ему:

— Сынок, ты только не озорничай и не разбойничай, а я тебя всегда кормить буду, тебе и рукой шевелить не придется!

— Матушка, разве я по своей воле озорничаю? Святой Георгий с неба велит мне!

Вдова испекла пирогов с сыром, зарезала кур и понесла святому Георгию в жертву.

Парень опередил мать. Вошел в церковь, спрятался в ризнице, ждет мать. Припелась и вдова. Молится, просит у святого Георгия:

— Смилостивься, святой Георгий, не дай моему сыну озорничать да разбойничать. Один он у меня, не губи беднягу!

— В разбойники готовил я твоего сына, разбойником он и будет! — отвечает «святой Георгий».

Делать печего, оставила вдова жертвенную снедь и побрела домой. А парень выпрыгнул из-под иконы, схватил еду и всю сразу съел. Потом побежал, обогнал мать, встретил ее у порога и спрашивает:

— Ну, что сказал святой Георгий?

— Прав ты был, сынок!

Парень связался со свойственником, племянником матери. Разбойничают они так, что на всю страну слышно. Банки грабят, магазины разоряют. Никто не может отыскать следов разбойников. Приставили к банкам сторожей. Деньги всё пропадают, а воров не видно. Решили у главного банка поставить бочку с дегтем: может, вору завязнут в ней. Вдовий сын в этот день послал воровать свойственника. Тот подошел к банку и угодил прямо в бочку с дегтем. Вдовий сын не может вытащить дружка. Отрубил он ему голову и унес с собой, чтобы вора не узнали.

На другой день увидели — увяз в бочке человек, да без головы он. Обвязали его веревкой, волокут по улицам: кто заплачет, мол, тот знает несчастного, того и схватят.

Вдовий сын сказал жене свойственника:

— Молчи, не смей плакать, не то про нас узнают, поймают и погубят!

Искали-искали, кто узнает беднягу? Не нашли, повесили его на дереве у дороги, караульщиков приставили: народ, мол, ходит по дороге, пройдет кто-нибудь, узнает, заплачет от жалости, а мы и схватим его.

Жена горюет, хочет мужа оплакать, а вдовый сын держит, не пускает ее. Придумал, что делать. Дал невестке оды и питья в горшках и кувшинах. Иди, говорит, по дороге, будто крестьянкам в поле обед несешь. Увидишь мужа на дереве, брось горшки, они разобьются, а ты плачь, сколько влезет. Караульщики подумают, что из-за кувшинов слезы льешь.

Жена свойственника так и сделала. Перебила горшки и кувшины и давай реветь. Подбежали к ней караульщики. Видят: женщина убивается над кувшинами — и не стали ее задерживать. А она наплакалась, отвела душу и пошла домой.

Вдовый сын вырыл свойственнику могилу, навьючил осла едой и вином и, словно путник, идущий издалека, пошел вечером по дороге мимо караульщиков. Попросился перепочевать с ними. Караульщики согласились. Парень вытащил еду и вино и угостил их. Потом будто невзначай взглянул вверх, на дерево, увидел беднягу повешенного:

— Это что?

— Покойник висит.

— Осла моего он уведет, помогите!

— Что ты, где ему увести осла?!

— Уведет, знаю, что уведет, не могу у вас на ночь оставаться!

— Если уведет, кушим тебе цового! — смеются караульщики.

Парень как будто успокоился. Караульщики ели, пили, перепились и спать повалились. Вдовьему сыну не до сна! Встал он, снял с дерева свойственника, взвалил на седло, пустил осла домой, а сам лег рядом с караульщиками и уснул.

Утром первыми продрали глаза караульщики. Видят — нет осла и покойник с дерева исчез. Запумели, разбудили вдовьего сына:

— И в самом деле покойник твоего осла увел!

Вдовый сын рвет на себе волосы:

— За что вы меня погубили, разве я не говорил, что уведет он осла?!

Караульщики дали парню денег на осла. Пошел он домой, похоронил с почестями свойственника. Сам опять

стал воровать, банки грабить, казну разорять, и никто его не мог поймать.

Караульщики решили разбросать деньги по полю: кто, мол, потянется за ними, тот и вор. Вдовый сын смазал подошвы смолой, пошел по полю, и деньги стали липнуть к его ногам. Нагибаться не пришлось, а все собрал. Караульщики остались ни с чем.

Соседний государь узнал о беде страны и прислал царю женскую накидку: баба, мол, ты, вора не можешь поймать!

Царь рассвиренел и приказал:

— Пусть вор придет ко мне, ничего я ему не сделаю, даже награжу.

Вдовый сын прослышал про приказ царя и бесстрашно пришел к нему.

— Я,— говорит,— граблю банки, разоряю казну.

Царь попросил его:

— Ограбь соседнего государя, и я все тебе прощу, одарю по-царски.

— самого его украду и приведу к тебе! — обещает парень.

Вдовый сын сшил плащ из шкур четырех козлов — весь в бубенчиках, звопочках да колокольчиках, — смастерил сундук-посылки и пошел в соседнее царство. Ночью подобрался к государевым воротам, накрылся плащом, от него вокруг звон идет. Позвал государя:

— Меня прислал к тебе бог. Живым уведу, собирайся скорей!

Государь попросил:

— погоди один день, повидаюсь с родственниками, попрощаюсь!

Вдовый сын разрешил. Сам пошел в город, попирировал на славу, а на другой вечер опять явился к государю. Посадил его в сундук-посылки, запер и на мешкающей отнес к своему царю.

Открыли сундук, выволокли испуганного государя, припесели бабью накидку и надевают ему на голову:

— Вор у нас добро воровал, а тебя самого украл. Кто же ты, если не баба!

Государь от злости отправился на тот свет. А вдовый сын получил много подарков. Бросил разбойничать, жешлся и остался служить при царе.

123. Не убивай меня,
иначе перекаати-поле весть разнесет

В одной деревне жили два бедных крестьянина. Договорились они и решили пойти на заработки, чтобы раздобыть хоть сколько-нибудь денег. Привели они свой замысел в исполнение, отравились далеко, в чужие края, начали работать и заработали много денег. Наступила пора возвращаться домой. Когда шли они по дороге, у одного из них вдруг мелькнула коварная мысль: дай, думаю, убью своего товарища, а ведь завросто с ним справлюсь, свидетелей в этом дремучем лесу быть не может, а я его деньгами как раз и разживусь.

Так он и сделал — кинулся на своего спутника, повалил его и начал душить. В это время ветер пронес мимо них перекаати-поле. Умирающий успел это заметить и прокричал:

— Не убивай меня, иначе перекаати-поле весть разнесет.

Убийца рассмеялся:

— Как это разнесет?

Еще крепче сжал он горло своему товарищу и задушил его. Оттащил труп в сторону и слегка землицей присыпал. Забрал, разумеется, чужие деньги и пошел домой. Все обрадовались его возвращению, но стали о его товарище расспрашивать — где он и почему не вернулся. Тот человек отвечал коротко: нашел-де хорошую работу и пока возвращаться не собирается.

Прошло много времени, и о пропавшем все забыли. Только жена и дети вспоминали и надеялись, что он все-таки вернется. Однажды отравился тот убийца в гости к родственникам жены. Когда они шли по дороге, ветер пронес мимо клубок сухого перекаати-поле. Поглядел на него человек и рассмеялся. Жена его заметила это и спросила:

— Чего ты смеешься?

Муж ничего, конечно, не ответил. Но женщине этот вопрос задал в душу. Пришли они в гости, прекрасно провели время, тот человек и шел, и шел, наконец устал и прилег отдохнуть. Рядом с ним прилегла и жена. Улучив момент, она спросила:

— Давеча, когда мы шли через поле, чему ты смеялся?

Муж и так и сяк увиливал от ответа, но женщина не отступалась, любопытство съедало ее. Надоело ему расспросы, и выложил он все начистоту. Дескать, решил я товарища удушить, а мимо как раз перекаати-поле проно-

силось, тот бедолага просит: не убивай, мол, иначе пере-
кати-поле весть разнесет. Вот и вспомнил я об этом, когда
по пути перекасти-поле увидел. Утомилась любопытная
жена и дала мужу слово, что никому об этом не скажет.

Спустя некоторое время она собралась по воду — взя-
ла кувшины и отправилась к роднику. По дороге нагнала
свою соседку, Кекелу¹, пачали они судачить, по обыкно-
венлю, о том о сем. Наполнили кувшины, поставили на пле-
чо и остановились на полпути поболтать. Не утерпела же-
на и шепчет соседке на ушко:

— Слушай, Кекела, я тебе одну вещь скажу, только ты
никому пенароком не проговоришь.

— Да что ты, пусть лопнут мои глаза, разве я бала-
болка какая, чтобы языком трепать? — А сама платок от-
ворачивает, чтоб лучше слышать.

— Ты помнишь, мой муж на заработки ходил с Васо
Цицашвили?

— Как не помнить, его несчастная семья до сих пор
с дороги глаз не сводит!

— Так вот, дорогая, только ты язык за зубами держи:
мой муж убил его, когда они домой возвращались.

Жена убийцы взяла с соседки слово, что та никому об
этом не скажет, и разошлись они по домам. Кекела при-
несла кувшины домой и пулей помчалась к соседям:

— Слышали, люди, Васо-то Цицашвили убит, оказы-
вается!

— А кто убил его?

— Убил его такой-то, только вы никому не говорите,
мне жена его сама призналась.

Кекела рассказала Марте, Марта — другим, и об этом
узнала вся деревня. Убийцу схватили и повесили...

Так перекасти-поле весть разнесло...

124. Преданный муж и изменища-жена

Жили-были муж и жена. И дали они друг другу клят-
ву, что тот из них, кому суждено пережить другого, никог-
да не вступит в новый брак, будет всю жизнь чтить на-
мь покойного и состарится во вдовстве.

Жена клялась:

— Я любила тебя при жизни, буду любить и после
смерти. Если потеряю тебя, никогда больше замуж не
пойду.

Такою же клятву дал и муж.

Случилось так, что жепу вскоре прибрал бог. Муж похоронил ее по закону и обычаю, справил пышные поминки и, убитый горем, дни и ночи проводил на ее могиле в плаче и стенаниях.

Однажды какой-то прохожий спросил его, по ком он так сокрушается, и, узнав о его несчастье, посоветовал:

— Попроси бога, пусть он вдвое сократит твои дни, а за это вернет к жизни твою жепу.

Горемычный муж внял совету странника и попросил бога воскресить жепу. Не успел он закончить своей молитвы, как жена его ожила и восстала из могилы. Обрадовались муж и жена и весело пошли домой.

В пути муж остановился и говорит:

— Уж целую неделю, как ты умерла, я ни минуты не спал. Посиди тут на этом камне, а я хоть чуточку посплю.

Лег он на траву, положил голову к жене на колени и тут же уснул.

В это время мимо проезжал какой-то разодетый всадник. Женщина ему с первого взгляда приглянулась, и он крикнул ей:

— Что это за собачья голова лежит у тебя на коленях? Вставай-ка лучше да поедем со мной. Станешь моей женой, будешь жить в холе да в роскоши. Разве что птичьего молока тебе не будет хватать.

Женщина переложила голову мужа на камень, под села на коня впереди всадника и была такова.

Через часок-другой муж проснулся, и что же он увидел! Жены нет как нет, а сам он лежит головой на голом камне.

Обидно ему стало, поднялся он и пошел на поиски. Ходит, ищет, а жепы и след давно простыл.

Пришел он в одну деревню. Идет мимо каменного двухэтажного дома, и показалось ему, будто на балконе сидит его жепка. Пригляделся получше — так и есть, опа! Только женщина, заметив своего бывшего мужа, мигом юркнула в комнату. А он решил: «Никуда отсюда не пойду, дождусь утра. Не признала она меня, должно быть, а то бы сразу пошла за мной — не камень же у нее вместо сердца, знает, что я за нее по жизни отдал».

Кликнул он хозяина, попросился на полег. Тот пригласил его в дом, усадил за стол. Одно псевдомек мужу — что это жена глаз не кажет, даже на стол не вышла накрыть.

Пришло утро. Женщина снова не вышла. Тогда обманутый муж решил идти жаловаться царю.

Царь призвал к себе всех троих, поставил женщину лицом к лицу перед двумя мужчинами и спрашивает:

— Кто из них твой муж и с кем ты хочешь жить под одним кровом?

Женщина указала рукой в сторону первого мужа и ответила с раздражением:

— Этого человека я и в глаза никогда не видала. Не идти же мне замуж за первого встречного! Мало ли, что я ему приглянулась!

Разгневался царь и велел казнить обманутого мужа как бессовестного лгуна.

Обреченный на смерть попросил у царя разрешения сказать несколько слов. Царь спозволил к его просьбе.

— Я этой женщине отдал пожитки,— воскликнул бедняга,— а она не желает меня даже признавать. Покарай же ее, всевышний, за ее коварство, отними у нее те годы, которые я, любя, ей уступил!

Не успел он произнести последние слова, как обманщица сном рухнула наземь.

125. Мулла и трое его сыновей

Жил когда-то мулла с тремя сыновьями. Повзрослели сыновья, и мулла решил разделить между ними свое имущество.

Получив каждый свою долю, сыновья бросили отца на произвол судьбы.

Очень скоро у муллы кончились его запасы, и к старости он до того обнищал, что не имел даже куска хлеба. А благодарные дети и не вспоминали о нем.

И так и этак прикидывал мулла, но знал, как же ему быть, и наконец придумал. Призвал он старшего из сыновей и сказал ему:

— Сын мой, уж не думаете ли вы, будто я отдал вам все, что имел? Денег у меня еще много, но я спрятал их в таком-то месте и до своей смерти не возьму их оттуда. Покуда я жив, позаботься обо мне, а как умру, все деньги достанутся тебе одному. Но смотри не проговорись братьям, а то они обидятся на меня.

Вот старший сын и стал обхаживать отца, оберегать от малейшего дуновения. А мулла тем временем позвал к себе по очереди двух других сыновей и сказал им то же, что и старшему. И стали все трое втайне друг от друга заботиться о старом отце.

Когда же мулла умер, братья похорошили его и тотчас же отправились к тайнику, о котором говорил отец. Увидев там своих младших братьев, старший объявил им:

— Эти деньги отец завещал мне.

Братья затеяли спор из-за отцовского наследства, между ними завязалась ссора: каждый доказывал, что деньги по праву принадлежат только ему.

Тогда старший решил, что дракой им ничего не добиться, и предложил разделить всю сумму на три равные части. Братья согласились. Раскопали они яму, вытащили оттуда сверток, завернутый в двойной кусок полотна и вдобавок в чилоби, запечатанный сургучом. Развернули его и обнаружили лишь ослиный хвост да отцовское завещание, гласящее: «Пусть тот, кто прежде времени разделит наследство сыновьям, подобно мне, расклатится за это!»

Прочли братья завещание, сплюнули в сердцах и разошлись в разные стороны.

126. Дочь визиря

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жил когда-то богатый и мудрый визирь. И была у него прекрасная, обученная разным наукам дочь. Когда настала для нее пора замужества, стали к ней свататься молодые визиря и вельможи, но она не пожелала выходить замуж. Отец сильно опечалился, уж очень хотелось ему увидеть дочь счастливой, однако из любви к ней он больше не осмеливался настаивать на этом.

Дочь изъявила желание жить отдельно, но взять с собой няньку и нескольких слуг. Отец построил для нее роскошный дворец. Каждое утро навещался он к дочери, беседовал с ней, советовал согласиться на брак, но та была непреклонна. Так она жила замкнуто и добродетельно.

Однажды девица сидела у своего окошка и смотрела вдаль. Вдруг она заметила молодого чужестранца, который, как оказалось, подрядился в их края писарем. Послала она к нему слугу и пригласила к себе в дом. Когда юноша вошел, девица стала выспрашивать у него, кто он, из каких мест, кто его родители. Гость поведал ей, что он единственный сын бедных родителей и надеется помогать им, посылая свое жалованье. Девушке пришла по душе добропорядочность юноши. Она попросила его приходить к ней каждый день для беседы и подарила деньги, чтобы

он мог послать их своим родителям. Обрадовался юноша, стал приходить к ней и развлекать ее рассказами.

Как-то раз, когда юноша сидел в гостях у девицы, явился ее отец, чтобы поговорить с дочерью. Не зная, как объяснить отцу присутствие в ее доме молодого человека, девушка забеспокоилась и решила спрятать его в другой комнате. Она посадила его в сундук, а чтобы юноша не задохнулся, положила под крышку сундука багдадский платок и закрыла крышкой. Отец же завел неторопливую беседу и остался у дочери дольше обычного. Собравшись уходить, он обошел все комнаты, подошел к тому сундуку, увидел торчащий платок, выдернул его оттуда и сказал дочери:

— Дочь моя, ты забыла закрыть сундук,— после чего плотно захлопнул крышку, уселся на сундук и преспокойно продолжал начатую беседу.

От страха девица чуть не лишилась сознания, но изменить ничего не могла. Она всячески старалась выпроводить отца поскорее, но ее усилия были напрасны: отец, казалось, и не думал уходить. Наконец, стоило ему лишь выйти за порог, дочь тут же кинулась к сундуку, подняла крышку и ахнула — юноша был мертв. Ужас объял ее, однако помочь ему она уже была не в силах.

На другой день она позвала слугу, рассказала о постигшем ее несчастье и обещала исполнить все, чего бы он ни пожелал, только бы дело это осталось в тайне. Слуга бросил мертвого юношу в мусорную арбу, вывез из города и сжег.

С тех пор пристрастился тот слуга к азартным играм и кутил в местной гостинице. Однажды дружки поинтересовались, откуда у него столько денег. Слуга и ответил: у меня, дескать, такая госпожа, что стоит мне только пожелать, и она придет даже сюда. Его сотрапезникам это пришлось по душе, и он пообещал привести к ним свою госпожу. А надо сказать, что эта девица красотой своей славились на всю округу.

Пошел слуга домой и сказал своей хозяйке: так, мол, и так, похвалился я перед друзьями, что приведу тебя к ним, и теперь ты должна мне помочь. Рассердилась девица, но виду не подала и обещала к двенадцати часам быть в гостинице.

Слуга, радостный, пошел и рассказал своим друзьям, что ровно в двенадцать его госпожа будет на месте. Те повеселели, заказали отменный ужин и пригласили сааяндаров, чтобы получше встретить гостью.

Когда подошло время идти в гостиницу, дочь визиря пригостила три бутылки опия, захватила с собой слугу и отправилась туда, где ее ждали. Кутилы восторженно встретили молодую женщину, да и сама она была очень веселой. Началось пиршество. Девушка поставила на стол причесанный с собой опий и попросила каждого из них выпить по чарочке за ее здоровье. Желание ее тотчас же было исполнено. Примеру кутил последовали ее слуга, прислужники и сам хозяин гостиницы. И все они тут же свалились замертво на пол. Девушка же подумала про себя, что все равно она погибла, зажгла четыре свечи и расставила их по углам гостиницы. А сама вернулась во дворец.

Наутро выглянула она из окна и видит — сгорела гостиница дотла. Стала тогда дочь визиря горько плакать, причитать и корить себя за то, что совершила тяжкий грех. Затем решила исповедаться перед священником, дабы он наложил на нее обет и успокоил ее истерзанное сердце. Призвала она священника и покаялась в своих прегрешениях. Тот наложил на нее обет. Девушка щедро расплатилась с ним и снова повеселела душой.

Прошло несколько лет. Случилось так, что священник повздорил со своей попадьей. Вот поц и брякнул жене:

— Всякое бывает. Вот почитали же мы дочку визиря за праведницу, а она и лисаря молодого убила, и гостиницу нашу подпалила!

Не дав мужу договорить, попадьа выскочила во двор и рассказала о проделках девицы Хампере, Хампера сообщила все это Кекеле, Кекела — Ихсеме¹, и пошел по городу сыр да бор...

Прослышал об этом визирь, явился к дочери, чтобы узнать от нее правду и поделиться своим горем. Но дочь все отрицала, и несчастный отец поверил ей... Дошел этот слух и до царя. Царь призвал к себе дочь визиря и спросил: верно ли то, что о ней говорят? Призналась девица царю, поведала о своих злоключениях, да при этом пожаловалась на попа, сказав, что польза святому отцу разносить по миру тайну исповеди. Царь тотчас же призвал попа с попадьей и велел слугам привязать обоих к конскому хвосту. После этого он издал приказ, который строго запрещал всякие разговоры об этом деле.

Мор — там, шир — здесь.

127. Два брата и лгун хозяин

Было то или не было, жили бедные муж с женой, и было у них два сына. Жили они в большой нужде. Когда братья подросли, решили они отправиться на заработки. Сначала ушел старший сын. Долго ли он шел, коротко ли, пришел в дом к одному богатей и стал заниматься к нему в батраки.

— Возьму, только с одним условием, — сказал хозяин, — до той поры, пока кукушка не прокукует трижды, если ты обидишься на что-нибудь, я отпущу тебя без денег, если же я обяжусь — заплачу столько, сколько полагается, и отпущу на волю.

— Ладно, — согласился парень.

На следующий день еще не рассвело, а хозяин уже разбудил батрака:

— Вставай, лодырь, уж заря занимается, а ты все лежишь!

Трудно было подняться парню, но пришлось смолчать: выразишь недовольство — хозяин выиграет.

Вставал батрак обычно ни свет ни заря, выгонял скотину, приносил воду, колол дрова, разводил огонь. Хозяин гонял его в хвост и в гриву, а чуть заметит недовольство, сразу спрашивает:

— Ты случайно не обиделся на меня, работничек?

— Нет, господни, — отвечал неупуганный юноша и покорно выполнял любую работу.

В конце концов он не выдержал и сказал хозяину:

— Я должен уйти.

— Ну и черт с тобой! Убирайся! Все равно ты лентяй и лежебока и даром ел мой хлеб!

Выгнал его хозяин с пустыми руками.

Вернулся домой юноша, горем убитый, рассказал обо всем родителям и брату.

Младший брат и говорит:

— Скажи мне, где дом этого лгуна-хозяина, я наймусь к нему в батраки и разделаюсь с ним по заслугам.

Родители не хотели отпускать его: ты-де тоже задаром потрудишься, ничего он тебе не заплатит. Но младший брат все-таки пошел. Долго ли шел, коротко ли, добрался до нужного места и говорит хозяину:

— Возьми бедного человека в батраки.

Обрадовался жадный хозяин: и этого, думает, задаром работать заставлю, а вслух говорит:

— Пока кукушка не прокукует три раза, ты ни на что

обижаться не должен. А если обидишься, в три раза больше работать заставлю и с пустыми руками выставлю. Если же я сам обижусь, в три раза больше денег заплачу, чем заработаешь, и так отпущу на волю.

— Ладно,— сказал юноша и нанялся в батраки.

Некоторое время трудился он добросовестно, но в один прекрасный день еще не рассвело, как хозяин поднял его с постели:

— Вставай, лежебока, овцы с голоду подыхают!

Батрак ни слова в ответ, притворился спящим. Тогда хозяин в гневе кинулся на него, стал будить, расталкивать.

— Постой, добрый человек, дай мне поспать немного,— ответил батрак, переворачиваясь на другой бок.

Хозяин еще сильнее разозлился, стал кричать на батрака что было сил. Тогда батрак спрашивает:

— В чем дело, господни? Уж не обиделся ли ты на меня?

— Да нет, не обиделся, но неплохо было бы, если бы ты встал.

Начал батрак не спеша одеваться, надел рубаху наизнанку: спимет, переоденет, снова не так. Хозяин из себя выходит, но кричать боится. Наконец к полудню батрак поднялся.

Однажды хозяин говорит батраку:

— Ступай отгони быков на пастбище и позвращайся побыстрее, надо дрова с гор привезти.

Погнал батрак быков, одного, пожирнее, заколол, угостил всех в округе. Хозяин видит — запаздывает работник: ну, думает, опять что-нибудь сотворил. Пошел следом — и что же? Люди мясом его быка угощаются. Забыл он о своем условии и заорал во всю глотку:

— Ты что же, добрый человек, рабочую скотину заколол?!

— Уж не обиделся ли ты, мой господни? — спросил батрак.

— Нет, нет,— поспешно ответил хозяин, собрал остатки мяса и понес домой.

На следующий день послал он батрака пасти овец и сказал:

— Обед тебе мальчик принесет,— а сам думает: «Не пошло и ему обед, может, рассердится он, я тут в выгоно его ни с чем».

Но батрак не растерялся! Зарезал он овцу и поел вволю. Вернулся домой, хозяин пересчитал овец, увидел, что одной не хватает, но вспомнил условие и смолчал. Понял

он, что ему этого парня не вывести из себя, и решил избавиться от него. Говорит он ему однажды:

— Мы завтра на охоту идем.

— Ладно, — отвечает батрак.

Перед уходом хозяин сказал жене:

— Если мы не придумаем что-нибудь, этот работник нас совсем разорит.

Повел он жене в лес, посадил на раскидистое дерево и сказал ей:

— Когда мы с батраком будем здесь проходить, ты трижды прокукуешь, батрак и решит, что подоспела пора ему уходить, иначе нам от него никак не избавиться.

Оставил жадный хозяин жену в лесу, а сам вернулся домой и говорит батраку:

— Пора нам на охоту идти.

Оседлали они коней и отправились.

Долго блуждали по лесу, настреляли дичи, на обратном пути хозяин нарочно повел батрака мимо того дерева. Жена, как увидела их, стала куковать: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!»

Хозяин и говорит:

— Ну, поздравляю, теперь ты свободен! Пошли, я дам тебе, что ты заработал, и ступай домой.

А батрак в ответ:

— Откуда здесь кукушке быть? Это вам померещилось.

— Да кукушка это, я тебе говорю, слух меня не обманывает!

Батрак понял, в чем тут дело, и говорит:

— Если это кукушка, я сейчас ее подстрелю, и посмотрим, что там такое.

Взял ружье, прицелился, хозяин испугался, как бы он его жену не пристрелил, и завопил:

— Слушай, убирайся-ка ты отсюда, не нужен мне такой батрак!

— Если ты обиделся, так и скажи, — отвечал батрак.

Подумал хозяин: «Если до прилета кукушки он у нас останется, весь дом разорит».

— Я заплачу тебе, что полагается, и еще добавлю, что твоему брату задолжал. Только уходи, не нужен ты мне больше!

Получил батрак все, что причиталось, и вернулся к себе домой.

128. Золодув

Жили на свете деверь с невесткой. Деверь был лентяй и бездельник, ничего не хотел делать. Целые дни сидел он у очага, дул на золу да кобался в ней. Прозвали его за это Золодувом.

— Эй ты, встань, походи поработай, принеси что-нибудь в дом, не могу же я кормить тебя,—корит его невестка.

Да нет — сидит Золодув у очага, и никак его из дому не выманить.

Наконец на пасху пап Золодув выбрался в церковь, а когда вернулся, заперла невестка дверь и не впустила его. Выпросил Золодув у невестки мешок золы, шло и свежий сыр и отправился в путь.

Много ли он ходил или мало, не знаем, а только добрался он до большой реки и увидел на другом берегу огромного дэва. Припал дэв к воде и пьет.

Испугался Золодув, да что делать? Иной дороги он не знал. Идти назад — вернешься к невестке, а нет — так попадешь дэву на завтрак. Думал, думал и придумал: «А ну, пройдуся и подниму пыль». Проколот шилом мешок и стал ходить, потряхивая им. Посыпалась зола, поднялась страшная пыль. Удивился дэв, испугался и говорит:

— Эй ты! А ну, если можешь, выдави из этого камня воду,— и бросил Золодуву камень.

А Золодув достал из кармана сыр и сжал его, вода полилась ручьем.

Удивился дэв, а Золодув кричит:

— А ну, выходи сюда, посади меня на плечо и перевези на ту сторону, боюсь ноги замочить.

Дэв тотчас перешел реку, посадил Золодува на спину и говорит:

— О, да какой же ты легкий!

— Это потому, что я одной рукой за небо держусь, а если отпущу, и с места меня не сдвинешь.

— А ну, отпусти,—сказал дэв.

Достал Золодув шило и вонзил его дэву глубоко в затылок. Дэв принялся кричать и просить:

— Возьмись опять за небо, немоготу!

Перешли на другой берег. Стал дэв звать Золодува к себе в гости. Испугался Золодув, но делать нечего, пошел.

Пришли к дэву. Очень понравилось Золодуву жилье

дэва. Видит он — огромная кеци прислонена к очагу. Пошел дэв готовить обед, а гостю поручил присмотреть за хлебом, чтоб не сгорел.

Видит Золодув — подгорает хлеб с одной стороны, захотел повернуть его. Только он тронул кеци, как та опрокинулась, и Золодув очутился под ней. Как ни старался Золодув, не смог выбраться из-под горячей кеци. Пришли все дэвы, видят — лежит их гость под кеци, удивились.

— Ты чего туда забрался? — спрашивают.

— Живот у меня разболелся, — говорит Золодув, — решил приложить горячую кеци; может, поможет. Но теперь мне лучше, уберите ее, — приказал он.

Вытащили его еле живого из-под кеци.

Уселись за стол. Выпили все вино, взял один дэв черпалку и говорит гостю:

— Будь братом, поди принеси вина, во дворе чай зарыт.

С трудом выволок Золодув огромную черпалку, вышел и пропал. Не дождались дэвы вина, вышли во двор, видят — держит Золодув заступ и откалывает чай.

— Ты что делаешь?

— Лучше выпнуть весь чай, зато напьемся хорошенько, а то что таскать так крошечной черпалкой — ведь надоеет.

Подумали дэвы: «Мы, девять братьев, пустой чай еле зарыли, а он один хочет вырыть его, полный вина, и перенести».

Дэвы сами наполнили черпалку и внесли в дом. Чихнул вдруг один дэв за столом, и наш Золодув мигом взлетел к потолку. Взглянули дэвы — цепляется их гость за брус в потолке.

— Эй, человек, чего ты туда забрался?

— Как ты смеешь чихать при мне? — кричит Золодув. — Вот вытащу эту плетку и все бока тебе обломаю.

Дэвы вконец перепугались: «Мы, девять братьев, еле вытащили это бревно, а он его плеткой называет».

Со страху повскакали все и разбежались.

А Золодув с трудом сполз по балке, увидел, что ничего не осталось, и стал хозяином всего имущества дэвов.

Бежит старший дэв лесом, навстречу ему лиса:

— Эй, дэв, что с тобой, куда бежишь?

— Как куда? Пришел к нам один человек, чуть не съел всех!

И рассказал дэв все про того человека.

— Это же Золодув, жалкий человек, только и умеет, что копаться в золе. Невестка его из дому выгнала. Я их хорошо знаю. Весь их курятник разорила. Идем, чем тебя испугал этот трус?

— Нет, нет, не верю тебе. Погубишь!

Долго уговаривала лиса дэва; решил наконец дэв привязать лису к себе веревкой, чтобы она не убежала.

Так и вернулся дэн в свой дом с лисой на веревке.

Струсил Золодув, как увидел их, но что было делать? Вышел на порог и кричит:

— Ах ты, обманщица, что ты танщишь одного дэва, когда должна мне двенадцать!

Дэв, как услышал эти слова, бросился бежать и потащил за собой веревку. И лису всю искалечил, и сам еле ноги унес.

А Золодув собрал все богатство дэвов, погрузил на верблюдов и отправился к своей невестке.

Там оставил я мор,
Здесь застал нир.
Там просыпал золу,
Здесь нашел муку.

129. Хозяин и работник

Хозяин нанял себе работника. Уговор был такой: удастся работнику удивить хозяина — получит он сто червонцев, нет — даром будет на него спину гнуть.

Послал хозяин работника пасти стадо коров. Вечером работник вернулся один. Хозяин спросил его:

— А где же коровы?

— Продам! Что удивительного?

— Да нет, ничего, удивляться нечему!

Все хозяйское добро распродам работник. Хозяин отчаялся и решил уйти из дому с женой. Испекли хлеба, сложили в ларь. Работник потихоньку выкинул несколько хлебов, сам влез в ларь и укрылся там. Хозяин взвалил ларь на бок и пустился в путь. Дорогой сказал жене: ларь очень тяжел стал. Пришли в дальнюю деревню. Увязались за путниками собаки. Хозяин испугался, бросил ларь и убежал. Ларь развалился, из него высыпались хлеба, и работник тоже вывалился:

— Хозяин, помоги, собаки меня разорвут!

Хозяин подошел, а работник спрашивает у него:

— Ну что, не удивляешься?

— Нет, чему тут дивиться?

Пошли дальше. Хозяин шепчет жене:

— Настает ночь, ляжем спать на краю оврага, работника уложим в ногах. Он заснет, а мы его столкнем в овраг.

Наступила ночь. Легли спать. Работник потихоньку встал, подтащил хозяйку к ногам хозяина, а сам прилет сбоку. Хозяин проснулся ночью да как закричит:

— Кто тут у меня в ногах?!

Ударили они пятками и сбросили бедную хозяйку в овраг. Хозяин ошеломился, да ничего не поделалось!

— Что, господин, удивляешься? — спрашивает работник.

— Как не удивляться — все мое добро промотал, а теперь еще и жену погубил!

Перехитрил работник проклятого хозяина.

130. Свинья ножка

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жили на свете муж с женой. Была у них одна-единственная свинья, которую они досыта откармливали, чтобы та стала пожирнее.

Вот как-то раз нетерпеливая жена и говорит своему мужу:

— Пора бы прирезать свинью.

Но крестьянин не согласился.

— Пока, — говорит, — свиная кожа не залоснится жиром, я ее и пальцем не трону.

Долго ждала этого часа жена, кормила свинью из последних сил. Та хоть и раздобрела, но не настолько, чтобы лосниться от собственного жира.

Разозлилась жена, взяла и вымазала свинью салом, а мужу говорит:

— Гляди, муженек, свинья-то наша разжирела так, что жир прямо-таки липнет на ее коже. Вот теперь мы ее и заколем!

Поверил муж жене и заколол свинью. Сварили они к ужищу свиные ножки, стали накрывать на стол. Муж решил спуститься за вином в погреб, но сначала привязал жену к столбу — больно вороватой была бабечка. Но в то время как муж откупоривал в погребе куври, жена умудрилась-таки ногой притянуть к себе поднос с дымящимися свиными ножками, схватила одну и съела.

Муж поднялся из погребца и собрался уже поужинать, как вдруг обнаружил, что одной ножки не хватает, и спросил у жены:

— Ты куда это одну ножку подевала?

Та давай клясться, что была привязана к столбу и ни о какой ножке и слыхом не слыхала и не знает, куда она могла подеваться. Муж до того разобиделся на жену, что упал на пол и сказался мертвым. Жена и говорит ему:

— Вставай, пора ужинать.

А муж спрашивает жену:

— Ну что, нашла ножку?

— Нет,— ответила жена.

— Тогда я умру,— объявил муж.

Заголосила тут женщина:

— Ой, родненький, вставай, не то похоронят тебя!

А муж все о том же:

— Ножку-то нашла или нет?

— Нет,— твердит свое жена.

Когда принесли гроб, жена еще раз попыталась уговорить упряма:

— Вставай, да поживее, видишь, уже и гроб принесли и тебя в него уложат.

Муж ей тихонько шепчет:

— А ножка уже нашлась, что ли?

— Да не нашлась же!— не уступает воровка.

Уложили крестьянина в гроб, а жена кричит ему:

— Вставай, а то ты уже в гробу лежишь!

А муж повторяет:

— Ты ножку-то нашла?

— Не нашла!— доносится в ответ.

Опустили гроб в яму, стали землей засыпать, жена крикнула в последний раз:

— Вылезай, а то тебя уже землей засыпают!

Но муж не уступил и на сей раз:

— Нашла, что ли, ножку?

— Нет,— отвечает жена,— не нашла я ее.

Вот засыпали землей мужа, а жена как вскочит на свежий бугорок да как запляшет и запоет:

— Ножку я погой достала, живого мужа в гроб вогнала,— за это честь мне и хвала!

131. Старуха — черта похлеще

Жили на белом свете муж с женой. Жили они в мире и согласии, кусна друг для друга не жалели.

Позавидовал черт их сладкой жизни и задумал внести в семью разлад. И так и этак старался, да все впустую. Целых четырнадцать лет прошло, а супруги все жили себе припеваючи. Плюнул черт и ушел в лес, устроился под деревом и думает про себя: «Какой же из меня черт, коли мужа с женой не смог в грех ввести?»

В ту пору проходила мимо одна старуха. Увидела мрачного, как туча, черта и спрашивает его:

— О чем горюешь, сынок?

Черт промолчал, а старуха так пристала к нему с вопросами, столько всего наговорила, что тот не выдержал и признался в своей неудаче. Выслушав жалобу черта, старуха сказала:

— Что ты мне даешь за то, что я рассорю тех супругов?

— Сто туманов, — ответил ей черт.

— А где мне потом найти тебя?

— Здесь же, под этим деревом, — сказал черт.

Сказано — сделано, отправилась старая карга к жене того человека и говорит ей:

— Ах, дочка, как мне жаль тебя!

Удивилась женщина:

— С чего бы тебе меня жалеть?

— Да как же, ведь твой муж изменяет тебе, и если ты ничего не сделаешь, то потеряешь его. Послушайся совета: как вернется он домой, ты встреть его хмурой, не улыбайся, он и поймет, что ты все знаешь.

Вышла старуха от жены и стала дожидаться возвращения мужа. Как только он показался возле дома, она подошла к нему и говорит жалостливо:

— Ах сынок, как мне обидно за тебя: неверна тебе твоя жена, променяла на какого-то попа.

— Ты что, тетка, мелешь, — возмутился муж, — да мы же с пей столько лет в мире и ладу живем!

А старуха уже наставляет его:

— Попробуй-ка войти в дом угрюмым и приглядишься, как она тебя встретит, небось сразу поймет, что знаешь о ее проделках.

Муж так и поступил, вошел к жене с хмурым лицом и видит — жена его напустилась, косо поглядывает на него. Рассердился он, а жена заговорила первой:

— Знаю я теперь, каков ты на самом деле: на меня не глядишь, все другой угождаешь!

Муж тоже не остался в долгу:

— А сама-то какова? Мужа на работу отправляешь, да с попом тут любезничаешь, такая-сякая!

Схватились они друг с другом, и позник в семье разлад. Так провели они ночь. Наутро муж ушел по своим делам. А старуха пришла к жене и спрашивает, как да что. Жена пожаловалась на свою судьбу. Старая ведьма и говорит ей:

— Есть у меня средство вернуть любовь твоего мужа. Женищина стала умолять старуху помочь ей.

— Вот тебе новая бритва. Как заснет твой муж, срежь бритвой прядь с его бороды и отдай мне. Я поколдую над его волосами, и он забудет другую.

Жена взяла у нее бритву, поблагодарила старуху и решила сделать все так, как та ей велела. Старуха же времени даром не теряла, разыскала мужа и стала наговаривать ему на жену:

— Ты гляди, будь осторожен: жена убить тебя собирается!

Пришел муж домой расстроенный, переживает, что в такую передрыгу попал. А жена сидит дома за прялкой. Муж покрутился-покрутился и лег в постель. Но заснуть боится. Жена же тихонько наблюдает за ним, все ждет, чтобы муж уснул. Наконец тот решил обмануть жену, притворился спящим и стал громко храпеть. Тут жена взяла бритву и принялась срезать прядь с его бороды. Схватил муж ее за руку и закричал:

— Спасите, помогите, жена меня убивает!

Сбежались на его крики соседи. Муж твердит свое, а жена оправдывается и говорит, что хотела только срезать у него клоч волос. Но как тут поверить, если в руках у нее отточенная бритва?! Насилу разняли супругов, а жену выгнали из дома.

Добившись своего, старуха пошла в лес, чтобы встретиться с чертом. Увидел черт старую ведьму и испугался: он, черт, за четырнадцать лет не смог посеять раздор в семье, а эта старуха в два счета навсегда развела их! И влез черт на дерево. Стала старая ведьма звать его:

— Эй ты, чего прячешься, отдавай мне обещанное!

Черт обернул деньги в платок и с опаской бросил их на землю.

132. Про лентяя

Было, да и не было ничего — жили муж с женой. Муж был такой лентяй, что ничего не хотел делать.

Целые дни он только ест да валяется — то на один бок повернется, то на другой. А жена что есть силы трудится, себя и мужа кормит, одевает, все она одна делает. Сколькo ни бьется жена, а все бедны они. Да и что она одна может? И поле-то у них, на беду, где-то далеко, да все каменистое и песчаное, — только и растет на нем что крапива и сорняки всякие, больше ничего.

Вот собралась жена весной, упростила соседей, сначала с их помощью это поле, призапаяла потом зерна, засеяла, и взошла пшва — да какая пшва, так и волнуется вся, что море.

Пришел месяц жатвы, созрели хлеба, и говорит жена мужу:

— Встань, пойдн взгляни хоть на наше поле. Может, ничего и не взошло там, и напрасно только мы надеемся.

Встал кое-как этот лентяй, потащился. Только не прошел и полдороги, как повернул обратно, пришел домой и говорит жене:

— Был я, видел — ничего там, кроме крапивы и сорняков, не взошло, даром только зерна извели.

Жена-то знает, что у них за пшва, по ничего мужу не сказала. А как пришло время жатвы, говорит ему:

— Или иди в поле жать, или оставайся дома, сбей масло, покорми наседку с цыплятами, присмотри за ними, просей муку, выпеки хлеб.

Решил лентяй дома остаться. Взял он моток ниток и, чтобы цыплята не разбежались и по беспокоили его, привязал их всех одной ниткой к наседке и пустил так по гумну.

Вдруг, откуда ни возьмись, — коршун, набросился он на цыплят и унес их всех вместе с наседкой. А лентяй взвалил на спину мешок с мукой, сито, молоко и мяско и погнался за коршуном, думает: «И коршуна панугаю, заставлю бросить наседку с цыплятами, и муку просею, и масло соблю, так от всех дел разом избавлюсь».

Только ни коршуна он не догнал, ни муки не просеял, ни масла не сбил — все у него пошало, побилось и просыпалось. Так и остался ни с чем. Думает лентяй, как ему быть, как жену без цыплят встретить.

Вспомнил он, что у жены были отложены яйца. Достал эти яйца, уложил их в корзинку и уселся на них,

думает: «Посижку немпого. Может, пока жена с поля вернется, новые цыплята вылупятся».

Сидит лентяй на яйцах, квохчет, что наседка: «Квох-квох... Квох-квох...»

Вернулась жена с жатвы, кричит мужу:

— Открой двери!

А муж только квохчет в ответ:

— Квох, квох, квох!

Второй раз кричит жена:

— Открой двери!

— Квох, квох, квох! — отвечает опять муж.

И в третий раз кричит жена:

— Да где же ты, куда сгинул? Отвори двери, что ты, оглох?!

Никто не отвечает, одно только «квох, квох» и слышится из дома.

Взломала жена двери, вопла. Видит — сидит муж в корзине, что наседка, и квохчет.

— Что это еще ты выдумал, что там делаешь? Вылезай сейчас же из корзины.

— Наседку с цыплятами корнуп упес, пот я и хотел высидеть новых, — говорит муж.

— Не надо мне твоих цыплят, вылезай, — говорит жена, вытаскала его из корзины и усадила у очага.

Наутро сирашивает жена мужа:

— Ты как? Жать пойдешь или, может, опять дома останешься?

— Нет, пойду лучше жать, — говорит муж, — только дай мне трех кур: одну на завтрак, одну на обед и одну на ужин.

— Ох, сними только ты этот урожай, не трех, а четырех кур тебе в день давать буду.

Пошел лентяй в поле. И двух снопов за день не увязал, все валяется да елит, а кур не забыл — всех трех зараз съел. Идет время. Прошло так три-четыре дня. Так бы и высох, и обсыпался пось хлеб в поле. Только однажды жена лентяя оделась по-мужески, взяла оружие, села на коня и поехала. Подъехала к мужу и кричит:

— Эй, жнец, не знаешь ли какого лентяя? У нашего царя сын болен, умирает. Научили нас печенью этого лентяя его накормить.

Испугался лентяй и стал клясться:

— Всего только час, как я жать начал, где мне было собрать больше?

— Смотри же, не снимешь весь хлеб к вечеру, приду,

отрублю тебе голову, вырежу печень и унесу,— сказал этот воин и уехал.

Бросился лентяй жать, весь хлеб снял, ни одного колоса не оставил. К вечеру упал чуть живой от усталости и заохал. Пришла жена, принесла еду — до еды ли ему? Еле жив сидит, чуть дышит.

Спрашивает жена:

— Что это ты утомился так?

Рассказал ей лентяй, что приехал человек от царя и пригрозил: «Не спишь до вечера весь хлеб — приеду, убью тебя, вырежу печень и унесу».

— Не бойся,— утешила его жена,— съел ведь все, ничего уж он тебе не сделает.

Так кое-как увязали снопы, обмолотили и засыпали зерно.

У этого лентяя была одна свинья. Что ни есть в доме съедобного, все он этой свинье поспит, откармливает ее.

Сказала жена:

— Нам и самим есть нечего, что ты все этой свинье таскаешь? заколем ее лучше.

— Нет, не заколю, пока жир из нее не полезет,— говорит муж.

Взяла жена масла, растопила, плеснула на свинью, показала мужу и говорит:

— Видишь, как разжирела, так и лезет из нее жир.

Взял тогда лентяй и заколол свою любимую свинью — как ни любил он ее, а желудок свой, видно, любил больше.

Очень скоро съел лентяй свою свинью, только один окорок и успела жена сирятать.

Узнал лентяй, что у жены еще окорок есть, пристал:

— Дай и его!

— Нет,— говорит жена,— не дам.

— Умру, если не дашь.

— Умри,— говорит жена.— Умрешь, никому урона не принесешь.

Встал лентяй, лег на тахту, зажмурил глаза, замолк и лежит, не дышит. Заплакала жена над мужем, что над мертвым.

Привели попа, сколотили гроб, уложили лентяя и понесли в церковь.

Подождала все же жена еще раз к мужу, шепнула:

— Встань, не то похороним.

— Как же я встану? Умер ведь я.

— Встань, говорю,— повторяет жена.

— Дашь свиной окорок — встану,— говорит муж.

— Нет! — говорит жена.

— А нет, так я и не встану.

Понесли лентяя, как покойника, и уложили его в церкви. Как стемнело, подошла жена этого лентяя к церковным дверям и закричала:

— Эй, мертвецы, старые и новые! Слушайте — в небе новый храм строится, вставайте все кирпичи поспеть. Старым мертвецам носить по сто, новым — по двести.

Подумал лентяй: «Мне и пяти кирпичей не поднять, какого черта я им по двести носить буду?» Вскочил и пу бежать из церкви.

С тех пор не думает он ни умирать, ни свиных окороков просить, да и на боку больше не валяется. Стал он работать, и зажили муж с женой счастливо и богато.

Мор — там, мир — здесь,
Отсов — там, мука — здесь.
Сказителя, слушателя
От мора спаси.

133. Сын труда

Что было, то было, а жила одна вдова. Растила вдова сына, кое-как концы с концами сводила. Подрос сын, нанялся в работники. Трудится и себя и мать кормит. Быков купил, плуг и арбу.

Раз зимой съели они все свои запасы. Мать и говорит сыну:

— Зарежем, сыпок, быка!

— Как же весной землю пахать будем? — отвечал сын.

— До весны времени много. Раздобудем чего-нибудь и купим другого быка. А не купим, я виригусь в плуг, — пообещала мать.

Прошла зима, а быка так и не купили. Вириглась вместо быка в плуг мать, пашет землю.

Проезжал мимо царь, увидел женщину, запряженную в ярмо, и говорит парню:

— Куда ты глядишь? Где это видано — человека в плуг запрягать?

— Нет у пас парного быка, как же пахать землю? — отвечал парень.

Царь рассердился и задумал убить парня.

— Ступай, — говорит, — в лес, там у меня есть бычок, пригони его и владей.

Думает он, что бычок убьет парня.

А парень, не будь дурак, смекнул, в чем дело, прихватил с собой кукурузу и длинную крепкую веревку. Пошел в лес. Увидел бычка. Привязал веревку концами к двум деревьям и показал бычку кукурузу. Бычок бросился к ней, съел всю, хотел забодать парня, да запутался в веревке. Целую неделю не мог выпутаться.

Парень не кормил его, вышиб из него силу, пригнал домой и выгн в плуг.

Царь узнал, что парень приручил бычка, удивился и пошел поглядеть на него. Принел, видит: бычок пашет землю — и говорит парню:

— Есть у меня дочь-ленивица, отдам ее за тебя замуж.

— Хорошо,— согласился парень.— Только дай за ней то, что я скажу.

— По рукам!

— Отдай с ней твоего кривого коня, хромую собаку и книжал.

Парень посадил ленивицу на кривого коня, пустил за ним собаку, сам подхватил книжал.

Дорогой принялся кричать на собаку:

— Не хромай, негодница, не то зарежу вот этим книжалом!

Собаке говори не говори — хромает себе по-прежнему. Парень взял да и прирезал ее. Поехали дальше.

Парень кричит на коня:

— Иди прямо, негодник, не сбивайся с пути, не то я и тебя прикончу.

Коню говори не говори — все одно. То и дело сослону сбивался с пути. Парень выхватил книжал, конь с ленивицей ужал да околел.

Ленивица лежит на земле, а парень не ждет ее, идет дальше своей дорогой.

— погоди, и я с тобой пойду! — крикнула девушка.

— Иди, да только побыстрее! — отвечал парень.

Напугалась ленивица, бегом бежит за парнем.

На другой день парень пошел работать в поле и наказал матери:

— Не будет ленивица работать — не давай ей есть.

Ленивица за весь день рукой не пошевелила.

К вечеру вернулся парень и говорит будто про себя:

— Труженник поест, ленивица голодной останется.

Сели уживать. Парень целый хлебец съел, мать — половину, а ленивице ничего не дали.

И на другой день ленивица пальцем не пошевелила, к вечеру опять не дали ей поест.

На третий день подмела она возле себя. Муж со свекровью дали ей два ломтика хлеба. Мало ей, просит еще:

— Завтра больше потружусь!

Парень и слышать не хочет посулов.

Что было делать бедняге? С тех пор свекрови и притронуться ни к чему не давала. Приучилась работать.

Узнал про это царь и пошел поглядеть, как его дочка трудится.

Дочка говорит отцу:

— Принимайся и ты за дело, не то не получишь ужина.

И вправду, долго продержали царя со свитой голодными. Потом принесли-таки угощение.

Царь говорит зятю:

— Я сегодня весь день не трудился, значит, не заслуживаю ужина.

— Как не трудился, господин, весь мой двор вы со свитой утрамбовали. Я б и за неделю не управился,— отвечает парень.

Царю поправилась находчивость парня, и он отдал ему свой трон.

134. Про крестьянина и старосту

Жил один крестьянин. У него была красивая жена. Жена крестьянина завела шашни со старостой. Знал про это крестьянин, но молчал.

Пришел однажды крестьянин домой и говорит жене:

— Там на базаре мед появился, поди купи, только смотри — не покупай меду, который ослепляет, им чело- века ослепить можно.

«Эге,— подумала жена,— теперь-то я знаю, что делать. Куплю этот мед и ослеплю мужа». Пошла она к продавцу:

— Нет ли у вас меду, который ослепляет?

— Есть,— говорит продавец,— сколько угодно!

Купила жена полный горшок меду и отнесла мужу.

— Не взяла ли того, который ослепляет? — спрашивает муж.

— Нет,— говорит жена.

Сел муж, принялся за мед.

— Горе мне! Слепну, слепну! — кричит.— Ах ты проклятая, что же ты за мед принесла?

Радуетя жена: теперь муж ничего видеть не будет.

— Все равно слепцу, так уж хоть мед доем, чтобы другой кто не ослеп,— сказал муж и один съел полный горшок меда.

Пошла жена к старосте, говорит:

— Ослепила я мужа, теперь наше время, приходи, никто нам не помешает.

Пожаловал староста. Зарезали хороших, жирных кур. Не хватило жене воды, выбежала она из дому, а староста прилег и задремал. Встал муж и влил спящему старосте кияток в глотку — задохнулся староста.

Пришла жена, сварила кур, стоговила ужин, подошла к старосте и будит его:

— Вставай ужинать.

Мой враг пусть проснется, как он проснулся! Перелугалась женщина, стала просить мужа:

— Что хочешь бери, только возьми этого старосту и брось его куда-нибудь в воду.

Встал муж, взвалил мертвого старосту на спину и потащил его к нему домой. Донес, втащил на балкон и кричит басом, словно сам староста:

— Эй, жена, отвориай двери!

— Ах ты такой-сякой, напешься — бежишь к другой, а протрезвишься — так домой плетешься? Сиди там у дверей — и не открою, и рукой не двину.

— Открывай, а то упаду с балкона! — кричит крестьянин.

— И прекрасно, падай на здоровье.

Бросил крестьянин старосту, захохотал тот с лестницы и ударился о порог, а крестьянин отошел и спрятался недалеко. Выбежала жена, видит: убился староста — и давай кричать:

— Горе мне! Я его убила, что теперь будет, несдобровать мне!

Вышел крестьянин.

— Что ты кричишь, убиваешься? — А сам будто ни при чем.

— Так и так, — плачет жена старосты, — я виновата в его смерти, помоги, спаси меня.

— Давай две тысячи — унесу его, — говорит крестьянин.

Что делать? Дала ему жена старосты две тысячи. Ввалил крестьянин старосту на спину и поволок к мельнице. Закрыв воду, поставил старосту, как живого, на ноги, так что он руками опирался о перекладыны колес, сам отошел и спрятался.

Мельница стала, выбежал мельник, увидел старосту: «А, это ты закрыл мне воду!» — хватил его дубинкой и свалил с ног. Упал староста, не двигается, посмотрел мельник: человек убит — и давай кричать:

— Что за несчастье на мою голову!

Вышел крестьянин:

— А! Старосту убил?! Ну, теперь увидишь, что с тобой будет.

Мельник взмолился:

— Только не выдавай меня, снеси куда-нибудь мертвеца и выбрось, две тысячи дам.

Взял крестьянин две тысячи, ввалил старосту на спину и потащил его к церкви. Втащил на колокольню, всунул ему в руки веревку, а сам время от времени стал звонить в колокол. Позвонит крестьянин, отбежит и спрячется.

Терпел, терпел поп, обозлился, выхватил дубинку и хватать старосту дубинкой по голове. Смотрит поп: остыл вовсе человек, умер,— перепугался, хочет спрятать его, но тут выходит крестьянин и говорит:

— Не суетись напрасно, отец, ты убил этого человека и будешь отвечать за это.

Просит поп:

— Только не говори никому и избавь как-нибудь от мертвеца — бери что хочешь!

— Дай пятьсот рублей и еще осла в придачу, чтоб на нем мертвеца увезти.

Дал поп и осла и денег.

Посадил крестьянин старосту на осла и повез. Дошел до деревни, а там крестьяне обмолотили хлеб, оставили зерно на гумне, а сами ушли отдыхать. Привел крестьянин осла, поставил его посреди гумна, а сам спрятался. Наелся осел зерна досыта.

Вернулись крестьяне, видят — стоит осел посреди гумна, зерном объедается, на оселе человек сидит и не отгоняет его. Обозлились крестьяне:

— Ах ты негодяй, не видишь — осел все зерно поел, не можешь отогнать его! — схватили палки и давай лупить мертвого старосту, пока не свалили его с осла. Тут вышел крестьянин и говорит:

— Это вы убили человека? Достанется вам теперь за это!

Перепугались те:

— Только не выдавай нас и избавь от мертвеца — триста рублей дадим.

Потащил крестьянин старосту, зарыл его в землю, вернулся домой, выгнал жену-изменщицу и занял себе счастье.

135. Дружные супруги

В одной деревне жили муж с женой. Стала их корова яловой, жена и говорит:

— Отведи ее в город, продай или обменяй.

Повел крестьянин корову. В дороге она все назад его тянет. Хозяин устал и знает долю свою клянет и корову поругивает:

— Погоди немного, я от тебя избавлюсь!

Услышал эту брань свинопас и спросил крестьянина:

— В чем дело, почему ты сердишься?

— Да вот, — отвечает тот, — веду яловую скотину в город, выменять или продать, а она замучила меня, все время назад тянет.

— Отдай ее мне за матку с поросятами, — предложил свинопас.

Крестьянин раскинул ушкиком, думает: свинью легче тащить — и согласился. Гонит свинью с поросятами, но от них еще больше беспокойства. Стал он снова браниться. Встретил его пастух и спрашивает:

— Что ты бранишься, если хочешь, я тебе дам за эту свинью козу с козлятами.

Согласился крестьянин, а коза еще пуще его рассердила. Идет он, судьбу свою клянет. Навстречу ему всадник на коне, кур везет на базар.

— Чего ты ронцешь? — спрашивает. Тот поведал ему свою беду и, заметив, что из хурджина выглядывает петушиная голова, попросил:

— Давай обменяй мне козу на петуха.

Обрадовался встречный и, разумеется, согласился.

Взял крестьянин петушка под мышку, приласкал его: какой ты, говорит, разумный да спокойный!

Пришел в город и продал его за два дугривешных. На обратном пути проходил он мимо лавки шапочника, приглянулась ему одна шапочка. Запросил за нее мастер целковый, но крестьянин выторговал ее за сорок копеек, в придачу свою старую шапку отдал. Встал и пошел.

В пути ододела его жажда. Спустился он к роднику, припал к воде, шапка свалилась у него с головы, и ее унес поток.

Вернулся крестьянин к шапочнику, попросил свою старую шапку. А шапочник в ответ:

— Что ты за человек, как ты покажешься своей жене, ведь она же тебя заест!

— Она мне слова не скажет,— ответил крестьянин.

Шапочник сказал:

— Давай побьемся об заклад: если твоя жена не выпрапит тебя, я дам тебе цепу твоей коровы — три тумана, если же она затеет ссору — ты три месяца будешь на меня батрачить.

— Ладно,— согласился крестьянин, и шапочник пошел с ним в деревню.

Когда вошли они в село, крестьянин не стал входить в дом, а окликнул жену со двора, та в ответ:

— Заходи в дом, чего ты снаружи кричишь!

А муж говорит:

— Чего мне заходить, когда я корову вашу выменял.

— На что ж ты ее выменял?

— На свинью с поросятами.

— Очень хорошо, разведем свиней и разбогатеем. А что сделал дальше?

— Я их на козу с козлятами выменял.

— Это еще лучше, будем ее донть и детей кормить.

А где же она?

— Да я отдал ее за петушка.

— И это неплохо. Будет на заре кукарекать, нас будить, спозаранку работать начнем — разбогатеем. А где петух?

— Продал я его в шанку купил.

— Молодец,— похвалила жена,— иначе как заметить, что ты в городе побывал. Но где же шапка?

— Захотелось мне воды напиться, нагнулся я к ручью, уронил шапку, и сам едва не утонул.

Всплеснула жена руками:

— Ох я растяпа! Почему тебе с собой кувшина не дала, принес бы свежей водички!

Шапочник в сердцах выругался:

— Что вы за люди такие-растакные!

Отсчитал он крестьянину три тумана и пошел во-сво-яси.

136. Сын мельника и три плешивых лгуна

У мельника был красавец-сын. Когда он вырос, объявил родителям:

— Женюсь на царской дочке, чего бы это ни стоило! Родители всполошились:

— Что ты, сынок! Если царь услышит, убьет всех нас. Разве отдаст он дочь бедному мельнику?!

А сын и не думает отступить от своего:

— Чего бы ни стоило, женюсь на дочке царя!

Царь узнал, что сын мельника задумал жениться на его дочке, и позвал парня к себе:

— Ты хочешь царевну в жены, а сможешь ли ее холить? Дам я тебе теленка, отведи его в город. Если продашь, выдам за тебя дочь!

Парень согласился. Как не продать одного теленка? Повел его в город. А в городе живут три купца — плешивых лгуна. Всех честных людей плешивцы обманывают да обкрадывают. На сыне мельника как не поживиться! У городских ворот встречает его старший плешивец-лгун. Стал он прицениваться к теленку. Парень назвал цену, а плешивец ухмыляется:

— Разве это теленок? Это гусь. Дам тебе за гуся шесть пятаков!

Сын мельника подумал и не согласился. Вошел в город. Навстречу ему второй плешивый купчина. Увидел теленка и стал спрашивать, сколько он стоит. Парень называет цену теленка, а лгунишка, как за гуся, шесть пятаков ему предлагает. Парень засомневался, в самом ли деле это теленок, однако не продал его за шесть пятаков. У околицы города к нему подошел меньшой плешивец-лгунишка. Тоже шесть пятаков предложил за теленка, как за гуся. Парень подумал: верно, это гусь и есть, — отдал теленка и взял шесть пятаков.

Плешивец тотчас же прирезал теленка и отнес его жарить в пекарню. Парень снял квартиру рядом и начал следить, что будет дальше. Теленок изжарился, парень пошел к пекарю и сказал ему:

— Плешивый купец прислал меня за теленком. Не веришь — вот тебе хвост в доказательство!

Пекарь принес теленка, парень взял его, унес к себе и стал шировать.

Плешивцы-лгуны ищут похитителя, никак не могут найти. А парень тем временем перерядился в гадалицика, чтобы испытать плешивцев — узнают они его или нет.

Плешивцы в ярости; никому во всем городе не удавалось их обмануть, а тут какой-то мальчишка обвел их вокруг пальца! Решили они пойти к гадалщику: попытаться счастья, разузнать, где прячется парень. Гадалщик бросил карты и сказал:

— Вы обманули сына мельника, купили у него телепка за гуся. А хвост он себе оставил. Пришел он с хвостом к пекарю, взял телянка и съел. Да еще и сейчас вас обманывает, плут!

Лгуны подивились, как он про все узнал, и дали ему много денег. Парень купил на них женское платье, нарядился по последней моде и прогуливается по городу. Меньшой лгунишка заметил его и подослал сватов. Назначили свадьбу.

У лгунов был большой дом на берегу реки. Одно окно дома глядело прямо на реку. Лгуны обкрадывали проезжих куццов и через окно в реку выбрасывали — топили. На том и разбогатели.

Сын мельника выспросил у лгуна про окно, а тот сразу и признался ему во всем. Парень попросил:

— А ну покажи, как голову в окно просовывать?

Сунул лгун голову в окно, парень схватил его за шиворот, вытащил из кармана телячий хвост и трясет перед его носом:

— Что это такое?

— Телячий хвост.

— А ты говорил — гусиный?! — Хлестнул он лгуна жестким хвостом по голове, запер его, собрал все добро и унес с собой.

На другой день старшие братья нашли меньшого.

А парень тем временем скинул женскую одежду, купил лошадей, пролетку и стал извозчиком.

Плешивцы сговорились съездить к царю и доложить о своей беде.

Позвали извозчика. Как раз попал на сына мельника. Посадил он братьев в пролетку и повез.

Лгуны рассказали царю обо всем. Царь сразу понял, в чем дело. Только лгуны кончили рассказывать, явился сын мельника:

— Царь, это я продавал телянка, я привез к тебе и плешивых лгунов. Не веришь, вот тебе телячий хвост!

Царь вытолкал плешивых лгунов в шею, а сыну мельника и дочь в жены отдал, и свое царство завещал.

137. Бедняк и купцы

Жили на свете три брата ладно и дружно. Но вот забунтовался как-то младший и объявил своим старшим братьям, что хочет отделиться от них. Наконец он добился своего, зажил обособленно, своей семьей, однако очень быстро обеднел. Тогда хитрая жена посоветовала ему:

— Сходи-ка ты, муженек, в мою деревню, может, мои сельчане и подадут тебе чего-нибудь.

Отправился бедняк в деревню жены, и дали ему там три золотых да одного ишака в придачу. Притащил он ишака домой. Жена и говорит ему:

— А теперь слушайся меня во всем. Веди ишака в такой-то город, там живут трое купцов. Пройдись перед их дверьми и брось у каждой из них по золотому.

Бедняк так и поступил: пошел в тот город, подошел к двери одного купца, кинул наземь золотой, потом то же проделал и у дверей двух других. Погнался за ним первый купец и кричит ему:

— Эй, друг, ты обронил золото, незначем мне тебя разорять, забирай свое добро!

А бедняк отвечает:

— Что мне это золотишко, когда мой ишачок вместо помета так и сыплет золотом.

Сказал он так и пошел прочь. Собрались купцы, пораскинули умом и говорят друг другу:

— Давайте-ка купим у него этого ишака, и наполнит он наши карманы золотом.

Пустились они вдогонку за бедняком, кричат, чтобы тот остановился, василу догнали.

— Чего вам надобно? — спросил у них бедняк.

— Продай ты нам своего ишачка, — ответили купцы.

— Эх, где вам найти столько денег, больно дорого стоит мой ишачок, — говорит им бедняк.

— Назначай свою цену, может, и сторгуемся, — уговаривают его купцы.

Подумал бедняк и сказал им так:

— Обсыпьте моего ишачка золотом по самые уши, тогда и забирайте его.

Согласились купцы, поставили ишака, засыпали всем своим золотом, но не хватило его до ушей. Тогда они заняли золота у соседей и добавили столько, сколько не хватало. Тут бедняк стал наставлять их:

— Сначала вы запрягите ишака в просторной избе на большой замок и придержите там семь дней. На восьмой

день уже можете открывать. Только непременно привяжите его у самого входа, чтобы он не задохся от гор золота и серебра. И чтобы было какое-нибудь оконико для воздуха.

Вот заперли купцы ишака, подождали семь дней, а на восьмой решили взглянуть на него. А бедный ишачок подох и ногами уперся в дверь. Папирают купцы на дверь, силится открыть ее, а она не поддается.

— Видать, наполнилась комната деньжатами,— ликуют купчиники,— дверь и не откроешь.

Заглянули они в скважину, а внутри поблескивают ишакии копыта. Обрадовались купцы, думают, это драгоценности сверкают. Налегли на дверь посильнее, поднатужились, и она поддалась. Но увидели купцы одного только мертвого ишака, и ничего больше. Рассердились купцы и задумали убить бедняка, продавшего им ишака.

А бедняк тем временем велел жене приготовить отменный обед, сам же пошел будто бы пропалывать свое поле. У мужа и жены было два зайца. Вот муж и говорит жене:

— Одного зайца я возьму с собой в поле, а второй пусть пока побудет дома, на привязи. Придут к нам купцы спрашивать меня, ты их ко мне пошли, я же сделаю вид, будто выслал к тебе своего зайца с наказом, чтобы ты приготовила славный обед для гостей.

Так и случилось: пришли купцы, спрашивают жену о муже.

— А он в поле, пропалывает его,— отвечает им жена.

Отправились купцы к бедняку: так, мол, и так, решили мы тебя убить за то, что погубил нас — подох, говорят, твой ишак. Выслушал их бедняк и говорит:

— Это всегда успеется, перво-наперво отобедаем, а там как знаете,— и, отвязав зайца, строго приказал ему:

— Ну-ка, живо, сбегай домой и предупреди госпожу, что нынче у нас почтенные гости, пускай готовит знатный обед.

Сбежал заяц в лес, а купцы и поверили, что он помчался домой исполнить наказ хозяина. Крестьянин повел к себе куццов, смотрят они — и заяц тут как тут, и стол накрыт. Сели обедать, а купцы все диву даются — очень уж понравился им этакый ученый заяц.

— Продай его нам,— просят они хозяина. И отдали за зайчишку сто туманов.

Вот стали купцы снаряжаться в обратный путь и задумали послать зайца вперед с наказом женом, чтобы те встретили их хорошим угощением. Ну, заяц и ускакал от них в лес. А купцы пришли домой и спрашивают своих жен:

дескать, почему они ослушались приказа зайца и не приготовили им вкусного обеда? Удивляются жепы:

— О чем это вы? Никакого зайца мы и в глаза-то не видели...

Помрачнели купцы, обуяла их злость: поняли, что спова одурачил их бедняк. И решили тут же вернуться в деревню. А бедняк наш верно рассчитал, что жадные купцы не оставят его в покое. Вот он и сказал жепе:

— Я притворюсь мертвым, а ты положи меня в гроб и похороши, да только глубоко не закапывай, чтобы мне было чем дышать.

Захоронила жена мужа так, как он ей велел. Принесли купцы и требуют бедняка к себе.

— Помер мой муженек,— отвечает им женщина,— я уж и похоронить его успела.

— Пошли на могилу, мы должны его откопать и утопить в реке,— говорят купцы.

Пришли на могилу и стали быстро разрывать ее. А бедняк-то взял да и выколот шомполом глаз одному из купцов. Взбесились купцы, вытащили бедняка из гроба, крепко связали, взвалили себе на спину и повесили тащить к реке.

Шли, они шли, устали и решили немного передохнуть. Связанного бросили на солнышке, а сами улеглись спать в тени ветвистого дерева.

Стал бедняк орать во всю глотку:

— Отпустите меня, не желаю я быть царем, не пужно мне никакого богатства!

А надо сказать, что в это время по дороге проходил пастух с отарой овец в тысячу голов. Услыхал он эти крики, подошел к бедняку и просит:

— Послушай, если ты и вправду не хочешь быть царем, я с удовольствием заменяю тебя.

— В таком случае развяжи меня поскорее,— ответил ему наш бедняк,— стоит мне лишь скрутить тебе веревкой руки, как ты сразу станешь царем. А то привязались они ко мне, не спрашивают, хочется мне этого или нет!

Освободил пастух бедняка, тот связал его по рукам и ногам и бросил под наалищим солнцем. Сам же согнал тысячу овец и пустился в путь-дорожку домой.

Проснувшись, купцы взвалили себе на плечи связанного пастуха, принесли к реке и сбросили в воду.

Идут они, довольные, обратно и вдруг видят утопленного ими бедняка, но живого и здорового! Удивились купцы и спрашивают:

— Мы же только что утопили тебя в реке, так где же ты раздобыл такую тьму овец?

— В той самой реке и раздобыл. Когда вы сбросили меня в воду, я чуть-чуть загреб рукой и выловил целую отару овец, часть забрал себе, а остальных оставил в реке.

Кинулись купцы к реке и, в чем были, бултыхнулись в воду. Хотели они разбогатеть, да все трое и утонули.

Мор — там, пир — здесь.

138. Иваника и Симошка

Жили два брата. Старшего звали Иваника, младшего — Симошка. Ивашика был умный, а Симошка — дурак. Мирно жили братья, никого не обижали, и их никто не обижал. Женялись оба. Ивашикова жена — Тэкле, а Симошкова — Тина.

Однажды Тэкле сказала Иванике:

— Надоело мне глядеть на твоего брата-дурака. Отделимся, хочу жить одна!

— Что взять с дурака, хватит с него и глупости. Не будем делиться! — не согласился Иваника.

Тэкле раскричалась:

— Если не отделишься сегодня же, глаза тебе выпарапаю.

Иваника испугался и сказал Симошке вечером, когда тот воршулся с поля:

— Хотим отделиться. Не могу больше кормить тебя, дурака. Ты и твоя жена бездельники и лептяи. Дармоеды вы, вот кто!

Симошка согласился:

— Ты умный, тебе лучше знать. Делиться так делиться!

Иваника и Тэкле сговорились, дали Симошке с Тиной одного козла и выпроводили из дому.

Симошка и на это согласился:

— Ты умный, тебе лучше знать, что мне отдать, а что себе оставить. Живи с миром!

Взяли Симошка с Тиной еды на три дня, погнали козла и пошли искать свою долю. Увидели на околице дальней деревни домишко, започевали в нем. Утром Симошка сказал жепе:

— Пойду продам козла, куплю еды, не то с голоду попрем!

Повел дурак козла на базар. Много ли ходил или мало, застигла его ночь. Видит дурак — высится скала. Подвел к ней козла, привязал и говорит:

— Вот тебе козел. Вел его продавать, да не дошел до базара. Больше ничего у меня нет, береги козла! Завтра зайду за ним и уведу.

Вернулся Симопка домой. Рассказал обо всем жене и лег спать. На другой день снова пришел к скале. Видит — шакалы таскают, рвут его козла. Удивился и подумал: скала, верно, купила козла, позвала гостей и угощает их. Примостился под кустом и уснул. Проснулся на закате, а шакалы съели козла, у скалы только веревка да рожки валяются.

— Что ж ты, скала,— сказал Симопка,— плати за козла! Целый день жду, при гостях не хотел тебя позорить.

Скала молчит. Симопка опять за свое, да где ей услышать! Симопка кричит, ругает скалу: разбойница ты, плати за козла, не то забросаю камнями.

Скала стоит и молчит как ни в чем не бывало. Симопка в сердцах схватил огромный камень и изо всей силы запустил в скалу. Скала развалилась, и вынул из нее ларец, полный золота. Симопка подхватил ларец и побежал домой. Купил хороший дом, землю и женился счастливо.

Прошло время. Такле прослышала, что Симопка разбогател, и говорит Иванике:

— Твой брат-дурак богатым стал. Пойди узнай, где он раздобыл добро, может, и нам удастся!

Иваника пошел в гости к брату. Симопка принял его хорошо. Тина чуть с ног не сбилась, хлопотала, варила, покла угощение для любимого деверя. Два дня шировал Иваника у брата, Такле подарки послали. Уходя, Иваника спросил Симошку:

— Ты ведь дурак, как же нажил столько добра?

— Продал козла, купил все, что нужно, и еще осталось золото да серебро!

— Кто же так дорого заплатил за козла?

— Скала! Не хотела сперва денег платить, да я бросил в нее камень и заставил отдать ларец с золотом!

Иваника рассказал про все Такле. Она, не долго думая, приказала:

— Дурак Симопка за паршивого козла столько золота да серебра взял! Ступай сейчас же к скале, отведи дойную корову и продай. Да не мешкай, скорей беги!

Иваника бредет, еле ноги волочит. Жалко продавать корову-кормилицу, да ведь не стапешь Такле перечить!

Идет, гонит корову. Подошел к скале, привязал корову к камню и сказал:

— За деньгами приду завтра!

Утром чуть свет явился к скале. Видит — от коровы и костей не осталось, волки съели беднягу. Попросил у скалы денег. Долго твердил, чтобы дала, да где там, молчит скала. Стал Иваника швырять в нее камни, а она и ухом не ведет. Иваника подумал, что дурак-брат обманул его, бросился к его дому и поджег. Симоника едва спасся, убежал, а бедная Типа сгорела. Симоника завалил ее на плечи и пошел хоронить. Нес, нес, утомился, увидел в поле большое дерево, остановился, приставил к нему жену и лег спать.

Подошел к тому же дереву купец с караваном, возвращался он из дальних краев. Лошади купца повалили покойницу и растоптали ее. Симоника проснулся, видит — нет жены. Стал кричать на купца:

— За что ты убил мою жену! Сейчас же воскреси, не то пойду на тебя жаловаться!

Купец испугался:

— Уймись только, дам тебе вьюк золота да серебра!

Симонике только того и надо! Выстроил он новый дом, взял молодую жену и женился счастливо.

Прошло еще время. Такле опять прослышала, что Симоника разбогател, и сказала Иванике:

— Твой брат-дурак еще больше добра нажил, ищи разузлай — как, может, и нам удастся!

Иваника пошел к брату. Симоника опять хорошо его принял, спросил про невестку. Три дня пировали. Прощаясь, Иваника спросил брата:

— Где же это ты взял столько добра и молодую жену, я ведь спалил твой дом!

— Попес я жену-покойницу, вынесил на живую, да еще золота и серебра дали мне в придану! — сказал Симоника.

Иваника вернулся и подпалил свой дом. Такле сгорела, он выволок ее из огня, завалил на плечи и пошел в город. Несет по улицам и кричит: «Кто хочет мертвую за живую, мертвую за живую, мертвую за живую?»

Люди бросались на Иваника, все бока ему номяли палками: где, говорят, видано — мертвых на живых менять! Иваника подумал, что Симоника обманул его, бросил покойницу-жену, побежал убивать брата. Выволок его во двор, связал по рукам и ногам, сунул в мешок, завалил на плечи и пошел к горе, чтобы сбросить с нее. Увидел, что

хромой заяц перебегает дорогу, и решил: поймаю зайца, будет мне обед на сегодня. Бросил мешок и пустился за зайцем.

По дороге проходил пастух, гнал отару на пастбище. Увидел человека в мешке и спросил:

— Кто ты и что с тобой приключилось?

— Эх! Худо мое дело. Хотят меня обручить с дочкой купчины, а я не согласен. Поймали меня, связали и насильно волокут. Вот бы сыскать кого-нибудь, чтоб свою суженую уступить!

— Я женюсь на купеческой дочке, а ты мое стадо постереги! — обрадовался пастух. Вытащил Симонику из мешка, а сам туда залез. Симоника крепко его завязал, пошел домой и отару с собой погнал.

Иваника вернулся весь в поту — не смог поймать зайца. Подхватил мешок, раскатал и сбросил с горы. На другой день прошел мимо двора Симоники и что видит? Его брат-дурак лежит на боку и о чем-то с пастухами толкует. Иваника глазам своим не верит:

— Неужто ты и в самом деле Симоника?

— И в самом деле Симоника!

— Я же тебя с горы сбросил!

— Ну и что ж! А я, видишь, сколько овец пригнал.

Если бы ты меня еще глубже сбросил...

Обрадовался Иваника, побежала прямо к пропасти, примерился и прыгнул в нее.

С тех пор прошло много времени. Дурак идет умишка, а тот не возвращается.

139. Попова жена

Быль то или небылица, был один поп, у которого была пригожая жена. Завела себе попадья любовников — тоже попов — и однажды, когда супруг ее пошел в соседнюю деревню, назначила им свидание: одному — в восемь часов вечера, другому — в девять, а третьему — в десять. А муж ее должен был возвратиться в одиннадцать часов.

Ровно в восемь часов явился первый поп, принес с собой закуску и вино. За трапезой, в сладкой беседе незаметно прошел час. В дверь постучался второй поп. Женщина сделала вид, что испугалась: «Ой, ой, мой муж вернулся. Куда же мне тебя спрятать?»

Был у них огромный кувшин для хранения вина, она сняла крышку, толкнула в него этого попа и открыла

дверь второму попу. И тот, нагруженный закусками и выпивкой, вошел в комнату. За трапезой и в сладкой беседе снова прошел час.

В дверь постучался третий поп. Женщина опять притворилась испуганной: «Мой муж вернулся, куда же мне тебя спрятать?» Открыла она крышку того же кувшина и толкнула в него второго попа. С третьим попом, когда наконец постучался муж, она проделала то же самое.

Муж ничего не заметил, плотно поужинал и спокойно уснул. Поутру поп отправился в ту же деревню, что и накануне. Отправив мужа, попадья открыла крышку, заглянула в кувшин и увидела, что все три попа захлебнулись в вине. Она решила: «Чтобы муж не узнал о моих проделках, надо их тела куда-нибудь выкинуть». Выволокла она одного попа и тут же бросила его. Наняла работника и договорилась с ним, чтобы за десять рублей он выбросил попа куда-нибудь подальше.

— Этот поп,— сказала она,— напился вина из этого кувшина. Нечего ему здесь делать, выброси его на свалку.

Бедняк взвалил попа на плечи, понес и выбросил в овраг на краю деревни. Когда он вернулся за обещанными деньгами, то увидел, что у кувшина лежит второй поп. Взвалил он и этого попа на плечи, понес и сбросил его с высокой горы. Когда он снова вернулся за деньгами, увидел, что возле кувшина опять валяется поп. Взвалил он и этого на плечи, понес и выбросил его в тот же овраг в конце деревни.

Снова возвратился он за деньгами, но по дороге увидел попа, сжавшего верхом на лошади. Это муж хитрой попадья возвращался из деревни домой. Бедняк подумал: «Поп едет верхом на лошади, я его не смогу пешком опередить и потерю обещанные десять рублей». Налетел он на него, сбросил с лошади, сначала избил, а потом размозжил голову камнем и выбросил в тот же овраг. Сам сел на лошадь и поехал за вознаграждением.

Что было делать попадье? Отдала она бедняку-простаку обещанный червонец...

140. Сказка о старосте и крестьянине

Было то или не было, в одной стране, в одном селе жили дядя с племянником. У племянника была очень красивая жена, и жили они очень богато, кормил он жену белым пшеничным хлебом и яичницей, жаренной на сливочном масле.

А жена его имела любовника — старосту того же села. Как полюбила она старосту, совсем о муже забыла, а о старом дядюшке его и подавно, за домом следить перестала, на сухом хлебе их держала. А любовнику своему лучшие куски подносила. Заметил муж за женой недоброе, стал наблюдать за ней. Однажды дядя с племянником пошел на пашню. А женщина понесла им полдничать. Дядюшка сердится:

— Что за сухой и заплесневелый хлеб ты намносишь, дочка? Такого хлеба в нашем доме сроду не бывало.

А женщина отвечает:

— Дядюшка, когда я просеиваю муку для теста, твой племянник рядом со мной садится, дует, и муку ветром уносит.

Дядя еще пуще гневается:

— Ну, парень, доберусь я и до тебя!

Полдничали они и легли в теньке отдыхать, а женщина отправилась домой. Племянник говорит дяде:

— Отпусти меня ненадолго, я скоро вернусь.

Побежал он короткой дорогой, опередил жену, зашел в дом и что же видит? Лежит на тахте староста и, разинув рот, храпит во всю мочь. А перед ним мягкие, свежие, только что испеченные шоти-пури. На огне масло кипит, и яйца для яичницы уже приготовлены. Взял парень кипящее масло и влил в глотку спящему старосте. С тем и убежал. Пришла женщина, увидела, что любовник ее мертв, стала плакать и причитать:

— Что ж ты не дождался меня, я бы пришла, вкусно накормила бы тебя, а ты ошпарил себе глотку!

Долго она плакала, но что поделаешь — пришлось спрятать покойника под тахту. Ночью, думает, выброшу его в овраг.

Вечером вернулись с поля дядя с племянником. Скинули обувь, положили под тахту. Заглянул туда племянник и воскликнул:

— Ох, дядюшка! Погляди-ка, что с нами приключилось! У нас под тахтой покойник!

Глядят — и в самом деле покойник, узнали старосту. Закручинился дядя, а племянник ему говорит:

— Ты дядюшка, не бойся! Я от этого покойника избавлюсь и еще денюжат заработаю!

Взвалил он покойника на спину и потащил в церковный двор. Поставил его там, как икононого, а сам стал в колокола звонить: позвонит и спрячется.

Говорит поп попадье:

— Вставай, женщина! Наверно, в церковь барана и быка привели для жертвоприношения. Ставь котел на огонь.

Встала понадея, поставила кипятить воду в надежде на бычью долатку или баранью ляжку. А поп вышел в церковный двор, никого не нашел, вернулся в дом и лег под одеяло. А жена и говорит:

— Что же ты не принес ничего?

Снова стал парень в колокола звонить и прятаться. Снова выскочил поп из дома, но никого не увидел.

В третий раз выскочил поп с топором в руках, наткнулся на мертвого старосту, разъярился, что тот с пустыми руками стоит, и давай орать:

— Ах ты такой-растакой, спать мне не даешь!

Хватил он его топором и только теперь узнал в убитом старосту. Перепугался, взвалил его на спину, притащил в дом, кричит жене:

— Открывай дверь, я жертву несусь.

— Что ты принес?

— То, что я принес, врагу твоему не пожелаю.

Уложил он покойника на тахту, сам рядом свалился, с другой стороны жена его лежит — от страха чувств лишилась. Тут как раз парень дверь открывает, казанок с солью несет:

— Батюшка, дядя мой просит тебя нашу соль освятить.

До соли ли было попу! Прикрыл он мертвого одеялом, по один сапог из-под одеяла все же вылезал, дернул парень за сапог и говорит:

— Э-э, ты что же это, нашего старосту убил?! Пойду расскажу всей деревне.

Поп на коленях умоляет:

— Только не говори никому, все имущество мое забери!

— Ладно, не тужи, — говорит юпоша, — похороню я твоего покойника.

Дал ему поп полный казанок золота и серебра — только забери, дескать, этот труп отсюда.

Отнес парень казанок дяде, взял из дома веревку и потащил мертвого старосту на мельницу. Спрятал покойника, а сам тихонько пошел и мельницу остановил. Проснулся мельник: «Отчего, — думает, — моя мельница стоит?» Пошел, запустил ее снова и лег спать. Тогда парень поставил покойника возле желоба, а сам снова мельницу застопорил. Выскочил мельник и выстрелил в старосту из ружья. Рухнул каземь уже два дня назад убитый старо-

ста, подбежал к нему мельник, схватился за голову и поволок прятать труп на мельницу.

А тут на пороге парень появился с мешком пшеницы.

— Дядюшка, — говорит, — просит срочно эту пшеницу смолоть. Ждать он никак не может.

Мельник отнекивается:

— Я и свою не успел смолоть, мне сейчас не до твоей!

— Я тогда тут прилягу, подожду, когда мельница заработает, — сказал парень и прилег на гору мешков. — Ух, а что это у тебя среди мешков спрятано? — И он вытащил труп старосты. — Ты что же, нашего старосту убил? Пойду сейчас же доложу, чтобы тебя схватили.

Стал спрашивать его мельник:

— Ты, сынок, только не ходи никуда, а я все, что на моей мельнице видишь, тебе отдам.

— Давай! Тогда я тебя не выдам и сам похоропо покойника.

Забрал племянник все мешки с зерном и песком домой. Мертвого старосту на третью ночь отнес к его собственному дому, поставил на лестнице, а сам стал, подражая его голосу, просить:

— Жена, открой мне дверь, я еле на ногах стою.

— Убирайся туда, откуда пришел, — отвечала жена.

— Открой, иначе я убью себя.

— Пу и черт с тобой, — ответила жена.

Тогда парень столкнул покойника вниз. Женщина завопила и выскочила на порог. Стала плакать, но чем тут можешь, ведь она не знала, что муж ее уже третий день как мертв!

А парень вернулся домой. Вынес деревянный поднос и сито, позвал жену и говорит ей:

— Я буду муку просеивать, а ты дуй, посмотрим, успеет ли муку ветер.

Проучил он, как и следовало, неверную жену и выгнал ее из дома.

141. Невестка и деверь

У одной женщины умер муж. Плачем и причитаниями она извела домашних. Рассердился на нее деверь:

— Довольно тебе, женщина, и сама передохни, и нам дай покой!

А невестка свое:

— Что ты сделал со мной, муженек мой, куда ты ушел?

— На тот свет! — закричал деверь.

Вдова запомнила и решила разузнать, как там, на том свете, ее муж поживает. Вышла она из дома, видит — сидит усталый крестьянин, отдыхает. Подошла она к нему и начала спрашивать, зачем он пришел и что здесь делает. Надоели ему своими разговорами. А под конец она спрашивает:

— Откуда ты идешь?

— С того света! — ответил крестьянин.

Обрадовалась женщина, дай, думает, спрошу, как там мой муж поживает.

— Ах, дорогой, раз ты идешь с того света, значит, знаешь, как там мой муженек.

Мужик заметил, что его собеседница глуповата, и сказал:

— Знаю, конечно. Туго ему приходится, торгует луком да чесноком, но живет вироголодь: о куске хлеба мечтает.

Взмолилась вдова:

— Сделай доброе дело, передай ему пятьсот рублей.

— С удовольствием, — ответил крестьянин.

Вынесла женщина деньги. Забрал их мужик и пошел, а сам все оглядывается, не гонятся ли за ним.

Когда деверь пришел домой, невестка обрадовала его:

— Встретила я человека, который с того света шел, принес он вести от твоего брата, тот, бедняга, пуждается, мы же в достатке живем, вот я и послала ему пятьсот рублей.

— Чтоб твой дом разорился, доброе ты дело сделала! — выбрали невестку деверь, сел на коня и пустился вдогонку за хитрым крестьянином.

Тот издали заметил всадника и подумал: «Никак он меня преследует», завернул на мельницу, что у дороги стояла. Мельник был лысый, и крестьянин сказал ему:

— Вышел царский приказ: где ни встретится лысый, сдирать с него кожу — требуется для барабанов. Я уже троих лысых видел, которых ободрали. Спасайся, пока еще есть время. Вот возьми мою одежду.

Мельник поспешил переодеться, а свою одежду отдал крестьянину. Крестьянин велел ему влезть на дерево и там затаиться. Сам же обсыпал себя мукой и, когда пришел деверь, выдал себя за мельника.

Деверь спросил:

— Не видел ли ты крестьянина, он на мельницу завернул.

— Нет, сюда никто не заходил,— громко ответил крестьянин, а сам глазами указал на дерево.

Вышел деверь во двор, взглянул наверх и увидел на дереве полуодетого мельника. Начал он бранить его:

— Спускайся сюда, дуни, деньги утащил и теперь прячешься!

Обезумевший от страха мельник стал биться головой об ствол: ни я тебе живым не достанусь, ни кожа моя целой!

Тем временем крестьянин оседлал коня деверя и был таков.

Деверь стащил мельника с дерева, и тот все ему рассказал. С пустыми руками вернулся деверь домой.

— Ну что? — спросила невестка.

— Да ничего, узнал я, что действительно брат мой в большой нужде и послал ему своего коня,— ответил деверь.

142. Купец и бедняк

Был ли это или небылица, жил богатый купец. Жена у него была красавица, дочь купчины-богача. Отец-купчина помер, а дочь по нему тоскует.

Как-то раз поехал купец торговать в дальние края. А к жене его пришел бедный мужичонка и попросил милостыни.

— Где ты скитался и где так изголодался и обносился? — спросила его купчиха.

— Я с того света бреду, жил там, не вынес мучений и вернулся сюда. Завтра опять придется на тот свет возвращаться,— отвечает мужичонка.

Женщина засуетилась, зарезала двух кур, кувшин вина притащила, хорошо угостила пришельца с того света. Да еще тремя червонцами одарила.

— Ты моего отца не видел ли на том свете, добрый человек? Купец он, в чохе, борода черная, длинная. С мешац как оставил нас и ушел туда! — спросила купчиха.

— Видел. Жил с ним в одном доме. Очень тяжело ему приходится, нет ни хлеба, ни денег, борода совсем поседела, чоха и архадух износились,— отвечает хитрец.

Женщина опечалилась, разрыдалась, оплакивает отца, просит бедняка:

— Добрый человек, не откажи, прихвати с собой что-нибудь на тот свет для моего отца. Может быть, облегчает бедняге!

— Хоть целую арбу нагрузи, все до питки отвезу! Благо дело! Для отца ничего не жалей!

Купчиха запрягла волов в арбу, нагрузила ее доверху добром: девять мешков пшеницы положила, девять — рису, муки — тоже девять, девять пудов масла, сыра столько же, меду девять кадучек, девять кувшинов вина, девять пар новой одежды, теплую шапку, девяносто червонцев...

Взвился бич мужичонки, двинулись волы. Бедняк едет домой, радуется, что так легко одурачил глупую бабу.

Вернулся домой купец. Купчиха все ему рассказала: как приходил с того света пиций, про отца говорил, как послала она отцу на тот свет гостинцев.

Купец сразу смекнул, что бедняк врал. Рассвирепел: одурачил, кричит, оп тебя, где это видало — на тот свет арбу добра посылать! Вывел своего лучшего скакуна, оседлал золотым седлом, вскочил в него и погнался за бедняком.

А бедняк погоняет волов как ни в чем не бывало. Оглянулся, видит — кто-то за ним гонится. Свернул в лес, спрятал арбу, волов пустил пастись, а сам уселся на обочине дороги, поставил перед собой шапку покойника-купчины, украсил ее цветами и стал ждать.

Купец подскочил к бедняку и спрашивает:

— Не проезжала ли здесь арба, полная добром?

— Проехала! Волы в нее хорошие впряжены, хозяин сидит осанистый. Такого люгавого, как ты, и близко не подпустит. Теперь уж далеко, наверное, отъехал!

— Скоро ли можно догнать его?

— Не знаю, поезжай!

— Ради бога, скажи, скоро ли?

— Поезжай, говорю, погляжу, как лошадь ведешь!

Купец огрел коня кнутом и рванулся вперед. Бедняк закричал ему вслед:

— Возвращайся назад, где тебе его догнать! Будь у меня время, помог бы тебе, да ничего не поделаешь — некогда!

Купец соскочил с коня, слезно просит бедняка помочь, даже подарки посулил!

— Нет, не могу, — покачал головой бедняк. — Мой господин охотится в лесу, а я стерегу сокола в шапке. Если упущу сокола, господин голову мне оторвет!

— Я остаюсь стеречь! Только договни того с арбой, что хочешь проси!

Купец дал мужичонке три червонца вперед, посадил на

коня с золотым седлом и послал в погоню за арбой. Бедняк отгрез коня илетью и крикнул купцу:

— Хорошо стереги сокола, не улетел бы!

Купец сидит и ждет. Стемнело, да ни того, кто стерег сокола, не видно, ни его господина. Купец приподнял потихоньку шанку и сунул под нее руку. Сокола и в помине нет! Понял купец, что тот мужичонка его одурачил. Вернулся домой и молчит, жене не признается.

А я вас спрашиваю, кто глупее — кучиха или купец?

143. Дьякон — безбородый обманщик

Было то или не было, жил один дьякон — безбородый обманщик. Все хорошо знали, какой он плут и обманщик, потому не стало ему житья в его деревне, и решил он перебраться куда-нибудь в другое место — искать себе счастья.

Много ли он ходил или мало — пришел в одну деревню. Узнал он, что здесь живет поп, который уже до нитки обобрал весь приход. А у этого попа есть дочь. Проплюхал наш безбородый обманщик и о том, что у попа недавно дьякон отправился в края, откуда не возвращаются, и вскоре остановился у его порога. Вошел в дом к попу и начал врать:

— Узнал я, батюшка, отец святой, что у вас место дьякона освободилось, потому и приехал к вам издалека. Будем знакомы. Дьякон я по имени Этакое — Хуже Этакого, и правом я хорош, и святое писание лучше меня никто не знает, да что говорить, такого дьякона днем с огнем вам не сыскать.

Обрадовался поп. Такого дьякона он и искал. Уговорились они, написали все условия и дали старосте на утверждение. Поп по этому уговору обязался поселить дьякона в своем доме, честно отделять ему треть всего дохода с паствы, а все приношения есть с дьяконом поровну. Уговор этот был заключен на три года, и до того срока поп не мог уволить дьякона, если дьякон сам того не пожелает. А если бы он захотел прогнать его, то должен был бы отделить ему половину прихода и всего своего имущества. Дьякон же за то обязан был прислуживать попу дома и выполнять все его поручения.

Первый год служил дьякон — безбородый обманщик честно, ни в чем попу не перечит; не парадуется на него поп, что солянце ему вместе с дьяконом взойшло. А дьякон

только время выжидает. Решил он дочкой пона завладеть, днем и ночью только и думает, как бы заполучить ее.

Старается дьякон, хитрит, только ничего у него не выходит. Понял дьякон, что дочка только отцу во всем повинуется, и придумал уловку. Повел он однажды пона недалеко, на горку, дрова рубить.

Хватил дьякон топором по огромному пню и вставил в расщелину клин.

— А ну, рассчитай, во сколько пальцев эта расщелина,— говорит дьякон — безбородый обманщик пону.

— В два пальца, не больше,— отвечает пон.

Так и подпрыгнул дьякон:

— Как это в два? Не в два, а в четыре и еще больше! Что ты, не видишь?

Заспорили они, уж и до ругани дошло.

— Так давай измерим,— говорит поп.

— Давай,— говорит дьякон.

Только вложил поп в расщелину пальцы, как дьякон хватъ — и выбросил клин.

Защемил пальцы поп и давай кричать:

— Ай, ай, умираю, помогите!

Засуетился дьякон, завозился и говорит:

— Чем же помочь тебе? Разве только сбегать домой, принести зубило, да боюсь, не даст без тебя дочка; да ты сам ей тогда крикни.

Побежал дьякон домой и говорит девушке:

— Отец твой велит покориться мне, поймал его какой-то лесной человек, убивает.

Не верит дочь:

— Этого отец никогда бы не сказал.

Обозлился дьякон, встал в дверях и кричит пону:

— Говорил я — не верит она мне.

Так и завизжал поп:

— Ой, дочка, спаси, сделай все, что он ни попросит.

А дочка во всем слушалась отца. Согласилась она и уступила дьякону. А дьякон, как добился своего, взял зубило и поплелся к пону на горку. Выдолбил пень, высвободил пону пальцы и отвел его в дом чуть живого.

Узнал поп, что с ним дьякон проделал, да как быть? Не может уволить его раньше трех лет, решил лучше смолчать.

С тех пор поп все шьет, к чему бы придраться и выгнать дьякона, да и дьякон ведь не дурак — во все глаза смотрит.

Идет время, пришел и Новый год.

Поутру наш поп с дьяконом отслужили в церкви службу с большим торжеством. Только день выдался очень морозный, замерзли они совсем.

Как отслужили, сказал поп дьякону:

— А ну, беги вперед и разведи такой огонь, чтобы у ворот меня уже теплом бы обдало.

— Сейчас,— сказал дьякон и побежал.

Как подошел поп к воротам, и вправду его жаром обдало, смотрит — а это дьякон кухню поджиг, так вся и пылает.

Долго кричал и ругался поп, да сам же и оказался не прав.

— Как же мне было разжечь такой огонь, чтоб у ворот уже было тепло? — оправдывался дьякон.

Пригрозил было ему поп, что выгонит его, да дьякон напомнил уговор; опять смолчал поп.

Долго думали и гадали поп с попадьею, как бы от этого дьякона избавиться, да так и не придумали.

Однажды говорит поп дьякону:

— Крадет у нас кто-то вино. Придется тебе попочевать в мараши, выследить вора.

— Хорошо,— сказал дьякон и отнес свою постель в мараши.

Как настала ночь, встал поп, взял в руки наостренный топор, влез в мараши и давай рубить что есть силы спящего дьякона-обманщика. Полилась кровь, да такая грязная, какой поп и не видел никогда. Побежал поп к жене и кричит с перепугу:

— А ну, жена, помоги, убил я этого пегодяя, да столько крови он пролил, что и меня измазал, почисти меня скорой, как бы не увидел кто.

Перебегалась и жена, давай чистить мужа.

— Что за кровь у этого дьякона, как легко она отмывается,— говорит попадья.

Рассердился поп:

— Что ты чепуху несешь? Не знаешь разве, что у грешников всегда такая жидкая кровь бывает?

Уговорились потом поп с попадьею, как им быть.

— Ты, как настанет утро, пачки кричать: «Помогите!» — говорит поп,— а я побегу к старосте и заявлю: «Так и так, дьякона моего убили». Так никто и не узнает.

Уговорились муж с женой и, успокоенные, улеглись спать.

Еще и утро не настало, как помчался поп к старосте, а попадья принялась кричать.

Сбежались все, и что же видит наш поп? Явился вместе со всеми и его дьякон — безбородый обманщик. Начал тут дьякон хвастаться тем, как он попа обманул, как уложил в свою постель бурдюк, полный вина, а сам притаился в углу и как влез тихонько какой-то вор, которого он хоть и не узнал, но борода у него очень смахивала на попову, как этот вор хватил топором по бурдюку и убежал, словно помешанный.

По всему миру разнес дьякон эту историю. Смеются все, издеваются над попом. Что делать попу? Пришлось ему просить у дьякона прощения. Зажали они по-прежнему. Тут и пасха пришла. Опялся поп на причастии церковным вином и заснул мертвым сном. А попадя с дочкой пошли прогуляться к соседям.

Решил дьякон воспользоваться случаем. Взял бритву, подкрался к попу и выбрил ему полголовы и полбороды. Кончил свое дело и пошел навещать соседей.

Как проснулся поп да увидел, что с ним, тотчас поднял, чьих рук это дело. Обозлился, вскочил, схватил ружье и побежал убивать дьякона. Увидел его дьякон и пустился наутек. Убежал куда-то и спрятался.

Бежит поп, ищет дьякона. Как встретит кого, так и кричит:

— Не видали ли вы, дети мои, Этакого?

— Нет, этакого еще не видали, — смеются встречные.

— Так, может, Хуже Этакого видели?

— Не дай нам бог увидеть еще кого-нибудь хуже этого попа, наполовину бритого, — говорят ему со смехом.

Всю деревню обжегал поп, да так и не попал на след дьякона Этакое — Хуже Этакого.

А дьякон на другой день высылает к попу людей:

— Так и так, я от тебя уходить не хочу, а если ты меня гонишь, изволь сдать мне по точному расчету половину всего твоего имущества, не то не прощу я тебе, что с ружьем за мной гнался. А не исполнишь все по договору, и то тебе припомню, как ты меня в мараи убивать ходил, — и попадешь ты за все это прямо в Сибирь.

Испугался поп, как бы на старости лет еще в Сибирь не угодить. И посредники уговаривают его:

— Помирился лучше.

Сдался поп, говорит себе: «Видно, не суждено мне избавиться от этого дьякона, быть ему попом в этом приходе».

На другой же день обвенчал поп свою дочь с этим

дьяконом-обманщиком; обвенчал и поселил их у себя же в доме. Все свое имущество зятю передал и приход свой тоже ему отдал. Началось веселье, обрадовались все, что такого ловкого попа бог им послал в приход.

144. Храбрый Сасня

В одной деревне жил бедный человек по имени Сасня. Тело его было сплошь покрыто язвами, которые облепляли мухи, и это причиняло ему ужасные страдания.

Как-то знойным летним днем сидел напн Сасня перед духапом. Мухи до того осточертели ему, что он размахнулся и прихлопнул разом сто мух. Потом сосчитал, убедился, что их целая сотня, и нацарапал на стене духапа: «Сасней зовут меня, убиваю сотню я!»

Тот духап стоял на берегу реки. Вздрыбилась как-то река и снесла его в другое царство. Выловили духап придворные царя, прочли надпись и сообщили царю, что, мол, живет на этом свете побывалый силач. А в то время царь как раз собирался идти войной на соседнее государство.

Посоветовались цари между собой:

— Что толку в гибели целых народов, если можно обойтись единоборством всего-навсего двух человек?

И порешили, что победа достанется тому, чей представитель выиграет поединок.

Вот первый царь послал гонцов на розыски Сасни. Те нашли его и доставили царю. Спрашивает царь Сасню:

— Говорят, ты хороший воин?

А Сасня отвечает:

— Великий царь, я — человек убогий, не по силам мне ратные подвиги.

Но царь не поверил ему.

— Да уж слышаны мы о твоём убожестве, — усмехнулся он, выдал бедному Сасни оружие и послал его на поле брани.

«Как же мне теперь быть? — подумал несчастный. — Прикончит меня этот бугай в два счета», — и, зажмурившись, стал медленно двигаться в сторону противника.

Глянул на него вояка и решил, что Сасня хочет одолеть его хитростью. Смекнул он это и сам тоже зажмурился.

А Сасня тем временем все ждет и не может понять, почему противник не нападает на него. Приоткрыл он

осторожно один глаз и видит, что у его врага глаза зажмурены. Подкрался к нему паш Сасия и отсек ему голову. Отсеченную голову он преподнес царю. Обрадовался царь победе и щедро вознаграждал Сасию.

145. Мнимый прорицатель

Жил один безалаберный и очень ленивый крестьянин. Зимой сидел он возле очага, копался в золе и руки грел, а летом и вовсе валялся, как неживой.

Однажды проходили через то село царские слуги и объявили всем:

— Царь потерял драгоценный алмаз, мы ищем прорицателя, чтобы он нашел вора.

Жене надоело безделье ее мужа. Побегала она за царскими гонцами и сказала им:

— На берегу реки лежит один человек. Он — знаменитый прорицатель. Правда, есть у него один изъян: пока не поколотить его взрядно, он не согласится гадать.

Поспешили гонцы к реке. Смотрят — лежит на берегу лодырь и мухи его поедом едят.

— Вставай, человек, идем с нами к царю. У него алмаз цепой в целое царство пропал, ты должен найти вора.

Зевает лодырь:

— С чего это вы взяли, что я могу вора найти? Во сне, что ли, привиделось?

— Твоя жена нам сказала, и, если ты тотчас же не согласишься, исполосуем тебе спину плетью.

Долго отнекивался лежебока, долго убеждал их... Они поколотили его и погнали к царю.

Царь и говорит:

— Я сам сейчас исчитаю, каков он прорицатель.

Посадили царь кузнечиков в коробку, сжал коробку в руке и спрашивает:

— Ну-ка, отвечай, что лежит в этой коробке? Угадаешь — отпущу, не угадаешь — ведро голову срубить.

Задумался лентяй. Долго думал, потом с отчаяния запричитал:

Скажи, кузнечик, прыгай, кузнечик,
Горе тебе, жена моя,
Зачем ты меня погубила!

Все захлопали в ладоши от радости: «Угадал! Угадал!» И впрямь редкостный прорицатель!

— Да не прорицатель я! — твердит свое лежебока. Снова поколотили его так, что бока посинели, и заперли одного — пока, говорят, не найдешь похитителя алмаза, не видать тебе солнечного света!

Сидит ленивец в тоске-печали, а тут подходит ко дворцу его жена. Жалко ей стало мужа, испекла она пироги и принесла узнику. К мужу ее не пустили, подкралась она к окну. Голодный крестьянин так и вскинулся:

— Что принесла?

— Пирогов тебе папекла, — шепчет жена.

— Сколько? — тихонько спрашивает муж.

— Девять, десятый я по дороге съела.

А царский алмаз, оказывается, похитили девять дворцовых слуг. Они все время подслушивали, что прорицатель скажет.

Услыхал один из них разговор мужа с женой и побежал товарищей предупредить:

— Пропали мы! Он знает, что нас, казнокрадов, девять. Об этом он сейчас жене своей нашептывал.

Пришли вору к лентяю, стали его подкупать, упрасивать, чтобы он не губил их жен и детей.

— Ладно, — говорит тот, — найдите среди царских гусей хромого и дайте ему проглотить алмаз.

На следующий день привели прорицателя к царю:

— Ну, говори, кто похитил алмаз, иначе прощайся с жизнью!

— Алмазного вора и впрямь следует убить, — сказал лентяй, — найдите среди ваших гусей хромого и велите его зарезать, он нашел пропавший алмаз и проглотил его.

Привели гуся, зарезали и нашли алмаз. Царь щедро одарил прорицателя. И вору, и свою очередь, в долгу перед ним не остались.

146. Дуреха

Жила-была на свете одна дуреха. Взяла она как-то моток бумажной пряжи, подошла к затянутому тилой болотцу и кличет лягушек:

— Вот я принесла вам нитки, свяжите-ка мне носки. А лягушки в ответ только: ква, ква, ква.

— Так свяжете или нет? — спрашивает дуреха. Лягушки опять давай квакать.

— Значит, свяжете! — обрадовалась дуреха и швырнула моток в воду.

Прошло время, приходит она к болотцу и спрашивает:

— Ну как, связали?

А лягушки опять свое «ква» да «ква» и пичего больше.

«Раз так,— решила женщина,— пойду сама заберу». Ступила она в болото и нашла там вместо носков золотое мотовило. Вытащила его из воды, отнесла домой и положила на полку.

Пришел к ночи домой муж. Глянул на полку — видит, лежит мотовило. Он и спрашивает: что, мол, это?

А жена в ответ:

— Лягушки не связали мне носков, вот я и забрала у них эту штуковину.

— Спрячь хорошенько,— наказал ей муж.

Назавтра взяла женщина да поменяла это мотовило на несколько кукол и один шлепанец. Ей было давали пару, да нет, не взяла: не положено, говорит, мне столько. Пришла она домой, рассадила кукол в ряд, нацепила на одну ногу шлепанец, ходит туда-сюда, поглядывает на кукол и поет: «Алай далалис далало, алай далало».

Тут воротился домой муж:

— Чем это ты занята, женщина?

— Да вот я выменяла на все это свое мотовило,— отвечает жена.

Разозлился муж, подскочил к ней, надавал хороших тумаков и прогнал вон из дому.

Пошла женщина и уселась на мусорной свалке. Идет мимо собака. «Ой,— говорит себе дуреха,— послал за мной муженек лайку, да я не ворочусь в дом». Потом прошел мимо петух. «А теперь,— говорит,— прислал крикуна, а я все равно не пойду». Смотрит — плетется мимо нагруженный поклажей верблюд. «А вот теперь,— говорит дуреха,— когда он прислал верблюда, я пойду».

Поймала она верблюда и повела домой. Пришла и говорит мужу:

— Прислал ты за мной лайку — я не воротилась, прислал крикуна — я и тогда не воротилась, а вот как увидела, что послал ты за мной верблюда, так и пошла домой.

Глянул муж — а верблюд нагружен дорогими камнями да жемчугами.

— Град пошел!— крикнул он жене. Потанцил ее, засадил в топа, покрыл кожей, рассыпал сверху кукурузное зерно и пустил на него гусей. Потом припрятал камни, а верблюда зарубил и бросил в яму. Ну, уж после этого выпустил жену.

А хозяин ищет своего пропавшего верблюда.

Пришел в дом к дурехе и спрашивает:

— Верблюда не видела?

— Не знаю,— говорит,— одного какого-то верблюда я привела домой.

Спросил об этом хозяин верблюда у мужа дурехи, а тот ему: ничего-де не знаю, не ведаю.

Пошел тот человек к царю жаловаться. Призвали во дворец дуреху с мужем. Спросил царь мужа дурехи, а тот в ответ: ничего-де я не видел. Спросил тогда царь и жену, и она снова повторила, что привела домой какого-то верблюда.

— Когда?

— Когда шел град.

— А когда шел град?

— Когда градина тебе в глаз угодила.

— Выгоните сейчас же эту дуру! — в сердцах крикнул государь. А был-то он, сказывают, крив на один глаз.

147. Сирота и плешивый лгун

Встретились как-то карагаджийский¹ сирота и мцхетский² плешивец-лгун. Затеяли долгую беседу. Лгуну хочется обмануть сироту, да никак не получается, сирота не поддается. Так и разошлись.

Однажды сирота понес на мельницу молоть полмеры зерна. Плешивец-лгунишка тоже там оказался, столько же зерна принес. Думает: «Как бы на этот раз обмануть сироту, выманить у него зерно».

— Братец,— говорит он сироте,— если порознь будем зерно молоть, вся мука по щелям рассыплется, да и мельник больше оброку возьмет. Давай смелем вместе!

Сирота согласился. А плешивец хитрит:

— Зачем нам делить муку — вот дрова, вот вода, испечем хлеб и поделим!

Сирота и на это согласен. Лгунишка разошелся:

— И хлеб делить незачем — кто лучше сказку расскажет, тому весь и достанется!

Сирота не возражает.

Плешивец начал рассказывать:

— У моего отца была гусиная упряжка. Повез он на ней в Мцхету дрова. Погубил бедных гусей, а ничем не разжился!

Теперь черед за сиротой:

— У моего отца тоже была гусиная упряжка. От долгой работы гусям натерло загривки. Отца научили: приложи к ним толченых орехов. Отец так и сделал. Выросло на гусиных шеях ореховое дерево. На дерево села ворона. Отец рассердился, занустил в нее пригоршней земли, а от нее на дереве целое поле расстелилось. Мы взбирались на него каждый год, пахали, сеяли, жали. Однажды увидели — в поле заяц траву щиплет. Отец бросился к нему, поймал и давай бить. Бил, бил, пока не вышло из него письмо.

Плешивец — любопытный, не выдержал:

— Что же было написано в письме?

— А то, что сироте весь хлеб, а плешивому лгуину — ничего!

Сирота забрал весь хлеб, сложил в мешок и пошел вояси.

Плешивец затрусил за ням:

— На хлеб у меня нет денег, дай двугривенный, принесу завтра.

Сирота дал ему двугривенный и предупредил:

— Если завтра вечером не принесешь, приду к тебе сам.

Распрощались и пошли в разные стороны. Плешивый лгуин не принес сироте долга по уговору. Сирота отправился к нему сам. Плут принял гостя с почетом, хорошо угостил и на прощание сказал:

— Завтра непременно принесу долг!

— Не принесешь — знай, сам приду!

И на другой день не принес плешивец сироте долга. Сирота явился к нему вечером, как и обещал. Плут опять его хорошо припимает, угощает, долг назавтра припестит обещает. Так и водит каждый день к себе сироту, оскудел даже от частых пиров. Наконец сказал сироте:

— Давай станем кумами, крести моего сына!

— Хорошо, окрещу, будем кумами! — отвечает сирота.

Сыграли веселые крестины. Два дня пировали. На прощание сирота сказал плешивцу:

— А долг когда принесешь?

— Завтра!

— Не припесень — знай, сам приду!

Опять не несет долга лгунишка, сирота идет к нему в гости. Лгуи угощает его на славу, а долга не отдает, на прощание сулит по обычаю:

— Завтра отдам!

Жене сироты надоели хождения к плешивцу.

— Что ты связался с ним из-за двугривенного! На целый червонец обуви износил. Не даст, ну и бог с ним! — сердится она на мужа.

— Нет уж, до конца сведу счеты с лгунишкой! — упирается сирота.

А лгунишка тем временем говорит своей жене:

— Когда придет сирота, запричитай: помер бедный мой муж-плешивец! Остается он ни с чем и уйдет.

Сирота пришел-таки. Жена плешивца убивается, причитает: бедный мой муж, обрядили тебя в белый саван!

Сирота сказал:

— Ну, помер так помер. Отнесу хоронить — кум все же, да и давний приятель!

Собрался народ. Сирота взял здоровенное шило, тычет плешивцу в бок. Плешивец искривляется:

— Ой, ой! Вай!

— Возвращай долг! — шепчет сирота.

Плешивец притих. Сирота опять тычет ему шилом в бок, плешивцу больно, да приходится молчать.

Уложили илута в гроб, потащили на кладбище. Поп тут сказал:

— Не весь дух еще из него вышел, не будем сегодня хоронить, подождем до завтра.

Внесли плешивца в церковь, стеречь поставили сироту — кого же еще?! Ночью сирота тычет шилом плешивца в бок, тот искривляется, да как услышит про долг, снова умолкает.

По дороге идут двенадцать разбойников. Собираются делить награбленные денежки. Забрались потихоньку в церковь. Сирота спрятался в ризнице. Разбойники поделили денежки, осталось немножко, не знают, что с ними делать.

— А это кому? — спрашивает один.

— Тому молодцу, кто одним взмахом сабли вот этот гроб пополам рассечет! — отвечает другой.

Все согласились. Встал один разбойник, обнажил клинок, вот-вот ударит по гробу.

Плешивец все слышит. От страха у него чуть сердце не разорвалось. Шилом кололи — орал, а тут саблей хо-

тят рассочь. Разбойник занес саблю, пленивец выскочил из гроба да как закричит:

— А ну-ка, покойники, старые да новые, вставайте все, ловите разбойников!

Сирота откликнулся ему басом:

— Ты новый, я — старый, бей их всех, но жалей!

Разбойники с перецугу разбежались кто куда, только их и видели. А денежки остались в церкви. Пленивец и сирота делят их между собой. Разделили, сирота ткнул пленивца в бок шилом:

— А ну, отдавай долг!

Разбойники опомнились и послали одного в церковь — поглядеть, что там делается. Подошел он к дверям и прислушался. Сирота кричит на пленивца: отдавай долг! Пленивец видит — кто-то голову в дверь просунул, бросился, стащил с разбойника шапку и швырнул сироте:

— Вот тебе твой двугривенный, чего еще больше!

Разбойник со всех ног ринулся вон и рассказал сотоварищам:

— Хорошо еще, что живы остались. Столько покойников там собралось — и по двадцать копеек на всех не хватило, одному мою шапку отдали! Бежим скорей, надо спастись!

Разбойники разбежались. А сирота и пленивый лгуи распрощались и пошли каждый своей дорогой.

148. Полторы горсти

Жили два человека. Был у них котелок, было и лобно, да соли не было. Сказал один другому:

— Не сварить нам так лобно. Походи в город, купи полторы горсти соли.

— Забуду я, как запомнить? — говорит другой.

— А ты иди и повторяй: «Полторы горсти, полторы горсти» — не забудешь.

Пошел тот человек в город соль покупать.

Идет, видит — крестьянин вспахал поле, засекает и приговаривает: «Тысяча на одно, тысяча на одно».

А идущий в город кричит: «Полторы горсти, полторы горсти».

Обозлился пахарь:

— И прошу, чтобы на одно зерно тысяча взошла, а ты говоришь: полторы горсти!

Схватил его и избил хорошенько. Избил, отвел душу и отпустил. Спрашивает тот:

— За что ты избил меня?

— За то, что я сею, а ты говоришь: полторы горсти.

— Так что же мне говорить?

— «Тысяча на одно, тысяча на одно» — я бы тебя не избил, еще отблагодарил бы.

Пошел дальше этот покупатель соли. Идет одной деревней, навстречу покойника несут, а он идет и кричит: «Тысячу на одного, тысячу на одного!» Схватили его родственники покойника и давай бить, избili хорошенько, отвели душу, отпустили.

— За что вы меня избили?

— За то, что говоришь: тысячу на одного.

— А что же мне было говорить?

— А ты бы подошел, снял шапку и сказал: «Пусть это несчастье будет первым и последним в вашей семье» — мы бы тебя отблагодарили и с честью проводили.

Пошел дальше этот «Полторы горсти», встретил в пути свадебный поезд, снял шапку и стал говорить: «Пусть это несчастье будет первым и последним в вашей семье!» Схватили его, разложили и что в нем было ширины, в длину обратили. Отвели душу и отпустили.

Отошел немного бедный «Полторы горсти» и спрашивает:

— За что вы меня избили? Что я вам сделал? Меня так научили, а что же я должен был сказать?

— Надо было подойти, снять шапку и крикнуть: «Да здравствует свадебный поезд, да здравствует свадебный поезд!»

Поплелся «Полторы горсти» дальше, весь избитый, еле ноги волочит. Идет и думает, как быть, что говорить, если встретит еще кого. Идет и видит — подкрался охотник к голубям и уже курок взвел, вот-вот выстрелит. Сорвал наш «Полторы горсти» шапку, бросился к охотнику и давай кричать: «Да здравствует! Да здравствует!»

Вспорхнули голуби и улетели.

Вскочил охотник, зубами скрежещет, бросился на бедного «Полторы горсти» и давай колотить его прикладом по спине. Бил его, бил, чуть всю душу не выбил. А тот уже чуть жив, спрашивает только:

— За что ты меня бил, как мне нужно было говорить или поступать?

Сказал охотник:

— Голоса бы не подавал, нагнулся бы, пританялся,

прополз тихонько, не снугнув бы голубей — и я бы тебя не тронул.

Поплелся дальше несчастный «Полторы горсти».

Четыре человека потеряли кошелек с деньгами, ходят, ищут всюду по земле. Увидел их «Полторы горсти», наткнулся, притаился и ползет вдоль плетня. Заметили его те, подбежали и схватили:

— Ах ты негодяй, нашел деньги, а теперь прячешься, хочешь сбежать?! — и давай бить беднягу.

Били, били, так его избивали, что он и ног домой не доволоч.

Мор — там, шпр — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

149. Трое глухих

Жил на белом свете глухой пастух. Однажды потерялись у него две козы, и пошел он их разыскивать. Увидел в поле пахаря, подошел к нему и спрашивает:

— Эй, друг, я тут козочек своих потерял, не выдал ты их случайно?

А пахарь, тоже тугой на ухо, отвечает ему:

— Я все поле воп до той черты вспахал,— и показал рукой в самый конец поля.

Пастух решил, что он показывает, где спрятались его козы, пошел туда и действительно нашел там обеих. По случилось так, что, бодаясь друг с дружкой, одна другой обломала рог. Пастух и подумал про себя: «За то, что пахарь помог мне отыскать моих коз, отдам я ему однорогую козочку». Подвел он козу к тому пахарю и показывает на нее рукой: мол, дарю ее тебе. А тот отвечает:

— Ты чего мелешь-то, не ломал я ей рога.

Пастуху показалось, что пахарь требует у него двурогую козочку, и недовольно спрашивает:

— Это за что же тебе двурогую-то давать? Дают тебе однорогую, вот и бери ее на здоровье!

Так слово за слово и повздорили они между собой. Вдруг видят — сидит неподалеку какой-то старичок, направившись к нему и стали жаловаться друг на друга. Пастух говорит:

— Потерял я двух коз, он помог мне их найти. За помощь я дарю ему однорогую, а он не согласен и требует двурогую.

А пахарь все твердит свое:

— Не трогал я козу, а этот наговаривает на меня, будто я отломал ей рог.

Поглядел на спорщиков старик и сказал:

— Да хоть бы сам ваш дед явился, все равно я со снохой не помирюсь.

Старик тот тоже глухим оказался.

150. Бубенщик

Жил бубенщик. Хоть и очень искусен был он в своем деле, да никто не знал его и на пиры не звал. Однажды жена сказала ему:

— Что же ты повесил бубен на стену да любишься им? Пойди мир погляди, может быть, и разживешься чем!

Взял бубенщик свой звонкий бубен и пошел. Подошел ко дворцу, а там свадьбу играют. Стал нани бубенщик под балконом и забил в бубен. Гости дивятся: откуда сладкие звуки льются? Нашли бубенщика и позвали на свадьбу. Собрал он на пиру двадцать червонцев, а когда пир кончился, домой пошел. Жена спросила его:

— Ну, что ж ты добыл?

Сунул бубенщик руку в карман, хочет достать червонцы, да так и обомлел... карман прохудился и все денежки вывалились. Долго он горевал, да чем такому делу поможешь?

Сшил в сердцах новый карман в шесть слоев и опять пошел мир глядеть, добром разживаться. Застиг его дождь, сбился он с пути, забрел в густой лес. Там поймал сороку-строкотунью, сунул за пазуху и пошел дальше.

Тем временем стемпело. Бубенщик видит: светит вдали огонек, — и пошел на него. Постучался в ворота, просит впустить его почевать. Отвечает из дому женщина: «Хозяйца дома нет, как я тебя пущу?»

Бубенщик долго просил, наконец она впустила его, постелила постель за дверью и тотчас же велела ложиться спать. Бубенщику хоть и не спится, а притворяется он, что уснул. Хозяйке тоже не до сна: ждет, видно, кого-то. Немного спустя пришел какой-то человек с подарками. Женщина встречает его, привечает: «Что ж ты так долго не бывал, мой милый?» Он ей тоже сладкие слова говорит. Попировали, потом хозяйка постель постелила. А бубенщик не спит, все видит, плут.

Опять кто-то в ворота заколотил. Женщина шепчет любовнику: «Скорей полезай в винный кувшин, не то

муж мой убьет тебя!» Посадила его в кувшин, а сама пошла отворять мужу ворота.

— Что так долго не шла, ждать заставляла? — спрашивает муж.

— Спала крепко и не слышала! — лукавит жена.

Муж увидел бубенщика за дверью.

— Это кто такой?

— Уиросил меня пустить ночевать!

— Ну, так буди его и неси еду!

Бубенщика будить не надо. Сели за ужин. Хозяйка таких лепешек дала, что и собаке их не разгрызть. Бубенщик морщится, прижал за пазухой сороку, та как застрекочет! Хозяин востропелся:

— Что она говорит?

Бубенщик объясняет:

— Говорит, что в углу вило в бурдюке, принесите да пейте!

Послал хозяин жену, велел вина принести. Бубенщик опять жмет сороку.

— Что это она?

— В ларе пироги да кукурузные лепешки. Несите, мол, и ешьте!

Принесли пироги. Бубенщик ударил в бубен, вирует. Съели все пироги, бубенщик опять жмет сороку. И курицу пришлось нести хозяйке, и лаваш, и пидеяку. Бубенщик еще крепче прижал сороку. Хозяин спрашивает, о чем еще она толкует, а бубенщик говорит:

— Выкупайте ее в винном кувшине!

Посадили сороку в кувшин и кипятком окатили. Сварилась сорока, да и любовник хозяйки заодно. Наутро, когда хозяин ушел, напустилась она на бубенщика:

— Ты же знал, что в кувшине человек, за что погубил его?

Бубенщик перекрестился.

— Тащи теперь его хоронить, да так, чтоб никто не видел.

Бубенщик согласился, но потребовал:

— Дай мне хорошего осла и сто червонцев, тогда хорошо!

Хозяйка дала все, что просил бубенщик. Оседлал он осла, посадил на него полюбовника-покойника, привязал крепко к седлу и погнал осла. Приехал к какому-то гумну. Там работники сидят и закусывают. Бубенщик пустил осла к куче зерна, и сам спрятался. Работники увидели осла и спрашивают седока:

— Эй ты, чего зерном осла кормишь? Не лучше ли ему соломы дать?

Что может услышать покойник? И ухом не ведет! Рассердились работники, швырнули в осла палкой, осел избрыкнул и свалил седока. Выскочил тогда бубенщик и давай кричать:

— За что вы убили моего отца-старика, грех на душу взяли?

Хозяева гумна упирают бубенщика, а он ни в какую — орет и грозитя. Хозяева сказали ему:

— Дадим тебе сорок червонцев, а покойника похороним. Только никому не рассказывай про случившееся.

Бубенщик и слушать не хочет. Не пужны, говорит, мне ваши деньги. Ублажают его, набавляют цену. Дошли до ста червонцев. Согласился тогда бубенщик. Похоронили покойника, справили поминки, дали бубенщику сто червонцев и спровадили восвоея.

Ходил он, ходил целый день, застигла его ночь у мельницы-развалюшки. Вошел он туда, прикорнул в уголке. В полночь ввалился к нему медведь, приволок мельничный жернов и привалил его к двери. Бубенщик испугался, а потом подумал: будь что будет, в последний мой час хоть на бубне поиграю. Ударил в бубен. Медведь испугнулся, дверей никак не найдет, мечется по мельнице, рычит!

Проходил мимо мельницы купчина, несметные богатства нес. Услышал звуки бубна, подумал: «Кто бы мог быть в мельнице-развалюшке?» Толкнулся в дверь. Жернов упал, дверь распахнулась, выбежал медведь и пустился наутек.

Бубенщик орет:

— За что ты меня, купчина, погубил! По цареву приказу учил я медведя плясать, и ты выпустил его!

Купец просит:

— Бога ради, не говори ничего царю, не то убьет он нас обоих. Даст бог, придумаем что-нибудь!

Бубенщик разошелся:

— Придумаешь ты, негодник! Что скажем царю?

Купец предлагает:

— Отнеси ему вьюк золота да серебра, может быть, простит?

Бубенщик не слушает. Купчина сулит два вьюка.

Согласился тогда бубенщик. Взял два вьюка золота да серебра и пошел домой. Пришел и зажил весело и безбедно.

151. Пастух Бична

Жил великий и могущественный царь. У него была дочь, прекрасная, не виданной под солнцем красоты девушка. Решил царь отдать свою дочь тому, кто расскажет три самые невероятные небылицы.

Многие желали получить в жены ту красавицу, но никто не мог угодить царю. А неудачникам отрубали головы и вывешивали их на башнях замка.

В том царстве жил пастух Бична. Однажды, пригнав вечером стадо в деревню, Бична сказал матери:

— Мать, царь отдаст свою дочь тому, кто сумеет рассказать ему три небылицы. Давай пойду, что будет — будет, попытаюсь, может, выиграю и ту царскую дочь приведу тебе в невестки.

— Слы мой, что ты? Кто тебе отдаст царевну?

— А что, разве я не человек? Что мне, ума не хватает?

— Оставь, сынок. Все равно не отдадут тебе ее.

— Отчего же?

— Знаешь ведь, сынок, скольким прекрасным людям отрубил царь головы за то, что они не сумели угодить ему. Ну где тебе выдумать такую небылицу, какую никто из этих знатных и ученых людей выдумать не мог?

— Смогу или нет, посмотрим. Разве те, кто будут меня спрашивать, не такие же люди, как и я? Помнишь, что говорил отец: человек должен все испытать. Вот я и хочу испытать свою судьбу — посмотрим, кто победит.

Мать долго отговаривала Бична, но он не послушался. Отправился к царю, пришел во дворец и стал у дверей. Оглядел вывешенные на башнях высохшие человеческие головы, но не дрогнуло у него сердце.

Вышли царедворцы и спросили:

— Кто ты и чего хочешь?

— Я крестьянин и пастух, хочу царю небылицу рассказать.

Царедворцы доложили царю и по его приказу пригласили Бична во дворец, подали ему кресло, усадили.

Вышел царь, вызвал палачей и говорит:

— Рассказывай свою небылицу.

— Вернулся я вечером с пастбища домой. У матери ничего к ужину не оказалось. Я тотчас вышел из дому, перепрыгнул в наш огород, чтобы сорвать тыкву, которую я уже давно заприметил. Пришел, смотрю — нет тыквы. Пошел я по стеблю, а он далеко протянулся, не видать

конца. Иду за ним, а он до моря дотянулся и по морю тинется. Стал я на стобель, иду, вышел на другой берег моря. Вижу — вот она, моя тыква! Сорвал ее, повернулся и снова по стеблю вышел на эту сторону моря. Принес тыкву домой, отдал матери. Приготовила она вкусный ужин, и мы поужинали.

Эта небылица понравилась царю и его царедворцам:

— Хорошо. Иди теперь домой, придешь завтра — расскажешь вторую небылицу.

Настало утро. Бичиа помылся, надел шапку и отправился во дворец. Пригласили его к царю, а там уже и царь, и все придворные, и палачи собрались. Подали пастуху кресло, усадили и велели рассказывать.

— Вчера готовила мать ужин, — начал Бичиа, — но для приправы не оказалось у нее соли. Побежал я за солью в Гумбры¹. Подошел я к соляной скале и вспомнил, что ни тесака, ни кирки не взял с собой. Что было делать? Стал я биться головой о скалу. Отбил так один большой кусок соли, взвалил на спину и понес домой. Приправили еду и вкусно поужинали.

Эта небылица тоже понравилась, и сказали пастуху:

— Иди теперь домой, а третью небылицу завтра расскажешь.

Очень доволен Бичиа, а царь думает думу — не знает, к какой прибегнуть уловке, как отправить проклятого пастуха на тот свет? Созвал царь всех своих советников. Много ли говорили или мало, но решили: завтра, что бы ни рассказал пастух, всем в один голос кричать: «Правда, правда!».

Все разошлись, уверенные, что никакая сила не спасет завтра пастуха от смерти. Но судьба готовила иное.

Настало утро. Бичиа-пастух отыскал где-то огромный чан и докатил его с помощью нескольких товарищей до царского дворца.

Как только увидели царедворцы этот чан, тотчас закричали пастуху:

— Что это такое, что ты приволок?

— А это вот что: два таких чаша, полных драгоценных камней и жемчугов, задолжал отец нашего царя моему отцу.

— Правда, правда! — закричали царедворцы.

Вышел на этот шум царь, набросился на советников:

— Что вы меня губите? Когда мой отец задолжал столько драгоценностей? И где у меня столько имущества?

— Ложь, ложь! — стали кричать царедворцы.

— А ложь, так отдавайте царевну.

Пришлось царю выбирать: или отдать пастуху два чаши драгоценностей, или выдать за него свою дочь. Так как царство было не очень богатое, то и решились отдать Бичпа прекрасную царевну. Обвенчали их, справили свадьбу и отдали полцарства. Победил пастух и взял жену домой к матери, где они зажили весело и счастливо.

Там оставил я мор,
Здесь застал нпр.
Там просыпал золу,
Здесь пошел муку.

152. Сирота и мельник

Жил сирота, жил он бедно и скудно. Как-то раз послал его с кукурузой на мельницу. Мельник встретил сироту и сказал:

— Подсыплю я к твоей муке свою, и испечем лепешку!

Бросили лепешку в золу и стали ждать, когда она испечется. Мельник — хитрый, хочет как-нибудь обмануть сироту. Думал, думал и придумал:

— Пусть лепешку ест тот, кто лучшую сказку расскажет.

Сирота отнекивался, не хотел, а потом согласился.

Начал рассказывать мельник:

— Отец мой был бедный-пребедный, да здоровый и умный. Кормили его пчелы. Ходил он за ульями, холил пчел, каждый вечер считал их, пересчитывал. Как-то раз одной пчелки недосчитался. Пошел ее искать. И меня с собой взял. Ходили мы, ходили и пришли в какое-то место. Видим — человек впряг нашу пчелку в соху и пашет. Отец мой бросился к нему, отнял пчелу, да видит — ярмо растерло ей шею. Пришлось мы ее домой. Отец знал, как пчелу лечить — грязью из-под корней ореха смазывать. Пчела поправилась, потом мы и сами стали ее запрягать в соху. А когда отец помер, я в мельник подался!

Настал черед сироты:

— Был у нас гусь, кормилец наш. Гусят выводил, яйца нес, верно нам служил. Раз мы его искали, все кругом обыскали, не нашли. Пришли к человеку, который пахал на вашей пчеле. Он и нашего гуся впряг в соху. Бросились мы к нему, вырвали гуся и понесли домой. А гуся ярмо сильно шею натерло. Отец побежал в деревню к лекарю,

попросил лекарства — два дня обещал за него поработать. Лекарь патолок орехов, приложил гуся к шее. На третий день видим — у гуся на загривке выросло огромное ореховое дерево. Да такое урожайное, каждый год мы его трусили и тем кормились...

Хитрый мельник чувствует, что сирота его вот-вот переборет.

— Поглядим, — говорит, — на нашу лепешку, как бы не сторежала!

— Что ты, лепешка и не испеклась еще. Слушай дальше!

— Как-то отец натрусил орехов, слез с дерева, поглядел вверх, увидел — три орешка на ветке остались. Взял дубинку, хочет их сбить. А у орехового дерева ветви густые, раскидистые, палка зацепилась за них и застряла. На другой день на дереве поле расстелилось, колышется — чудо, глаз не отвести. Удивились мы с отцом и обрадовались. Наняли быков, взгромоздили наверх плуг да соху, посеяли на поле хлеб. Вырос хороший урожай. Мы взяли серпы, припались жать. Вдруг, откуда ни возьмись, появился на поле заяц, пробежал перед нами. Мы за ним. Отец бросил в зайца серпом и угодил ему в заднюю ногу. Мы бежим за зайцем, а хлеб сам собою вязать. Заяц устал, но хлеб весь оказался скатым. Упал заяц, а мы развели огонь, содрали с зайца шкурку и изжарили его. Задняя нога, в которую серпом угодило, досталась мне. Отец сказал: «Разбей кость, увидишь в ней мозг!» Я разбил, а вместо мозга нашел письмо. Показал отцу. Читали мы, читали...

Мельник не выдержал:

— Ну и что же было в письме?

— А то, что сироте — лепешка, а мельнику — крошки!

Перехитрил сирота мельника, оставил его ни с чем, а сам лакомится лепешкой.

153. Блоха и муравей

Блоха и муравей подружились. Пошли вместе. Пришли к ручью. Блоха сказала муравью:

— Я перепрыгну, а ты?

— А я не перепрыгну! — говорит муравей.

Блоха скок — и перескочила на ту сторону, а муравей скок — и упал в воду. Стал муравей просить блоху:

— Блошенька, сестрица, помоги, не губи, дай вылезти из воды.

Блоха — прыг-прыг — прибежала к свинье и просит:

— Свинья, дай щетину, сплету канат-веревку, брошу в воду, вытащу моего братца-муравейку.

Сказала свинья:

— А ты мне желуди послала?

Блоха — прыг-прыг — прибежала к дубу и просит:

Дуб, дай желудей,
отнесу свинье,
свинья даст щетину,
сплету канат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего братца-муравейку.

Дуб сказал:

— А ты ворону от меня отвадила?

Блоха — прыг-прыг — прибежала к вороне, просит:

Ворона, отстань от дуба,
дуб даст желуди,
отнесу свинье,
свинья даст щетину,
сплету канат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего братца-муравейку.

Ворова сказала:

— А ты мне цыплят послала?

Блоха — прыг-прыг — прибежала к наседке и просит:

Наседка, дай цыпленка,
отнесу вороне,
ворона отстанет от дуба,
дуб даст желуди,
отнесу свинье,
свинья даст щетину,
сплету канат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего братца-муравейку.

Наседка сказала:

— А ты мне просо послала?

Блоха — прыг-прыг — прискакала к яме:

Яма, дай проса,
отнесу наседке,
наседка даст цыпленка,
отнесу вороне,
ворона отстанет от дуба,
дуб даст желуди,
отнесу свинье,

свинья даст щетину,
сплету канат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего братца-муравейку.

Яма сказала:

— А ты от меня мышь отвадила?

Блоха — прыг-прыг — прискакала к мышке:

Мышка, покинь яму
яма даст проса,
отнесу наседке,
наседка даст цыпленка,
отнесу вороне,
ворона отстанет от дуба,
дуб даст желуды,
отнесу свинье,
свинья даст щетину,
сплету канат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего братца-муравейку.

Мышка сказала:

— А ты меня от кошки избавила?

Блоха — прыг-прыг — прискакала к кошке:

Кошка, не бегай за мышкой,
мышка покинет яму,
яма даст мне проса,
отнесу наседке,
наседка даст цыпленка,
отнесу вороне,
ворона отстанет от дуба,
дуб даст желуды,
отнесу свинье,
свинья даст щетину,
сплету канат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего братца-муравейку.

Корова сказала:

— А ты мне молоко носила?

Блоха — прыг-прыг — прискакала к корове:

Корова, дай молока,
отнесу кошке,
кошка не станет бегать за мышкой,
мышка покинет яму,
яма даст мне проса,
отнесу наседке,
наседка даст цыпленка,
отнесу вороне,
ворона отстанет от дуба,
дуб даст желуды,

отнесу свинье,
свинья даст щетину,
сплету канат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего братца-муравьюшку.

Корова сказала:

— А ты мне траву носила?

Блоха — прыг-прыг — побегала в поле, парвала травы и принесла корове. Корова дала ей молока, блоха отвесла его кошке.

Кошка не стала бегать за мышкой,
мышь покинула яму,
яма дала просо,
отнесла пчелке,
пчелка дала цыпленка,
отнесла вороне,
ворона отстала от дуба,
дуб дал желуди,
отнесла свинье,
свинья дала щетину,
блоха сплела из щетины канат-веревку,
к веревке привязала травинку
и бросила в воду.

Муравей взобрался на травинку, блоха потянула веревку, вытащила своего братца-муравьюшку на берег и спасла его от смерти.

Потом они опять пошли вместе.

154. Летучая мышь и травинка

Было ли то или не было, жила-была летучая мышь. Нашла она как-то в лесу длинную травинку и уселась на ней, пристроилась:

— Ну, сострица-травинка, раскачай-ка меня как следует!

Сидит час, другой, ждет-поджидает, когда травинка начнет раскачиваться, а та и не шелохнется. Слетела летучая мышь с травинки и думает: «Пойти, что ли, привести козленка, пусть попугает травинку, пригрозит, что проглотит, может, хоть тогда раскачает».

Полетела летучая мышь и привела с собою козленка. Тот не ест траву, а летучая мышь рассердилась, полетела и привела с собою волка. «Братец волк, — жалуется она, — козленок не съел травинку, обидел меня, накажи-ка ты его да проглоти».

Не съел волк козленка.

Позвала тогда летучая мышь верблюда.

— Братец-верблюд,— жалуется она,— травинка не раскачала меня, козлепок не съел травинку, волк не проглотил козленка, давай-ка ты съешь волка!

Верблюд разинул пасть, а волка сожрать не может.

Полетела летучая мышь, привела с собой крестьянина.

— Травинка,— жалуется ему,— не раскачала меня, козленок не съел травинку, волк не проглотил козленка, верблюд не сожрал волка, давай-ка ты покажи верблюда, убей его.

— Не могу,— отвечает крестьянин,— убить верблюда.

Рассказала летучая мышь про все огню.

— Пойдем со мной, огонек,— просит она,— подожжем дом крестьянина, спалим его вместе со всей семьей.

Огонь отказывается — не соглашается.

Полетела летучая мышь к воде:

— Водичка-сестрица, хоть ты помоги мне!

Помогла вода летучей мыши, и подружались они.

А летучая мышь говорит ей:

— Ступай-ка ты своей дорогой, а я пойду — своей.

А это почь настудила, и все кончилось.

155. Коза и виноградник

Погляжу-ка на лозу,
Кто поел мою лозу?
Я пошел, нашел лозу,
Сожрала коза лозу.
Погляжу я на козу,
Кто сожрал мою козу?
Я пошел, нашел козу,
Волк сожрал мою козу.
Волк — козу,
Коза — лозу.

Погляжу я на волка,
Кто сожрал того волка?
Я пошел, нашел волка.
Хлоп ружье — и нет волка.
Ружье — волка,
Волк — козу,
Сожрала коза лозу.

Погляжу я на ружье,
Кем же съедено оно?
Я пошел, нашел ружье,
Ржой поедено ружье.
Ржа — ружье,

Ружье — волка,
Волк — козу,
Сожрала коза лозу.

Погляжу-ка я на ржу,
Что пожрало злую ржу?
Я пошел, нашел ту ржу,
Сожрала земляца ржу.

Земля — ржу,
А ржа — ружье,
Ружье — волка,
Волк — козу,
Сожрала коза лозу.

Погляжу на землю ту,
Что пожрало землю ту?
Отыскал я землю ту,
Мышь пожрала землю ту.

Мышь — ту землю,
Земля — ржу,
Ржа — ружье,
Ружье — волка,
Волк — козу,
Сожрала коза лозу.

Погляжу-ка я на мышку,
Что сожрал эту мышку?
Я пошел, нашел ту мышку,
Кошка сожрала мышку.

Кошка — мышку,
Мышка — землю,
Земля — ржу,
Ржа — ружье,
Ружье — волка,
Волк — козу,
Сожрала коза лозу.

156. Царь и слуга

Быль то или небылица, живя один царь. Он очень любил пировать и проводить время в утехах. Был у него один слуга, который осуждал царя и часто упрекал его:

— Царю отдана на попечение вся страна, он не должен думать только об удовольствиях, а обязан заботиться о благе своего народа.

Царь продолжал жить по-своему и решил набавиться от слуги-наставника.

Одважды он вызвал к себе слугу и сказал ему:

— Я задам тебе три задачи, и, если ты не справишься с ними за три дня, я отрублю тебе голову.

— Приказывайте, — ответил слуга.

Тогда царь сказал:

— Выпей все море, высчитай, какое расстояние от земли до неба, и скажи, о чем я думаю.

Ушел, опечаленный, слуга и не знал, что ему делать, ведь его ожидала смерть!

По дороге он повстречал старца.

— Здравствуй, добрый человек, о чем это ты так горько призадумался? — спросил старец.

— Эх, как же мне не призадуматься, когда на днях я должен распрощаться с жизнью, — ответил слуга старцу и тут же обо всем ему рассказал.

— Не печалься, я избавлю тебя от этой беды, ты только попроси у царя мешок пряжи, а дальше и сам знаю, как поступить! — сказал старец.

Слуга очень обрадовался и выпросил у царя мешок пряжи.

Старец оделся в одежду слуги, взвалил на плечи мешок с пряжей и пришел к царю.

— Ну как, приготовил ответы на мои вопросы? — сразу же спросил царь старца, которого он принял за своего слугу.

— Да, государь, приготовил!

— Море ты выпил?

— Выпью, если ты остановишь впадающие в него реки.

Царь окинул его удивленным взглядом.

— Высчитал ли ты расстояние от земли до неба?

— Высчитал, государь, вот и меру принес, а если ты мне не веришь, можешь измерить эту пряжу и убедись в моей правоте, — ответил старец.

— Ладно, пусть все это так, а теперь скажи, о чем я думаю?

— Вы, государь, сейчас думаете, что перед вами стоит ваш слуга, но вы ошибаетесь.

С этими словами старец скинул одежду слуги. Царь понял, что его провели, даже покраснел от смущения и с того дня полюбил своего слугу.

КОММЕНТАРИЙ

- № 73 ¹ «На этой земле жили негры» — в некоторых кавкаских сказках упоминаются негры, что придает повествованию особую экзотичность.
² «Смотрят в бинокль» — как и во многих других сказках, привнесение более поздних представлений.
³ См. примеч. 1 к № 61 книги 1.
- № 76 ¹ «Тут и врач и профессора» — см. примеч. 2 к № 73.
- № 78 ¹ См. примеч. 1 к № 67 книги 1.
- № 79 ¹ «Ни имени, ни фамилии тебе не скажу» — см. примеч. 2 к № 73.
² Длина прыжка Полевой девицы зависит от того, сколько пар волос впряжко в плуг.
³ Пашкунджи — здесь муж. р., см. также примеч. 2 к № 61 книги 1.
- № 80 ¹ Так в тексте (противоречие в рассказе сказителя).
- № 81 ¹ Комментарий сказителя; см. также примеч. 1 к № 90 и др.
- № 82 ¹ Черное море — условное название; имеется в виду далеко, большое, неведомое море.
- № 85 ¹ «Дали ему (царевичу) для выселения две недели» — внесение поздних представлений.
- № 90 ¹ См. примеч. 1 к № 81.
² Сосуд с керосином — поздняя лексика.
³ Татарин — обобщенное название ивоверцев.
⁴ См. примеч. 1 к № 81.
- № 100 ¹ Повелитель муравьев — по мифологическим представлениям разных народов, все животные — звери и птицы — имеют своих повелителей, обладающих чудесными свойствами.
- № 113 ¹ Соломон Мудрый — царь Израильско-иудейского царства (965—928 гг. до н. э.), который, по библейской традиции, считался мудрым правителем и судьей.
- № 116 ¹ Александр Македонский — знаменитый полководец (356—323 гг. до н. э.). Судя по историческим документам, он в Грузии не бывал, хотя сохранилась легенда о его нашествии на Картли.
- № 121 ¹ Швида — имя быка красной масти; букв. «Швида-квил».
- № 123 ¹ Кекеда — имя собственное.
- № 126 ¹ Хампера, Ихсема — имена собственные.
- № 147 ¹ Карагаджийский сирота — т. е. происходящий из села Карагаджи.
² Мцхетский плопивец — т. е. родом из Мцхеты, древней столицы Грузии.
- № 151 ¹ Гумбры — город в Армении.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- а б а з** (от аббаси — персидская денежная единица) — серебряная монета стоимостью 20 коп.
- а л и** — мифическое существо
- а ч у!** — так поцукуют коня
- А р а г в и** — река в Грузии
- а р х а л у х** — мужская одежда из тонкой ткани, падеваемая под чоку (см.)
- в е з и р** (вазир, визирь, везирь) — первый министр; ближайший советник правителя у многих восточных народов
- г а з ы р и** — гнезда для патронов, нашитые в ряд на черкеке
- г в е л е ш а п и** — огнедышащий дракон в змеиной шкуре
- г я ш е р** — вид смолстого угля, черный интарь
- г о б и** — большой деревянный поднос
- г о м и** — густая каша из проса; мамалыга
- г у д а** — 1) кожаный заплетный мешок; 2) бурдюк для хранения овечьего сыра
- г у л а б и** — местный сорт сочной и сладкой груши
- д а й р а, д а п а - д а й р а** — обтянутый кожей деревянный ударный музыкальный инструмент, род бубна
- д а р б а з и** — большая комната в доме, гостиная
- д у х а и** — маленькая харчевня или мелкая торговая лавка
- д э в** — мифическое чудовище, великан (см. Предисловие)
- з у р п а** — духовой инструмент, распространенный на Востоке
- И м е р е т и** — часть Западной Грузии
- к а д а** — сдобный хлеб особой выпечки, внутрь которого кладут поджаренную в масле муку
- к а д ж и** — алой дух в грузинской мифологии (см. Комментарий)
- К а р т л и** — область в Восточной Грузии
- К а х е т и** — область в Восточной Грузии
- к в е в р и** — глиняный большой сосуд для хранения вина, врытый в землю
- к а л а м а н ы** — обувь из цельного куска кожи, стянутого ремешком вокруг ноги
- к е в и** — сосновая смола, используемая для жевания
- к е ц и** — каменная или глиняная сковорода
- к и л а** — глиняный горшок
- к и н т о** — нарицательное имя острых на язык торговцев в старом Тбилиси
- к и с а** — кошель или мешок, затягиваемый шиурком
- к о д и** — мера веса, равная приблизительно трем пудам
- к о м б а л и** — посох, палка для пастухов
- к о ш и** — обувь с деревянной подошвой на высоких каблучках
- к у л а д ж а** — мужская верхняя одежда, отделанная мехом
- к у п а т и** — колбаса домашнего приготовления

- лекури** — грузинский талец
литра — мера веса сыпучих тел, равная приблизительно пяти килограммам
лобио — фасоль
марани — винный погреб, где вино хранится во врытых в землю квеври; давильня для винограда
мацони — кислое молоко, род простокваши
мзетухави — необыкновенная красавица
моурав — управляющий именем
мутака — длинная и круглая подушка, набитая ватой (шерстью)
мчади — лепешка из кукурузной муки
назирь — высокооставленные чиновники в государстве
назук — сладкий хлеб, выпеченный в тоиз
палаван (перс. пахлаван) — силач, борец, богатырь
пандури — старинный цинковый инструмент
праса — разновидность культурного лука
раши — чудесный крылатый козь (см. Предисловие)
сагзали — провизия на дорогу
сазаидар — играющий на музыкальном инструменте сазе
саналиэ — выюк
тона — врытая в землю глиняная круглая печь
Трилет — область Юго-Восточной Грузии
туман — крупная персидская денежная единица, имевшая хождение в некоторых странах Востока
туранули — сорт сладких яблок красного цвета
хачапур — лепешка с начинкой из свежего сыра с яйцами
хурджин — переметная сума из ковровой ткани
чани — мера жидкости, приблизительно равная 18 литрам
чедила — овца; в древней Грузии существовала традиция расплачиваться домашними животными
чилоби — цинковка
чихтиони — женский головной убор
чонгурист — играющий на чонгури, четырехструнном музыкальном инструменте
чача — виноградная водка
чох — мужское верхнее платье из шерстяной ткани
ходжа — служитель мусульманской религии
шени чириме — ласковое, любовное обращение, букв. «твоя бо-лезнь (твой недуг) — мне»
шоти-нури — длинный хлеб, выпеченный в тоиз, чурек
эласа-меласа — слова, имеющие в грузинском языке ритм и рифму; используются для благозвучия
эриха — возглас удивления или досады
эфенди — почтительное обращение к уважаемому лицу (в Ад-жарии)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- абх 1939 — Абхазские народные сказки. Пер. с абхазского и обработка И. Сапеежо. Сухуми, 1939.
- абх 1959 — Абхазские сказки. Составил, обработал и перевел с абхазского Х. С. Бгажба. М., 1959.
- абх 1975 — Абхазские народные сказки. Сост. и автор примечаний К. С. Шакрыл. М., 1975.
- абх Н — Приключения нарты Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. Абхазский народный эпос. М., 1962.
- авар — Аварские народные сказки. Сост. Д. М. Атаев. М., 1972.
- Агнишвили — Народные сказки, собранные Л. Агнишвили. Тифлис, 1890 (на груз. яз.).
- аджар — Аджарское народное творчество. Сост. Дж. Ногаидели. Т. П. Батуми, 1940 (на груз. яз.).
- адыг — Сказки адыгских народов. Сост. А. И. Аллева. М., 1978.
- азерб — Азербайджанские сказки. Сост. А. Ахундов. Баку, 1955.
- Алавидзе — *Алавидзе М.* Лечхумская народная словесность. Тб., 1951 (на груз. яз.).
- арм — Армянские сказки. М., 1983.
- АС — Адыгейские сказки. Пер. с адыгейск. Т. Корашева. Майкоп, 1957.
- АТС — Азербайджанские тюркские сказки. Пер. А. Багрия и Х. Зейпаллы. М., 1935.
- АФ — Армянский фольклор. Сост. Г. О. Каранетян. М., 1967.
- Бебур — Грузинские народные сказки. Собрал В. Бебур. СПб., 1884.
- Вирсаладзе — Избранные грузинские народные сказки. Ред., вступл. и примеч. Е. В. Вирсаладзе. Т. 1. Тб., 1949; т. 2. Тб., 1948 (на груз. яз.).
- Глонти Гур — *Глонти А.* Гурийский фольклор. 1. Тб., 1937 (на груз. яз.).
- Глонти Карт — *Глонти А.* Карталинские сказки и легенды. Тб., 1958 (на груз. яз.).
- Глонти Груз — Грузинские народные повеллы. Запись, обработка, исследование и примечания А. Глонти. Сталинири, 1956 (на груз. яз.).
- ГПН — Грузинские народные повеллы. Сост. А. Глонти. Тб., 1974.
- Гогобашвили — *Гогобашвили Я.* Грузинская азбука и «Деда зна». — Собрание сочинений. Т. V. Тб., 1957.
- Груз. женщины — Сказки, выпуск кружка грузинских женщин. Тб., т. 1, 1902; т. 2, 1903 (на груз. яз.).
- Джеджили — Джеджили (ежемесячный детский журнал с рисунками). Тифлис, 1890—1920; 1922—1923 (на груз. яз.).
- Дзидзигури — Грузинские народные сказки под ред. Ш. Дзидзигури. Тб., 1959 (на груз. яз.).

- Долидзе — Грузинские народные сказки (Сто сказок). Сост. П. И. Долидзе. Тб., 1971.
- Древи. Грузия — Дзвели Сакартвело. Сборник Грузинского общества истории и этнографии. Под редакцией Е. Такайшвили. Тифлис, т. I—IV, 1909—1915 (на груз. яз.).
- ИЧ — Сказки и легенды ингушей и чеченцев. Сост. А. О. Мальсагов. М., 1983.
- Каб И — Нарты. Кабардинский эпос. Пер. В. Звягинцевой и др. М., 1957.
- Калм М — Медповолосая девушка. Калмыцкие народные сказки. Сост. М. Ватагипа. М., 1964.
- Калм С — Калмыцкие сказки. Пер. с калмыцкого. Под ред. Е. Дружининой. М., 1963.
- Квицинадзе — Грузинский народный эпос. Сказатели. Ф. Квицинадзе. Под ред. А. Глонти. Сталинипи, 1952 (на груз. яз.).
- Квицидзе — *Квицидзе И.* Мпигрельские сказки. Тифлис, 1920.
- Мартиросов — *Мартиросов А., Имнашвили Г.* Кахетинский диалект грузинского языка. Исследование и тексты со словарем. Тб., 1956 (на груз. яз.).
- Мерквиладзе — *Мерквиладзе С.* Народные сказки. Кутаиси, 1902.
- Моамбе — журн. Моамбе. Тб., 1894—1905 (на груз. яз.).
- Мравалтави — Мравалтави. Сборник Грузинского научного общества истории, археологии, этнографии и фольклора. Тб., I, 1964 (на груз. яз.).
- Мтиулети — *Вирсаладзе Е. Б.* Народное творчество грузин-горцев Мтиулети и Гудамакари. Исслед. и тексты. Тб., 1958 (на груз. яз.).
- Мудрость — Народная мудрость. Т. II. Под ред. А. Глонти. Тб., 1964 (на груз. яз.).
- Накадули — журн. Накадули, 1904—1927 (на груз. яз.).
- Нижарадзе — Сванские сказки. Зап. Б. Нижарадзе. Кутаиси, 1893 (на груз. яз.).
- Нобати — журн. Побати. Тифлис, 1883—1885 (на груз. яз.).
- Ногандели — Аджарская народная словесность. Запись, обработка, вступление и примечания Ногандели. Батуми, 1959 (на груз. яз.).
- Орбелиани — *Султан-Саба Орбелиани.* Мудрость вымысла. Пер. с груз. Е. Гогоберидзе. Тб., 1959.
- осет 1959 — Осетинские народные сказки. Сост. С. Брятаев и Г. Калоев. М., 1959.
- осет 1960 — Осетинские народные сказки. Сост. А. Баяров. Сталипири, 1960.
- осет 1973 — Осетинские народные сказки. Зап. текстов, пер., предисл. и примеч. Г. А. Дагаурова. М., 1973.
- осет НС — Сказания о нартских богатырях. Осетинский эпос. Пер. Ю. Лпбедитского. М., 1960.
- Оцханели — Басни и сказки. Зап. К. Оцханели. Новый Сенаки, 1895 (на груз. яз.).
- Разикашвили, Кахети и Пшави — Народные сказки, собранные в Кахети и Пшави Тедо Разикашвили. Тифлис, 1909 (на груз. яз.).
- Разикашвили, Картли — Народные сказки, собранные в Картли Тедо Разикашвили. Тифлис, 1909 (на груз. яз.).
- сван — *Шанидзе А., Топурия В.* Сванские прозаические тексты. Тб., 1939 (на сванск. яз.).

- Сихарулидзе Хрест — Грузинская народная словесность. Хрестоматия. Сост. К. А. Сихарулидзе. Тб., 1970 (на груз. яз.).
- Сихарулидзе Дет — Детский фольклор. Сост. К. А. Сихарулидзе. Тб., 1938 (на груз. яз.).
- Сихарулидзе Сказ — Народные сказки. Сост. К. А. Сихарулидзе. Тб., 1938 (на груз. яз.).
- Сказители — Народные сказители. Т. 1. Под ред. М. Я. Чиковани. Тб., 1956 (на груз. яз.).
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Тифлис, 1881—1929.
- Сопулашвили — *Сопулашвили Д.* Материалы грузинского фольклора. Т. II. Тб., 1957 (на груз. яз.).
- СИД — Сказки народов Дагестана. Сост. Х. Халипов. М., 1965.
- СИСК — Сказки народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1959.
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 1—10. Тифлис, 1868—1881.
- Тандилава — Лазские сказки. Сост. З. Тандилава. Под ред. А. Глопти. Тб., 1970 (на груз. яз.).
- тур — Турецкие народные сказки. Пер. Н. А. Цветинович-Грюнберг. Ред., вступит. статья, коммент. Н. К. Дмитриева. М., 1967.
- Умкашвили — *Умкашвили П.* Народная словесность. Т. 3—4. Под ред. М. Я. Чиковани. Тб., 1964 (на груз. яз.).
- ФА НИГЛР — Фольклорный архив Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР.
- ФА ТГУ — Фольклорный архив Тбилисского государственного университета.
- Хаханов — *Хаханов А. С.* Очерки по истории грузинской словесности. Т. 1. М., 1895.
- Церетели — Ежемесячный литературный журнал «Сборник Акакия», редактор-издатель А. Церетели. Тифлис — Кутаиси, 1897—1900.
- ЦНГ — Фольклорный архив республиканского научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы Министерства культуры ГССР.
- Чеч 1963 — Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.
- Чеч(инг) — Чечено-ингушский фольклор. М., 1940.
- Чиковани — Грузинские народные сказки. Сост. М. Чиковани. Т. 1, 1938; т. 2, 1952; т. 3, 1956 (на груз. яз.).
- ЯСКД — Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований. Т. II. М.—Л., 1949.
- Schiefner A — *Schiefner A.* Awarische Texte. SPb., 1873.
- Schiefner O — *Ossetische Texte* herausgegeben von A. Schiefner. SPb., 1868.

- ЛА — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- АП — *Пронн В. Я.* Указатель сюжетов. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 3. М., 1957.
- ВСС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Баран, И. П. Березовский, К. П. Кабанников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
- АТ — [Aarne A., Thompson St.]. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. — FFC, N-184. Helsinki, 1961.

ИСТОЧНИКИ

73. Самозапись В. Ламазонвили в сел. Акура Телавского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 114, с. 187—192.
74. Зап. в 1939 г. М. Чиковани со слов А. Таборидзе в сел. Базалети Душетского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 3, № 146, с. 9—17.
75. Зап. в Картли Д. Сонгулашвили.
Опубл.: Сонгулашвили, с. 172.
76. Зап. в 1937 г. А. Глonti со слов С. Кврившвили в сел. Карагаджи Каспского р-на.
Опубл.: Глonti Карт, № 62, с. 248—255.
77. Зап. в Кахети Д. Гонашвили.
Опубл.: Дзидзигури, с. 43—63.
78. Зап. в 1939 г. К. Сихарулидзе со слов П. Папиашвили в сел. Базалети Душетского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 85, с. 75—77.
79. Зап. в Кахети Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Кахети и Пшави, № 33, с. 87—92.
Печат. по Долидзе, № 5, с. 33—37.
80. Зап. в 1939 г. Г. Чачуа со слов И. Чонкадзе в сел. Квавили Душетского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 108, с. 165—167.
81. Зап. в 1939 г. С. Гачечиладзе со слов Ф. Гачечиладзе в г. Тбилиси.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 18, с. 110—124.
82. Зап. в 1878 г. К. Бакрадзе в Душети.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 38, с. 230—233.
83. Зап. в 1937 г. А. Глonti со слов С. Кврившвили в сел. Карагаджи Каспского р-на.
Опубл.: Глonti Карт, № 49, с. 193—203.
84. Самозапись в 1948 г. В. Мрелашвили в сел. Икалто Телавского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 113, с. 184—187.
85. Зап. в 1939 г. в Кахети А. Заранишвили со слов И. Заранишвили.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 137, с. 273—279.
86. Зап. в 1937 г. М. Чиковани со слов С. Пенкршвили в г. Ахалцихе.
Опубл.: Чиковани, т. 3, № 180, с. 197—198.
87. Зап. А. Хуцишвили.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 30, с. 173—176.
88. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 28, с. 165—169.
89. Зап. в 1939 г. В. Бенцуклишвили в сел. Марганети Душетского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 2, с. 13—22.

90. Зап. в 1933 г. Е. Вирсаладзе в г. Сталинвир (ныне Цхинвали) со слов С. Каскардзе-Талнашвили.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 1, № 37, с. 204—209.
91. Зап. в 1885 г. Э. Годзашвили со слов М. Сакарули в сел. Гремисхеви Кварельского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 23, с. 132—135.
92. Зап. Г. Иоселиани.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 47, с. 264—266.
93. Зап. в 1892 г. Н. Агинашвили-Джаваридзе в сел. Чала Онского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 27, с. 160—162.
94. Зап. в 1937 г. А. Глонти со слов Д. Кирившвили в сел. Карагаджи Каенского р-на.
Опубл.: Глонти Карт, № 59, с. 236—240.
95. Зап. А. Киргаретели в сел. Викири Сягнахского р-на.
Опубл.: Древи, Грузия, т. 4, № 29, с. 76—82.
96. Зап. в Кахети Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Кахети и Пшави, № 18.
Печат. по Долидзе, № 27, с. 112—113.
97. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 14, с. 88—95.
98. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 91, с. 205—207.
99. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 52, с. 132—133.
100. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Груз. женщины, т. 1, № 6, с. 43—50.
101. Зап. в 1959 г. Д. Гонашвили со слов З. Джапикашвили в Кахети.
Опубл.: Мудрость, с. 437—438.
Печат. по ГНИ, с. 267—268.
102. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 53, с. 113—134.
103. Зап. в 1945 г. К. Сихарулидзе со слов Э. Гуджеджиани в Верхней Сванетии.
Опубл.: Мудрость, с. 57—60.
104. Зап. М. Келенджеридзе.
Опубл.: Сихарулидзе Дет, № 52, с. 206—208.
Печат. по ГНИ, с. 343—345.
105. Зап. в 1938 г. А. Глонти со слов И. Ваишвили в сел. Диди Атени Горийского р-на.
Опубл.: Глонти Карт, № 36, с. 136—138.
106. Зап. А. Глонти со слов Ф. Квицинадзе в сел. Бершуети Горийского р-на.
Опубл.: Глонти Груз, № 11.
Печат. по ГНИ, с. 215—216.
107. Зап. в 1949 г. Е. Вирсаладзе со слов А. Бодвадзе в сел. Эреда Цхинвальского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 35, с. 195—196.
Печат. по ГНИ, с. 339—340.
108. Зап. Г. Натадзе.
Опубл.: Натадзе Г. Песни и сказки. Тб., 1950, с. 149—153.
Печат. по ГНИ, с. 437—439.
109. Зап. Д. Гонашвили со слов И. Бенашвили в Кахети.
Опубл.: Дзидангури, с. 37—42.
Печат. по ГНИ, с. 240—244.

110. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 83, с. 184—186.
Печат. по Долидзе, № 66, с. 242.
111. Зап. в Кахети А. Каргаретели.
Опубл.: Древн. Грузия, т. 4, № 31, с. 89—99.
Печат. по ГИИ, с. 196—205.
112. Зап. Т. Разикашвили в сел. Кипцисы Горийского р-на.
Опубл.: Дзедзиви, 1890, № 6.
Печат. по ГИИ, с. 251—254.
113. Зап. в Кахети Н. Магалдадзе.
Опубл.: Церетели, 1898, № 3.
Печат. по ГИИ, с. 222—233.
114. Зап. в 1947 г. Т. Окропидзе со слов И. Толочашвили в сел. Сагареджо Сагареджийского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 89, с. 386—387.
115. Зап. в Имерети С. Мерквилидзе.
Опубл.: Церетели, 1898, № 12, III, с. 17—26.
Печат. по ГИИ, с. 277—282.
116. Зап. в 1940 г. А. Глonti со слов Ф. Квицинадзе в сел. Бершуети Горийского р-на.
Опубл.: Квицинадзе, с. 87—88.
Печат. по ГИИ, с. 78—79.
117. Зап. А. Глonti со слов Ф. Квицинадзе в сел. Бершуети Горийского р-на.
Опубл.: Глonti Груз, № 16, с. 44—46.
Печат. по ГИИ, с. 20—21.
118. Зап. в 1939 г. С. Гачечиладзе со слов А. Грдзелишвили в г. Тбилиси.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 49, с. 200—206.
119. Зап. А. Глonti в сел. Бахви Махарадзевского р-на.
Опубл.: Глonti Груз, с. 229—230.
Печат. по Долидзе, № 90, с. 297—298.
120. Зап. в Мегрелии М. Хубуа со слов Т. Чава (перевел на груз. яз. А. Цавава).
Опубл.: Мудрость, с. 449—452.
Печат. по ГИИ, с. 353—355.
121. Зап. Т. Андгуладзе со слов Т. Зерделашвили в сел. Дигоми Мцхетского р-на.
Опубл.: Сяхарулидзе Дет, № 288, с. 208—210.
122. Зап. в 1952 г. А. Глonti со слов Я. Шермадици в сел. Коринта Ленингорского р-на.
Опубл.: Глonti Груз, с. 155—158.
Печат. по ГИИ, с. 93—95.
123. Зап. в 1951 г. Д. Сонгулашвили со слов М. Сонгулашвили в сел. Дигоми Мцхетского р-на.
Опубл.: Сонгулашвили, с. 147—149.
124. Зап. Ш. Нижарадзе в сел. Оладаури (Аджарская АССР).
Опубл.: *Нижарадзе Ш.* Верхнеаджарский диалект грузинского языка. Батуми, 1961, с. 202—204.
Печат. по ГИИ, с. 360—361.
125. Зап. в 1970 г. А. Перадзе.
Опубл.: Умикашвили, т. 4, № 21, с. 89—90.
126. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Умикашвили, т. 4, № 8, с. 65—67.
127. Зап. в 1946 г. Н. Клибадзе со слов П. Гвавава в г. Зестафони.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 77, с. 355—358.

128. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Оубл.: Груз. женщины, т. 1, № 1, с. 7—10.
Печат. по Долидзе, № 67, с. 244—245.
129. Зап. в 1939 г. А. Глонти со слов Д. Киншидзе в сел. Брети Карельского р-на.
Оубл.: Глонти Карт, № 52, с. 220.
Печат. по ГИИ, с. 129.
130. Зап. в 1874 г. А. Махатадзе в Картли.
Оубл.: Умикашвили, т. 4, № 32, с. 102—103.
131. Зап. П. Умикашвили со слов М. Мамулашвили в г. Тбилиси.
Оубл.: Умикашвили, т. 4, № 13, с. 71—73.
132. Зап. в Пшави Т. Разикашвили.
Оубл.: Разикашвили, Кахети и Пшави, № 5.
Печат. по Долидзе, № 74, с. 262—264.
133. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Оубл.: Сихарулидзе Скааз, с. 82—85.
Печат. по ГИИ, с. 410—412.
134. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Оубл.: Разикашвили, Картли, № 59.
Печат. по Долидзе, № 76, с. 267—268.
135. Зап. в 1882 г. П. Умикашвили со слов М. Мамулашвили в Тбилиси.
Оубл.: Умикашвили, т. 4, № 26, с. 94.
Печат. по ГИИ, с. 275—276.
136. Зап. А. Глонти со слов В. Хрикули в Картли.
Оубл.: Глонти Груз, с. 266—269.
Печат. по ГИИ, с. 134—136.
137. Зап. Н. Хидирбегашвили со слов Н. Орджоншидзе в сел. Тезери Хашурского р-на.
Оубл.: Умикашвили, т. 4, № 17, с. 80—82.
138. Зап. в 1936 г. А. Глонти со слов Е. Долидзе в сел. Тхинвали Махарадзевского р-на.
Оубл.: Глонти Груз, с. 177—182.
Печат. по ГИИ, с. 107—110.
139. Зап. в 1939 г. А. Глонти со слов Д. Киншидзе в сел. Брети Карельского р-на.
Оубл.: Глонти Карт, № 54, с. 224—225.
Печат. по ГИИ, с. 183—184.
140. Зап. в 1933 г. Е. Вирсаладзе со слов С. Касрадзе-Таллашвили в Сталингри.
Оубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 67, с. 328—331.
141. Зап. в 1888 г. П. Умикашвили со слов М. Мамулашвили в Тбилиси.
Оубл.: Умикашвили, т. 4, № 24, с. 91.
Печат. по ГИИ, с. 273—274.
142. Зап. в 1948 г. А. Глонти со слов Д. Позадзе в сел. Али Хашурского р-на.
Оубл.: Глонти Груз, с. 148—151.
Печат. по ГИИ, с. 131—133.
143. Зап. в 1935 г. А. Глонти в сел. Акетин Ланчхутского р-на.
Оубл.: Глонти Гур, с. 189—192.
Печат. по Долидзе, № 80, с. 277—280.
144. Зап. М. Пхакадзе в сел. Пардханаканеви Цхалтубского р-на.
Оубл.: Умикашвили, т. 4, № 10, с. 69.
145. Зап. в 1945 г. М. Взианвили в Горьском р-не.
Оубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 87, с. 381—382.

146. Зап. в 1868 г. Г. Туманишвили со слов сказительницы из Хелтубани (село в Горийском р-не).
Опубл.: Умикашвили, т. 4, № 3, с. 58—60.
Печат. по ГИИ, с. 378.
147. Зап. в 1938 г. А. Глонти со слов Д. Квириншвили в сел. Карагаджи Каспского р-на.
Опубл.: Глонти Груз, с. 269—273.
Печат. по ГИИ, с. 103—106.
148. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 14, с. 49.
Печат. по Долидзе, № 78, с. 271—272.
149. Зап. в Кахети И. Андроникашвили.
Опубл.: Умикашвили, т. 4, № 20, с. 88—89.
150. Зап. Мерабишвили в г. Гори.
Опубл.: Церетели, 1898, № 12, III, с. 56—59.
Печат. по ГИИ, с. 142—145.
151. Зап. в Имеретии С. Мерквиладзе.
Опубл.: Мерквиладзе, № 2, с. 17—24.
Печат. по Долидзе, № 82, с. 282—283.
152. Зап. в 1935 г. А. Глонти со слов Б. Талаквадзе в сел. Гвабрати Махарадзевского р-на.
Опубл.: Глонти Гур, с. 226—228.
Печат. по ГИИ, с. 100—102.
153. Зап. Я. Гогешашвили.
Опубл.: Гогешашвили, с. 341—344.
Печат. по Долидзе, № 99, с. 316—318.
154. Зап. в 1933 г. Е. Вирсалидзе со слов С. Касрадзе-Талишашвили в Цхинвали.
Опубл.: Вирсалидзе, т. 1, № 14, с. 67—68.
155. Зап. Я. Гогешашвили.
Опубл.: Гогешашвили, с. 331—332.
156. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Сихарулидзе Скаа, с. 80—81.
Печат. по ГИИ, с. 80—81.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

Сюжеты публикуемых сказок определены по указателю Аарне — Томпсона. Параллели с грузинскими сказками приводятся из сказочного репертуара соседних с грузинами народов, а также из «Сравнительного указателя сюжетов» восточнославянской сказки.

Принятые условные обозначения

Обозначение (АТ —) указывает на то, что в указателе Аарне — Томпсона нам не удалось обнаружить анализируемый сюжетный тип или мотив. В таких случаях сказке присваивается новый номер, под которым она может обозначаться в международном каталоге.

Обозначение («в сочет. с друг.») применяется для контаминаций, отличных от контаминаций, присущих другим грузинским сказкам.

Круглыми скобками обозначается тип сказки, представленный в публикуемом рассказе частично; слово «сравни» (ср.) предшествует номеру в случае, если соответственно выражено недостаточно четко; знак плюс (+) передает контаминацию разных типов в одном рассказе; знак равенства (=) между формулами обозначает равнозначность определения по разным каталогам; нулем (0) помечены редкие записи, эпизоды, не зарегистрированные в указателе Аарне — Томпсона.

№ 73. АТ 531

Вар.: здесь № 72.

№ 74. АТ 553+АТ 532+АТ 530 А

Вар. для АТ 532; груз. — Умпкашвили, т. 3, № 25 — контам. с АТ 303+АТ 313+АТ 530 А, № 46 — контам. с АТ 530 А+АТ 313; Чиковани, т. 1, № 52 — контам. с АТ 300+АТ 516 В; Глonti Карт, № 18 (конечная часть) — контам. с АТ 530 А; Тапдилава, 105 — контам. с АТ 321+АТ 530 А; ФА ТГУ, № 4356, 4657; друг. — адыг, № 17 (в друг. сочет.); ИЧ, № 13, 14. Здесь, № 35.

Для АТ 530 А: здесь, № 34, 35, 71.

№ 75. АТ 545 В

Вар.: СМОМПК, 1894, т. 19, II, № 10; Церетели, 1898, № 8, 1; Асияшвили, № 1; Нижарадзе, 24; Груз. жопшны, т. 1, № 5; 2. № 2; Разикашвили, Кахети, № 10; Разикашвили, Картли, № 63; Чиковани, т. 1, № 26 (указывает на шесть неопубликованных вариантов; Чиковани, т. 2, 336); Дзидзигури, 265; Ногаидели, 159; Диалектология, № 65; Тапдилава, 36; ФА ТГУ, № 444, 1963, 4359; друг. — абх 1975, № 3; авар, № 78; адыг, № 34; Schiefner O, № 6, 53—59; осет 1959, 95—98; осет 1973, № 24; ССРГ, II, 1869, 5, 45—48; СНД, № 25 (лакк.); СМОМПК, 1892, т. 14, II, 157—167 (кюрин.); ИЧ, № 49.

- № 76. АТ 550+АТ 300
 Вар. для АТ 550: груз.—СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 4; Вирсаладзе, т. 1, № 62; т. 2, № 42; Чиковани, т. 3, № 182; ФА ТГУ, № 670, 4665; друг.—абх 1975, № 10; авар, № 77 и 82 (в сочет. с друг.); адыг, № 14 (в сочет. с друг.); осет 1973, № 32, 33, 37, 41, 60, 66, 113 — все в сочет. с друг.; СНД, № 36; ИЧ, № 2, 15 (частично), 20, 32. Здесь, № 77. Для АТ 300: здесь, № 30, 31.
- № 77. АТ 551
 Вар.: СМОМПК, 1892, т. 13, II, № 4; Церетели, 1899, № 4, 13 — контам. с АТ 518; Разикашвили, Кахети, № 1 — контам. с АТ 300+АТ 302; Вирсаладзе, т. 1, № 57 — контам. с АТ 302+АТ 513 А; Чиковани, т. 2, № 106 — контам. с АТ 518; Мтиулетц, 363; Диалектология, № 352; аджар, № 8; ФА ТГУ, № 670, 4665, 11679; друг.—авар, № 77, 78; азерб, 140—159; ИЧ, № 20, 21; Калм М, 39—60, 167—174; осет 1960, № 15; СНД, № 36, 39; здесь: № 78.
- № 78. АТ 551
 Вар.: здесь, № 77.
- № 79. АТ 552 А+АТ 518+АТ 552 А
 Вар. для АТ 552А: груз.—СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 3; Дзедзили, 1909, № 7—9 («Безбородый музыкант»); Разикашвили, Картли, № 4 — контам. с АТ 559*; Разикашвили, Пшави, № 6; Умикашвили, т. 3, № 5 — контам. с АТ 530; Вирсаладзе, т. 1, № 25, 65 — контам. с АТ 559*; т. 2, № 3; Чиковани, т. 3, № 150 — контам. с АТ 530, № 157; Глonti Карт, № 50; Мудрость, 141; Алавидзе, 63; Ногаидели, 162; ФА ТГУ, № 732, 746, 819; друг.—абх 1975, № 24, 27 (в сочет. с друг.); авар, № 85; адыг, № 22; осет 1959, 64—75; осет 1973, № 32 и 48 (в сочет. с друг.), № 53 и 65 (в сочет. с друг.); чеч(инг), 167—174; здесь, № 70.
 Для АТ 518: груз.—СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 5 — контам. с АТ 328; Разикашвили, Кахети, № 33; Сван («Ксар») — контам. с АТ 567; Церетели, 1899, № 4, 45 — контам. с АТ 551; Чиковани, т. 2, № 77 — контам. с АТ 327 В, № 95 — эпизод из АТ 567, № 96 — эпизод из АТ 566; Сихарулидзе Хрест, № 7 — контам. с АТ 313+АТ 516 В+АТ 566; друг.—абх 1975, № 41; адыг, № 19 (в сочет. с друг.); осет 1973, № 76 (эпизод); тур, № 15, 4 и 22 (в сочет. с друг.).
- № 80. (АТ—) 507 С*+АТ 508*+АА* 559 I — АТ 559*
 Вар.: для АТ 559*: груз.—СМОМПК, 1894, т. 19, II, № 6; 1904, т. 33, III, № 7; Нобати, 1884, № 10—12 («Царевич»); Разикашвили, Кахети, № 60; Вирсаладзе, т. 1, № 65 — контам. с АТ 552 А; Чиковани, т. 3, № 154; Глonti Карт, № 21; друг.—русско-украинские, ВСС, 158; здесь, № 81.
 Для АТ 508*: рус., ВСС, 145.
 Для АТ 507 С*: здесь, № 64.
- № 81. АТ 507 — АА 507 А, В, С+АТ 559*
 Вар. для АТ 559*: здесь, № 80.
 Для АТ 507: здесь, № 64.
- № 82. АТ 560
 Вар.: груз.—Древн. Грузия, 1, № 5; Груз. женщины, 2, № 14; Нижарадзе, 35; Вирсаладзе, т. 1, № 26; Чиковани, т. 2, № 122 (вариант, там же, № 324); т. 3, № 164; Дандзигурц, 5; Мтиулетц, 385; Диалектология, № 137; ФА ТГУ,

- № 163, 4277, № 4342; друг.— абх 1975, № 28 и 46 (в сочет. с друг.); осет 1973, № 60, 65, 102 (в сочет. с друг.); тур, № 7.
- № 83. АТ 561
 Вар.: груз.— Чиковани, т. 2, № 86; ФА ТГУ, № 338; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 160.
- № 84. АТ 563
 Вар.: груз.— Агшиашвили, № 3; Груз. женщины, 1, № 15; Разикашвили, Картли, № 95; Вирсаладзе, т. 1, № 74; Мтшудети, 380, 398; переработал Орбелiani, № 100, 179—181; друг.— абх 1975, № 40, 45 (в сочет. с друг.); АС, 265—268 (адыг.); СМОМПК, 1900, т. 27, IV, 8—13 (кабард.); СНД, № 68 (лакск.); осет 1973, № 102 (частично, в сочет. с друг.); тур, № 65, 70 (в сочет. с друг.).
- № 85. АТ 566
 Вар.: груз.— СМОМПК, 1894, т. 19, II, № 5; Джебджили, 1892, № 1, 26; Древн. Грузия, 1, № 4; Умикашвили, т. 3, № 15; Чиковани, т. 2, № 94, 138; Сихарулидзе Хрест, № 7 — контам. с АТ 313 + АТ 516 В + АТ 518; ФА ТГУ, № 76, 4066; друг.— адыг, № 19 (частично, в сочет. с друг.); осет 1973, № 76 и 78 (в сочет. с друг.).
- № 86. АТ 569
 Вар.: груз.— Разикашвили, Картли, № 87; Разикашвили, Пшави, № 4; Чиковани, т. 2, № 121, 122 — контам. с АТ 554; Мтшудети, 398; ФА ТГУ, № 4059; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 163.
- № 87. АТ 575
 Вар.: груз.— Глonti Карт, № 28; Мартиросов, № 168; ФА ТГУ, № 5432; друг.— осет 1973, № 60 (частично, в сочет. с друг.).
- № 88. АТ 613
 Вар.: груз.— Вирсаладзе, т. 1, № 49; Мартиросов, № 123; Умикашвили, т. 3, 291 (неопубл.); друг.— авар, № 22; АФ, 161—164; осет 1973, № 41 (в сочет. с друг.), № 76 (частично, в сочет. с друг.); СНСК, 159—161; ЯСКД, 271—276 (ногайск.).
- № 89. АТ 650 А + АТ 300 А
 Вар. для АТ 650 А: груз.— Разикашвили, Картли, № 16 — контам. с АТ 302 + АТ 513 А, № 89 — контам. с АТ 513 А; Древн. Грузия, 1, № 15 — контам. с АТ 513 А; Вирсаладзе, т. 1, № 83; Чиковани, т. 1, № 42, 43; т. 2, № 133; Глonti Карт, № 26; Квицинадзе, 53; Диалектология, № 67; друг.— абх 1975, № 78 и 94 (частично в сочет. с друг.); авар № 75 (частично, контам. с АТ 301 А, В); адыг, № 10 (частично, в сочет. с друг.); азерб. 50—63; арм, 123—138; АС, 153—164; осет 1951, 87—92; осет 1960, № 16; осет 1973, № 34, 43, 44; СНД, № 34; СНСК, 25—35; чеч 1963, 123—129; ЯСКД, 114. Для АТ 300 А: здесь, № 30.
- № 90. АТ 655 + О
 О = бытовая история, рассказанная для выявления вора. Вар.: Хаханов, 110—112; Древн. Грузия, 4, № 27 — контам. с АТ 516 В; друг.— азерб, 280—288; Калы. М, 216—222; осет 1973, № 70; СМОМПК, 1891, т. 12, I, 97—100 (кабард.); тур, № 66 (частично).
- № 91. АТ 670
 Вар.: СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 1; Разикашвили, Кахети,

- № 16; Вирсаладзе, т. 1, № 50, 87; Чиковани, т. 3, № 168; Глопти Карт, № 45; Сонгулашвили, 145; Глопти Груз, № 42, 44; Мудрость, 28; ФА ТГУ, № 8230, 9113; переработал Орбелвани. № 128, 217—219; друг.— адыг, № 31; ЦИ, № 48, 59, 60.
- № 92. (АТ 677)
За удачный ответ на вопрос, кто красивее из двух женщин (одна из них уродливая), бедника одаривают; вопрос подразумевает испытание; по сказочной традиции, красивой признается уродливая.
Вар.: Разикашвили, Картли, № 21; Чиковани, т. 2, № 97, 102, 130; Диалектология, № 238; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 174—175.
- № 93. АТ 705
Вар.: груз.— СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 8; друг.— украинск., ВСС, 176.
- № 94. АТ 706
Вар.: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 11; Джеджили, 1905, № 9, 11; Разикашвили, Картли, № 11, 42, 86; Разикашвили, Кахети, № 38 — контам. с АТ 510 В; Древн. Грузии, т. 4, № 29 — контам. с АТ 510 В; Груз. женщины, т. 2, № 12; Вирсаладзе, т. 2, № 14 — контам. с АТ 708; Диалектология, № 407; Мартиросов, № 143 — контам. с АТ 510 А; ФА ТГУ, № 198, № 214; друг.— осет 1973, № 122; СПД, № 66 (лезг.); № 72 (авар.).
- № 95. АТ 706 С
Вар.: груз.— Разикашвили, Кахети, № 38 — контам. с АТ 510 В; ФА ТГУ, № 753, 1488, 13771; друг.— украинско-белорусские, ВСС 177.
- № 96. АТ 707
Общая структурная модель огромного большинства распространённых в Грузии вариантов более или менее следует фабуле и перечню возможных мотивов, представленных в каталоге С. Томсона, т. е. версии, засвидетельствованной в Западной Европе. В Грузии встречается несколько вариантов АТ 707, близких к международной схеме по характеру основного конфликта (Умикашвили, т. 3, № 18; Чиковани, т. 2, № 111; ФА ТГУ, № 207, 4563), по отличающихся по структуре и осмыслению материала. В данных вариантах младшая сестра рождает царю ясновидящего ребенка, что дает новое направление развитию сюжетного действия: известные типологическому сюжету мотивы, предназначенные для выявления совершенного в прошлом зла, опущены; «ясновидение» героя, уверенность его в невиновности матери достаточны для того, чтобы убедить отца в том, что его жена выполнила обещание. В этих вариантах конфликт разрешается с помощью магических действий (см.: *Курдованидзе Т. Д.* К вопросу об этническом и интерэтническом в грузинской волшебной сказке.— Труды Тбилисского университета, 1977, № 191, с. 95—107).
Вар.: груз.— СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 1 — контам. с 480 G; III, № 5, 9 — контам. с 480 G; Нижкаралэ, 11; Умикашвили, т. 3, № 4 — контам. с АТ 315 + 480 G, № 27, 35, 48; Чиковани, т. 2, № 110; т. 3, № 197; Вирсаладзе, т. 1, № 35; Ногаидели, 235; Диалектология, № 278; Тапидилава, 97; Глопти Гур, № 27; ФА ТГУ, № 745, 7193, 8751, 9031; друг.— абх 1975, № 71; адыг, № 29; ССКГ, II, 5, 1896, 39—

- 45; ИЧ, № 6, 38, 39; чеч (внч), 117—127; осет 1959, 193—204; осет 1960, № 18; осет 1973, № 49; Schiefner A, 12, 94—99; тур. № 43.
Здесь. № 39, 66.
- № 97. АТ 709 + АТ 706
Вар. для АТ 709: груз.— Разикашвили, Картли, № 88 — контам. с 403 Д; ФА ТГУ, № 4430, 6571 — оба контам. с АТ 412; друг.— абх 1975, № 22 (частично, в сочет. с друг.).
Для АТ 706: здесь, № 94.
- № 98. АТ 715 А
Вар.: друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 180.
- № 99. АТ 715 А *
Вар.: груз.— Груз. женщины, т. 2, № 16; Марквилладзе, 27—31; друг.— авар, № 83; ИЧ, № 143; СИД, № 44 (хунзах.).
- № 100. АТ 725 + АТ 513 А
Вар. для АТ 725: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 10; Церетели, 1898, № 6, 29; Разикашвили, Пшави, № 9; Вирсаладзе, т. 1, № 72; Глonti Карт, № 32 — контам. с АТ 465 С; Диалектология, № 66; аджар, 119; Тандилана, 97; друг.— абх 1975, № 50 (частично); авар 102—107; адыг, № 14, 36, (в сочет. с друг.); ср. Калм М, 39—60, 167—174; СИД, 84—94; ИЧ, № 4, 10, 15, 32; осет 1960, № 15; тур, № 24.
Для АТ 513 А: здесь, № 32, 72.
- № 101. АТ 735 А
Вар.: груз.— Нобати, 1885, № 3—5; Глonti Груз, № 15; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 182—183.
- № 102. АТ 745 А
Вар.: белорусские, ВСС, 185.
- № 103. АТ 750 В + О + АТ 750 * + ОО
О = старец выбирает в жены младшему брату хорошую деушку, которую отнимает у другого во время свадьбы.
ОО = старец вновь посещает дом умершего младшего брата; гости принимают жда, скрывая смерть мужа; старец оживает мертвого.
Вар.: груз.— СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 3; 1892, т. 13, II, № 2; Хаханов, 274; друг.— осет 1973, № 106; ср. там же, № 116.
- № 104. (АТ —) 751 В **
Вар.: СМОМПК, 1894, т. 19, II, № 1,
- № 105. АТ 850
Вар.: груз.— Разикашвили, Пшави, № 10; ФА ТГУ, № 4774; друг.— осет 1973, № 32, 107 (частично).
- № 106. АТ 852
Вар.: груз.— Глonti Карт, 234—236; Глonti Груз, 228—229; Бебур, 35—39; Вирсаладзе, т. 2, № 46; Умканишвили, т. 4, № 10; Мудрость, 505—507; друг.— абх 1959, 341—342, абх 1975, № 90; ср. абх 1975, № 79.
- № 107. АТ 854
Вар.: груз.— Глonti Гур, 192—195; друг.— русско-украинские, ВСС, 218; ср. авар, № 37.
- № 108. АТ 860 В * (вторая часть)
Вар.: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 6; Вирсаладзе, т. 2, № 92; Глonti Карт, № 53; друг.— рус., ВСС, 219.
- № 109. АТ 875

- Вар.: груз.— Мудрость, 423—425; Долидае, № 6; ГНН, 318—319; переработал Орбелиани, № 43; друг.— абх 1975, № 67, 68; авар, № 45; адыг, № 48; ИЧ, № 53, 83; СНД, № 75 (лакск.); Каб II, 424—426; Калм М, 235—238; осет 1973, № 58, 68; тур, № 61; чеч 1963, 155—157.
- № 110. АТ 875 Д
Вар.: груз.— СМОМПК, 1898, № 24, II, № 5; Впрсаладзе, т. 2, № 43; ср. ГНН, 111—113; Мудрость, 446—449; друг.— АС, 123—126 (адыг.); ср. осет 1959, 386—388; чеч, 133—136; ИЧ, № 64; абх 1975, № 74; авар, № 39; осет 1973, № 67.
- № 111. АТ 883 А
Вместо дяди фигурирует мачеха; чтобы опозорить падчерицу, она нанимает пона.
Вар.: груз.— Древн. Грузия, т. 4, № 31, 89—99; ГНН, 196—205; друг.— СМОМПК, 1889, т. 7, II, 155—164 (арм.); азерб, 178—187; осет 1960, № 19; тур, № 42, 45.
- № 112. Тип: АТ 887 А *
Вар.: друг.— русско-украинские, ВСС, 224—225.
- № 113. АТ 910 В
Вар.: груз.— Хаханов, 260—268; Долидзе, № 63; Глонтн Карт, № 46; Чиковани, т. 2, № 97 = Долидае, № 11, 130; Мудрость, 508—511; ср. Разикашвили, Картли, № 80; друг.— для АТ 910: абх 1959, 294—296; абх 1975, № 49; авар, № 74; осет 1973, № 51, 52.
- № 114. АТ 910 Д + (АТ 893)
Вар.: груз.— Умнкашвили, т. 4, № 29, 29а; Мудрость, 257; переработал Орбелиани, № 42, 122—123; друг.— русско-белорусские, ВСС, 229.
Для АТ 893: абх 1975, № 75.
- № 115. АТ 910 Д + АТ 1381 Д
Вар.: груз.— Мудрость, 249—250; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 293.
- № 116. АТ 922
Вар.: груз.— Хаханов, 268; друг.— ср. тур, № 61.
- № 117. (АТ —) 923 А *
Вар.: друг.— украинск., ВСС, 235.
- № 118. (АТ —) 928 *
Вар.: Долидзе, № 72.
- № 119. (АТ —) 929 В
Вар.: Умнкашвили, т. 4, № 22.
- № 120. АТ 930 (ср. АТ 461)
Вар.: груз.— СМОМПК, 1890, т. 10, III, № 10, 11; 1894, т. 18, I, № 4; т. 19, II, № 8; Побати, 1885, № 1, 26—29; Мудрость, 449; ГНН, 353; друг.— СМОМПК, 1882, т. 2, II, 6 (осет.); 1892, т. 13, I, № 2, 297—301 (татар.); 1892, т. 14, II, 178 (иоринск.); 1898, т. 24, II, № 5 (арм.); абх 1959, 245—250; абх 1975, № 80; адыг, № 33, тур, № 23 и № 24 (в сочет. с друг.); ср. АТС, № 3, 10, 15, 18, 22.
- № 121. АТ 945
Вар.: друг.— абх 1975, № 86; ср. тур, № 62 (частично, в сочет. с друг.); ИЧ, № 65, 84.
- № 122. АТ 950
Вар.: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, 53—56; Глонтн Карт, № 38; Сихарулидзе Дет, № 265; Впрсаладзе, т. 2, № 55; Умнкашвили, т. 4, № 34, 36, 37; друг.— осет 1959, 373—379; ССКГ, т. 7, 2, 16—19 (осет.); осет 1973, № 98; авар,

- № 36; чеч 1963, 227—230; ИЧ, № 72; тур, № 77; абх 1975, № 59.
- № 123. АТ 960 А
Вар.: груз.—Мудрость, 435; друг.—русско-украинские ВСС, 247.
- № 124. (АТ—) 968 А *
Вар.: друг.—русско-белорусские, ВСС, 248.
- № 125. АТ 982
Вар.: друг.—русско-украинско-белорусские, ВСС, 251.
- № 126. (АТ—) 992 * = АА * 992
Вар.: друг.—русско-украинские, ВСС, 253.
- № 127. АТ 1000 + АТ 1029
В сказке типа АТ 1029 герой отпускается вознагражденным. Вар.: груз.—СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 1, 313; Умикашвили, т. 4, № 14; друг.—для АТ 1000: абх 1975, № 50, 81; адыг, № 36; ИЧ, № 66; для АТ 1029: абх 1975, № 81.
- № 128. АТ 1060 + О + ОО
О = мотив держаться за небо.
ОО = мотив — герой влетел к потоку от чиханья дэва.
Вар.: груз.—СМОМПК, 1892, т. 13, II, № 3; 1898, т. 24, II, № 12; Разикашвили, Картли, № 84; Груз. женщины, т. 1, № 1, 7—10; Сихарулидзе Дет, № 252; друг.—абх 1959, 179—183; абх 1975, № 36 (в сочет. с друг.); осет 1959, 132—135; осет 1975, № 47 (в сочет. с друг.); ССКГ, II, 2, 71—75; Каб Н, 434—442; СМОМПК, 1891, т. 12, I, 137—142 (кабард.); 1897, т. 23, III, № 3 (балкар.); 1897, т. 22, III, № 3 (чеч.); Калм С, 57—60; АС, 248—254.
- № 129. АТ 1132 + АТ 1120
Вар.: груз.—Умикашвили, т. 4, № 35; друг.—абх 1975, № 81; ср. абх 1959, 254—258; осет 1959, 357—358; СПД, № 79, 247—251 (лакск.); тур, № 70 (в сочет. с друг.).
- № 130. АТ 1350
Вар.: друг.—русско-украинско-белорусские, ВСС, 284.
- № 131. АТ 1353
Вар.: друг.—русско-украинско-белорусские, ВСС, 285.
- № 132. (АТ—) 1370 *
Вар.: груз.—Вирсаладзе, т. 2, № 90; Глonti Груз, 124—127; ЦИТ, № 3/22, 12—15; ср. Умикашвили, т. 4, № 1, 56—57; № 9, 67—69; друг.—рус., ВСС, 290.
- № 133. АТ 1370 А *
Вар.: груз.—Вирсаладзе, т. 2, № 47; ГИИ, 13—16; ср. Умикашвили, т. 4, № 27, 28; друг.—украинск., ВСС, 290.
- № 134. АТ 1380 * + АТ 1537
Вар. для АТ 1380 *: груз.—ГИИ, 183—184; друг.—абх 1975, № 63; ср. авар, № 29; осет 1960, № 22.
Для АТ 1537: здесь, № 140, 150.
- № 135. АТ 1415
Вар.: груз.—Вирсаладзе, т. 2, № 66; Сихарулидзе Сказ, 169; Сихарулидзе Дет, № 262; ГИИ, 44—46; Глonti Груз, № 27, 72—74; Мудрость, 188—192, 229—231; друг.—абх 1975, № 65.
- № 136. (АТ—) 1423 *
Вар.: груз.—Умикашвили, т. 4, № 17а; друг.—белорусские, ВСС, 299.

- № 137. АТ 1529 В*+АТ 1525 F
 Вар. для АТ 1529 В*: друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 311.
 Для АТ 1525 F: груз.— ГИИ, 126—128; друг.— тур, № 66 (в сочет. с друг.).
- № 138. АТ 1535
 Вар.: груз.— Разикашвили, Кахети, № 57; Сихарулидзе Дет, № 264; друг.— осет 1959, 383—385; осет 1960, № 25; осет 1973, № 71; ССКГ, V, 2, 42—46 (чеч.); чеч 1963, 219—221; ССКГ, т. VII, 2, № 4 (дарг.); арм. 190—194; авар, № 36; тур, № 67.
- № 139. АТ 1536 В
 Вар.: груз.— Долидзе, № 76; друг.— абх 1975, № 63; ИЧ, № 51, 101.
- № 140. АТ 1537
 Вар.: груз.— Вирсаладзе, т. 2, № 57 (вторая часть); ГИИ, 160—166; друг.— тур, № 67, 73; здесь, № 134, 150.
- № 141. АТ 1540
 Вар.: груз.— Церетели, 1898, № 10, 70—71; Оцханели, 30—40; ГИИ, 131—133, здесь, № 142; Умикашвили, т. 4, № 25; Вирсаладзе, т. 2, № 78; ср. Разикашвили, Картли, № 12; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 318—319.
- № 142. АТ 1540+АТ 1528
 Вар. для АТ 1540: здесь, № 141.
 Для АТ 1528: друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 310.
- № 143. АТ 1000+АТ 1563+0+АТ 1115+АТ 1138
 0=мотив сжигания дома.
 Вар. для АТ 1563: друг.— русско-белорусские, ВСС, 328.
 Для АТ 1000: здесь, № 127.
 Для АТ 1115: друг.— абх 1975, № 36 (в сочет. с друг.); адыг, № 39, осет 1973, № 47, 100 (в сочет. с друг.); ИЧ, № 47.
 Для АТ 1138: груз.— Долидзе, № 77; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 267.
- № 144. АТ 1640
 Вар.: груз.— Долидзе, № 79; Мудрость, 244—248; друг.— абх 1975, № 82, 36 (в сочет. с друг.); абх 1959, 273—275; абх 1939, 28—31; тур, № 71.
- № 145. АТ 1641
 Вар.: груз.— Сихарулидзе Дет, № 254; переработал Орбелиани, № 49, 129—131; друг.— тур, № 74; русско-украинско-белорусские, ВСС, 339.
- № 146. АТ 1642 (начало)+АТ 1644 (эпизод суда)
 Вар.: груз.— Глонти Гур, 224—226 (начальный эпизод другой); Мудрость, 358—360; друг.— для АТ 1642 и АТ 1644 — русско-украинско-белорусские, ВСС, 340—341.
- № 147. АТ 1960+АТ 1654
 Вар. для АТ 1654: груз.— СМОМПК, 1894, т. 48, III, № 6, 408—409; т. 49, II, № 12, 75—77; Долидзе, № 73; Вирсаладзе, т. 2, № 45; Дзидзигури, 72; Умикашвили, т. 4, № 12; друг.— авар, № 29; абх 1975, № 64; ср. абх 1975, № 84.
 Для АТ 1960: груз.— СМОМПК, 1890, т. 40, III, 75—77; друг.— абх 1975, № 89; осет 1959, 380—382; осет 1960, № 39; СМОМПК, 1889, т. 7, II, № 7, 113—116 (в друг. сочет.).

- № 148. АТ 1608
 Вар.: груз.—Разикашвили, Каргли, № 45; Накадули, 1907, № 14, 14—17; Оцханели, № 6, 57—62; Бебур, 47—53; друг.—абх 1959, 315—317; осет 1973, № 01; Калм С, 161.
- № 149. АТ 1608
 Вар.: груз.—Вирсаладзе, т. 2, № 94; ФА ИНГЛР, № 13892; переработал Орбелиани, № 17, 95—96; друг.—абх 1975, № 54; осет 1960, № 59; осет 1973, № 93.
- № 150. АТ 1725 (первая часть) + АТ 1537
 Вар. для АТ 1725: груз.—ФА ИНГЛР, № 23817; переработал Орбелиани, № 102, 183—184; друг.—авар, № 29 (частично).
 Для АТ 1537: здесь, № 134, 140.
- № 151. АТ 1920 С
 Вар.: груз.—Разикашвили, Кахети, № 12; ГНН, 100—102, 103—106, 127—128; Долидзе, № 37; Сонгулашвили, 153; Умикашвили, т. 4, № 16; друг.—русско-украинско-белорусские, ВСС, 376.
- № 152. АТ 1920 Н
 Вар.: груз.—ГНН, 103—106, 127—128; Долидзе, № 75, 82; друг.—авар, № 84; абх 1975, № 52, 79; ИЧ, № 30; тур, № 68.
- № 153. (АТ 2030)
 Кумулятивная сказка в стихотворной форме. Эпический тип кумуляции достигается рядом отмылок.
 Вар.: груз.—Умикашвили, т. 4, № 4 (прозаический вариант, персонажи — пастухи); Бебур, 18—22 (прозаический вариант, вместо блохи — кузночик); друг.—абх 1975, № 5; Schiefner O, 197—200; осет 1959, 34—36; осет 1973, № 11, 14.
- № 154. АТ 2034 А *
 Вар.: друг.—украинско-белорусские, ВСС, 384.
- № 155. (АТ —) 2039 А
 Кумулятивная сказка, построенная с помощью повторения типических фраз. Цель называется повторением вопроса и ответа.
 Вар.: груз.—Хаханов, 107—108 (неполный вариант в переводе И. Тхоржевского).
- № 156. (АТ 2400)
 Вар.: груз.—Нобати, 1885, № 1, 21—22; Груз. женщины, 2, № 1, 5—7; ГНН, 76—77; ср. ГНН, 78—79; друг.—русско-белорусские, ВСС, 391—392.

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ (по АТ)

1—1, 12; 2—1, 12; 6—2; 8А — 9, 12, 17, 20; 15 — 3, (9); 15 * — 8; 16 * — 4; 17 * — 5; 18 * — 6; 20А — 7, 8, 9, 20С — 8, 9; 20Д * — 10; 21 — 11; 33—17; 37—12; 47С * — 13; 50—14; 51А * — 15; 56А — 16; 56В — 16; 64—9; 100—20; 101—17; 112—18; 122А — 19; 122С — 19; 123—20; 154—10, 21; 154 * — 3; 155—22; 156 — 23; 157—24; 170—25; 210—26; 232Е * — 27; 248А * — 28; 285 * — 29; 300—30, 31, 76; 300А — 30, 89; 301А, В — 31, 32, 36; 302—32, 63; 303—33, 34, 35; 312Д — 36; 313—35; 313В — 37; 313И * — 44; 315 — 38, 39; 321 — 46; 325 — 40; 327В — 41; 328—41; 329—42; 332—43; 400—44, 45; 402—45, 60; 403Д — 05; 406—46; 407—47; 410 *** — 67; 412—48; 425С — 52; 430—49; 432—50;

433B — 38, 50; 440—51; 446—52; 449—53; 450—54; 451—54; 460B—52,
59, 60, 68; 460C * — 55; 461—56; 465A — 57; 465B — 58; 465C — 59, 60;
467B — 61; 470 * — 62; 470B — 62; 480 — 65; 480G — 39; 502 — 63;
507—64, 81; (507C *) — 64, 80; 508 * — 80; 510A — 65, 66; 511—65;
513A — 32, 72, 100; 514 — 67; 516 — 68; 516B — 34, 69; 518 — 44, 79;
530—70; 530A — 34, 35, 71, 74; 531 — 72, 73; 532 — 35, 74; 538—38;
545—75; 550—76; 551—77, 78; 552A—70, 79; 553—74; 554—42, 46;
559 * — 80, 81; 560—82; 561—83; 563—84; 566—85; 567—33; 569—86;
575—87; 613—88; 650A — 89; 655—90; 670—91; (677)—92; 705—93;
706—94, 97; 706C — 95; 707—39, 66, 96; 709—97; 715A — 98; 715A * —
99; 725—100; 735A—101; 745A—102; 750 * — 103; 750B — 103; 715B ** —
104; 850—105; 852—106; 854—107; 860B — 108; 875—109; 875Д — 110;
883A — 111; 887A * — 112; (893)—114; 910B — 113; 910Д — 114, 115;
922—116; 923A * — 117; 928 * — 118; 929B — 119; 930—120; 945—121;
950—122; 960A—123; 968A * — 124; 982—125; 992 * — 126; 1000—127,
143; 1029—127; 1060—128; 1115—143; 1120—129; 1132—129; 1138—143;
1350—130; 1353—131; 1370 * — 132; 1370A * — 133; 1380 * — 134;
1381Д — 115; 1415—135; 1423 * — 136; 1525F — 137; 1528 — 142;
1529B * — 137; 1535—138; 1536B — 139; 1537—134, 140, 150; 1540—141,
142; 1563—143; 1640—144; 1641—145; 1642—146; 1644—146; 1654—147;
1696—148; 1698—149; 1725—150; 1920C — 151; 1920H — 152; 1960—147;
(2030)—153; 2034A * — 154; 2039A — 155; (2400)—156.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

73. Охотник и его скакун. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	8
74. Незлаяка. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	14
75. Лиса и мельник Чабукашвили. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	25
76. Последний. Перевод <i>Э. Нейман</i>	28
77. Волшебное дерево. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	36
78. Сын царя. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	46
79. Сказка о Полевой деве. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	49
80. Сын рыбака. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	56
81. Благодарный покойник. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	59
82. Царевич и царица женщин. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	72
83. Лампада. Перевод <i>Э. Нейман</i>	77
84. Крестьянин и птица. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	86
85. Сказка про царского сына, который не хотел учиться. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	90
86. Бей, дубишущка! Перевод <i>М. Гржендзица</i>	99
87. Царевич и деревянный конь. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	102
88. Сын бедняка и купец. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	107
89. Иван-богатырь. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	112
90. Сказка об ученых братьях. Перевод <i>Э. Нейман</i>	120
91. Плотник и его жена. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	125
92. Сказка про царя. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	130
93. Лесная девушка. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	134
94. Златокудрый сын. Перевод <i>Э. Нейман</i>	137
95. Златоволосый мальчик. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	140
96. О златокудых юноше и девушке. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	147
97. Агратия. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	150
98. Про цыганка. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	156
99. История курочки-павлички. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	158
100. Сновище. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	160
101. Два брата — богачей и бедняк. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	166
102. О кунице и его сыне, которому отроду было суждено иметь достаток в полторы конейки. Перевод <i>М. Гржендзица</i>	167

НОВЕЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ И АНЕКДОТЫ

103. Старец. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	174
104. Лжец и правдолюб. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	178
105. Волшебная свирель и свинпас. Перевод <i>Э. Нейман</i>	180
106. Истинная небыллица. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	183
107. Как красавицу обманули. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	185
108. Царевич и златокузнец. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	186
109. Царь и крестьянская дочь. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	189
110. Чем неправду выправить. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	194
111. Ошаренный пав. Перевод <i>А. Беставашвили</i>	196

112. Ума вдоволь, а харчей нет. Перевод А. Беставашивили	205
113. Повесть о бедном Фасо. Перевод А. Беставашивили	208
114. Сказка о дальновидном отце и легкомысленном сыне. Перевод А. Беставашивили	218
115. Округа. Перевод А. Беставашивили	219
116. Царь и свинопас. Перевод А. Беставашивили	221
117. Три сестры. Перевод М. Бирюковой	225
118. Царем быть — не ремесло. Перевод А. Беставашивили	227
119. Заработанный рубль. Перевод Н. Долидзе	232
120. Искатель счастья. Перевод М. Гржендзица	233
121. Разум или богатство? Перевод А. Беставашивили	236
122. Вдовый сын. Перевод М. Бирюковой	238
123. Не убивай меня, иначе перекасти-поле весть разнесет. Перевод А. Беставашивили	241
124. Преданный муж и изменница-жена. Перевод М. Бирюковой	242
125. Мулла и трое его сыновей. Перевод Е. Цулукидзе	244
126. Дочь визиря. Перевод Е. Цулукидзе	245
127. Два брата и лгун-хозяин. Перевод А. Беставашивили	248
128. Золотув. Перевод Н. Долидзе	251
129. Хозяин и работник. Перевод М. Бирюковой	253
130. Свиная ножка. Перевод Е. Цулукидзе	254
131. Старуха — черга похлеще. Перевод Е. Цулукидзе	256
132. Про лентяя. Перевод Н. Долидзе	258
133. Сын труда. Перевод М. Бирюковой	261
134. Про крестьянина и старосту. Перевод Н. Долидзе	263
135. Дружные супруги. Перевод А. Беставашивили	266
136. Сын мельника и три плешивых лгуна. Перевод М. Бирюковой	268
137. Бедняк и купцы. Перевод Е. Цулукидзе	270
138. Иваника и Симолика. Перевод М. Бирюковой	273
139. Попова жена. Перевод А. Беставашивили	276
140. Сказка о старосте и крестьянине. Перевод А. Беставашивили	277
141. Невестка и деверь. Перевод А. Беставашивили	280
142. Купец и бедняк. Перевод М. Бирюковой	282
143. Дьякон — безбородый обманщик. Перевод Н. Долидзе	284
144. Храбрый Сася. Перевод Е. Цулукидзе	288
145. Мнимый прорицатель. Перевод Е. Беставашивили	289
146. Дуреха. Перевод М. Гржендзица	290
147. Сирота и плешивый лгун. Перевод М. Бирюковой	292
148. Полторы горсти. Перевод Н. Долидзе	295
149. Трое глухих. Перевод Е. Цулукидзе	297
150. Бубенщик. Перевод М. Бирюковой	298
151. Пастух Бича. Перевод Н. Долидзе	301
152. Сирота и мельник. Перевод М. Бирюковой	303
153. Блоха и муравей. Перевод Н. Долидзе	304
154. Летучая мышь и травинка. Перевод М. Бирюковой	307
155. Коза и виноградник. Перевод Е. Цулукидзе	308
156. Царь и слуга. Перевод А. Беставашивили	309
Комментарий	311
Пояснительный словарь	312
Список сокращений	314
Источники	317
Типологический анализ сюжетов	322
Сводный указатель сюжетов (по АТ)	330

ГРУЗИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Книга 2

*Утверждено к печати
Редакцией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор *Т. М. Шацова*
Младший редактор *И. О. Хотинская*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Позоскина*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 15723

Сдано в набор 09.06.87. Подписано к печати 18.04.88. Формат 84×108^{1/2}. Бумага книжно-журнальная «Смысловар». Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 17,64. Усл. вр.-отг. 17,64. Уч.-изд. л. 18,99. Тираж 75 000 экз. Изд. № 6015, Зак. 2036.
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва Н-51, Цветной бульвар, 21, строение 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, П-473, Краснопролетарская, 16.

**Книги Главной редакции восточной литературы
издательства «Наука» можно предварительно заказать
в магазинах Центральной конторы «Академкнига»,
в местных магазинах книготоргов или потребительской
кооперации**

**ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:**

- 117192 Москва, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);